МОПАССАН

Ги де Мопассан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ
12

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА • 1958

Издание выходит
под общей редакцией
Ю. И. Данилина.

ПИСЬМА

В настоящем собрании письма №№ 2, 11—13, 15, 18, 19, 25, 26, 41—44, 50, 51, 54, 57, 60, 69, 92, 95, 113, 115, 116, 120, 121, 123, 124, 127—129, 131, 136, 137, 154, 158, 160, 171, 172, 199, 203, 212, 216—224, 232, 234—236, 238, 242, 259, 279, 308—313, 335, 340, 344, 346, 353, 361, 362 переведены *О. В. Моисеенко.*

Все прочие письма переведены *Н. И. Пожарским.*

I. ДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА

№ 1. МАТЕРИ

Ивето, 2 мая 1864 г.

Дорогая мама,

Список лучших учеников объявят сегодня днем, а сейчас, когда я начинаю это письмо, еще только утро. Только что узнал, что список объявят лишь завтра, во вторник, потому что ректор сегодня в Руане. У нас больше нет ни одного случая кори. Я потерял надежду получить книгу Расина; я думал, что у нас будет по крайней мере еще пять переводов на латинский, а будет только один латинский и два греческих. Я ничего не смыслю в этом злосчастном языке. Следовательно, и не жду ничего хорошего от греческого. Что же касается переводов на французский, то о наших успехах нам сообщат завтра; думаю, что результат будет хороший. Теперь у нас не предвидится классных работ раньше, чем через три недели. До окончания занятий я тебе больше не напишу. А потому давай договоримся, так как ты знаешь, что мы кончаем только в 7 часов вечера. Если Жермер вернулся, ты можешь поехать с тетей (она рассчитывает отправиться в экипаже) и таким образом выехать как можно позднее, не связывая себя ни поездом, ни необходимостью ночевать здесь. Напиши мне, что ты решила и как собираешься поступить.

Ну, вот и дождь! Уже давно мы его ждем. Хотел бы я знать, когда начинается лето по календарю.

Как поживает Анри? С ним ли еще его товарищи? Известно ли тебе, как скоро возвращается Жермер? Лучше ли он себя чувствует? Каникулы у него были достаточно продолжительные; пожаловаться он не может.

Ты скажешь, что я заговорил об этом несколько преждевременно, но если тебе безразлично, то вместо бала, который ты обещала мне в начале летних каникул, я попросил бы тебя устроить небольшой обед или опять-таки, если это тебе безразлично, дать мне только половину денег, которых стоил бы тебе бал, потому что это в значительной мере облегчит мне покупку лодки. Это единственная мысль, занимающая меня с начала занятий, и не только после возвращения с пасхальных каникул, но еще после возвращения с летних. Я не хочу покупать лодок, которые продают парижанам; они никуда не годятся. Я пойду к одному знакомому таможеннику, и он продаст мне судно, похожее на те, что видишь в нашей церкви, то есть рыбачье судно, совсем круглое внизу. Если я не получу первой награды, то надеюсь по крайней мере на похвальный лист.

У меня нет больше времени продолжать письмо сегодня, дорогая мама. До завтра.

Вторник

Я — второй по переводу с латинского. Ты видишь, что я таким образом вернулся в ряды первых учеников; я чуть было не стал первым: моя работа у двух учителей была оценена как первая. Но я — второй; отсюда следует, что ты мне должна 30 су и бабушка 30. Это даст мне 3 франка. Предстоит еще только одно письменное испытание по-латыни, и я уже не смогу заслужить книгу Расина. А если я получу один или два похвальных листа, подаришь ли ты мне эту книгу?

До свидания, дорогая мама, целую тебя очень крепко. Поцелуй за меня хорошенько Эрве.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 2. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ*

Этрета, воскресенье
[Апрель 1868 г.]

Дорогой кузен,

Я решил воспользоваться несколькими днями каникул, чтобы написать тебе, ведь мы так давно не виделись, что ты, верно, не знаешь, жив я или умер. С другой стороны, я потерял много времени за последние годы, и у меня нет в Ивето ни одной свободной минуты. Надо работать, работать без конца, если я хочу выдержать экзамены, и приходится ждать кратковременного отдыха, который приносят каникулы, чтобы написать тем, кто мне дорог. Право, какой-то рок мешает нам встретиться. Когда я жил в Руане в конце летних каникул, тебя там не было; когда же мать и тетка видели вас в Нёвиле, я уже находился в заточении в своей обители в Ивето. Не знаю, известно ли тебе это училище, — унылый монастырь, где царствуют священники, лицемерие, скука, и т. д., и т. п., откуда исходит запах сутан, который распространяется по всему городу Ивето и так пропитывает одежду, что никак не может выветриться в первые дни каникул. Желая избавиться от него, я только что прочел одно произведение Ж. Ж. Руссо. Я не знал его до сих пор, это *Новая Элоиза* — книга, которая послужила мне одновременно дезинфекционным средством и благочестивым чтением на страстной неделе.

Не помню, писал ли я тебе, что наш двоюродный брат Марсель Ле Пуатвен из Шербура приезжает сюда во вторник с женой и детьми, чтобы провести несколько дней вместе с нами. Я во что бы то ни стало хочу взять его с собой, показать окрестности, наши скалы, так как мне скучно гулять одному. Почему ты не навещаешь нас? Я провел бы тебя в долины и леса, неизвестные профанам, к источникам, которые бьют в наших огромных скалах, и здесь, перед лицом прекрасной природы, ты мог бы сочинить какое-нибудь хорошее стихотворение. Я знаю, что тебе не нужно всего этого, чтобы сочинять замечательные стихи, но, уве-

* Звездочкой отмечены письма, впервые появляющиеся в русском переводе или впервые приводимые полностью. Письма, незначительно дополненные, звездочкой не отмечены.

ряю тебя, здешние виды вдохновили бы тебя на стихи еще более замечательные, а у меня был бы по крайней мере спутник для прогулок.

Прежде чем кончить это письмо, я хочу обратиться к тебе с просьбой, в которой, надеюсь, ты не откажешь. Мне только что подарили альбом, в который я вставляю фотографии своих родственников и друзей, и в качестве таковых мне хочется поместить туда ваши фотографии, твои и Армана. Пожалуйста, пришлите мне их. Мама поручила мне попросить также фотографию тети Луизы. Прощай, дорогой Луи, мама и брат присоединяются ко мне, чтобы поцеловать тебя, Армана и вашу мать. Сердечно жмем руку дяде.

Ги де Мопассан.

№ 3. МАТЕРИ

1870 г.

Я послал к тебе кондуктора гаврского дилижанса с известиями о себе, дорогая мама. Но из опасения, что он не зайдет, шлю тебе весточку.

Я бежал вместе с нашей беспорядочно отступавшей армией; чуть-чуть не попал в плен. Перешел из авангарда в арьергард, чтобы передать пакет от интенданта генералу. *Отшагал 15 льё пешком.* Пробегав всю предшествующую ночь по различным приказаниям, я улегся на камнях в ледяном погребе; не будь у меня крепких ног, я был бы взят в плен. *Чувствую себя очень хорошо.*

Прощай. Подробнее напишу завтра.

Целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве. Привет всем; наилучшие пожелания Жозефе.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 4. МАТЕРИ

Париж, суббота [1870 г.]

Я напишу тебе еще несколько слов сегодня, дорогая мама, потому что дня через два сообщение между

Парижем и остальной Францией будет прервано. Пруссаки наступают на нас форсированным маршем. Исход войны не представляет более сомнений, пруссаки потерпят крах, они к тому же очень хорошо это чувствуют, и вся их надежда на то, что они одним ударом возьмут Париж; но мы готовы их встретить.

Я еще не ночую в Венсене и не тороплюсь обзавестись там ночлегом; я предпочитаю быть во время осады в Париже, а не в старом форте, в котором мы расквартированы: он ведь, несомненно, будет разрушен пушечными выстрелами пруссаков. Отец очень обеспокоен: он категорически желает, чтобы я поступил в Парижское интендантство, и дает мне самые смешные советы, как избежать несчастных случайностей. Послушать его, так я должен был бы попросить место сторожа при главном канализационном стоке, чтобы застраховаться от бомб. Робер будет при первых выстрелах в Сен-Море. Мобильная гвардия вооружена шаспо, вид у нее очень бравый. Медриналь написал мне, чтобы я ему одолжил свой лефошё; я хочу ответить, что обещал его уже кузену Жермеру. Г-жа Денизан предложила мне вчера билет в Оперу, я слушал *Немую из Портичи,* это очень красиво.

Фор-Дюжаррик, близко связанный с главным интендантом, предоставил себя в полное мое распоряжение, чтобы устроить меня наивозможно лучше, потому что казарменная жизнь очень скучна; он разыскал главного интенданта и еще раз поедет туда завтра. Я бы предпочел канцелярию или лагерь, но там живой души не увидишь; сообщение с армией стало очень затруднительно.

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве. Наилучшие пожелания Жозефе. Отец жмет тебе руку.

Твой сын

Ги де Мопассан.

Я страшно скучаю! Когда меня возьмут в интендантство, настанет прекрасное время! Медриналь может взять другое ружье.

№ 5. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

Руан, 27 сентября 1871 г.

Я получил два твоих письма, дорогой Луи. В данный момент я не болен, но меня обуяла лень; это и явилось причиной того, что я тебе не ответил.

Что касается деловых переговоров, то я откладываю их до твоего возвращения.

Эрнест, которого я только что видел, сказал мне, что Люси чувствует себя лучше; это — приятное известие, оно очень порадовало меня.

До скорого свидания, дорогой Луи; ведь твой приезд сюда ожидается в конце месяца.

Сердечно целую тебя и мою маленькую Люси.

Ги.

№ 6. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ, ОН ЖЕ «СИНЯЧОК»

14 августа 1873 г.

Дорогой Леон,

Сообщаю тебе, как обещал, новости о колонии в Аспергополисе. Я ночую там обычно две ночи в неделю и фехтую с Було от пяти до семи часов утра. Помимо этого, нового немного.

В воскресенье нас навестил Поль, приехавший из Шату с Бертой.

В довершение беды товарищ Поля, прибывший с ними, почувствовал себя очень плохо и оказался не в состоянии возвратиться в Шату, так что мне пришлось сесть в лодку в десять часов вечера, чтобы отвезти эту парочку странствующих голубков в их гнездышко; сие опасное путешествие я совершил безо всяких приключений.

Как много событий произошло с тех пор, как я начал это письмо!

Во-первых, мы с Мими и Нини побывали в Безоне. Нам захотелось покататься на лодке, но оказалось, что Гарашон сдал ее; такую же штуку он сыграл с нами и в прошлое воскресенье; мы стали ему за это вы-

говаривать, а так как ему, очевидно, было наплевать на наши слова, мы заявили, что пусть он больше на нас не рассчитывает и что я приеду в среду вечером заплатить остаток нашего долга. Поэтому пришли мне, пожалуйста, по почте пятнадцать франков, которые ты мне должен по предыдущему счету и которые он уже дважды требовал, а также твою долю платы за комнату; я не могу ничего за тебя уплатить вперед, потому что мне еще должны двадцать пять франков по этим несчастным аржантейским счетам, а мне необходимо расплатиться в среду вечером.

№ 7. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ, ОН ЖЕ «СИНЯЧОК»

Министерство морское
и колоний.

28 августа 1873 г.

Послание мэтра Жозефа Прюнье, лодочного навигатора безонских и окрестных вод, достопочтеннейшему Роктайаду, он же «Синячок».

Осушив многие чарки вступительные, принялись мы за пирование и испили:

2591 скляницу шато-икемского, коему имя тако речется того ради, что от оного зелия человека по сторонам шатает и он икать начинает;

678 скляниц доброго шалонского, коему имя тако речется того ради, что люди от него ошалевают;

746 скляниц мушкатного, коему имя тако речется того ради, что от него под мухой ходят;

27 941 скляницу маконского, коему имя тако речется того ради, что от него зело мозги размокают.

И стали мы после сего в веселие приходить. К нашим пантагрюэльским трапезам обычая не имея, старая задница Ток зачал очами ворочать весьма негоже и диковинно, а еще пуще того негоже и диковинно стал ворчать чревом, да на пол свалился и вовсе перестал ворочаться. Тут мы губками очищали его, обмывали его, оттирали его, поднимали его, уносили его, уложили его, раздели его, совсем обомлевшего, и стали у одра его творить моления и причитания всех карманников, всех бражников, винопивцев и им подобных, а он спал,

и храпел, и пускал ветры всю ночь неистовым образом, пока, наконец, не пробудился весь изломанный, разбитый, мятый, с расслабленной головой, шеей, спиной, грудью, руками и опрочими членами.

А назавтра мы подобное же творить стали.

И в день, в который господь бог, небо и землю создавши, от трудов праведных опочил, прибыли мы в Безон. И много дел содеял в оный день Прюнье, так же как и удивительных, чудесных и возвышенных подвигов в ремесле судоходном, а именно: отбуксировал от Безона до Аржантейя столь устрашительно великую парусоносную ладью, что мнил уже кожу с дланей своих на веслах оставить (а были в той парусоносной ладье две преотменные б...).

К сему *Жозеф Прюнье,*
командир «Этрета», руку приложил.

№ 8. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

[Этрета, сентябрь 1873 г.]

Дорогой Леон,

Я буду в Париже завтра, *в среду,* в четыре часа утра. Если ты не прочь, мы пообедаем и проведем вечер вместе. Мне очень хочется побеседовать с тобой и рассказать тебе архимножество всяких историй. Можешь себе вообразить, как мне досадно, что тебя нет здесь.

Всецело твой, до завтра.

Прюнье.

Я наскандалил!!!

№ 9. МАТЕРИ

24 сентября 1873 г.

Ты видишь, что я опять пишу тебе, но, по правде говоря, не могу ждать больше. Я чувствую себя таким растерянным, таким осиротелым и таким *деморализованным,* что вынужден просить тебя прислать мне несколько ободряющих страниц. Я боюсь наступающей зимы, остро чувствую свое одиночество; мои долгие одинокие вечера иногда ужасны. Когда я сижу один за

столом с печальной лампой, горящей передо мной, на меня часто находят минуты такого отчаяния, что я не знаю больше, к кому кинуться. В такие минуты прошлой зимой я часто говорил себе, что и ты, наверное, испытываешь ужасную тоску в продолжение долгих, холодных декабрьских и январских вечеров. Вот уже три месяца, как я вернулся к своей монотонной жизни.

Л. Ф. не может обедать со мной сегодня вечером, он обедает в городе; это наводит на меня скуку. Вместе мы могли бы немного побеседовать... Я написал сейчас, чтобы несколько рассеяться, одну вещицу в духе *Понедельничных рассказов*. Посылаю ее тебе; она, конечно, ни на что не претендует, ибо состряпана за какие-нибудь четверть часа. Попрошу тебя, однако, вернуть мне рукопись, потому что я могу использовать ее в дальнейшем. Там есть несколько не совсем правильных фраз, я исправлю их, когда будет нужно. Я очень хотел бы перенестись недели на две назад, а то действительно слишком уж быстро летит время, не имеешь возможности ни повидаться, ни побеседовать с друзьями, а по окончании отпуска говоришь себе: «Но как же это случилось? Я ведь только что приехал, я еще ни с кем не поговорил».

Прощай, дорогая мама, целую тебя тысячу и тысячу раз, так же как и Эрве.

Твой сын
Ги де Мопассан.

№ 10. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 23 сентября 1874 г.

... Я рассчитывал получить от тебя сегодня письмо, которое бы разъяснило мне подробнее, в каком состоянии находится дедушка и что происходит в Руане. Отец получил депешу от Шарля Дувра, приглашающего его приехать безотлагательно. Он не хотел туда ехать, опасаясь, что в такую минуту не сумеет взять себя в руки и его вынудят дать обещания, для него нежелательные. С другой стороны, он все еще не мо-

жет оправиться от несчастья, случившегося с ним по возвращении в Париж; волнение же, вызванное у него известиями из Руана, окончательно доконало его, и он сегодня снова слег с лихорадкой и кашлем. Мать тоже лежит в постели эти дни из-за своих нервных припадков; если сегодня ей станет лучше, она поедет в Руан повидаться в последний раз с нашим бедным дедушкой. Мне невозможно отлучиться из министерства, а то я давно был бы в Руане. Но все же я думаю, что мне удастся приехать на похороны.

Твоя мать написала моему отцу письмо, из которого можно было заключить, что дедушка уже умер. Она пишет: «В секретере отца нашли только 3 330 франков, и это очень беспокоило несчастного *в его последние минуты...*»

№ 11. МАТЕРИ *

Министерство морское
и колоний.

Париж, 30 октября 1874 г.

Дорогая мама,

В те дни, когда готовилась кровопролитная война между Францией и Германией, завсегдатаи казино в Этрета взволнованно обсуждали вопрос о том, будут воевать или нет. Вдруг высокий и тонкий молодой человек, по-видимому, англичанин, сказал: «Держу пари на 500 талеров, что войны не будет». Слово «талер» заставило окружающих насторожиться. Какой-то юноша сделал замечание по-немецки; англичанин ответил ему на том же языке. Когда война была объявлена, названному англичанину пришлось покинуть Францию: правительство упорно считало его немцем. Теперь он опять живет в Этрета, зовут его мистер Броун. Все эти подробности я узнал от Жео, который прекрасно его знает, но никогда не принимал его за англичанина.

Я пришлю тебе на днях рассказ моего друга Лаффайя под заглавием *Даниель*. Это *замечательная* вещь. Как только ты прочтешь рассказ, отошли мне номера *Пари-Журналь*, в которых он напечатан.

Постарайся найти для меня сюжеты новелл. Днем

в министерстве я мог бы немного работать. Ведь по вечерам я пишу стихи, которые пытаюсь напечатать в каком-нибудь журнале.

Вот несколько подробностей о нашем роде, найденных в старых бумагах, которые я просматриваю в настоящее время. Чины и звания Ж. — Б-та де Мопассана: кавалер, кабинет-секретарь его величества, советник по делам Великой коллегии, по делам Королевского дома, Французской короны и ее казны, дворянин Священной Римской империи, член Совета его величества в бозе почившего императора, председатель Опекунского совета по управлению имуществом его высочества покойного монсеньёра принца де Конде и старейшина личного Совета его высочества светлейшего монсеньёра Луи де Бурбона, графа Клермонского, принца крови.

Его супругой, портрет которой у нас есть, была Мари-Анна де ла Марш. Крестным отцом ее сына, Луи-Камилла де Мопассана, был Луи де Ган де Мерод де Монморанси, а крестной матерью — Маргарита-Камилла де Гримальди Монакская. Его бракосочетание с девицей д'Авиньон, невесткой маркиза д'Алигр, произошло в присутствии и с согласия высочайшего, могущественнейшего и высокочтимого принца монсеньёра Луи де Бурбона, графа Клермонского, принца крови, и высочайшего, могущественнейшего монсеньёра маркиза д'Алигр, председателя парламента. Посредством брачных уз мы связаны с де Барами, с Клодом-Дени Дора де Шамёбль, командором ордена св. Лазаря, с Тексье де Монтенвилем де Брикевилем и с Жаком Габриелем Базеном, маркизом де Безоном, генерал-лейтенантом армий короля, с маркизом де Куртавелем и т. д.

Как только мой книжный шкаф будет готов, прикажи упаковать его. Я думаю, Эрве сможет доставить шкаф в Фекан с помощью Исидора, таким образом, это ничего не будет стоить. Пересылка же его багажом из Этрета в Фекан, отстоящих друг от друга на десять километров, обойдется в один франк. Я хочу, кроме того, попросить Эрве отправить мне шкаф по железной дороге *большой скоростью,* ибо разница в цене составит всего-навсего 14 су. Я специально справлял-

ся о железнодорожном тарифе в прошлую субботу. Сегодня уезжаю с вечерним поездом 6.30, чтобы провести весь завтрашний день с Луи. Флобера повидаю утром.

Конкурс Гэте отложен до 15 марта; это меня вполне устраивает, ибо до тех пор я успею что-нибудь закончить. Я переделал план г-на де Бофретона, и думаю, что теперь дело пойдет. Но прежде всего мне надо кончить одну вещь. Если хочешь, я пошлю тебе по почте несколько новых книг, которые возьму в книжном магазине «Новый год». Между прочим, появился новый роман Альфонса Доде *Фромон младший и Ислер старший*. Я прочел из этой книги всего несколько страниц, но в них много поразительно верных и очень занятных наблюдений. Я видел на днях г-на Фонтэна и передал ему сплетни, ходящие в Этрета. Оказывается, все уже знают, что мадмуазель Буайе — незаконная дочь. Семейство Фонтэнов тоже знало об этом, но молчало.

Отец опять лежит; он получил растяжение, *упражняясь с гирями*. Вот вид спорта, который ему, по-моему, следовало бы бросить!!! Моя кровать будет готова только недели через две. Ее колонны и среднее панно приблизительно таковы [1].

Скульптурные украшения, которые я едва наметил, удивительно изящны и полностью сохранились, но реставрация потребует большой затраты времени. Рисунок, находящийся посреди большого переднего панно, оригинален и придает всей кровати особый шик.

У отца красивая кровать, но она заново переделана. В ней почти ничего не сохранилось от старины. Зато моя кровать вся старинная, частично восстановлены лишь некоторые скульптурные украшения, внутренняя обивка и панно с гербом. Мой стенной фламандский ковер (не имею представления, к какому веку он относится) будет выглядеть очень выигрышно в рамке этих старинных колонн.

Я видел Жермера в среду вечером. Он чувствует себя превосходно. Я сообщил ему о возвращении его матери. Тут Жермер вспомнил, что в кармане у него лежит письмо, начатое дней пять тому назад, о котором

[1] К письму приложен рисунок. (*Ред.*)

он совершенно позабыл. Он наскоро кончил письмо и бросил его в почтовый ящик.

Мой привратник все еще ищет покупателя. Он продает спаньеля, свою маленькую охотничью собачку. Ты мне говорила как-то, что знаешь одного любителя собак. За спаньеля просят 25 франков.

Прощай, дорогая мама. Целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве. Привет всем. Наилучшие пожелания Жозефе.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 12. МАТЕРИ *

Париж, 26 ноября 1874 г.

. . . . . .

...За последние два дня здесь сильно похолодало. Утром на градуснике было 3°, причем 3° ниже 0, но погода налаживается. Сегодня очень ясно, и солнце светит вовсю.

Отец чувствует себя неплохо. Он по-прежнему страдает от ревматизма, но не больше, чем за последние годы. Меня удивляет, что ты так давно не получала от него писем, ведь около недели тому назад он мне сказал, что пишет тебе.

Я собираюсь предложить мою пьесу *В старые годы* Одеону через Ремона Деланда; буду при этом умолять, чтобы они не задержали пьесу слишком долго, иначе я не успею представить ее на конкурс Гэте, если в Одеоне ее постигнет та же участь, что Эдмона, когда он держал экзамен на звание бакалавра. Впрочем, мне хочется отложить все свои дела, чтобы заняться маленькой одноактной комедией, которую я, возможно, успею закончить до конкурса. Мне кажется, она получается недурно. Вот вкратце ее содержание:

Действие происходит в загородном поместье. Брак по расчету. Двое пожилых людей — вдовец и вдова — гуляют, беседуя, по парку, и мужчина предлагает спутнице стать его супругой. О любви между ними не может быть и речи, но им следует объединить свою злосчастную судьбу, чтобы почувствовать себя менее оди-

нокими. (Тут между ними происходит довольно забавный разговор.) Женщина насмехается над претендентом, говоря, что из них поистине получится прекрасная пара. В эту минуту на сцену выходят под руку двое молодых людей — друг пожилой четы и дочь хозяина дома. Старая женщина указывает на них своему спутнику, говоря: «Вот они-то могут говорить о любви и о браке». Старики удаляются, чтобы дать место молодым. Новое объяснение (между молодыми). Противопоставление характеров старой и молодой четы. Юноша говорит девушке, что любит ее и все же не смеет помышлять о браке. Он богат, свободен, сам пробил себе дорогу, но он незаконный сын. Девушка просит, однако, влюбленного обратиться к ее отцу. Появляется отец. Предложение и отказ. Отец не хочет отдавать свою дочь незаконнорожденному. Выходит на сцену пожилая чета, они все слышали. «Прошу прощения,— говорит старик,— юноша — законнорожденный, так как я признаю его своим сыном». «Прекрасно,— отвечает отец девушки,— папаша найден, но нам долго придется разыскивать мать». «Прошу прощения и я,— вмешивается пожилая женщина,— я тоже признаю юношу своим сыном. Пусть он будет счастлив и т. д.». И таким образом она соглашается принять предложение своего старого друга, которое только что отклонила. Мне кажется, из этого может получиться забавная одноактная комедия, но успею ли я написать ее до открытия конкурса Гэте? Мне не особенно хочется давать комедию для утренников Балланда, ибо, согласно уставу этого общества, покровительствующего неизвестным авторам, всякая пьеса, продвинутая им, наполовину принадлежит его учредителям. Это значит, что общество на веки вечные будет получать половину авторского гонорара, в каком бы театре ни шла данная пьеса.

Ты мне писала дней двенадцать тому назад, что мой книжный шкаф будет отправлен через два—три дня. Я вытащил из платяного шкафа все свои книги, они ужасно меня стесняли, и сложил их на столе, но так как книжный шкаф не прибыл, я пишу теперь, держа книгу на коленях, до того у меня стало тесно. Не послала ли ты книжный шкаф малой скоростью?

Надо будет зайти на станцию и справиться: возможно, они ждут, чтобы адресат сам явился за ним.

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве. Поклон Жозефе.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 13. МАТЕРИ *

Среда [Начало 1875 г.].

Дорогая мама,

Не знаю, отправлю ли я сегодня это письмо, потому что мне надо подробно рассказать тебе о руанских делах. Я не стану описывать всю церемонию. Эрве расскажет тебе о ней. Займусь только делами. Я повидался сначала с г-ном Кюлленбуром, и, к моему огромному удивлению, он посоветовал мне попросту отказаться от наследства. Я возразил на это, что, помимо денежных интересов, такой поступок кажется мне не особенно честным. Вот что он мне ответил: «Конечно, если имеется только один наследник, отказ от наследства является в то же время отказом от обязательств, взятых на себя покойным, но в вашем случае это не так. Вы уже давно были в ссоре с г-ном де Мопассаном. Он остался вам должен. Вы знаете, и все знают, что г-жа Корд'ом получала от него деньги за вашей спиной. Между тем вы ничего не требуете, вы отказываетесь от своей доли, предоставляя заботу об упорядочении дел другому наследнику, который — и это всем известно — имел общие имущественные интересы с умершим». Лично я глубоко убежден, что после него не осталось долгов, ибо служанка Альфонсина говорила всем и каждому, что она оплатила наличными последние расходы г-на де Мопассана. Я попросил г-на Кюлленбура, которому, впрочем, незачем вмешиваться в это дело, оставить все идти своим чередом. Затем Луи представил меня г-ну Готье. Это умный малый, друг Луи, которому уже давно известны дела семейства Мопассанов. Он будет представлять отныне своего отца. Сперва он говорил со мной в том же духе, что г-н Кюлленбур, но, выслушав мои доводы, согласился со мной. Он тоже ду-

маст, что после моего деда не осталось никаких долгов и что с нас ничего не станут требовать. Говоря «ничего», я неправ. Могут поступить две претензии: первая — от Клэр Ренар, которой мы напомним в ответ о 18 000 франков, выданных авансом ее отцу моим дедом, вторая — от суда, и вот по какому поводу: во время войны леса Нёвиля были вырублены жителями Ромийи, и дед, потребовавший возмещения убытков от этой общины, проиграл процесс и был приговорен к уплате судебных издержек в сумме 1 800 фр. Он даже просил тогда заимообразно у Луи 500 фр., чтобы подать кассационную жалобу, и все думали, что он выиграет новый процесс, ибо жалоба была вполне обоснована. Ввиду отказа Луи он не подал жалобы. Вот почему он фиктивно продал свою мебель Альфонсине, и когда пришли описывать его имущество для уплаты 1 800 фр. судебных издержек, он предъявил документ о продаже. По его словам, он не хотел платить, ибо по чистой совести не считал себя обязанным это делать. Ты поймешь, что нам не стоит беспокоиться об этом долге, который, в сущности, не является долгом. Вероятнее всего, с нас ничего и не потребуют, так как судебные издержки — дело сугубо личное.

Я буду тебе регулярно сообщать все новости, касающиеся этого дела.

Хочу рассказать тебе об одном случае, происшедшем со мной на днях. Проходя по улице Нотр-Дам де Лоретт, я заметил скопление народа и приблизился. Оказывается, какой-то простолюдин жестоко избивал ребенка лет десяти. Я рассвирепел, схватил негодяя за шиворот и отвел его в участок на улице Бреда. Выяснив, что ребенок — его сын, полицейские дали мне понять, что я вмешиваюсь не в свое дело, ибо отец вправе наказывать сына за непослушание. Я ушел восвояси, так ничего и не добившись. А знаешь, почему? Ведь если бы дать ход делу и занести в протокол, что человек был задержан частным лицом, комиссару пришлось бы дать взбучку полицейским с улицы Нотр-Дам де Лоретт за то, что их не оказалось на месте в момент происшествия...

Я получил приглашение на бал к г-же Шоде. Тра-

ур послужит мне, конечно, предлогом не ходить туда. Возможно, г-жа Корд'ом переедет жить в Париж. За последнее время она вела себя омерзительно по отношению к Луи. Когда ей посоветовали уступить г-ну Пино часть, принадлежащую Корд'омам, вместо того, чтобы ликвидировать торговую фирму, она ответила: «Не все ли мне равно, раз я ничего не получу! Эти деньги пойдут Луи, а чем меньше он получит, тем будет для меня приятнее». Говорят, что Шарль Дувр очень болен, у него как будто камни в почках.

Я видел вчера Эдмона Фребура; его мать, кажется, еще нездорова, да и он, впрочем, тоже.

В субботу я обедаю у Арнуа; я не видел их уже давно, так как поездка в Руан нарушила все мои планы. Получил от г-жи Комманвиль очень занятное письмо. Я сообщил ей перед этим о смерти деда. Она ответила мне: «Каковы бы ни были ваши чувства, вызванные кончиной г-на де Мопассана, можете быть уверены, что я вполне разделяю их». Что ты на это скажешь, хорошо она вышла из положения?

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве. Привет всем. Наилучшие пожелания Жозефе.

Поскорее напиши о себе.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 14. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

20 февраля 1875 г.

Дорогой Луи,

Так как я не мог отлучиться из канцелярии, чтобы выполнить твою просьбу,— ведь для поездки в Нёйи мне потребовалось бы, по крайней мере, полдня,— я попросил Робера Пеншона, он же *Ток,* он же *Термометр,* он же *Стоградусник,* он же *Реомюр,* взяться за это дело вместо меня.

Итак, в прошлый четверг он отправляется с легким сердцем в путь и вскоре стучится в дверь дома господина Аполлона Лельё.

Он застает наследников пьющими и поющими.

Он излагает свою миссию.

Все впадают в грусть и высказывают соображение, что без перевозочных средств обойтись будет трудно. Ток в приступе благородной гордости уверяет, что заберет все, и вскоре он уже сидит с тяжестью на сердце, хотя и меньшей, чем его груз, на скамье проспекта Нёйи, имея в наличии следующие предметы, оцениваемые приблизительно в нижеследующую сумму.

Оценка:

Старый кайман длиной в 2,5 метра от переднего гнилого зуба до хвоста	0.50
Старое ружье, присоединенное наследниками к дару из опасения, что оно заряжено . .	1.50
Спинной мозг копченой селедки	0.10
Кенгуровая гребенка	0.05
Кость от меч-рыбы	0.10
Стрелы, отравленные от соприкосновения с кайманом	0.05
Старая тросточка. Без цены	0.00
Топор, приобретенный в качестве антикварного предмета, но включенный в завещание после установления того, что он никакой ценности не имеет. Стоимость бронзы на вес	0.05
Итого . .	2.35 фр.

Робер Ток, вынужденный взять фиакр для перевозки означенных страховидных предметов, требует:

За наем экипажа, взятого по ту сторону укреплений	2.50
За перевозку груза	0.50
Итого . . .	3.00 фр.

Что прикажешь делать? Я не могу поехать в Руан раньше чем через месяц, а стоимость перевоза и упаковки (потому что потребуется ящик) введут тебя в значительный расход.

В качестве бесплатного приложения присоединяется лебединая песнь Аполлона Лельё. Вот она:

(Дальше следуют две строфы шутливой песни, построенной на игре слов.— *Ред.*)

И он испустил дух...
Да постигнет такая же судьба и твоих врагов.
Прощай, дорогой Луи .. Весь твой

Жозеф Прюнье.

Искренний привет супруге. Поклонись от меня г-ну Эрну.

№ 15. МАТЕРИ *

Париж, 8 марта 1875 г.

Дорогая мама,

Несчастный отец сейчас очень взволнован, очень огорчен. Ты знаешь, что мы поручили вести наши руанские дела некоему г-ну Г., другу Луи. Правда, я сначала противился этому, но отец, Луи и г-н Эрну без конца повторяли мне, что он сделает все бесплатно, по-дружески, и я решил познакомиться с г-ном Г., когда был в Руане. Мне не слишком понравилась иезуитская физиономия этого субъекта, но так как он предложил свои услуги, заверив меня в своей неограниченной преданности, я попросил его привести в порядок наши дела. На мой вопрос о наследстве он мне ответил, что, насколько ему известно, долгов за г-ном Мопассаном не осталось. И вот сегодня г-н Г. написал отцу, прося перевести на его имя 250 фр.: 150— на покрытие первых расходов (между прочим, 30 франков за составление инвентаря, ибо он не был сделан за отсутствием обстановки и заменен простым протоколом) и дополнительно 100 фр., которые мой дед уже несколько лет был должен ему, Готье, за продажу Нёвиля.

Что ты на это скажешь? Этот господин, заверивший меня в том, что за г-ном Мопассаном не осталось долгов, хочет взыскать с меня 100 фр. лично для себя. Но самое замечательное, что он даже не приступал к инвентаризации, за которую требует 30 франков.

Луи пишет мне письмо за письмом, спрашивая, куда отправить портрет отца, который оставили у него: он не знает, что с ним делать. Я попросил его спра-

виться, сколько будет стоить упаковка, и послать портрет в Этрета.

Я страшно сердит на Помеля: черные брюки, которые он мне прислал, не только плохо сидят, но сукно он поставил такое отвратительное, что я уже почти износил их, хотя надевал всего семь или восемь раз. Стоит их надеть, как они лопаются в каком-нибудь месте. Сиденье уже все расползлось. Моя консьержка только и знает, что зашивает брюки и ставит на них заплаты.

Ты спрашиваешь, что такое *Дочь Роланда* г-на виконта де Борнье (!). Эта пьеса, изобилующая благородными чувствами, написана в стиле Казимира Делавиня (и даже еще хуже) старым библиотекарем в Арсенале; он всю свою жизнь писал пьесы, от которых отказывались все театры, и наконец пристроил *Дочь Роланда* во Французскую комедию, где она идет уже *15 лет*.

Я и несколько друзей собираемся сыграть в мастерской Лелуара *непристойнейшую пьесу* в присутствии Флобера и Тургенева. Стоит ли говорить, что это — наше собственное произведение? Что касается творческой работы, посылаю тебе недавно написанное мной стихотворение.

Прощай, дорогая мама. Целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве. Поклон Жозефе.

Твой сын
Ги де Мопассан.

№ 16. ЭДМОНУ ЛАПОРТУ

Министерство морское
и колоний

13 апреля 1875 г.

Милостивый государь и дорогой друг,

Торжество, наконец, назначено на понедельник 19-го сего месяца. Допущены будут только мужчины в возрасте свыше 20 лет и женщины, предварительно потерявшие невинность. Королевская ложа будет занята тенью великого маркиза...

Таковы вкратце меры, которые мы сочли нужным

принять для обеспечения порядка и спокойствия в зрительном зале. Надеюсь, вас не удивят те, быть может, несколько преувеличенные меры предосторожности, к которым мы вынуждены, тем не менее, прибегнуть.

Г-н Гюстав Флобер крайне удивлен тем, что уже давно не получает от вас никаких известий. Он поручил мне пригласить вас к нему на завтрак в ближайшее воскресенье (в канун!) к 11 часам. Мы поговорим о *событии.*

До скорого свидания, милостивый государь.

Крепко жму вашу руку.

Ги де Мопассан,

Ул. Моисэ, 2.

№ 17. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

Среда [апрель 1875 г.]

Милостивый государь,

Вчера, по возвращении из Нормандии, для меня было очень приятным сюрпризом найти у себя *Проступок аббата Муре,* который вы столь любезно мне послали.

Несколько слов, написанных на первой странице, доставили мне живейшее удовольствие.

Я только что кончил читать эту книгу и, если мое мнение может иметь для вас какую-либо цену, скажу вам, что считаю ее превосходной и исполненной исключительной мощи; я в совершенном восторге: лишь очень немногие из прочитанных мною книг произвели на меня столь сильное впечатление. К тому же я с истинной радостью отметил, что газеты, которые до сих пор были вам враждебны, принуждены, наконец, капитулировать и восхищаться.

Что касается лично меня, то от начала до конца книги я испытал странное ощущение: я не только видел, но как бы вдыхал то, что вы описываете, ибо от каждой страницы исходит крепкий, дурманящий аромат. Вы заставляете нас ощущать землю, деревья, брожение и произрастание; вы вводите нас в мир такого изобилия, такого плодородия, что это ударяет в голову. Признаюсь, что по окончании чтения, вдох-

нув глоток за глотком и «мощные ароматы земли, спящей в поту, иссушенной зноем страсти и млеющей, словно разметавшаяся под солнцем пылкая, бесплодная женщина», и благоухание Евы из Параду, «подобной пышному душистому букету», и опьяняющие запахи парка *«Брачное уединение»,* кишащего спаренными существами, и даже зловонием *бесподобного* брата Арканжиа, «смердящего, как козел, ненасытный в своей похоти», я заметил, что совершенно охмелел от вашей книги, да и сверх того пришел в сильное волнение!

Надеюсь, милостивый государь, что буду иметь удовольствие видеть вас в воскресенье у Гюстава Флобера и смогу рассказать о том большом наслаждении, которое вы мне доставили.

В ожидании этого примите мою благодарность и искренние выражения совершенной преданности.

Ги де Мопассан.

№ 18. МАТЕРИ *

Суббота, 8 мая 1875 г.

Дорогая мама,

Ты просила сообщить тебе все наиболее интересные подробности о наших взаимоотношениях с Луи, и я спешу удовлетворить твое желание. Названный Луи приезжает в Париж и, не зная, что ему делать, отправляется к нашему общему другу Пеншону; он ни слова ему не говорит о своем затруднительном положении и лишь просит уведомить моего отца о том, что приехал. Отец отвечает на это, что Луи может к нему не являться. Он все же пришел, но не к отцу, а к Эврару. Свидание длилось минуты две и было довольно холодно. Мне же Луи передал, опять-таки через Пеншона, что остановился в отеле «Европа». Через того же Пеншона я ответил ему, что по-прежнему живу на улице Монсэ, 2. В течение трех дней — ни слуху, ни духу. Еще до этого отец получил приглашение зайти к ним, но не зашел. И вот в субботу вечером мы все встретились у г-жи Денизо; Луи и Люси были чрезвычайно любезны, как

люди, чувствующие себя весьма неловко, и на следующее утро Луи пришел ко мне. Он очень настойчиво звал меня в Руан, словно между нами ничего не произошло; я ответил уклончиво. Он несколько раз спрашивал меня, куда послать картину. Я посоветовал ему обратиться с этим вопросом к отцу, но он этого не сделал.

Итак, мы не в ссоре, но отношения у нас натянутые. Луи тщательно избегал всего, что могло навести разговор на деловые темы, и о делах, таким образом, ничего не было сказано.

Моя повесть еще не закончена, ибо два—три места вызывают у меня сомнение; я расскажу тебе об этом через неделю. Мне кажется, что придется сильно сокращать.

Я открыл в двух километрах от Безона прекрасный лес; он находится по ту сторону леса Шампион, о котором я уже тебе писал. Место это малоизвестное и совершенно пустынное, по лесу разбегаются очаровательные зеленые тропинки, а в его листве словно собрались все птицы, изгнанные из слишком людных окрестностей Парижа. Я вернулся туда после обеда, в сумерках, и услышал трех соловьев, перекликающихся друг с другом; пели они *чудесно*. Если бы я мог купить поместье в окрестностях Парижа, то, конечно, выбрал бы этот маленький затерянный лесок.

Мне очень нужна одна небольшая справка. Если Эрве не может ответить на мой вопрос, попроси его обратиться к компетентным людям. «Когда по методу XXX (немецкому) складывают хлеб в скирды, чтобы скорее его просушить за счет внутреннего тепла,— *не может ли хлеб неожиданно загореться*, как сено, иными словами, возможен ли этот процесс?» Мне кажется, что да, но Бодри, который неплохо знает сельское хозяйство, утверждает, что нет. Дело в том, говорит он, что хлеб скирдуют, когда он уже высох, ведь только сухим его и убирают, тогда как траву косят зеленой, и сено в стогах не всегда бывает вполне сухим. Ты и без объяснения поймешь, что эта справка нужна мне для Флобера. Я напишу ему в Круассе, ибо он уезжает из Парижа завтра утром.

Я еще не удосужился побывать в Салоне,— по правде сказать, жду, чтобы мне дали пригласительный билет, не хочется платить за вход. У Белланже приняли одну картину, но это такая мазня, что все над ней смеются. Право же, он не крупный художник. Брат моего друга Лелуара только что продал за 20 000 франков выставленную им картину. Это совсем неплохо для двадцативосьмилетнего человека. Картина небольшая и называется *«День рождения дедушки»*.

Лаффай не хочет ехать со мной на троицын день, так как он должен быть по делам в Тулузе, но обещал провести у нас дня два в сентябре.

В каком виде вернулись в Этрета дамы Фребур? Как та, так и другая, наверное, порядком поблекли? И какую встречу устроила мамаша Фомель двум блудным дочерям? Был ли заклан жирный телец?

Прощай, дорогая мама, от всего сердца целую тебя и Эрве. Поклон Жозефе.

Твой сын

Ги де Мопассан.

Г-жа д'Эшерни обещала послать тебе то средство, которое помогло всему семейству Бюссьеров избавиться от солитера, когда они были в Швейцарии.

№ 19. МАТЕРИ *

Париж, 29 июля 1875 г.

Дорогая мама,

Наконец-то наступила хорошая погода, и я надеюсь, что это поможет тебе сдать дом. Сегодня стоит небывалая жара, и последние парижане, наверное, сбегут из города. Лично я занимаюсь греблей, купаюсь, опять купаюсь и занимаюсь греблей. Крысы и лягушки так привыкли видеть в любой час ночи мою лодку с фонарем на носу, что неизменно являются меня приветствовать. Я управляю своей тяжелой лодкой так, словно это ялик, и гребцы, мои приятели, живущие в Буживале (в двух с половиной льё от Безона), бывают чертовски поражены, когда в полночь

я захожу попросить у них стаканчик рома. Я все еще работаю над сценками из лодочной жизни, о которых тебе говорил, и полагаю, что из них получится довольно забавная и правдивая книжка, если выбрать лучшие истории из жизни знакомых мне гребцов, дополнив их, приукрасив, и т. д., и т. п.

На будущий год в Безоне проведут трамвай и городок станет неузнаваемым. Если бы у меня были деньги, я купил бы прекрасный участок, который сейчас как раз продается. Участок находится в Безоне, на самом берегу реки, 9 000 кв. метров превосходной земли по 1 фр. 50 сантимов за метр. Я, без сомнения, перепродал бы его через два года по 4 фр. за кв. метр, но как будто уже имеются серьезные покупатели.

Г-н Депрель должен быть в настоящее время в Этрета.

Эдмон Фребур пользуется огромным успехом в Шату. Отец слышал в поезде разговор какого-то господина с дамой (оба в шляпах канотье), утверждавших, что они в жизни не встречали такого остроумного и веселого молодого человека. Вчера вечером то же мнение было высказано при мне в многочисленном обществе, и я смиренно осмелился *слегка* усомниться в этом!!! Меня чуть не растерзали, тогда я поспешил заявить, что совершенно некомпетентен в этом вопросе и вполне полагаюсь на мнение своих досточтимых оппонентов. И все же меня освистали... Только один молоденький итальянец, плохо говорящий, но прекрасно понимающий по-французски, засмеялся, и мне показалось, будто смеется он не надо мной.

Ты спрашиваешь, когда я приеду хотя бы на день в Этрета. Увы, мне очень этого хотелось бы; я тоскую, особенно сейчас, по родным местам, и, когда стоят вот такие жаркие дни, мне все время мерещится наш пляж, залитый солнцем, и я словно вижу своих «ребят» то на одной улице, то на другой, но, право же, у меня нет никакой возможности приехать: я сижу на мели, без гроша в кармане. Я погашаю долг отцу, который дал мне денег на реставрацию кровати, и выплачиваю ему каждый месяц по 10 фр., а это очень тяжело, особенно теперь, когда наступил сезон гребного спорта, да еще с моим скудным бюджетом, где

строго учтены даже расходы в 2 франка. Как ни стараешься экономить, едва удается выкроить эти 10 фр., и я спрашиваю себя в начале каждого месяца, как дотяну до конца.

Семейство Комманвилей действительно прекратило платежи, а ведь Гюстав Флобер вложил туда часть своего состояния. Бедняга очень несчастлив.

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве. Наилучшие пожелания Жозефе.

Отвечай мне скорее.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 20. МАТЕРИ

Министерство морское и колоний.

Париж, 3 сентября 1875 г.

Итак, все кончилось, дорогая мама, и как быстро! В продолжение одиннадцати месяцев, долгих месяцев, я жду этих двух недель, составляющих мое единственное удовольствие в году, а они проходят так скоро, так скоро, что сегодня я задал себе вопрос, как могло случиться, что все уже кончилось. Уж не сон ли это, что я поехал в Этрета и пробыл там полмесяца? Мне кажется, что я не покидал министерства, что я все еще жду своего отпуска... окончившегося сегодня утром. На этот раз вдобавок мой отъезд был омрачен страшной мыслью о полном одиночестве, в котором ты окажешься этой зимой. Предвижу долгие вечера, которые ты будешь проводить одна в печальных думах о тех, кто далеко, в думах, после которых будешь больна и подавлена. И, конечно, очень часто, в течение бесконечных зимних вечеров, когда я буду работать в своей комнате, мне будет мерещиться, как ты сидишь на низком стуле и пристально смотришь на огонь, подобно людям, уносящимся мысленно далеко-далеко.

А кроме того, несмотря на страшную жару и безоблачное небо, я сегодня впервые ощутил зиму. Я только что взглянул на Тюильри: деревья уже без листвы, и мне представилось, что на меня внезапно

налетел ледяной и снежный порыв; я подумал о лампах, зажженных в три часа дня, о дожде, бьющем в ставни, о страшном холоде, и все это в продолжение долгих месяцев...

Как хорошо было бы очутиться в стране, где всегда греет солнце!

Напрасно я пишу тебе обо всем, что приходит мне на ум. Ты и так расположена видеть жизнь в черном свете, я же еще больше опечалю тебя своими сетованиями. Но трудно смеяться, когда не испытываешь к этому ни малейшего желания, и, уверяю тебя, мне сейчас совсем не до смеха.

Небо совершенно голубое. Я никогда не ощущал так явственно, как сегодня, разницу между светом в Этрета и в Париже. Мне кажется, что здесь я ничего не вижу, словно у меня какая-то пелена на глазах. Но, черт подери, здесь жарче, гораздо жарче. Как хорошо было бы выкупаться в море!

Отовсюду ужасно смердит; я нахожу, что навозная куча твоего мясника пахнет превосходно по сравнению с парижскими улицами.

Мой начальник ворчливее, чем обычно. Вот уж брюзга!

Мы правильно высчитали: день всех святых будет в понедельник; я смогу, следовательно, приехать; но, к сожалению, Новый год приходится на субботу, так что у меня окажется самое большее три дня вместо четырех, как это было в прошлом году. А если будущий год не високосный, то Новый год придется на воскресенье, и у меня будет только два дня. Но до тех пор у нас еще хватит времени рассчитать все как следует.

Сегодняшний день кажется мне бесконечно долгим, более долгим, во всяком случае, чем две недели, только что проведенные в Этрета.

Сейчас половина пятого; я пришел в канцелярию в половине первого, а мне кажется, что мое заключение здесь длится по крайней мере часов десять. Честное слово, я не испытываю никакого желания ехать в Безон. Я видел его издали сегодня утром, когда проезжал по мосту. Он показался мне до такой степени безобразным, что у меня нет ни малейшей охоты про-

вести там хотя бы день. Это самое голое и открытое место из всех, какие я знаю, и все же горизонт там показался мне узким и ограниченным. Наверное, потому, что только тот горизонт кажется широким и открытым, который мил глазу и дорог сердцу.

№ 21. МАТЕРИ

Вторник, 14 сентября [1875 г.]

Вчера вечером, выходя из канцелярии, я встретил на Гаврской улице Готье. Он собирался ехать поездом в Шату. Вечером видел Жуанвиля и Леона Фонтэна.

Париж пуст, пуст, пуст. Я не повстречал никого, кто походил бы на человека, хоть раз в жизни побывавшего в гостиной, даже если он лишь разносил там прохладительные напитки. На улице Рояль едва можно было насчитать одновременно десять прохожих, да и те были блузниками. Никогда еще *я не видел подобной* пустыни. Это удивительно. Тишина и странное спокойствие этого большого города, обычно столь бурного, действуют угнетающе. Можно подумать, что по нему прошла чума и унесла с собой всех обитателей. Жара — страшная. У меня в канцелярии 26 градусов.

Прощай, дорогая мама. Целую тебя от всего сердца, так же как и Эрве; всем наилучшие пожелания.

Напиши поскорее.

Как твои головные боли?

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 22. МАТЕРИ

Париж, 20 сентября 1875 г.
Понедельник

Получил твое письмо сегодня утром, дорогая мама, и так как располагаю несколькими свободными минутами, отвечаю на него тотчас же.

Сперва расскажу тебе о своем вчерашнем дне, тем более, что я совершил *в высшей степени замечательную* экскурсию.

Я отправился в субботу вечером по Лимурской железной дороге и взял билет до Сен-Реми, деревни, расположенной в 8 льё от Парижа, около Шеврёза. Меня сопровождал только один приятель, М., художник и неутомимый ходок. Из Сен-Реми мы направились в Шеврёз, где пообедали, после чего совершили прогулку вдоль... вдоль берегов Иветты, показавшейся нам очень красивой; там мы и заночевали. Вчера, в 5 часов утра, мы были на ногах Мы отправились прежде всего к развалинам замка Шеврёз, очень живописным и удачно расположенным высоко над долиной; затем (прошу прощения за подробности) купили колбасы, ветчины, два фунта хлеба, сыра, один стакан и пустились в путь. Долина — красива, с восхитительными видами и удивительно богатой растительностью, но, признаюсь, я ожидал большего. Затем мы направились в Сернэ, овраги которого, изобилующие маленькими каскадами, мне очень хвалили. То, что я увидел в пути, напомнило мне Параду.

Парк, или, вернее, огромный хаос зелени, в котором не различишь ни одной просеки, ни одного искусственного просвета,— непроходимая стена из листьев. Мы следовали *вдоль этой ограды на протяжении пяти километров* и не видели ей конца, а когда спросили у одной старухи, кому принадлежит это чудесное поместье, она ответила нам грубым и негодующим тоном: «Всем известно, сударь, что это поместье герцога де Люинь». Наш вопрос был, однако, естествен: нам было известно, что в шести километрах находится замок Дампьерр,— парк, следовательно, растянулся на шесть километров в ширину!!! А в длину? Мы подошли затем к Сернэ и спустились в долину; там я был положительно восхищен бесподобной красотой пейзажа: я увидел перед собой очаровательную маленькую долину, весь задний план которой составлял пруд, окаймленный тростниками. Мы сошли затем в лес и добрались до каскадов. Сомневаюсь, чтобы знаменитые сады Фраскати, о которых ты мне часто говорила, были бы так же прекрасны, как эта долина. Представь себе прежде всего лес с дубами, невероятными по величине, свод из ветвей над нашей головой, вокруг нас красные и серые скалы, огромные, как дома, и реку, которая, ниспадая

со скалы на скалу, поворачивает то вправо, то влево; мне припомнились некоторые описания из *Освобожденного Иерусалима*. Затем мы продолжали наш путь среди феерического пейзажа, вдоль прудов, тянувшихся на протяжении трех льё, и шли по низу лесистого косогора, на котором деревья вдруг прерывались, уступая место огромным серым скалам, торчавшим в разные стороны. Единственное, что смущало нас,— это огромное количество пресмыкающихся, разбегавшихся перед нами. В течение почти двух часов мы не видели ни одного дома, не встретили ни одного жителя; мы шли, как на разведке, и принуждены были запивать речной водой наш скудный завтрак. Нам сказали впоследствии, что никто не посещает этой долины из-за трудности пути: нужно быть рьяным пешеходом, чтобы пройти ее до конца. Последний пруд, меньший, чем другие, окружен завесой из елей. Он настолько же мрачен и уныл, насколько другие веселы и ласкают глаз. Мы пришли затем в Фаржи (Оффаржи). Оттуда двинулись в Трапп по отвратительной дороге и осмотрели Сен-Кантенский пруд. Это — совсем другое дело. Представь себе огромную равнину, необозримую водную гладь, протяжением в пять километров: тростники по краям, посредине — стаи водяных курочек, а на нагорном берегу—десятки охотников. Дичь смотрит на охотников, охотники смотрят на дичь и ждут. Время от времени раздается ружейный выстрел по одной из несчастных птиц, подплывших слишком близко к берегу; вслед за тем какой-нибудь мальчишка лезет в воду и приносит жертву.

Мы достигли Версаля, затем По-Марли, наконец, Шату в половине десятого вечера и застали там наших друзей. Мы вышли в 5 часов утра и прошли 15 льё, или 60 километров, около *70 000 шагов*!!! Наши ноги были все изранены.

Весь этот день меня преследовала навязчивая мысль; было жарко, я был покрыт пылью и говорил себе: как хорошо было бы выкупаться в море. Во время единственной неприятной части нашей прогулки, то есть от Фаржи (Оффаржи) до Траппа, нас настиг проливной дождь. До этого стояла прекрасная погода; затем до семи вечера снова прекрасная погода, а потом снова

ливень. Сегодня погода почти восстановилась, стало очень жарко. Я думаю, что скоро лето будет в декабре, а зима — в июле. Весьма вероятно, что в этом году можно будет купаться в море до конца октября. Много ли еще народа в Этрета? Я отнюдь не любитель ужинов при лунном свете на гальке мыса Антифер. О! нет, конечно, нет...

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 23. МАТЕРИ

Париж, 6 октября 1875 г.

Я представляю себе, что ты должна чувствовать себя очень одинокой, дорогая мама, а зима, как говорят, будет крайне суровой, и я боюсь ее из-за тебя.

Если бы у нас стоял сейчас хотя бы январь, самое страшное осталось бы позади; когда дни удлиняются, все, по моему мнению, уже спасено. Декабрь же, черный месяц, зловещий месяц, непроницаемый месяц, полночь года, меня устрашает. Нам в министерстве уже дали лампы; через месяц начнут топить. Как бы хотел я поскорее дожить до того времени, когда днем не будут гореть лампы.

На днях я заходил проведать, вернулся ли Флобер, и узнал, что он больше не живет на ул. Мурильо, а переехал в предместье Сент-Оноре, 240. Я отправился по этому адресу, но там мне не смогли сказать, когда он приедет. Как я узнал от Лелуара, Луи был на днях в Круассе, и Эмиль сообщил ему, что г-на Флобера в Круассе нет и неизвестно, где он находится. Боюсь, что он болен и по этой причине отказался принять Луи и Лелуара.

Эрве приехал в понедельник, как ты мне и писала. Он позавтракал и пообедал со мной, а затем вернулся к г-ну Дебову. Мне кажется, ему должно быть очень не по себе теперь, когда приходится сидеть взаперти, подчиняться дисциплине и работать большую часть дня. Я повел его вчера купить шляпу, и какой же у него получился замечательный вид в головном уборе, именуемом цилиндром! Я рассчитывал, что Эрве привезет мне пару ботинок, которые Тюрен должен был отнести отцу, но еще ничего не получил. Прошу тебя,

скажи этому негодяю, чтобы он доставил мне ботинки, ибо я не намерен платить за их пересылку. Когда увидишь Луизу М., передай ей, что я попытался получить нужную ей справку, но, несмотря на беготню и хлопоты, ничего не добился. Надеюсь все же, что недели через две сумею послать ей удовлетворительный ответ. Полагаю, что добьюсь этой справки через одного знакомого, который служит в Цензуре, но сейчас находится в отпуске.

Передай также Мартену Ватинелю, что я справлялся о его деле. Начальник Бюро по учету моряков ответил мне, что имеется только один способ избежать неудобства, на которое жалуется Мартен, а именно: утвердить для малого корабля состав экипажа, соответствующий большому.

Будь так добра, сходи в мэрию и попроси г-на Эно сообщить мне немедленно следующие сведения, требуемые военным министерством. Так как я уехал до жеребьевки (призыв 1870 года), то мэр Этрета, очевидно, тянул жребий за меня; узнай, в каком подразделении района происходила жеребьевка. Какой у меня номер по реестровой записи? Со мной вчера вечером произошло маленькое происшествие, которое могло быть чревато последствиями, но, к счастью, все обошлось благополучно: наклонившись слишком близко к свечке, я подпалил себе бороду; я тотчас собственноручно остановил *пожар,* но половина бороды все же сгорела, и мне пришлось побриться, что весьма досадно: предстоит отращивать бороду, а это очень неприятно и будет безобразить меня в течение трех первых месяцев.

Я решительно не знаю, как справиться с главою о служанке и обезьяне в *Ираклии,* и это причиняет мне массу затруднений. Начинаю комедию *Репетиция,* а как только закончу ее, буду одновременно работать над новеллами из жизни гребцов и над серией новелл, озаглавленных: *Великие горести маленьких людей.* У меня имеется уже шесть сюжетов, которые я нахожу очень удачными. Но, конечно, они не из веселых.

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца.

Привет всем. Лучшие пожелания Жозефе.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 24. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

Париж, 11 марта 1876 г.

Дорогой Ток,

Получил вчера твое письмо и пролил над ним слезы умиления. У меня тотчас же возникла мысль организовать широкий сбор или лотерею в твою пользу или же просить Фарси предоставить в твое распоряжение доходы с одного вечера, чтобы дать тебе возможность приехать и повидаться с нами. Я уверен, что весь Париж, а окрестности в особенности, откликнутся на мой призыв.

...Я лично в данный момент театром не занимаюсь. Директора театров решительно не стоят того, чтобы на них работать!!! Они, правда, находят наши пьесы прелестными, но не ставят их, а я предпочел бы, чтобы они считали их плохими, но ставили. Достаточно сказать, что Ремон Деланд считает мою *Репетицию* слишком изысканной для театра Водевиль. К тому же я мало работаю. Мое сердце пошаливало, я должен был обратиться к врачу, и мне предписали бромистый калий, дигиталис и полный покой с запрещением ночных бодрствований. *Это лечение ни к чему не привело.* Тогда меня посадили на мышьяк, йодистый калий, на кольхицинную настойку; *это лечение ни к чему не привело.* Тогда врач направил меня на консультацию к специалисту, лучшему из лучших, доктору Потену... Последний объявил мне, что сердце само по себе в порядке, но у меня начало отравления никотином. Это так на меня подействовало, что я немедленно выбросил все свои трубки, чтобы их больше не видеть. Однако сердце продолжает колотиться по-прежнему; правда, с тех пор, как я бросил курить, прошло только две недели.

...Я написал стихотворение, которое разом стяжает мне репутацию величайшего поэта; оно появится 20-го числа этого месяца в *Литературной республике,* если только его не прочтет издатель, потому что этот человек — отъявленный католик, а стихотворение мое, хотя и целомудренное по выражениям,— верх безнравственности и непристойности по образам и сюжету. Флобер, охваченный энтузиазмом, посоветовал мне отправить его Катюлю Мендесу, редактору этого журнала; последний был совершенно потрясен и попытается про-

пустить его, вопреки издателю; затем он читал его многим членам Парнаса; о нем заговорили, и в последнюю субботу, на одном литературном обеде, где присутствовал Золя, я, кажется, дал тему для разговора на целый час людям, которые меня совсем не знали. Золя слушал, ничего не говоря, а Мендес представил меня нескольким парнасцам, и они осыпали меня комплиментами. Но это все-таки рискованно — напечатать историю двух молодых людей, умирающих из-за... Я задаю себе вопрос, не вызовут ли меня, как знаменитого Барбе д'Оревильи, к следователю?

...Прочел ли ты книгу Доде *Джек?* Прекрасная вещь. Золя прислал мне вчера экземпляр своего нового романа, который выйдет только на будущей неделе. Я нахожу его великолепным. Это политическая книга, история Руэра.

...Моя *Бородатая женщина* оказалась причиной знакомства с одной почитательницей, *страстной* во всех смыслах, так что мне приходится играть жалкую роль Иосифа в отношении жены Пентефрия — я говорю о Сюзанне Лажье...

...Названная Сюзанна Лажье хочет во что бы то ни стало прочитать одно из моих произведений на утреннике, организуемом в начале мая при ее участии, и я пишу для нее в данный момент трогательную вещицу, от которой расплачутся все дамы.

...Моя новелла *В лодке* появится на этих днях в *Оффисьеле,* а *Происшествие с маленьким Пьером,* вероятно,— в *Опиньон насьональ.* Я говорю «вероятно» по следующим соображениям. Эта газета, получив мою новеллу, обещала ее напечатать. Затем в последний момент редактора газеты охватили вполне естественные угрызения совести, и он запросил меня, рассчитываю ли я на гонорар. Я ответил, что безусловно рассчитываю. Тогда редактор признался, что не собирается мне платить. В ответ я заявил, что в таком случае возьму новеллу обратно и напечатаю ее в другом месте. После этого он попросил меня дать им время решить этот вопрос и прийти к какому-нибудь заключению; таким образом *Опиньон* оставляет меня в данный момент без всякого мнения...

Жозеф Прюнье.

№ 25. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ *

Министерство морское
и колоний.

Париж, суббота, 20 мая 1876 г

Милостивый государь и дорогой друг,

Я собирался быть у вас в среду вечером и поговорить о вашей книге. К сожалению, меня задержали, но я не хочу ждать дольше, не поблагодарив вас еще раз за то, что вы подумали обо мне, а главным образом за удовольствие, которое вы мне доставили, дав возможность прочесть стихи — прекрасные стихи.

Ведь так редко можно встретить книгу, которую полюбишь, найдя в ней все, что тебе нравится: и форму, и мысль, и те тревоги художника, о которых многие поэты даже не подозревают.

Я прочел и перечел книгу и буду еще не раз ее перечитывать. Столько мест меня поразили в ней! Впрочем, я надеюсь, что мне удастся вскоре поговорить с вами на эту тему и высказать мысли, которые пробудили во мне ваши стихи.

Верьте, милостивый государь и дорогой друг, в мое дружеское расположение.

Всецело ваш

Ги де Мопассан.

№ 26. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ *

Министерство морское
и колоний.

Понедельник утром
[Конец октября 1876 г.]

Дорогой друг,

Хочу предупредить вас, что я не получал ни одного номера *Литературной республики.* Один номер я купил и посылаю его Флоберу. Но так как я хочу избежать неминуемого выговора, я объясняю в своем письме к нему, что это вы внесли в последнюю минуту некоторые поправки, кое в чем видоизменяющие мои суждения о Бальзаке. Ведь я знаю, что он придерживается о Бальзаке такого же мнения, как я, и, восхищаясь его бесспорной гениальностью, не только

не считает его совершенным писателем, но и вообще не признает за писателя. Кроме того, получается некоторое несоответствие между тем, что я говорю ниже о Флобере, и тем, что этому предшествует.

Но, конечно, он будет больше всего упрекать меня в повторении слова «огромный» дважды на расстоянии двух строчек, в употреблении слова «проститутка» вместо слова «шлюха», а главное, в неудачном звучании одной фразы (его друг Иван), из-за которого я опустил имя Тургенева. Ибо Флобер беспощаден к таким промахам, и мне без того достаточно «влетит» за несколько повторений и за обилие вводных фраз, которых я не сумел избежать из-за спешки.

Будьте так любезны и отложите мое стихотворение, которое я в последнюю очередь послал вам; я возьму его, когда буду у вас, ибо у меня нет копии, а я хочу хранить все свои стихи: они могут когда-нибудь пригодиться. Я понял, что поскольку вещь вам не особенно нравится, вы предпочитаете ее не печатать. Ведь так лучше всего, не правда ли? Я только прошу вас не затерять стихотворение, тем более, что у меня не осталось его копии.

Дружески жму вашу руку.

Всецело ваш

Ги де Мопассан.

№ 27. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, вторник вечером [Ноябрь 1876 г.]

Милостивый государь и дорогой друг!

Получив сегодня утром ваше письмецо, я отправился днем к господину Карвало, которого и застал дома. Он был удивлен, узнав, что его письмо не дошло до вас, и заверил меня, что писал вам в воскресенье вечером. Завтра он пошлет вам новое письмо о том, что намеревается выехать из Парижа в субботу утром и провести день с вами.

У меня хватит времени только запечатать это письмо и отнести его на вокзал, чтобы оно пошло сегодня же вечером. Я напишу вам через несколько дней

и тогда поговорю о том, о сем, как бывало здесь по воскресеньям. Наши еженедельные беседы стали для меня привычной потребностью, и я не могу противостоять желанию еще немного побеседовать с вами хотя бы в письме; я, разумеется, не прошу вас отвечать мне, ведь у вас столько других дел! Простите меня за вольность, но, когда я беседую с вами, мне часто кажется, что я слышу бедного Буйле, которого я знал и очень любил, или же моего дядю, которого я не знал, но о котором вы и моя мать так часто мне говорили и которого я люблю, словно был его товарищем или сыном.

Я так и вижу ваши сборища в Руане. И сожалею, что не был вместе со всеми вами, вместо того чтобы находиться со своими друзьями-сверстниками, *не имеющими никакого понятия о действительности.*

Простите за эти каракули. Примите уверение в преданной и горячей привязанности.

Г. де М.

№ 28. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

17 ноября 1876 г.

Я хотел выждать, прежде чем написать вам, дорогой учитель, что-нибудь определенное относительно *Насьон,* так как вначале был полон надежды, затем уныния, а с сегодняшнего утра вновь начинаю надеяться.

Вот перипетии этого происшествия.

Имея на руках ваше письмо, я тотчас же отправился к г-ну Рауль-Дюфалю; он принял меня с исключительной любезностью и сказал следующее: «У нас еще нет автора для литературного отдела, напишите мне немедленно злободневную статью о какой-нибудь новой книге, и я ее приму. Примерно недели через две вы мне дадите вторую статью, я ее также напечатаю; затем я попрошу правление пополнить редакцию газеты, взяв вас в качестве литературного критика. Можете быть уверены, что я сделаю все от меня зависящее, ибо вы горячо рекомендованы мне моими друзьями, гг. Флобером и Лапьеррами».

После этого заявления я ухожу восхищенный, по-

купаю переписку Бальзака и готовлю свою статью, раз требуется только злоба дня.

Но по истечении нескольких дней я узнаю, что *Насьон* публикует литературные фельетоны, подписанные г-ном Филоном, бывшим наставником наследного принца. И один из его друзей уверяет меня, что отзывы о книгах должны остаться за ним.

Тем не менее я окончил свою статью и отнес ее вчера г-ну Рауль-Дювалю, которого видел сегодня утром. Он был все так же любезен, наговорил мне массу комплиментов по поводу моего очерка, который незамедлительно будет напечатан. Но я понял, что мне не сделаться штатным литературным критиком вследствие того, что место, очевидно, занято г-ном Филоном. Я полагаю, что должен заменить составителя мелких хроник, которого считают слишком глупым, причем мне предоставят полнейшую свободу в выборе тем. При всех обстоятельствах г-н Рауль-Дюваль, кажется, твердо решил взять меня в редакцию своей газеты. Я горячо поблагодарил его, но прежде всего моя благодарность, дорогой учитель, должна относиться к вам.

Я пошлю вам номер, в котором появится моя статья о письмах Бальзака, и буду держать вас в курсе всех последующих событий.

Несмотря на идеи Золя о *натуралистическом театре,* я работаю в настоящее время над исторической драмой. Сложно!!!

Мое сердце в порядке. Ей-богу, да здравствуют гомеопаты! Лов творит с моим сердцем все, что ему вздумается, то ускоряя, то замедляя его работу по своему желанию. У меня опять лишаи, но я излечился от них, не прибегая к наружным втираниям, а с помощью 12 крупинок, разведенных в бутылке воды, причем для этого потребовалось только три дня, чего со мной никогда не случалось.

До скорого свидания, дорогой учитель, целую вас и жму вам руку. Передайте г-же Комманвиль уверения в моих самых преданных и почтительных чувствах и приветствуйте от моего имени ее мужа.

Всецело преданный вам

Ги де Мопассан.

Возвращайтесь скорее, мне вас очень недостает. То же самое говорил мне Золя в прошлый четверг.

№ 29. ЭДГАРУ РАУЛЬ-ДЮВАЛЮ

Париж, 28 ноября 1876 г.

Милостивый государь,

Если бы не боязнь наскучить вам слишком частыми посещениями, я поблагодарил бы вас лично за любезный и быстрый прием, который вы оказали моей прозе на страницах вашей газеты.

Исключительная благожелательность, с которой вы меня приняли, и надежды, которые вы позволили мне питать, побуждают меня вновь приняться за работу, и я осмеливаюсь злоупотребить вашей любезностью, посылая вам новую статью.

Я постарался, чтобы по форме и по названию она более соответствовала литературному очерку, чем обзору книжных новинок, дабы не вызвать справедливых нареканий и не дать повода заподозрить меня в желании завладеть тем, что принадлежит другим.

Итак, сударь, каковы бы ни оказались ваши намерения и ваше решение, примите уверения в моем почтении и преданности и извините меня за назойливость.

Ги де Мопассан.

Ул. Клозель, 17

Рукопись, препровождаемая мною, — в довольно плохом виде, но так как она все же достаточно четка, я не счел необходимым переписывать ее, что отняло бы у меня *много* времени.

№ 30. ЭДГАРУ РАУЛЬ-ДЮВАЛЮ

Министерство морское
и колоний.

Париж, ул. Клозель, 17.
12 декабря 1876 г.

Посылаю вам очерк, который, надеюсь, вам понравится. Я хорошо знаю, что критика критики — задача довольно трудная, но тема этой книги соблазнила ме-

ня особенно тем, что произведение, только что выпущенное Альфонсом Лемерром и привлекшее внимание большинства хроникеров крупных газет, придает этой книге злободневность.

К тому же мое знакомство с поэзией и поэтикой этой эпохи значительно облегчало мне оценку труда Сент-Бёва...

№ 31. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ

Париж [1876 г.]

Вот, дорогой друг, соображения, которые заставляют меня отказаться от вступления в франкмасонскую ложу: 1) Становясь членом какого-нибудь общества, особенно такого, которое претендует, правда, очень безобидно, на роль тайного общества, поневоле принуждаешь себя к выполнению известных правил, даешь известные обещания и надеваешь себе на шею ярмо, а ведь всякое ярмо, как бы легко оно ни было, не так уж приятно. *Я предпочитаю платить своему сапожнику, чем быть ему равным.* 2) Если это станет известным — а известным это станет неизбежно, ибо не стоит входить в общество порядочных людей для того, чтобы скрывать это, как нечто постыдное, — я окажусь сразу же на очень дурном счету у большинства моих родственников, что мне не только нежелательно, но и невыгодно. Не знаю почему — вследствие ли эгоизма, дурного характера или эклектизма, — но я никогда не свяжу себя ни с какой политической партией, какова бы она ни была, ни с какой религией, сектой или школой; никогда не войду ни в одно общество, исповедующее какие-либо доктрины, не стану кривить душой ни ради догмы, ни ради выгоды, ни ради какого-либо принципа, — и все это единственно для того, чтобы сохранить за собой право на свободу отрицательных оценок. Я хочу, чтобы мне было дозволено нападать на всех богов, на все *батальонные каре* и чтобы меня не могли упрекнуть в том, что я курю фимиам одним и являюсь соратником других; ведь только это даст мне право бороться за всех моих друзей, под каким бы знаменем они ни стояли.

Вы возразите, что я заглядываю слишком далеко, но я боюсь даже самой тоненькой цепочки, независимо от того, связывает ли она меня с идеей или с женщиной.

Нити постепенно превращаются в путы, и в один прекрасный день, когда считаешь себя еще свободным и хочешь сказать и сделать что-нибудь или провести ночь вне дома, вдруг замечаешь, что это уже невозможно. Я боюсь, как бы вы из-за всех этих причин и поводов не приняли меня за проповедника.

Но это гораздо серьезнее, чем кажется, уверяю вас. И затем... я сохранил самый веский аргумент напоследок. Вот он.

Я еще не настолько остепенился и не настолько владею собой, чтобы без смеха приветствовать тайными знаками какого-нибудь брата во масонстве, вроде одного гарсона в ресторане (он масон и сказал мне об этом), или даже мастера моей ложи. А этот неуместный юмор мог бы навлечь на меня мщение, и, пожалуй, масонствующему разносчику щук, проходящему по улице Клозель, где я живу, еще вздумается меня за это прищучить.

Только не сердитесь на меня. Я чересчур поспешно сказал «да» в тот вечер под влиянием выпивки, которую вы мне предложили!!! Я так боюсь вас чем-нибудь обидеть, что готов стать масоном, мормоном, магометанином, математиком, материалистом в литературе и даже почитателем *Покоренного Рима.*

№ 32. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 8 января 1877 г.

Я в сильном смятении из-за *Насьон,* дорогой учитель. Возможно, вы увидите Рауль-Дюваля в Руане во время новогодних каникул; поэтому я изложу сейчас суть дела и попрошу у вас совета. Когда г-н Рауль-Дюваль попросил у меня несколько статей, он отказался принимать длинные и серьезные статьи, вроде той,

которую я ему предложил, и посоветовал мне сделать что-нибудь *позабавнее*. Чтобы понравиться Дювалю, я дал ему статью о Бальзаке, род критики на потребу светских дам и господ, без всякого намека на литературу. Он нашел статью прелестной и говорил о ней с *энтузиазмом* г-же Лапьерр, повторившей мне его слова. Вслед за тем я написал вполне литературную и вполне серьезную статью по весьма важному и весьма значительному вопросу, о *нашествии Причудливости,* при помощи которой посредственности заменяют недостающую им оригинальность. Книга, послужившая предлогом для этого очерка, — не что иное, как *Причудливые смерти* Жана Ришпена. Рауль-Дюваль возразил мне, что это совершенно *неинтересно* для его читателей, что г-н Ришпен вовсе не достоин рекламы, являющейся всегда результатом даже враждебной статьи (точно вся речь в моей статье шла о Ришпене), и т. д., и т. п. После этого я беру переиздание первой книги Сент-Бёва о французской поэзии XVI века и пишу третью статью. Рауль-Дюваль, видимо, оценил ее, попросил у меня разрешения разбить пополам несколько фраз по той причине, что *журнализм требует короткой фразы,* и объявил мне, что статья скоро появится. Я еще жду!! Я жду ее и по сей день!!!

Так как г-н Ноэль, который ведет драматургический отдел в *Насьон,* превосходит Малларме по части галиматьи и так как газета действительно не может его держать, г-н Рауль-Дюваль попросил меня дать ему несколько отзывов о пьесах. Я взял сначала *Друга Фрица,* лучшую пьесу, поставленную в этом году. Это мнение Доде, Золя, Тургенева и, — чего мне совершенно достаточно, — мое собственное. Сегодня узнаю, что г-н Рауль-Дюваль нашел пьесу глупой, отвратительной и никому не советует смотреть ее. Его ли это мнение или мнение бонапартистских кругов? Не знаю, но все же моя статья не должна ему понравиться, хотя я и довольно умеренно хвалю это произведение.

Но я смотрю своими глазами, сужу по собственному разумению и никогда не скажу о белом, что оно черное, только потому, что таково мнение кого-то другого. Я рассчитываю написать еще одну пробную статью для *Насьон,* после чего успокоюсь. Я не только

израсходовал 25 франков на места в театре и на книги для рецензирования — расход, от которого я, конечно, воздержался бы,— но, что неизмеримо важнее, проработал напрасно целый месяц. Эти вечные колебания волнуют меня, а разнохарактерные, случайные статьи сбивают с толку; я нахожусь в полной неизвестности, а при нерешительности г-на Рауль-Дюваля и при его страхе перед редакцией газеты, очевидно, враждебно настроенной по отношению к какому-то пришельцу, может случиться так, что вся весна пройдет в требовании от меня пробных статей, которые не приведут ни к чему и не будут даже оплачены.

Я подумал, что вы, быть может, встретились с ним у г-жи Лапьерр и он говорил вам обо мне. Я хотел бы в таком случае знать, есть ли у меня какие-нибудь шансы заместить г-на Ноэля, без чего совершенно бесполезно растрачивать дальше зря время и деньги. Я не знаю даже, какую пьесу выбрать для моей второй статьи, а от таких запоздалых отзывов трудно ждать чего-нибудь оригинального. Во всяком случае, бесцельно писать обо мне г-ну Рауль-Дювалю; я вам расскажу обо всем подробнее, когда вы будете здесь. Поверьте мне, дорогой учитель, ни одна газета не разрешит мне писать чисто литературные статьи и говорить то, что я думаю. Я ежедневно читаю *Насьон;* этот листок радикально глуп, это — царство предрассудков и пошлости, все новое отпугивает их, и в отношении идеи и в отношении формы. Так, например, г-н Ноэль пишет в листке, что певица м-ль Риттер является «олицетворением грациозного образа девушки, которую композитор (Виктор Массе) избрал, чтобы обрамить ее *лучшими жемчужинами своих мелодий!..»* Посылаю вам также сегодняшний фельетон — трудно представить себе что-нибудь худшее. Одновременно препровождаю вам и статью Золя, находящего, что *научная драма* является удачным нововведением, ведущим к натуралистической драме. Это уже чересчур!!! Когда же вы вернетесь? Я огорчен тем, что вы остаетесь там так долго...

...Г-н Тургенев сообщил мне вчера, что вы, возможно, будете здесь не раньше конца февраля. Это очень опечалило меня. Мне необходимо побеседовать

с вами; мой мозг полон всякой всячины, которою хочется с вами поделиться: я страдаю от слишком долгого воздержания духа, подобно тому, как страдают от продолжительного целомудрия.

Париж живет сейчас в очень приятной для меня атмосфере похоти. Только и разговоров, что об историях г-жи Ш. Г., князя Гогенлоэ и еще одной дамы, которую не называют. Попросите г-жу Лапьерр рассказать вам все это. Я работаю слишком много. Но бесстыдство почтенной публики меня радует.

Возвращайтесь быстрее, дорогой учитель. Целую вас с истинно сыновней любовью.

Ваш

Ги де Мопассан.

№ 33. НЕИЗВЕСТНОМУ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 17 января 1877 г.

Дорогой друг,

Только что получил письмо, в котором мне сообщают, что в *Насьон* из-за меня идет борьба. Прошу вас поэтому переждать несколько дней, прежде чем представлять мою новеллу в *Раллиман,* чтобы не давать в руки моему конкуренту нового довода, который неизбежно окажет влияние на бонапартистскую редакцию.

Я извещу вас немедленно, как только дело будет решено, и попрошу вас тогда оказать мне услугу, которую вы предлагаете.

Я размышлял по поводу манифеста, занимающего нас, и считаю нужным изложить вам свои литературные взгляды так же откровенно, как на исповеди.

В натурализм и реализм я верю не больше, чем в романтизм. Эти слова, на мой взгляд, ровно ничего не означают и ведут только к препирательству между лицами противоположных темпераментов.

Я не думаю, что естественность, реальность, жиз-

ненность являются условием sine qua non [1] литературного произведения. Все это только слова.

Бытие произведения зависит от чего-то специфического, неопределенного и не подлежащего определению, констатируемого, но не поддающегося анализу, подобно электричеству. Это литературный флюид, достаточно неясно называемый талантом или гением. Я нахожу столь же слепыми тех, кто творит только *идеальное* и отвергает *натуральное,* как и тех, кто является только натуралистом и отвергает все прочее. Все это лишь взаимное отрицание, исходящее из противоположности темпераментов. Если я не различаю какого-нибудь предмета, еще не значит, что он не существует.

Я восхищаюсь Шатобрианом, но не люблю его. Я восхищаюсь Шенье, Буало, Корнелем, Монтескьё и Вольтером, с бесконечным наслаждением читаю Вергилия, равно как и отцов-философов греческой церкви, которые были великолепными писателями. Но мы, однако, не относимся к ним, как к живым.

Будем оригинальными, каков бы ни был характер нашего таланта (не надо смешивать оригинальность с причудливостью), будем *основоположниками* чего-либо. Чего? Неважно, лишь бы оно было прекрасно и не связано с уже умершей традицией. Кажется, Платон сказал: «Прекрасное есть отблеск истинного». Я вполне согласен с ним, и если настаиваю на том, что писатель должен всегда видеть правильно, то только потому, что считаю это необходимым, дабы его интерпретация была оригинальной и поистине прекрасной. Именно в интерпретации подлинная литературная мощь, талант, гений. Все виденное проходит через восприятие писателя и принимает в зависимости от творческой способности его духа особенный цвет, форму, протяженность, дает свои логические следствия. Шекспир был изобразителем натурального, и я смотрю на него как на одного из гигантов поэтического племени именно потому, что он был удивительнейшим интерпретатором.

Все может быть прекрасным, какова бы ни была

---

[1] Необходимым *(лат.)*.

эпоха, страна, школа и пр., потому что существуют писатели всевозможных темпераментов.

Не полагали ли классики, что они нашли абсолютную и окончательную литературную форму? Что же остается от них?

Немного от Корнеля, немного от Буало, немного от Боссюэ!

Романтики испустили победный клич, на который отозвался весь мир. Они думали, что им удалось открыть высшую форму искусства.

Что же остается от них?

Несколько творений Гюго, может быть, прекраснейших из всего написанного в области поэзии, но только несколько, — да и они останутся лишь потому, что Гюго — великолепный поэтический гений, а не потому, что он породил романтиков.

Гюго должен был создать романтизм, потому что это было сущностью его гения — он один олицетворял весь романтизм.

Приходит другая школа, носящая название реалистической, или натуралистической. Она воплотится в нескольких талантах и пройдет. Что от нее останется? Два—три прекрасных произведения ее лучших представителей.

Доктрина, являющаяся триумфом некоего автора, поскольку она им создана, с ним отождествляется, составляет его сущность и его силу, — эта доктрина обычно убивает тех, кто приходит после; так романтизм убил парнасцев, часть которых, возможно, сохранилась бы в памяти потомства, если бы они могли отстоять свою независимость.

Романтизм свою роль сыграл.

В настоящее время Золя — великолепная, блестящая и необходимая личность. Но его манера есть только одно из проявлений, а не *сумма* искусства, подобно тому, как манера Гюго является другим проявлением того же искусства.

Их манера видеть и истолковывать виденное — различна, но ни тот, ни другой не открывают тех неизбежных путей, по которым пойдет литература; оба они, однако, верят в то, что откроют их, ибо и тот и другой обладают оригинальным талантом. После натуралистов

придут, я в этом убежден, архиидеалисты, так как такие реакции неизбежны — в этом сущность истории, а она изменчива не более, чем природа человеческая. Я не думаю, чтобы средние века были для нас более закрыты, чем настоящее, только потому, что туда пытались проникнуть романтики. Все хорошо для того, кто умеет взяться за дело; нелепости школы не преграждают доступа к исторической эпохе. Надо только взглянуть на нее по-иному и не замыкаться в ней.

Я люблю широту неожиданных горизонтов, открывающихся порой перед *меланхоликами,* равно как искреннюю, жгучую и зачастую ограниченную страсть чувственных людей.

Зачем ограничивать себя? Натурализм так же узок, как и фантастика...

Вот то, что мне хотелось высказать.

Я никогда не спорю о литературе или ее принципах, так как считаю это совершенно бесполезным. Обратить кого-нибудь в новую веру еще никогда не удавалось; поэтому вовсе не ради этого я пишу вам столь длинное письмо, а только для того, чтобы вы наилучшим образом ознакомились с моей точкой зрения и моими литературными верованиями. Я изложил их все сразу, несколько громоздко, расплывчато и отчасти претенциозно, но у меня не было свободного времени, чтобы обдумать вопрос, сгруппировать аргументы и поднести их в изысканной форме. Я писал то, что приходило мне на ум. Извините, если все это плохо сказано и бессистемно изложено.

Это письмо, само собой разумеется, не должно выходить за пределы нашего *круга,* и я был бы очень огорчен, если бы вы *показали* его Золя, которого я люблю от всего сердца и которым глубоко восхищаюсь; ведь он, возможно, будет задет этим письмом.

Следует обсудить серьезно *способы преуспеяния.* Впятером можно добиться многого, хотя бы при помощи использованных до сего времени приемов. Не повести ли шестимесячную осаду какого-нибудь журнала, наводняя его статьями, просьбами друзей и т. д. и т. п., вплоть до того момента, когда кто-нибудь из нас окончательно в нем утвердится? Следовало бы найти что-нибудь очень неожиданное, что разразилось бы вне-

запно и привлекло внимание публики. Может быть, какое-нибудь чудачество? Сверхостроумный шарж? Словом, посмотрим.

Дружески жму вашу руку. До вторника, если я не увижусь с вами раньше.

Ги де Мопассан.

№ 34. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

[Февраль 1877 г.]

...Литературных новостей никаких. Порвал с *Насьон*: грязный листок.

Кончаю свою драму... (третий акт в полном разгаре). Написал одну новеллу... *Западня* пользуется поразительным успехом (двадцать изданий). Она очень выигрывает, если читать ее залпом. В самом деле, прекрасное произведение, поразительное по силе. Флобер собирается опубликовать свои новеллы 20 апреля. *Иродиада* — превосходна. Я участник литературной группы, члены которой презирают поэзию. Они послужат мне контрастом, и это неплохо: пускай проводят натурализм в театре и в романе; чем больше будет этого дерьма, тем больше оно будет смердеть, а остальным это только на пользу. Берегитесь, друзья, как бы не переменилась мода.

Сюзанна Лажье думает выступить на утреннике с моей *Последней шалостью. Папа Симона* появится в июне месяце в одном паршивом журнале.

Жозеф Прюньо.

№ 35 НЕИЗВЕСТНОМУ

Париж, 24 марта 1877 г.

Дорогой друг,

Г-н де Векер, мой окулист, живет на авеню д'Антен, № 7. Я увижу его сегодня и попрошу при случае оказать врачебную помощь князю Трубецкому.

Всем сердцем ваш, дорогой друг.

Де Мопассан.

№ 36. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

28 марта 1877 г.

Дорогой Ток,

Мы располагаем для нашей пьесы прекрасной мастерской одного художника, фамилию которого я не помню. Восемь замаскированных женщин будут присутствовать на этом представлении. Тотчас же после пасхи ты должен прислать мне по почте рукопись, чтобы я сделал копию и отдал переписать роли. Время твоего приезда кажется мне, однако, очень поздним: ведь Флобер должен вскоре покинуть Париж и нужно, чтобы пьеса была сыграна до 3 мая.

Твой

Жозеф Прюнье.

№ 37 ИЗДАТЕЛЮ ЖОРЖУ ШАРПАНТЬЕ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 12 апреля [1877 г.]

Милостивый государь,

Сегодня утром я получил письмо от Золя, в котором он сообщает мне, что из-за премьеры в Пале-Рояле он не свободен в пятницу вечером. Он просит меня поэтому перенести наш обед на другой день, предупредив об этом всех друзей.

Я виделся с Флобером, который предлагает ближайший понедельник. Удобно ли это вам?

Если почему-либо неудобно, то будьте добры, не откладывая, черкнуть мне об этом, а я извещу наших друзей о новой перемене. Если же с вашей стороны возражений нет, то — в понедельник в семь часов у Траппа, на углу Гаврского переулка и улицы Сен-Лазар.

Простите нас.

Прошу вас засвидетельствовать мое почтение г-же Шарпантье и принять уверения, милостивый государь, в моих самых преданных чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 38. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

Министерство морское
и колоний.

Париж, понедельник [1877 г.]

Дорогой Луи,

Если я что-нибудь говорю, то это так и есть. Следовательно, раз я тебе сказал, что приеду повидаться с тобой, значит, действительно приеду. Ах, какие вы маловеры, Люси и ты! Итак, если в ближайшую субботу будет хоть мало-мальски приличная погода, я выеду экспрессом, отходящим из Парижа в шесть вечера, и проведу все воскресенье с тобой. Напиши мне немедленно, не встречается ли каких-либо препятствий и где ты будешь, в Руане или в Буа-Гийоме. Если в Буа-Гийоме, то, не задерживаясь в Руане, я тотчас же отправлюсь туда и не замедлю представить тебе для поцелуя не щеку, а ягодицу.

Жду немедленно твоего письма, чтоб узнать, не препятствует ли что-либо моим планам. У меня есть что порассказать тебе об Этрета и обо всем, что произошло после твоего отъезда.

Аминь.

Прошу передать мои самые почтительные и горячие приветствия твоей жене, тебе же крепко жму руку. Кланяйся от меня своему тестю.

Всецело твой

Ги де Мопассан.

№ 39. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

Париж, четверг [1877 г.]

Только что получил твое письмо. Можешь рассчитывать на меня в воскресенье; я выеду экспрессом в 6.30 вечера, он прибывает в Руан в 9.05. Но пусть это не мешает тебе ехать в субботу в Буа-Гийом, если таково было твое намерение. Я направлюсь туда тотчас же по прибытии поезда, и таким образом следую-

щий день мы проведем за городом. Путь недолгий, хорошо мне знакомый, а тебе ведь известно, какой я ходок...

...Общий план: я приезжаю. Если на вокзале тебя нет, иду на улицу Крон узнать, в Руане ли ты. Если тебя там нет, направлюсь в Буа-Гийом.

Ги де Мопассан.

№ 40. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

Пятница [1877 г.]

Я не могу сдержать полностью свое обещание, однако часть его выполню.

Пеншон пишет мне яростные письма, уверяя, что я не хочу видеться с ним и что он прекрасно это чувствует. Пришлось уделить ему понедельник. Но я прошу тебя отобедать со мной в воскресенье вечером, после чего я в 9 ч. 30 м. уеду с дьеппским поездом. Если тебя это не устраивает, черкни мне записочку, которую я получу в *Круассе* в воскресенье утром.

Пожимаю твои конечности. Тысяча приветствий жене.

Целую тебя
Ги.

№ 41. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Париж, 23 марта 1877 г.

Милостивый государь и дорогой учитель,

Спасибо, что подумали обо мне.

Мне очень хотелось бы зайти к вам и лично поблагодарить вас, но в моем министерстве строгие порядки, и я не могу отлучаться, когда вздумается. Но все-таки мне удалось посвятить целый день *Девке Элизе.*

По правде сказать, я и не мог поступить иначе, испытав сначала перед закрытой книгой соблазн, который вызывает произведение любимого автора, а затем увлекшись чтением. Мне бесконечно нравится эта вещь с ее безысходной грустью и поразительными наблюдениями.

Вот поистине современный роман, каким вы научили понимать его, одновременно правдивый и художественный, в котором точность описаний так велика, что перед умственным взором читателя неожиданно возникает, словно при вспышке молнии, изображенный уголок природы, одно слово открывает широкие перспективы, а самая лаконичная фраза полна глубокого значения.

«Заведение» для военных замечательно! И я не знаю ничего прелестнее описанного вами провинциального заведения со стаями птиц, которые кружатся над ним и клюют его стены.

Когда я вторично прочту книгу, я надеюсь высказать вам гораздо подробнее свое безграничное восхищение при свидании у Флобера в это воскресенье и еще раз поблагодарить вас за доставленное удовольствие.

Прошу верить, милостивый государь и дорогой учитель, в мою почтительную преданность и глубокую признательность.

Ги де Мопассан.

№ 42. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ*

Париж, 12 мая 1877 г.

Милостивый государь и дорогой учитель,

Вы слишком добры ко мне, не знаю, как вас и благодарить. Я только что перечитал *Женщину XVIII века* и до сих пор словно живу в атмосфере этой книги. Как беспомощны историки, и каким могуществом обладает талант романиста, воссоздающего историю. Насколько писатель видит все правдивее, полнее! И с каким мастерством вы заставляете позабыть о наших днях, перенося читателя в общество XVIII века, которое вы словно увидели собственными глазами, пробудили и воскресили, вдохнув в него новую жизнь.

Еще раз благодарю вас, дорогой учитель, и прошу верить в мою глубокую и почтительную преданность.

Ги де Мопассан.

№ 43. ИВАНУ ТУРГЕНЕВУ *

Париж, 12 мая 1877 г.

Дорогой учитель,

Я дважды напрасно пытался застать вас дома и решил наконец вам написать. Мне не терпится сказать вам, как глубоко, как безгранично я восхищен романом *Новь,* который вы соблаговолили мне прислать.

Это, несомненно, одна из прекраснейших книг, которые я когда-либо читал, и она особенно поразила меня своим спокойно-мудрым проникновением в сущность вещей и людей. Вы даете нам почувствовать, что представляет собой русский народ, его характер, природные свойства его ума, и мы до последней страницы живем как бы в атмосфере России.

Спасибо, дорогой учитель. Остаюсь глубоко и почтительно преданный вам.

Ги де Мопассан.

Мы много репетировали, чтобы сыграть пьесу перед вашим отъездом. К сожалению, все будет готово лишь в конце будущей недели.

№ 44. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Париж, 15 мая 1877 г.

Дорогой учитель,

Мы перебрали вчера все возможные варианты, чтобы сыграть нашу пьесу не в четверг, а в какой-нибудь другой день, но, право, это оказалось невозможным. Мы все еще надеемся, что вы освободитесь в этот вечер. Вы же не остаетесь дома в четверг, когда бывает какая-нибудь премьера, так не можете ли вы приравнять *Лепесток розы* к обыкновенной театральной премьере? Подумайте, ведь только для вас, для Доде и Эдм. Гонкура мы возобновили эту пьесу и будем в отчаянии, если вы не придете. Мы забросили все дела и усиленно репетировали пьесу, чтобы показать ее до ва-

шего отъезда,— неужели же нам придется играть ее в ваше отсутствие, и вы не захотите нам *аплодировать?*

Верьте, дорогой учитель, в мою безграничную преданность.

Ги де Мопассан.

Ул. Клозель, 17.

№ 45. МАТЕРИ

Министерство морское и колоний.

Париж, суббота [лето 1877 г.]

Два слова только, дорогая мама, чтобы рассказать тебе о беседе, которая была у меня вчера вечером. Я сейчас видел отца, который рассказал мне о визите доктора Лакроника и о том, что тот ему говорил. Так как мне нужно было переговорить с Сюзанной Лажье, я отправился к ней и встретил там доктора Дюпле. Я беседовал с ним о тебе и рассказал со всевозможными подробностями о симптомах твоей болезни. Он ответил мне: «Я не вижу ничего такого, что указывало бы на серьезную органическую болезнь, однако нужно подумать о немедленном ее пресечении во избежание каких-нибудь осложнений, с которыми нельзя будет справиться впоследствии. Хининосульфат может принести только пользу, но мысль, высказанная доктором Лакроником, кажется мне очень логичной, и до тех пор, пока мне не докажут противного, я допускаю наличие солитера. Когда он располагается определенным образом, его очень трудно открыть, потому что отделяющиеся от паразита кольца перевариваются в желудке и избавиться от него бывает не так-то просто». В конце концов я согласился с этим предположением тем более, что у Эрве тоже был солитер, который он мог получить от тебя, а у тебя он мог быть уже давно.

Солитер, которого в пяти случаях из десяти невозможно обнаружить, вызывает всякие болезни и особенно болезни *нервные,* желудочные и *сердечные.* Симптомы при этом столь различны и столь изменчивы, что сбивают с толку всех врачей и зависят от перемеще-

ний паразита. Аппетит, вместо того, чтобы стать чрезмерным, как принято думать, часто совершенно исчезает. Столь непонятные внешние проявления твоей болезни указывают почти наверное двум вышеназванным врачам на присутствие этого притаившегося паразита. Поговори об этом с Полем Фидленом, прошу тебя. Бывали случаи, когда врачи, не распознавшие болезни или не желавшие ее признать, тщетно лечили больного в продолжение десяти или пятнадцати лет, а затем тот же человек излечивался в три месяца благодаря энергичному применению глистогонного.

Я очень доволен, что Эрве будет наконец произведен в унтер-офицеры. Жизнь его теперь должна измениться к лучшему. Для него это полнейшая перемена.

Я теперь много работаю над своим романом. Но это очень трудно, особенно из-за необходимости расположить все на своем месте и из-за переходов. Словом, месяца через четыре или пять я сильно шагну вперед. Я неплохо себя чувствую в данный момент; думаю, что это результат паровых ванн, которые я продолжаю принимать через каждые два дня, причем они меня совершенно не утомляют. В своем последнем письме к Флоберу я спрашивал, не может ли он приехать в Этрета, но еще не получил ответа.

Прощай, дорогая мама, целую тебя крепко-крепко, от всего сердца. Привет Крамуазону и прислуге.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 46. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

[Этрета] 8 сентября 1877 г.

...Уступая всеобщей просьбе, я решил открыть в нашей гостиной домашний театр, для которого мы соберем самую блистательную труппу. Недостает только подходящей пьесы. Если среди твоих книжиц имеются три — четыре комедии для любительского театра, тащи их. Мы поставим их роскошно, и ты воз-

радуешься, о прирожденный режиссер! Пьесы должны быть смешны, как только возможно, и рассчитаны на трех — четырех, самое большое, на пять исполнителей.

Всецело твой. До понедельника.

Жозеф Прюнье.

№ 47. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 3 ноября 1877 г.

Если я не написал вам раньше, дорогой учитель, то только потому, что каждую неделю надеялся с вами увидеться, но мои финансы не позволили мне осуществить это маленькое путешествие. Попытаюсь поэтому исправить свою ошибку, послав вам точное описание с планами, которое даст вам полное представление об этой сложной местности.

Прежде всего вы не можете отправить ваших добряков из Брюневаля в Этрета, потому что между Брюневалем и Антифером расположена коса, далеко уходящая в море; мне никогда не удавалось пересечь ее пешком (утверждают, что в самые сильные отливы это возможно, но лично я считаю такую прогулку сомнительной, поскольку никогда ее не совершал).

После Брюневаля, по дороге в Этрета, имеется очень красивый пляж, а именно Антиферский. Посуху туда приходишь небольшою долиной, начинающейся близ Тийёля на гаврской дороге. Оба склона долины покрыты морским тростником или утесником. Направо и налево от узкой дороги (по которой с трудом может проехать двуколка и которая ведет к морю) есть несколько полос обработанной земли. Эта дорога кончается чем-то вроде небольшого оврага, примыкающего к пляжу (от Тийёля до моря около трех километров). Очутившись на пляже, видишь направо, по направлению к Гавру, высокий отвесный берег (сто метров). Изгиб его, находящийся на расстоянии пятисот — шестисот метров от пляжа, закрывает от вас горизонт.

Направо пляж тянется также на пятьсот — шестьсот метров и внезапно упирается в скалистый выступ, уходящий далеко в море, под которым можно пройти по маленькому туннелю (этот проход мог бы привлечь Бувара и Пекюше).

На вершине выступа, носящей название *Куртина,* расположены развалины древней гауптвахты (не видимые, я полагаю, из Антифера, но видимые с другой стороны).

Если вы достигли подножия этого утеса, вам придется подняться с помощью веревки длиной около двух метров до дыры, которая служит проходом. Проход, очень широкий у отверстий (по обоим концам), сужи-вается к середине, где он не превышает двух метров в высоту. Общая его длина около пятнадцати метров. По ту сторону прохода пляж гораздо ниже. Чтобы спуститься вниз, идут направо от прохода по узенькой тропинке, выдолбленной в скале. Эта тропинка примыкает к подобию лестницы, образованной из углублений то естественных, то пробитых рыбаками. Надо цепляться руками за неровности камня, после чего снова сходишь на пляж, покрытый галькой. Пляж здесь очень узок, а скалы на большом протяжении покрыты морскими водорослями. Напротив спуска, о котором я упомянул, видны следы громадного обвала; а пройдя еще двести шагов — три восхитительных пресноводных источника. Они падают с высоты пяти — шести метров среди мхов, а последний по направлению к Этрета заканчивается небольшим сводом, под которым двигаешься к морю, смотря на водную ширь через совершенно круглое отверстие, обрамленное мхом с просачивающимися сквозь него струйками воды.

Существенное обстоятельство, о котором я забыл: когда находишься в проходе Куртины, вдруг замечаешь Манн-Порт, а под ним Порт д'Аваль... До Манн-Порта не более километра (полчаса ходьбы *по гальке и скалам*). Получается примерно следующее (здесь набросок Мопассана.— *Ред.*), только на моем рисунке кажется, что Манн-Порт совсем рядом, тогда как до него около километра (полчаса ходьбы *по гальке и скалам*).

Возвращаюсь к источникам. В ста шагах далее маленькая коса, образованная *только* подножием утеса; напротив нее, в четырех метрах, большая скала, на которую можно подняться по расщелине. Очутившись там, достигаешь другой расщелины в той же скале, которая сообщается с морем. Внутренность этого своеобразного грота, куда можно спуститься только с трудом, покрыта чем-то вроде морского красноватого мха. Здесь вы находитесь на полпути между выступом Куртины и Манн-Портом и попадаете в амфитеатр отвесных утесов высотой до ста метров, зубчатые вершины которых имеют самые причудливые формы и угрожают постоянными обвалами.

Местность пустынна и зловеща, особенно в пасмурную погоду. Чувствуешь какое-то особое одиночество, будучи отделенным от остального мира этой стеной расположенных полукругом утесов, о выступы которых бьет море. Великолепное место для беседы ваших двух добряков, которые могут испугаться обвалов, частых в этом месте, и увидеть, что дорогу им преграждает нарастающий прилив. Я указываю положение скалы буквой А (следует план.— *Ред.)*.

Вплоть до самого Манн-Порта скалистый берег имеет такой же вид, иначе говоря, он очень крут, местами же подточен морем. Он состоит повсюду из известняка, прорезанного пластами кремня. Кое-где обвалы докатили до самого низа небольшой слой перегноя, на котором растет морская капуста, называемая, кажется, *катран.*

Манн-Порт — огромная аркада, под которой во время отлива проходишь посуху к морю. Вот вид ее (следует набросок.— *Ред.)*.

Когда подходишь ближе, сразу замечаешь иглу Этрета, находящуюся в пяти—шести метрах далее, рядом с Порт д'Авалем. Хотелось бы, чтобы Бувар споткнулся о скользкие водоросли; это даст время Пекюше добраться до Порт д'Аваля, где во время отлива можно пройти, переступая или же перепрыгивая со скалы на скалу, ибо там почти всегда имеется вода, что заставит Бувара повернуть обратно, как только он вздумает идти этим путем.

Маленькая бухта, образовавшаяся здесь между дву-

мя арками, обладает той особенностью, что в глубине ее видишь род полуворонки, именуемой *Жамбурской котловиной,* по которой между травами *змеится* очень крутая тропинка. Бувар, испугавшись воды под Порт д'Авалем и не имея возможности (из-за боязни утонуть в *очень глубоких расщелинах* между скалами) перескакивать, подобно Пекюше, со скалы на скалу, вынужден будет вернуться и заметить котловину. Вот вид этой котловины (следует рисунок.— *Ред.).* Я обозначаю траву маленькими черточками, а тропинку черной линией. Поднимаешься сначала на остатки обвала, ведущие к подножию утеса; затем тропинка идет вдоль него от А к В и становится далее очень крутой и скользкой, покрытой камнями, катящимися из-под рук и из-под ног; оканчивается же она неожиданными зигзагами. Боязливые люди цепляются за траву. (Этой тропинкой, которая еще в прошлом году была доступна даже для женщин, разумеется, смелых, в настоящее время могут пользоваться только очень ловкие люди, привыкшие лазить по скалам. Ее собираются привести в порядок.) Веревка, прикрепленная к стене, некогда доходила до конца спуска.

Очутившись наверху, видишь Этрета и доходишь до него по очень удобному, поросшему травой спуску, протяжением около километра.

На вершине этого утеса имеется землянка. Там путники укрываются из *боязни простуды* после того, как одолеют подъем.

Вот, в стиле путеводителя, описание дороги от Антифера до Этрета.

Я воздержался от образного описания пути, так как хотел представить его более четко. Не знаю, преуспел ли я. Если вы ждали чего-либо другого, если я вас не так понял, напишите мне немедленно; отвечу вам в тот же день.

Прощайте, дорогой учитель, целую вас и жму вашу руку. Если г-жа Комманвиль гостит у вас, передайте ей самые сердечные и почтительные приветствия. Наилучшие пожелания ее мужу. Дружеский привет Лапорту-большому.

Ваш

Ги де Мопассан.

№ 48. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

[1877 г.]

Дорогой Ток,

Нет ли у тебя второго экземпляра моих эротических стихов *Дафнис и Хлоя* и, если они у тебя имеются, не можешь ли прислать мне копию их?

У меня этим летом похитили рукопись. Я знаю, куда я ее положил, но она исчезла вместе со всеми моими вольными стихами; дубликаты их, к счастью, у меня целы...

№ 49. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 10 декабря 1877 г.

Давно я хотел вам написать, мой горячо любимый учитель, но политика (!!!) мешала мне это сделать. Политика мешает мне работать, выходить, думать, писать. Я подобен флегматику, ставшему пылким сангвиником, и пацифисту, ставшему кровопийцей. Париж живет в ужасной лихорадке. Эта лихорадка обуяла и меня: все остановилось, замерло, как перед крушением; я перестал смеяться и всерьез рассвирепел. Раздражение, вызываемое предательскими махинациями этих прощелыг, до того сильно, непрестанно и мучительно, что не покидает вас ни на минуту, терзает, как укусы москитов, преследует даже при сочинении стихов и в объятиях женщин. Всякое терпение лопнет при виде преступной глупости этого кретина. Как! Этот генерал некогда выиграл сражение благодаря личной глупости в сочетании с причудой случая; затем он попытался проделать собственными силами маневр, столь удавшийся в первый раз по воле упомянутого случая, и проиграл целых два исторических сражения; и вот теперь, имея такое же право называться герцогом Маджентским, как и великим герцогом Решоффенским или эрцгерцогом Седанским, вышеуказанный генерал под предлогом, как бы глупые люди не оказались под управлением более разумных, чем они сами, разорил

бедных (единственных, кого разоряют), остановил в стране всякую умственную работу, ожесточил мирных людей и подстрекнул соотечественников на гражданскую войну, как подстрекают несчастных быков в цирках Испании!

Скажут, что я говорю фразы. Пусть так. Я требую уничтожения правящих классов, этого сброда красивых тупоумных господ, которые копаются в юбках старой, набожной и глупой шлюхи, именуемой высшим обществом.

Да, я нахожу теперь, что 93 год был мягок, что сентябристы были милосердны, что Марат — ягненок, Дантон — невинный кролик, а Робеспьер — голубок. Поскольку старые правящие классы остаются ныне так же неразумны, как и тогда, нужно уничтожить ныне правящие классы, как и тогда, и утопить красивых господ-кретинов вместе с их красивыми дамами-потаскушками. О радикалы! Хотя у вас часто вместо мозга — кислое вино, освободите нас от спасителей и военных, у которых в голове только ритурнель да святая вода.

Вот уже неделя, как я не могу больше работать, до того мои уши раздражены жужжанием, производимым махинациями этих отвратительных тупиц.

Все же к 15 января я закончу переделку своей драмы (совершенно переработанной). Короче говоря, я вам представлю ее вскоре после вашего возвращения.

Я составил также план романа, который начну, как только развяжусь с драмой.

А всю эту картину венчает Гюго — наш поэт, задающий обеды всем журналистам Парижа и требующий присутствия подле себя Сарсэ и Витю, не удостоивших явиться. «С сожалением отмечают их отсутствие».

Были же там Альбер Дельпи (!), Кошина (!) и сотни неизвестных, о которых Гюго говорит как о выдающихся художниках. Словом, прочтите его речь. Наплевать ему на общество!

Несмотря на все, я чувствую себя неплохо и целую вас, надеясь в скором времени побеседовать с вами.

Ги де Мопассан.

В моем письме нет, может быть, здравого смысла, но оно, как всегда, докажет вам, что я часто думаю о вас.

Привет добряку Лапорту.

Я полагаю, согласно вашему последнему письму, что г-жа Комманвиль находится в Париже, и я попытаюсь увидеть ее завтра.

№ 50. МАТЕРИ *

Париж, 21 января 1878 г.

Давно не писал тебе, дорогая мама, но я был очень занят; мне пришлось самому дважды переписать свою драму, чтобы сэкономить 24 франка, кроме того, копии были мне нужны немедленно, и я не мог прервать работу, пока не закончу их.

Но поговорим сначала о твоих кружевах. Я так и не добился свидания с г-ном Лонперрье и решил поэтому изложить ему свою просьбу в письменном виде. Он мне ответил лично и весьма любезно, что вопрос о кружевах еще не разбирался и что ему предлагают их в огромном количестве; он обещал уведомить меня о принятых решениях и просил передать образчик г-ну де ла Шаррьеру, который каждый день бывает на выставке, чтобы можно было сравнить наш образчик с другими.

Я повидаюсь на днях с г-ном де ла Шаррьером по этому поводу. Ничего не поделаешь, придется выполнить просьбу г-на Лонперрье.

Флобер прочел мою драму и считает, что она вполне годится для сцены, но, по-моему, он от нее не в восторге. Как бы то ни было, он отнесет драму Перрену, хотя и не думает, чтобы ее приняли во Французской комедии, ибо Перрен и так сыт по горло историческими пьесами, на которые публика больше не ходит. Золя обедает завтра с Сарой Бернар и обещал мне лично передать копию моей драмы этой актрисе. Если роль ей понравится, она со своей стороны может поговорить о пьесе с Перреном, но у Сары Бернар нет решающего голоса, и она не имеет никакого влияния на мнение комитета.

Словом, мне кажется, что успех с этой стороны более чем сомнителен.

Посмотрим затем, не клюнет ли в Одеоне.

Зато Флобер пришел в восторг от сюжета романа, который я ему изложил. Он сказал мне: «Это превосходно, вот настоящий роман, вот настоящая идея!» Но прежде, чем писать роман, я посвящу месяц или полтора разработке его плана.

У меня есть одно очень щекотливое дело, о котором я думаю уже давно; до поры до времени мне не хотелось тебе об этом говорить, но так как теперь мне нужна твоя помощь, я тебе объясню все до мельчайших подробностей.

С тех пор, как я вернулся из Швейцарии, начальник обращается со мной, как с собакой: это лечение на водах восстановило его против меня, он не допускает, чтобы человек мог болеть, когда служит. Я добился после целого скандала разрешения поехать к тебе на Новый год и очень рискую не получить отпуска на пасху. На днях у меня была страшнейшая мигрень, и я попросил у помощника начальника разрешения уйти домой, которое и было мне дано. На следующий день начальник вызвал меня и заявил, что я смеюсь над ним, что я вовсе не болен, что у меня ровно ничего нет, что нельзя уходить с работы, ссылаясь на мигрень, и т. д., и т. п... Короче говоря, он запретил мне отлучаться днем под каким бы то ни было предлогом, и главное, под предлогом посещения врача. Ввиду того, что мне приходится каждые две недели бывать у г-на де ла Шаррьера, ты легко поймешь, в какое он поставил меня положение. Все это плюс отсутствие надежды на повышение в министерстве, увольнения гражданских чиновников и т. д. побудило меня обратиться к Флоберу с просьбой выхлопотать мне через своего друга, министра Барду, местечко получше в Управлении по вопросам изящных искусств. Флобер понял, в каком ужасном положении я нахожусь в морском министерстве, на этой пожизненной каторге, и обещал мне свое содействие. Итак, прошу тебя, напиши ему патетическое письмо и поблагодари за то, что он обещал для меня сделать, это вдохновит его. Мое положение далеко не из приятных, изобрази его в красках еще бо-

лее мрачных, пожалей меня и т. д., и т. п... Ничего не проси у него определенного, но поблагодари за данное обещание, описав мои надежды, мою глубокую радость.

В ведомстве изящных искусств у меня по крайней мере была бы приятная работа, ведь там имеется много должностей с почти независимым положением. Если бы я мог заполучить одну из них, это было бы превосходно. Граф д'Осмуа, друг Флобера, не захотел стать во главе этого управления, так как иначе ему пришлось бы отказаться от депутатского мандата. Дай он свое согласие, у меня было бы прекрасное место, как раз то, которое мне нужно. В конце концов, нажав одновременно на г-на Барду и на г-на д'Осмуа, я куда-нибудь да пристроился бы. Не говорила ли ты мне однажды о занятиях (по-моему, как о чем-то постыдном) отца госпожи Д., владельца фирмы Б.? Забыл, в чем там было дело. Напомни мне об этом. Я видел на днях одного человека, который несколько раз встречался с семейством Б. Он ничего определенного не знает о них, но говорит, что никогда ничего плохого не слышал об этом семействе.

В четверг на прошлой неделе я обедал у Золя. Он угостил нас на славу.

Прощай, любимая мама, целую тебя тысячу раз. Приветы служанкам.

Твой сын
Ги де Мопассан.

Как твое здоровье? Я чувствую себя по-прежнему. Волосы у меня больше не падают.

№ 51. МАТЕРИ *

Париж, 15 февраля 1878 г.

Я видел Сару Бернар, дорогая мама, и нашел ее очень любезной, даже слишком любезной; представь себе, она пообещала лично вручить мою драму Перрену и добиться, чтобы ее прочли. Вдруг на следующий день я узнаю, что Флобер уже отнес пьесу Перрену, и теперь очень опасаюсь, как бы Сара Бернар, после

неудачного визита к директору, не разозлилась на меня. В общем, постараюсь завтра же повидать ее и объясню, как все получилось. Ведь я и думать не мог, что она сама возьмется за хлопоты. Между тем, когда актриса сказала мне об этом, она успела прочесть только первый акт драмы. Да и прочла ли она его? Но ознакомилась ли Сара Бернар с пьесой или нет, она, казалось, была от нее в восторге. В общем, это дело темное, и невозможно угадать, что из него получится. Удачно или неудачно, что пьеса передана Флобером? Посмотрим. Флобер не очень ловко повел себя, хоть и желал мне быть полезным. Меня могли бы назначить помощником главного библиотекаря в Училище изящных искусств; правда, жалованья я получал бы немногим больше, чем сейчас в министерстве, но положение мое улучшилось бы, я чувствовал бы себя свободным и пользовался бы ежегодно отпуском с 1 августа до 1 октября. Несмотря на мои уверения, он считал, что из этого ничего не выйдет, ждал, колебался, и нас опередили. Как только вопрос касается практической жизни, дражайший мэтр не знает, как взяться за дело, он просит вообще, а не по существу, не умеет настаивать, а главное, выбрать подходящий момент. Во всяком случае, его околпачили, хоть он в этом и не признается, но надеюсь, наш друг будет счастливее в другой раз.

Я собираюсь послать тебе посылкой с оплаченной доставкой несколько рубашек с изношенными манишками и столько же новых манишек. С меня спросили бешеную цену за починку этих рубашек, которые мне стоили новые по четыре франка семьдесят пять сантимов. Прошу тебя, отдай их за мой счет Анастази или кому-нибудь другому, пусть приведут их в порядок и сделают в новых манишках, приложенных к рубашкам, три двойных петли.

Воротник надо расширить приблизительно на один сантиметр и немного вынуть спереди, иначе говоря, новая манишка должна быть более открытой, чем старая [1]. Когда работа будет окончена, вышли мне, пожа-

[1] На полях письма — рисунок, изображающий старую и новую рубашки с указанием требуемой переделки. (*Ред.*)

луйста, рубашки посылкой. Я верну тебе долг на пасхе.

Я получил ответ от г-на Лопперрье, он пишет, чтобы я не беспокоился о твоих кружевах. Комитет уведомит меня письменно, когда надо будет представить их на экспертизу. Итак, не волнуйся на этот счет.

Г-жа Брэнн, с которой я долго беседовал вчера, нарисовала мне портрет г-жи Комманвиль, причем меня особенно поразило то, что она сказала в заключение. Эту женщину невозможно понять, заявила г-жа Брэнн, она слушает курс по физиологии и метафизике, набожна и вместе с тем убежденная республиканка, она холодна, как мрамор, недоступна большинству страданий и страстей, проводит целые часы с глазу на глаз то с преподобным Дидоном, то со своими обнаженными моделями; она нетерпима, непогрешима, наделена высшим разумом. Такой в точности была, очевидно, г-жа де Ментенон.

Сравнение абсолютно верное. Это действительно г-жа де Ментенон.

Я усиленно работаю над своим романом и надеюсь до наступления лета написать порядочный его кусок. Ведь ты знаешь, как только наступает это время года, работа у меня не очень спорится. Хотя и с бесконечными отсрочками, я все же, наверное, кончу его к первому января будущего года. А может быть, и гораздо раньше.

Прощай, любимая мама, целую тебя от всего сердца.

Твой сын

Ги де Мопассан.

Привет служанкам. Если у меня будут какие-нибудь новости, я тотчас же напишу тебе.

№ 52. МАТЕРИ

Министерство морское и колоний.

Париж, 21 марта 1878 г.

Я огорчен, узнав, что ты больна, дорогая мама, и жду с нетерпением мая месяца, который принесет тебе немного облегчения. Зима, наконец, прошла, и это са-

мое главное. Здесь все каштаны начинают зеленеть (за исключением тюильрийских), и воздух уже полон дыхания весны.

. . . . . .

Мне не хочется слишком бурно торжествовать по поводу *Голуа,* но все же думаю, что идея, которую ты не одобряла, была не совсем уж неудачна. Однако заметь хорошенько, что манера обнаруживать поэзию в реальной жизни, конечно, шокирует всех педантов, блюстителей идеалов, шарманщиков Прекрасного. Тарбе сказал мне: «Мы получаем негодующие протесты, и притом от большого количества лиц»; предвидя это, он и предпослал моей поэме прекрасную статью, которую ты прочла. В какой-либо республиканской газете люди старых традиций заклевали бы презренного реалиста и т. д. и т. п., поэтому оценка моей поэмы в консервативной газете, в самом благонамеренном из бонапартистских органов, в счастливом сопернике *Фигаро,* имеет особое значение.

Кроме того, я медлил и ждал подходящего момента для того, чтобы Флобер передал поэму г-ну Барду (что он собирается сделать на этой неделе); последнее может оказаться для меня бесконечно полезным при обстоятельствах, которые тебе известны.

Я встретил Эжена Белланже, который от меня не в восторге. Моя точка зрения привела его в негодование, а Жаба — в ярость и т. д. Я забавлялся целый час, защищая свою поэтику чудовищными парадоксами, и оставил его в состоянии крайнего возмущения. Он кричал: «Это декаданс, декаданс, декаданс!» А я в ответ ему возражал: «Всякий, кто не следует за литературным течением своей эпохи, кто не обладает оригинальной манерой видения и выражения, останется за бортом» и т. д. и т. п.

Он говорил мне, что Сарду переживет себя, тогда как от Флобера и Золя не останется ни одной строчки. Тут я преподнес ему напоследок рацею в моем стиле. Наконец, увидев, что он собирается перегрызть мне глотку, я решил спастись бегством, восхищенный эффектом собственной аргументации!!!

Я не получил еще никакого извещения из Французс-

ской комедии, но это мне довольно безразлично: уверен по многим основаниям, которые было бы слишком долго перечислять, что моя пьеса не будет принята. У меня нет никаких шансов. Я просил папу сходить в *Голуа,* взять там четыре — пять номеров и переслать их тебе.

Я прервал в данный момент работу над романом, чтобы закончить *Сельскую Венеру,* над которой работаю с ожесточением, ведь после опубликования *Последней шалости* мне, пожалуй, необходимо выпустить какую-нибудь новинку недели через три или через месяц. Я делаю все возможное, чтобы вещь не казалась слишком чувственной. Все же получается несколько рискованно, хотя я и превзойду аббата Делилля тонкостью своих замыслов. Громадное преимущество печатания в газетах заключается в том, что твои произведения попадают во все уголки Франции и запоминаются многим читателям; так ветер разносит семена растений на расстояние сотен миль.

Я в данный момент в наилучших отношениях с Коппе, как всегда, в холодных с Доде и в нежных с Золя.

Прощай, дорогая мама, целую тебя тысячу раз от всего сердца. Привет служанкам.

Твой сын

Ги де Мопассан.

Пиши мне аккуратнейшим образом о своем здоровье.

№ 53. МАТЕРИ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 3 апреля [1878 г.]

Вот уже четыре дня я собираюсь тебе написать, дорогая мама, ибо хорошо знаю, что новости из Парижа — лучшее твое развлечение, но я был занят с утра до вечера и не мог найти времени, чтобы послать тебе хоть страницу. Я опять видел Тарбе, и он просил меня составлять для него литературную хронику. Ему хотелось бы, чтобы, взяв какой-нибудь факт, я делал на

его основе философские или иные заключения. Золя настаивает, чтобы я согласился, говоря, что это единственный выход из положения. Самые различные причины смущают меня:

1) Я не хочу брать на себя ведение регулярной хроники, ибо буду вынужден писать глупости; я согласился бы только, взяв иногда в качестве темы какое-либо интересное событие, развить ее при помощи побочных размышлений и рассуждений. Я собираюсь сделать нечто подобное по поводу самоубийств из-за любви, чрезвычайно умножившихся в данный момент, и выскажу некоторые неожиданные заключения. Наконец, хотелось бы давать только такие статьи, под которыми я осмелился бы подписаться, и я никогда не поставлю своего имени под страницей, написанной в течение двух часов, а то и менее.

2) Я не хочу быть связанным официально с дирекцией *Голуа* даже и в том случае, если вовсе не буду касаться политики.

Моя драма окончательно отвергнута Французской комедией, причем Перрен сомневается, чтобы ее принял какой-либо другой театр из-за второго акта, полного безумной ярости и жестокости. Я ожидал этого и нисколько не удивлен.

Оканчиваю *Сельскую Венеру,* насчитывающую уже 220 стихов. После этого я быстро примусь за роман, так как с осени начнет выходить большой журнал, во главе литературной редакции которого станет Золя. Напечатание там моего романа даст мне сразу четыре — пять тысяч франков. Ты понимаешь, что время терять не следует. Мои друзья и я получим возможность помещать там в любое время критические статьи. Субсидирует журнал фабрикант шоколада М. Он дает для начала 600 000 франков. Как видишь, это неплохо.

У меня нет никаких новостей относительно Барду: я думаю, что он смеется над Флобером. Гонкур преподнес мне свою прелестную книгу под названием *Интимные портреты XVIII века.* Я одолжу ее тебе на пасху. *Сельской Венерой* я доволен; думаю, что мне удастся добиться того, чего я хотел; но, черт возьми, это не-

пристойно, непристойно, непристойно! В книге сойдет, но не в газете.

Г-жа Д. написала папе письмо, полное комплиментов по моему адресу; она говорит там между прочим: «Мне хотелось бы, чтобы какая-нибудь прекрасная дама в шелковых чулках, на кокетливых каблучках, с надушенными амброй волосами внушила бы ему то совершенство вкуса, которого не знают ни Флобер, ни Золя, но которое увековечивает поэзию и поэтов даже какою-нибудь полсотней стихов и т. д. Я лично, как вы знаете, обожаю XVII век, и *Голуа* не всегда мне нравится».

Нахожу эту фразу чудесной, потому что в ней содержится вся вековая глупость прекрасных дам Франции. Литературу на изящных каблучках я знаю и не стану ею заниматься; я желаю только одного — не обладать общепринятым «вкусом», ибо все великие люди им не обладали, а создавали новый.

Что касается XVII века, то, по-моему, он паихудший из всех. В этом веке не было ни Рабле, ни Монтеня, ни д'Обинье, ни Ренье, ни Вольтера... и т. д. и т. п., а все эти люди, по-моему, гораздо выше Мольера и Корнеля. Что же касается XIX, величайшего из всех, о нем вместо глупых современников будут судить потомки.

Целую тебя тысячу раз, дорогая мама, и умоляю тотчас же написать о себе хотя бы в двух словах. Привет служанкам.

Твой сын
Ги.

№ 54. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Париж, 3 апреля [1878 г.]

Милостивый государь и дорогой учитель,

Поистине существует только та история, которую создают романисты.

Все эти давно умершие люди, черты которых поблекли, потускнели, вновь оживают в ваших *Портретах;* и кажется, будто ты знал их, так ярко представляешь себе их привычки, их образ мыслей, их обста-

новку, все — вплоть до мельчайших характерных черточек их внешности.

Хочется повторить вам еще раз, дорогой учитель, что я являюсь одним из ваших самых горячих поклонников: я без конца перечитываю ваши книги, чтобы открыть тайны построения фразы, где каждый эпитет словно бросает свет на существительное, к которому он относится.

Ги де Мопассан.

№ 55. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

Этрета, четверг [апрель 1878 г.].

Дорогой Луи,

Я хочу попросить тебя о маленькой услуге, ответь мне тотчас же, можешь ли ты ее оказать. Надо сходить к моей хозяйке и велеть ей упаковать все мои вещи: платье, книги, письма, предметы домашнего обихода, спринцовку, и т. д., и т. п. и переслать их мне. У меня имеется даже «колено», иначе говоря, печная труба; печка же находится у дедушки и надо послать за ней комиссионера. Если ты можешь сделать это, ответь мне, и я перешлю тебе по почте 10 франков, которые я еще должен хозяйке, и два франка для комиссионера. Буду очень признателен, если ты сделаешь это.

...Прощай, дорогой Луи. Жму тебе с нежностью обе руки и обе ноги. Эрве поступает так же. Мама целует тебя от всего сердца, равно как и твою жену, которой я попрошу тебя презентовать букет приветов и нежных чувств.

№ 56. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

Министерство морское и колоний.

Париж, 23 апреля 1878 г.

Мой добрый Ток,

Я ответил бы тебе гораздо раньше, если бы на меня с некоторого времени не свалилась куча разного рода

напастей. Мать внезапно слегла. Я только что провел десять дней в Эгрета и, хотя она крайне слаба, привез ее сюда, чтобы посоветоваться с эскулапами более серьезными, чем тамошние.

Нового у меня ничего нет. Потерял почти всю зиму на переделку своей драмы, которая мне не нравится. К черту театр, больше не буду им заниматься. Я почти дописал *Сельскую Венеру* и очень хотел бы с ней... поамуриться. Принялся также за роман, который надеюсь закончить к будущей зиме.

Три недели назад я совершил подвиг, который возвысил меня в глазах Флобера...

Жозеф Прюнье.

№ 57. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Министерство морское и колоний.

Париж, 24 апреля 1878 г.

Дорогой учитель,

Я собирался зайти к вам сегодня вечером с *остальными из полдюжины,* но так как меня задержали, я не хочу больше ждать, не поблагодарив вас и не высказав восхищения, которое я испытал, читая вашу *Страницу любви.*

Если это и не самый красочный из ваших романов, то, на мой взгляд, он самый совершенный по стилю и, кроме того, один из наиболее человечных и правдивых.

Я нахожу, что образ Элен — прекраснейший из созданных вами образов, он великолепен от начала до конца.

В целом вещь отличается простотой и величием композиции, а порой в ней встречаются восхитительные страницы. Пожалуй, больше всего меня поразил детский бал.

Очень хороша м-ль Изабель.

При встрече, дорогой учитель, я изложу вам более подробно то, что думаю о вашей книге. Прошу считать меня одним из ваших наиболее преданных друзей и горячих почитателей.

Соблаговолите передать г-же Золя, которую я, к сожалению, не увижу, мой почтительный поклон.

Ги де Мопассан.

№ 58. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

Министерство морское и колоний.

Париж, 2 июля 1878 г.

Дорогой учитель,

Вернувшись утром из деревни, я домой не заходил, а потому нашел у себя ваше письмо, лишь собираясь идти к вам.

Написал же я вам не сразу оттого, что есть много обстоятельств, которые мне хочется вам изложить.

Я повидал нескольких жителей Пуасси и вот какие собрал сведения о местных плотниках и лодках.

Человека, у которого вы были, зовут либо Бодю, либо Даллемань (я, может быть, искажаю фамилии). Во всяком случае, оба они воры и не заслуживают доверия. Им нельзя заказать даже рукоятку для багра. Все лодки местных владельцев или находящихся там парижан были заказаны в Буживале, Шату, Аржантейе или Аньере.

Что касается яликов — это то же, что повсюду называют *рыбачьими челноками.* Если бы вы купили подобное сооружение, вам пришлось бы немедленно его перепродать: опытный гребец еще может плыть на нем, да и то очень медленно и со значительной затратой сил. Когда на Сене быстрое течение, как в этом году, то непривычному человеку невозможно пройти в таком челноке хотя бы сто метров против течения.

Наиболее распространенная и самая лучшая для семейного катания лодка — это *легкая норвежка.*

Я видел несколько таких лодок, но они построены известными мастерами и стоят от 260 до 450 франков. Из этого я заключил, что вам незачем обращаться к Вотле или Филиппу, цены которых обычно еще выше.

В Аржантейе мне предлагали сделать норвежку за 200 франков, но придется подождать по крайней мере три недели.

На днях мне предстоит съездить в Аньер, и я повидаю Пико и Шанбелана, у которых цены обычно приемлемые.

Я нашел также лодку, именуемую «утиный охотник»,— 5 м длины на 1 м 35 см ширины; за ее прочность могу поручиться. В дереве нет заболони, она легка на ходу и приятна на вид. Недостатки у нее те же, что и у всех лодок этого типа. Так как она специально предназначена для рыбной ловли или охоты, то ее устройство меньше подходит для семейных катаний, нежели у норвежки. Она не может вместить более четырех человек. Норвежка такой же величины могла бы вместить пятерых или, на крайний случай, шестерых, но была бы гораздо тяжелей на ходу. При «утином охотнике» две пары легких, удобных весел. Лодка совсем новая. На ней можно ехать куда угодно и без труда плыть против течения; это именно то, что обычно выбирают *рыбаки-любители*. Цена ей 170 франков, и я думаю, что ее всегда удалось бы перепродать безо всякого убытка.

Как поступить?

Жму вашу руку, дорогой учитель, и прошу вас передать г-же Золя мои почтительные приветствия.

Ги де Мопассан.

Если вы решите в пользу «утиного охотника», мастер покрасил бы лодку вновь. Так как она новая, первых двух покрасок недостаточно: краска уже впиталась в дерево. Понятно, что эта покраска входит в счет 170 франков, о которых я упомянул.

№ 59. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Министерство морское и колоний.

Париж, 5 июля 1878 г.

Вы просите у меня новостей, дорогой учитель; увы, все они неважны. Прежде всего мать чувствует себя очень плохо...

...Добавьте к этому, что министерство раздражает меня: я не могу работать, ум мой бесплоден и утом-

лен вычислениями, которыми занимаешься с утра до вечера, и временами у меня возникает столь ясное представление о бесполезности всего на свете, о бессознательной жестокости мира, о безнадежности будущего (каково бы оно ни было), что я начинаю испытывать горестное безразличие ко всему и желаю только одного — покоя, покоя в каком-нибудь уголке, без надежд и без помех.

Я живу в совершенном одиночестве, так как люди наводят на меня скуку, а сам я скучаю, так как не могу работать. Я нахожу свои мысли заурядными и однообразными, а мозг у меня настолько устал, что я не могу даже выразить их. В своих вычислениях я стал делать меньше ошибок, и это доказывает, что я очень поглупел.

Время от времени я захожу провести часок — другой к нашему милому другу г-же Брэнн; это лучшая женщина на земле, и я люблю ее от всего сердца. Я рассказываю ей много историй, которые кажутся ей иной раз чересчур вольными. Она находит, что я недостаточно сентиментален. Она пересказывает мне свои сны, а я — случаи из жизни.

Встречаясь у нее с другими прекрасными дамами, я поучаю их втихомолку таинствам сладострастия и подрываю к себе уважение в их сердцах, так как они находят меня недостаточно «коленопреклоненным».

Я встретил индейцев, и мое воображение заиграло.

Золя, меданский домовладелец (департамента Сены и Уазы), заметил, что настил в его доме прогнулся; он приказал вынуть одну доску и узнал, что балки сгнили. Тогда, без архитектора, по совету местного каменщика, он заменил их железными брусьями. Таким образом, вполне возможно, что в один прекрасный день обрушится весь его дом. О реалисты!

Он не слишком грустит о прекращении *Общественного блага.*

Подобно святому Антонию, каждый вечер я говорю: «День прошел! День долой!» Дни эти кажутся мне долгими, долгими и печальными, — в обществе глупого коллеги и начальника, который меня ругает. С первым я больше не говорю, а второму не отвечаю. Оба

немного презирают меня и считают несообразительным, что меня только радует.

Улицы словно гримасничают рожами иностранцев. На бульваре пахнет негром, а скопление провинциалов то тут, то там преграждает вам дорогу. Лошади фиакров внушают мне жалость, до того они тощи. Они не околевают больше, они исчезают, стушевываются. В Париже витает столько глупости, навезенной со всех концов света, что испытываешь подавленное состояние.

Прощайте, дорогой учитель, целую вас и жму вам руку.

Ги де Мопассан.

Что касается г-на Барду, нет ничего нового.

№ 60. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Министерство морское и колоний.

Париж, 10 июля 1878 г.

Дорогой учитель,

Лодка куплена, вытащена на берег и почти полностью перекрашена. Я лично наблюдал за всеми работами, чтобы лучше рассмотреть ее на суше. На мой взгляд, она очень хороша. Название *Нана* написано на *корме с обеих сторон,* ибо и нос и корма ее остроконечные, как у всех «утиных охотников».

Много трудностей возникло в связи с перевозкой. Я подумал сперва о том, чтобы погрузить ее на баржу, но продавец лодки меня отговорил, так как водники портят половину суденышек, которые им поручают перевезти. Кроме того, лодка останется лежать килем вверх на палубе по крайней мере в течение двух — трех дней, а по теперешней жаре этого более чем достаточно, чтобы ее обшивка треснула во всю длину в одном или двух местах.

Я отыскал было рыбака, взявшегося доставить лодку до места назначения, но он запросил с меня 20 франков, а это показалось мне слишком дорого.

Вот что я решил:

Ввиду того, что расстояние большое (49 км), я

не хочу предпринимать один такое путешествие на другой лодке, кроме ялика. Но в две пары весел покрыть 49 км. не составит труда. Итак, я возьму с собой товарища, с которым мы вместе занимаемся гребным спортом; на случай, если он окажется недостаточно выносливым, я договорился с Энником, который будет сменять его время от времени на часок — другой. Я же вполне выдержу до конца.

Итак, мы выедем в воскресенье утром и в половине четвертого будем в Безоне, пообедаем в Конфлане, где я дам два часа передышки *своим людям,* и прибудем в Медан между четырьмя и пятью часами. Если в это время вы окажетесь на берегу, то будете присутствовать при нашем прибытии. Затем мы сядем в поезд в Триеле и доедем до Уйя около Безона. Таким образом путешествие будет приятным, неутомительным, и мы рано вернемся домой, словно съездили в Буживаль. Кроме того, я уверен, что мы доставим вам *Нана* в хорошем состоянии, без малейшей аварии.

Итак, до воскресенья, дорогой учитель. Жму вашу руку и прошу передать г-же Золя мой почтительный поклон.

Ги де Мопассан.

№ 61. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 3 августа 1878 г.

Дорогой учитель,

Я только что видел нашего друга Сюзанну Лажье, и она умоляет меня немедленно написать вам, чтобы вы замолвили за нее словечко Золя. Она была в Амбигю, ей говорили о роли Жервезы в *Западне,* и ей не терпится сыграть ее. Она утверждает, она клянется, что создаст из этой роли лучшее свое творение, что она изумит Париж (вполне возможно) и что никто не сыграет этой роли так, как она (этому я верю).

Она продемонстрировала мне, насколько она похудела (это истинная правда), и уверяла, что на сцене

будет выглядеть двадцатилетней. Она до такой степени увлечена, что, возможно, достигнет очень многого. Во всяком случае, по-моему, она будет несравненно лучше певицы Жюдик.

Что вы об этом думаете?

Я состою в оживленной переписке с г-жой Брэнн, лечащейся на водах в Пломбьере. Она шлет мне ободрения, увещевает быть терпеливым и веселым. К несчастью, я не в состоянии воспользоваться ее советами. Мне теперь понятно только одно слово во всем французском языке, потому что оно выражает перемену, вечную метаморфозу всего лучшего и разочарование...

Любовь женщин так же монотонна, как и ум мужчин. Я нахожу, что события однообразны, что пороки измельчали и что мы не располагаем достаточным количеством оборотов речи.

Жму вашу руку и целую вас, дорогой учитель.

Сообщите мне новости о Буваре и Пекюше.

Ги де Мопассан.

№ 62. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 21 августа 1878 г.

Не писал вам, дорогой учитель, по той причине, что совершенно разбит морально. В течение трех недель пытаюсь работать каждый вечер, но не могу настрочить ни одной путной страницы — ни одной, ни одной. И я постепенно погружаюсь в тьму печали и уныния, откуда будет очень трудно выбраться. Министерство понемногу разрушает мое здоровье. После семи часов конторской работы я уже не могу сделать над собой усилие, чтобы скинуть всю тяжесть, угнетающую дух. Я даже попытался писать хроники для *Голуа,* чтобы раздобыть несколько су. Но и это оказалось мне не по силам; я не могу написать ни одной строки, и мне только хочется плакать над бумагой. Вдобавок вокруг меня все идет из рук вон плохо. Мать, вернувшаяся в Этрета около двух месяцев тому назад, вовсе не чувствует себя лучше. Особенно много страданий достав-

ляет ей сердце, у нее были очень опасные обмороки. Она до такой степени ослабела, что даже мне не пишет; только раз в две недели, а то и реже посылает мне весточку, диктуя ее своему садовнику.

Она по-прежнему рассчитывает на посещение г-на и г-жи Комманвиль в начале октября, а также надеется, что и вы согласитесь провести несколько дней около нее. Это развлекло бы мать и принесло бы ей большую пользу. Я подожду просить свой двухнедельный отпуск до тех пор, пока вы не ответите мне, будете ли вы, а равно и г-жа Комманвиль свободны в это время.

Наш друг г-жа Брэнн не особенно веселится в Пломбьере. Она пишет мне время от времени, а я посылаю ей много рассказов, не всегда приличных, но способных по крайней мере развеселить ее.

Сюзанна Лажье иногда навещает меня в министерстве. Она поставила на ноги весь Париж только для того, чтобы сыграть Жервезу. Она очень забавна, но однообразна, и актерская душонка затмевает в ней все остальное.

Как случилось, что Золя не получил ордена после обещания г-на Барду? Происшествие это тем более наделало шума, что все газеты возвестили о получении им этого знака отличия. Я должен скоро поехать к нему и провести у него воскресенье; не терпится услышать, что он мне скажет об этом. Уверен, что он очень раздосадован. Зачем ему это было нужно?

Я встретил Тургенева за несколько дней до его отъезда в Россию и нашел его печальным и встревоженным. У него неоднократно пошаливало сердце, что заставило его обратиться к врачу; тот констатировал у него заболевание левого желудочка. Стало быть, сердце у всех испорчено.

Лично я хожу по-прежнему как общипанный. Медики полагают теперь, что в моем заболевании нет ничего сифилитического, но что у меня конституциональный ревматизм, поразивший сначала желудок и сердце, а затем в конце концов и кожу. Меня заставили брать паровые ванны в камере. Пока не помогает. Но лечение вместе с горькими настоями, сиропами и минеральными столовыми водами съело те небольшие сбереже-

ния, которые я откладывал на лето. Это все же какой-то результат. Полагаю, к стыду врачей, что другого я не добьюсь.

Целую вас от всего сердца, дорогой учитель, и прошу написать мне хотя бы несколько слов о *Буваре и Пекюше*.

Жму еще раз вашу руку.

Ги де Мопассан.

№ 63. ЖОРЖУ ШАРПАНТЬЕ

Министерство морское
и колоний.

Париж, 28 августа 1878 г.

Милостивый государь и дорогой друг,

Этой зимой вы позволили мне надеяться, что охотно провели бы летом денек в моем обществе в тех местах, где вы были некогда частым гостем.

В будущее воскресенье праздник в Безоне. Я полагаю, что там можно будет увидеть много забавного, ибо тамошние жители, которые от меня в священном ужасе, кажутся мне очень комичными.

У меня будут в этот день Эннк, Сеар, Гюисманс и несколько любителей лодочного спорта обоего пола, из которых мужчины не слишком глупы, а женщины не слишком безобразны.

У меня нет романа, который я собирался бы вам предложить; нет такового и у моих друзей, так что вам нечего бояться.

Надеюсь, что все эти соображения склонят вас к мысли присоединиться к нам, в расчете на что прилагаю путевой маршрут, которому вам надлежит следовать.

...Попытайтесь приехать утром; если же это никак не удастся, я буду ждать вас до полудня. Мы покатаемся немного на лодках и приведем в возмущение местных буржуа. Не бойтесь ничего: вас не узнают. Итак, до воскресенья, не правда ли?

Ги де Мопассан.
Ул. Клозель, 17.

№ 64. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, среда [сентябрь 1878 г.].

Дорогой учитель,

Я навел справки, и мне сказали, что управляющий канцелярией г-на Барду, некто г-н Шарм (кажется, так?), которого я видел на днях и который поручил мне вам кланяться, может сделать в министерстве все, что захочет. Возможно, записочка от вас польстит ему и побудит его преодолеть то затруднение, на которое я вам указывал. Боюсь, не переврал ли я фамилию; это молодой человек, брюнет, с бородой и, во всяком случае, не лишен «шарма»; его канцелярия — рядом с канцелярией министра, напротив приемной. Я тем более тороплюсь устроиться, что опасаюсь, как бы какая-нибудь новая неприятность не свалилась мне на голову.

Начальник, несомненно, желая досадить мне, взвалил на меня сейчас самую ужасную часть канцелярской работы, которую отлично выполнял до сих пор старый отупевший чиновник. Это подготовка бюджета и ликвидационные счета портов. Цифры, ничего, кроме цифр! Больше того, я сижу рядом с начальником, что не позволяет мне работать для себя лично, даже когда имеешь час передышки. Это и есть, я думаю, цель, которую он преследует.

У меня грустные новости со всех сторон. Мать чувствует себя очень плохо, она не может даже покинуть Этрета.

Крепко целую вас, дорогой учитель, и прошу прощения за беспокойство, которое я вам причиняю.

Ги де Мопассан.

№ 65. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Ул Монсэ, 2.

Дорогой Леон, я не могу провести вечер с тобой, так как остаюсь у Флобера из-за моей пьесы *В старые годы*. Свободен ли ты завтра или во вторник?

№ 66. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Понедельник, сентябрь 1878 г.

Дорогой учитель и друг,

Я переписал вчера вечером свою пьесу *В старые годы*. Сделал все изменения, которые вы мне указали, и вычеркнул пять страниц вначале.

Вчера же прочел ее Фонтэну, который нашел, что я даже слишком много сократил, что вместо обычной пьесы получилась скорее какая-то «пословица», что я удалил места, которые, может быть, вызвали бы аплодисменты, что при этой переделке действия вообще почти нет и т. д. Но я полагаю, что изменения и сокращения, сделанные мною, удачны. Что вы об этом думаете? Так она стала гораздо живее, лишь бы — если ее примут к постановке — не наскучил рассказ графа, который нельзя сократить без ущерба для смысла. Я долго об этом размышлял, но если б даже начал все сначала, то не смог бы сделать его короче...

Одновременно посылаю вам *Просьбу,* раз вы были настолько добры, что взяли на себя труд представить обе пьесы вместе. Я решил, что отдавать ее в переписку было бы бесполезно, ведь рукопись очень четка, несмотря на некоторые мои помарки.

Благодарю вас тысячу раз за громадную услугу, которую вы мне оказываете.

Жму вам признательно руку.

Ги де Мопассан.

№ 67. МАТЕРИ

Министерство морское и колоний.

Париж, 11 сентября 1878 г.

Дорогая мама, я получил вчера вечером известия о тебе через Леона Фонтэна, вернувшегося из Этрета. Он рассказал, что тебе не лучше и что если ты меньше страдаешь от глаз, то сердце идет скорее к ухудшению. Я не понимаю, почему у тебя бывают столь сильные обмороки при болезни, только еще начавшей развиваться; очевидно, нервные боли отражаются на серд-

це и сочетаются с органическими болями. Среди моих друзей есть несколько молодых врачей, и я говорил с ними о твоей болезни; они находят, что эти явления необычны. Нужно будет найти какого-нибудь серьезного врача, к которому тебе следовало бы обратиться, когда ты будешь здесь...

Я видел сегодня утром Флобера, возвратившегося от Барду, с которым он говорил обо мне. Так как один из личных секретарей министра уходит, то мне предлагают его место. Но Флобер позабыл осведомиться о жалованье и о видах на будущее, если произойдет смена министерства. Поэтому я отсрочил свой ответ до того, как буду располагать более точными сведениями. Флобер будет завтракать у министра дней через десять; он узнает тогда, на что можно рассчитывать, и даст ответ за меня.

Оказывается, это Мак-Магон отказался подписать декрет о пожаловании в кавалеры Почетного легиона Эрнеста Ренана, которого он к тому же спутал с Литтре. Что за неисчерпаемый кладезь глупости эти люди, правящие другими людьми! Глава государства, не отличающий Ренана от Литтре, не знающий, что они написали! (Впрочем, принц Уэльский поступил бы точно так же). Но, говоря по правде, имена Ренана и Литтре больше прогремят в истории, чем имя прославленного, но глупого *побежденного,* держащего в руках наши судьбы. Флобер снова отказался от офицерского креста и хорошо сделал, но Барду, желая умаслить его, упорно хочет наградить его орденом. Уступит ли Флобер? Его бы это умалило.

Я прочел сегодня утром любопытнейшее письмо Тургенева, который находится за Москвой, в какой-то глухой дыре, куда почта приходит только раз в неделю. Он говорит, что европейские события доходят до него как бы сквозь туман, точно к умирающему, и что хорошо знакомые имена кажутся ему столь же далекими, как греческие и римские. В качестве примера патриархальных нравов первобытных и монархических стран он рассказывает о том, как пригласил в тот же вечер тамошнего врача, человека очень *почтенного* и очень *уважаемого*... который получил 20 000 франков от местного вельможи, равно почитаемого и уважаемо-

го, за то, что скрыл преступление, свидетелем которого он был. Такие происшествия случаются повсюду, они не удивляют и не возмущают меня при моем философском отношении к жизни, но у нас их скрывают и за них преследуют, там же они известны всем и за них уважают.

Вот единственное существенное происшествие, и оно на самом деле заслуживает внимания: все республиканские газеты настойчиво требуют отмены *публичной смертной казни* в ожидании отмены казни вообще. Это требование любопытно тем, что оно возникло со всех сторон разом. Стало быть, общественное мнение созрело, и теперь уже придется ждать недолго.

Как занятно, что в мире существуют две породы людей, из которых одна тянет вперед, а другая назад, до того момента, когда последняя делает четыре — пять шагов и затем снова начинает задерживать продвижение первой.

. . . . . .

Прощай, дорогая мама. Целую тебя тысячу раз от всего сердца. Целую папу. Попроси его написать мне поскорее. Привет служанкам и Крамуазону.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 68. МАТЕРИ

[Сентябрь 1878 г.]

. . . . . .

... Я собираюсь через посредство Ремона Деланда предложить Одеону свою пьесу *В старые годы* с просьбой не задержать ее слишком долго, чтобы я мог представить ее затем на конкурс в Гэте.

№ 69. МАТЕРИ*

Министерство морское и колоний.

Париж, 22 октября 1878 г.

Как я и предвидел, дорогая мама, мне не удалось тебе написать на прошлой неделе, до того много у меня было работы, и даже сегодня я настолько занят, что,

вероятнее всего, придется кончить письмо вечером, у себя дома.

Я уже писал тебе, что собираюсь провести воскресенье у Флобера, а понедельник — у Пеншона. В субботу вечером я приехал в Круассе, и мы с «мэтром» провели часть ночи за беседой. На следующий день отправились осмотреть жилище Корнеля в Пти-Курон. Его кирпичный домик, балки которого покрыты чем-то вроде деревянных чешуек, расположен в мрачной деревне на левом берегу Сены. Потолки очень низкие. Местность унылая, и все же здесь отдыхаешь душой. Заросший, илистый пруд с большим камнем на берегу вместо скамьи, очевидно, притягивал взор престарелого поэта, и он целыми днями смотрел на него, погрузившись в свои думы. Обширный вид открывается отсюда на противоположный берег Сены от Ла Буя до Дьепдаля. Пейзаж нравится мне: он прост, легко поддается описанию, и самый контраст этой рамки с сюжетами трагедий не лишен интереса.

Семейство Комманвилей не сняло свою прежнюю парижскую квартиру. Муж очень жалел, по его словам, что им не удалось приехать в Этрета. Я ответил, что мы будем счастливее в другой раз...

Вечером я отправился обедать с Луи, который теперь величайший человек в Руане. Его живопись привела в восторг всех земляков. *Журналь де Руан* и *Нувелист* превозносят его на все лады. Незнакомые люди кланяются Луи на улице, и ему прочат золотую медаль; в общем, он находится в положении художника, которого чествует и — что самое грустное — признает этот жалкий городишко. Ведь Луи выставил в Руане картину, отвергнутую в Париже, и она вызвала пламенные восторги его сограждан. Браво!

С поездом 9.30 я уехал в Лонгвиль. Пеншон в крестьянских сабо ждал меня на станции. Сначала он отвел меня в гостиницу «Французский щит», где нанял для меня комнату, ибо его дом слишком мал, чтобы вместить меня (этому нетрудно поверить).

Затем мы пересекли две покрытые лужами улицы, споткнулись о камень, уцелевший, как говорят, от замка Дюгеклена, Байярда и Дюнуа, на котором какой-то шутник выгравировал дату—1241 год, перепрыг-

нули через кучу дров, перебрались вплавь на другой берег прудика, уронили мою палку в какую-то гадость, поэтически названную Пеншоном грязью, и добрались наконец до строения, похожего на крольчатник, куда Пеншон вошел, согнувшись в три погибели. Я последовал за ним. Внутри нас приветствовала низенькая толстая дама, в то время как худая служанка улыбалась в уголке. На столе величиной с ладонь стояло блюдо, а на нем, по-видимому, давно уже лежал маленький цыпленок, окруженный несколькими листиками салата. Я напрасно искал, куда бы повесить шляпу, дно которой я вышиб, ударившись о потолок, несмотря на свой умеренный рост. Затем я сел на маленький стул перед маленьким цыпленком и принялся есть. В эту минуту зашевелился в уголке какой-то крошечный зверек. «Скажите, пожалуйста, мышь!» — воскликнул я. Но животное, неуверенно ступая, словно рахитик, приблизилось ко мне, и я внимательно оглядел его. Представь себе левретку-недоноска, по кличке Фалез, с мордочкой острой, как булавка, с двумя торчащими ушками, четырьмя лапками, такими тонкими, что при виде их плакать хочется, без каких бы то ни было признаков живота, с нитеобразным хвостиком и с двумя огромными глазами чахоточного ребенка. Я не решался погладить собачонку из боязни поломать ей кости, а притронувшись к ней, почувствовал, что ее спинной хребет царапает мне руку.

Левретку обожают здесь за ее крошечный рост, она живет в маленькой корзинке, обтянутой старым пиджаком отца Пеншона, и ест лишь то, что ей придется по вкусу.

Сидр в этом доме хороший, и я попросил дать мне напиться, но передо мной поставили такой маленький кувшинчик, что пришлось шесть раз в течение ужина спускаться в дырку, служащую винным погребом.

Затем мы осмотрели дом. Много времени на это не потребовалось. Внутри он напоминает твой закуток для коз; это одна-единственная узкая и длинная комната, разделенная пополам перегородкой. Сын спит направо, мать — налево. Надо пересечь первую спальню, чтобы добраться до второй. Двери так узки, что г-жа Пеншон

протискивается в них бочком. Где живет служанка, я так и не мог понять.

Возможно, что в «кухне-столовой-гостиной» у нее имеется маленькая корзинка против корзинки левретки Фалез.

В этом поразительном здании нет плиты; в универсальной комнате, где я ужинал, ставят два таганца, кладут в них угли и таким образом готовят микроскопические блюда. Надо взять лупу, чтобы рассмотреть их.

Я провел ночь в гостинице «Французский щит» в обществе ночных птиц и пауков.

На следующий день утром мы отправились в Миромениль и по широкой дороге с видом на море, идущей над Сен-Обен-сюр-Си, добрались до замка. Фасад здания мне ничего не напомнил. Так как в замке живут и какие-то с виду тупые люди прогуливались по... (Конец письма оборван.— *Ред.).*

№ 70. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 4 ноября 1878 г.

Дорогой учитель,

Я заходил сегодня утром к управляющему канцелярией г-на Барду. Меня письменно пригласили явиться к нему.

Он сказал мне, что г-н Барду, по вашей просьбе, поручил ему узнать, нельзя ли сделать что-нибудь для меня, но так как министр запамятовал, где я служу и о чем прошу, то меня попросили зайти, чтобы обо всем этом расспросить.

Я объяснил ему свое положение, и он обещал заняться моим делом. Ему кажется, однако, трудным установить для меня оклад, равноценный тому, который я получал в морском министерстве. Все же он об этом подумает.

Вы видите, таким образом, что дело это еще весьма сомнительно. После удержания из наших окладов взноса в кассу инвалидов я располагаю только 2 000 франков; я получаю затем 600 франков от отца,

которых я лишусь, как только через четыре года он уйдет из своей конторы. Мой оклад может быть доведен к Новому году до 2 400 франков. Соглашаться на меньшую сумму мне невозможно. Ведь и этой суммы только с трудом хватает на жизнь, а после того, как я уплачу портному, сапожнику, приходящей прислуге, прачке, за квартиру и за стол, у меня от моих 216 франков в месяц остается не более 12—15 франков на холостяцкие расходы. Думаю, что многие простые рабочие в лучшем положении, чем я: у них столько же денег и меньше обязательных расходов. Я редко говорю об этом, потому что мне это тягостно, но я хотел с полной точностью изобразить вам свое положение в том случае, если бы мне предложили в министерстве народного образования место с окладом в 1 800 или 2 000 франков.

Я вам напишу тотчас же, как только узнаю что-нибудь новое.

Целую вас, дорогой учитель, и прошу передать г-же Комманвиль мои почтительные приветствия.

Ги де Мопассан.

Я видел Лемерра, который должен незамедлительно послать вам проект договора.

№ 71. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 20 ноября 1878 г.

Дорогой учитель,

Полагаясь на обещание г-на Барду, я должен спокойно ждать в своем министерстве, пока он не уведомит меня о моем назначении по министерству народного образования. Я и жду, но боюсь, не столько того, что обо мне забыли, сколько того, что мною опять пренебрегли. Нет ли у вас каких-нибудь новостей? Г-н Шарм должен был вам ответить. Написал ли он вам? Я живу в тревоге. Здешняя моя служба — ад. Я не мог увидеться с г-ном д'Осмуа, во-первых, потому, что мне не позволяют отсюда отлучаться, а затем потому, что г-н Барду положительно обещал мне устроить все в течение нескольких дней, и я не хотел понапрасну ему докучать.

Мать моя здесь, она очень больна, но мы еще не добились посещения ни Потена, ни Шарко, которых пригласили на дом.

Целую вас. *Ги де Мопассан.*

№ 72. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 2 декабря 1878 г.

Я не написал вам ранее, дорогой учитель, потому, что ничего больше не узнал. В четверг мне так и не удалось увидеться с г-ном Барду. Я попытался попасть к нему в пятницу и в субботу, но безуспешно. Наконец сегодня утром я был принят г-ном Шармом.

Он сказал мне: «Г-н министр хочет действовать деликатно. Вы должны заменить здесь сына одного из его старых друзей (г-на де Прессансе), и ему хочется, прежде чем взять вас, самому предупредить отца молодого человека. Мы уже трижды писали ему, чтобы он пришел, но он не явился и не ответил. Не затрудняйте себя более, я уведомлю вас, когда все будет улажено».

И он распрощался со мной. Все это показалось мне подозрительным. А если этот г-н де П... так и не явится? Не ждать же мне его бесконечно. А вдруг он попросит г-на Барду оставить сына и министр согласится? В конце концов будем ждать, раз ничего другого не остается. Мне это особенно неприятно, так как мой шеф узнал, не ведаю уж, каким образом, что я собираюсь уходить, и предупредил меня, что доложит об этом директору. Со всяким другим, кроме г-на Барду, я был бы спокоен. Ведь он мне категорически обещал; я даже знаю, какую работу дадут мне по поступлении: переделку ежегодника народного образования... Но с г-ном Барду я опасаюсь всего. Заявил же он месяц тому назад г-же Паска, что ее прием во Французскую комедию — дело решенное. Это оказалось неверным. Она была тем более разочарована, что уже почти не рассчитывала на поступление и новая надежда привела ее в восторг.

Золя прочел нам две главы из *Нана;* вторая мне не понравилась, третья показалась лучше. Деление книги

неудачно. Вместо того, чтобы развивать свой сюжет прямо от начала до конца, он подразделяет его, как в *Набобе*, на главы, образующие настоящие акты, так как действие в них происходит в одном месте и содержит в себе только один эпизод; словом, он избегает всякого рода переходов, что, конечно, гораздо легче. Таким образом, первая глава — *Представление в Варьете*, вторая глава — *Комната Нана*, третья глава — *Вечер у графа Мюффа*, четвертая глава — *Ужин у Нана*.

Матери не лучше, но врачи смотрят утешительнее на ее болезнь, хотя и не согласны друг с другом относительно хода лечения.

Прощайте, дорогой учитель, крепко целую вас и жму вашу руку. Почтительно приветствую г-жу Комманвиль.

Ги де Мопассан.

№ 73. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 5 декабря 1878 г.

Ничего, ровно ничего нового, дорогой учитель, а мое положение здесь становится невыносимым. Мой шеф, знающий, что я должен уйти, предупредил директора, и мне уже наметили преемника. Поэтому каждое утро меня спрашивают: «Когда же вы наконец уйдете? Чего вы ждете?»

О свидании с г-ном Барду я не могу и мечтать. Прежде всего потому, что мне больше не разрешают отлучаться. Пять раз, прождав долгое время в приемных министерства народного образования, я являлся на службу ровно в час дня, и, если я выкину такую штуку еще раз, мой шеф может немедленно выставить меня. Да и что мне даст свидание с министром? Он был бы очарователен, пожимал бы мне руки, говорил бы, как г-н Шарм в прошлый понедельник: «Через два дня все будет улажено». А после моего ухода и не вспомнил бы об этом.

Такая задержка ужасна для меня во всех отношениях.

Если бы я поступил в министерство народного образования месяц назад, когда г-н Барду объявил мне, что все устроено, у меня было бы уже два месяца службы к

Новому году, и я мог бы получить часть обещанного вознаграждения. Если же я поступлю теперь, то не через две же недели мне дадут 200 или 250 франков сверх моего твердого оклада; я не могу теперь рассчитывать и на денежную награду в морском министерстве, вследствие чего буду иметь на своей шее всех своих поставщиков, которых должен был оплатить из этих денег.

Затем, если министерство падет в январе или в феврале — об этом говорят все,— у меня не окажется достаточных заслуг, чтобы получить повышение. Словом, я полон беспокойства. Какой-нибудь директор устроил бы все это за неделю. Г-н же Барду не осмеливается, так как боится своих директоров. Возможно, впрочем, что выполнение данного обещания может повредить ему. Но что делать? Увидеть его я не могу, а с письмами моими не стали бы считаться. Он обещал мне так уверенно на этот раз; я уже думал, что дело сделано. Теперь же я не знаю, что и как, и вот мое положение в морском министерстве более чем скомпрометировано.

Я отправляюсь завтра или послезавтра к Э. Доде за *Феерией*...— как люди глупы, подлы и трусливы! А Шарпантье издает *Путешествие на аэростате* Сары Бернар с иллюстрациями Клерена... Да еще роскошным изданием. И говорит по этому поводу, что «следует быть немного артистичным время от времени». Скажите, пожалуйста! Я заходил к Дефоржу посмотреть картину г-жи Комманвиль. Я нахожу ее очень хорошей.

Прощайте, дорогой учитель, целую вас. Отомстите *Буваром и Пекюше* издателям, редакторам газет и прочим дуракам.

Всецело ваш

Ги де Мопассан.

№ 74. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

7 декабря 1878 г.

Ваше поручение исполнено, мой дорогой учитель, и *Либрери Нувель* вышлет вам (самое позднее завтра) *Хорошее и дурное в женщинах.*

Что же касается меня, то я погряз в дерьме по шею и истерзался от неприятностей и невыразимой печали.

Морское министерство, естественно, отказалось дать мне отпуск, а мой директор, взбешенный тем, что я пытался уйти, предложил мне подать в отставку, «раз я нашел какое-то другое место». Я отказался подать это прошение до тех пор, пока не получу согласия г-на Барду. Но здесь не хотят ничего слушать и требуют от меня ясного ответа: «ухожу» или «остаюсь». Так обстояло дело в четверг. Чтобы избегнуть вопросов, я пошел к себе и написал, что болен; затем стал проводить свои дни в приемной г-на Барду, но так и не смог ни увидеть его хоть на минуту, ни добиться какого-нибудь ответа. Г-н Шарм говорил мне ежедневно: «Подождите, я поговорю с ним о вас; приходите завтра, вы получите окончательный ответ»; и каждое «завтра» я возвращался, но не получал ничего, кроме туманных обещаний. В морском министерстве я потерял наградные в конце года и очень надолго, может быть, лет на десять, всякую надежду продвинуться. А в министерстве народного образования смеются надо мной — не г-н Шарм, делающий все, что в его силах, а министр, у которого никогда и не было намерения пристроить меня и который стремится только выиграть время. Завтра я еще раз засяду в его приемной и пробуду там целый день в надежде поймать его. Не знаю, что делать; мать ужасно беспокоится обо мне, и я даже решил разыскать Тарбе, который был очень любезен со мной в прошлом году, и попросить пристанища в его листке. Пусть платит мне, сколько пожелает. У меня нет ни одного су и никаких иных возможностей, разве только броситься в Сену или к ногам моего шефа, ведь одно другого стоит.

Словом, я надеюсь завтра увидеть Барду и поговорить с ним энергично. Тяжелая штука — жизнь.

Целую вас, мой добрый и дорогой учитель. Моя мать также.

Ги де Мопассан.

№ 75. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 11 декабря 1878 г.

Я обещал вам сообщить новости, дорогой учитель; они не так хороши, как я надеялся. Г-н Барду, правда,

сделал официальный запрос, но в терминах столь двусмысленных, что возникли почти непреодолимые трудности. Он просит, чтобы я был к нему только прикомандирован, а продолжал числиться по морскому ведомству, и настаивает на этом пункте. Это позволит откомандировать меня обратно в день его падения. Руководители морского министерства не замедлят ответить, что они не видят никаких препятствий к моему окончательному и полному переходу в министерство народного образования и что правила не допускают временной уступки чиновника другому министерству. Почему он не хочет попросту определить меня к себе? К чему эти извилистые пути? Итак, все остается под вопросом. Сразу после отсылки ответа адмирала Потюо я опять зайду к г-ну Шарму. Эти люди неоткровенны. Они видят, что вынуждены выполнить свои обещания, и изыскивают увертки, чтобы выйти из затруднения. Г-н Барду в своем письме дает очень ясно понять, что я возвращусь в морское министерство, как только кончится большая работа, принуждающая просить о прикомандировании меня к его кабинету. Это, конечно, верный способ, чтобы мне отказали в переходе.

Ничего нового и в других областях. Мать все в том же состоянии — ни лучше, ни хуже. Она целует вас.

Я досадую, нервничаю, не могу работать; мой шеф, уверенный в том, что может удержать меня, если того захочет, теперь, увидев формулировку письма г-на Барду, смотрит на меня сверху вниз. Грязные свиньи!

Я вам сообщу новости, лишь только получу их.

Целую вас, дорогой учитель, и нежно жму вашу руку.

Ги де Мопассан.

№ 76. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

12 декабря 1878 г.

Новости немного лучше, дорогой учитель, и я надеюсь, что мы наконец придем к чему-нибудь определенному. Мне удалось сегодня утром увидеть г-на Шарма, причем я очень долго беседовал с ним. Кажется, мне посчастливилось ему понравиться, и он идет мне

навстречу, насколько возможно. Оказывается, г-н Барду не захотел принять меня окончательно, опасаясь, по его словам, что я останусь без места в случае его отставки. Г-н Шарм сказал мне: «Я беру это на себя и обещаю вам нажать на министра, чтобы он нашел вам что-нибудь в министерстве; это легко, и я не разделяю колебаний и сомнений г-на Барду. Если морское министерство откажется прикомандировать вас, даю вам слово устроить так, что вас немедленно затребуют, и уже окончательно». Итак, я жду снова!

Меня заверили, что можно положиться на г-на Шарма, который никогда не обещает того, чего не собирается исполнить. Я надеюсь наконец на удачный исход. Это мне крайне необходимо, так как шестинедельное ожидание измотало меня. Я пережил столько надежд и разочарований, столько сомнений и отказов, столько всякого рода терзаний, что совершенно не могу работать.

И вот я, несомненно, у цели, за что должен принести вам, дорогой учитель, бесконечную благодарность.

Г-жа Брэнн, у которой я вчера обедал, жалуется, что вы забыли ее.

Сегодня вечером иду к Шарпантье. Там обедает Гамбетта.

Целую вас. Мои сердечные и почтительные приветствия г-же Комманвиль.

Ги де Мопассан.

У меня твердое перо, и это мешает мне, а то я бы еще долго писал вам.

№ 77. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 16 декабря 1878 г.

Дорогой учитель,

Только что был в министерстве народного образования и спешу сообщить вам новости. Я видел помощника правителя канцелярии министра, и он сказал, что дело можно считать решенным и что я должен быть готов к занятию новой должности. Но так как я выска-

зал удивление по поводу извилистого пути, которым заставили меня следовать, недоумевая, почему мне не было предложено просто подать в отставку, он ответил, что это было сделано, дабы облегчить мне возможность вернуться в морское министерство, если г-н Барду уйдет со своего поста.

Я привел ему в качестве возражения категорическое обещание министра, данное в присутствии г-на Шарма, об устройстве меня в министерстве, если ему самому придется уйти. Помощник правителя канцелярии рассмеялся и сказал: «Г-н Барду раздает направо и налево тысячи обещаний, которые выполнить не может. Не слишком доверяйте ему».

Словом, я увижу в четверг министра и поговорю с ним серьезно. До этого я подожду. Но чувствую в этом какой-то подвох, чтобы спровадить меня в морское министерство в день — а он приближается — падения кабинета. Это было бы во всех отношениях плачевно для меня, о чем я и собираюсь побеседовать с ним в четверг. Все республиканские газеты атакуют его, и я думаю, что в скором времени его заместит Антонен Пруст.

Г-н Барду выдохся и уже больше не дает обещаний. Я видел Золя, который тоже недоволен им. Вы, вероятно, помните, как вы поручили мне передать Золя, когда он не получил ордена, что министр хочет повидаться с ним. Вы повторили ему то же самое несколько дней спустя. Золя идет к г-ну Барду, который выражает крайнее удивление и заявляет: «Я не говорил этого, я не говорил Флоберу, чтобы он предложил вам зайти ко мне». Он совершенно забыл об этом, так же как забыл на днях, принимая меня, что я посещаю его уже третий раз и что по его просьбе написал ему письмо; несмотря на мои возражения, он упорно уверял, что видит меня впервые.

Не больше я верю и тому, чтобы ему удалось извлечь меня из морского министерства тем способом, к которому он прибегнул. Правила, наверное, не допускают временного использования служащих другого министерства. Словом, увидим.

Матери не лучше. Потен, у которого она была на консультации, утверждает, что нет ничего органиче-

ского в болезни ее сердца и глаз. Есть только нервный ревматизм, очень опасный, однако, потому, что он угрожает спинному мозгу и может привести к параличу. Он категорически запретил ей, даже на несколько недель, пребывание в Этрета, что привело нас в большое смущение и серьезно огорчило мать.

Целую вас и жму вашу руку, дорогой учитель, а также очень прошу вас передать мое приветствие г-же Комманвиль

Ги де Мопассан.

№ 78. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Декабрь 1878 г.

Дорогой Леон,

Обращаюсь к тебе без всяких церемоний и прошу одолжить мне, если возможно, шестьдесят франков до Нового года. Вот что со мной случилось. Я надеялся на те восемьдесят франков, которые мне должен Перагалло, но с ним рассчитаются только в январе. Журнал, именующийся *Реформа,* должен мне пятьдесят франков за моего *Папу Симона.* Редактор болен, и мне заплатят только по моем возвращении. Наконец, Кампион все еще должен мне те безонские тридцать семь франков. Итого дефицит в сто шестьдесят семь франков, но к первому января я получу и наградные и жалованье.

Весь твой

Ги де Мопассан.

Причисленный к кабинету министра народного образования, вероисповеданий и искусств, особоуполномоченный по переписке министра и по делам управления отделами вероисповедания, высшей школы и учета.

№ 79. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

26 декабря с. г. [1878 г.]

Меня очень задергали в эти дни, дорогой учитель, и я не мог вам написать. Наконец я водворился в прекрасной канцелярии, окна которой выходят в сад, но я

нахожу, что положение мое здесь пахнет чем-то временным. Обещано включить меня в штат с окладом в 1 800 франков (я тороплю, чтобы это было сделано) и предоставить мне в случае отставки министра некоторую сумму из фондов кабинета в качестве твердой надбавки.

Пока г-н Барду находится здесь, финансовое положение будет прекрасно. У меня будет 1 800 франков жалованья, 1 000 — из сумм кабинета и затем по крайней мере 500 франков наградных ежегодно. Но если он падет сейчас — ничего.

Я еще не видел министра, но вижу часто г-на Шарма, который оказал мне большие услуги и может оказать их также в будущем. Я получил место, мне следует обосноваться тут крепко и продвигаться по возможности быстро.

Вот только временем я не располагаю. Я являюсь к девяти утра и ухожу в половине седьмого. На два часа в день ухожу завтракать. Но это только переходный момент, и я буду свободнее, когда перейду в управление.

Я пользуюсь большим уважением. Директора обходятся со мной почтительно, а начальники бюро обожают меня. Остальные взирают на меня издали. Мои коллеги рисуются. Они находят меня, я думаю, чересчур простым. Я вижу вещи смешные, смешные, смешные, а также грустные, грустные, грустные — словом, все глупо, глупо, глупо здесь так же, как и повсюду.

Только одна у меня неудача — не нравлюсь ламповщику, который все еще не хочет дать мне лампу. Если это будет продолжаться, я доложу начальнику кабинета.

Я снова был в *Либрери Нувель*. Г-н Ашилль нигде не может раздобыть *Хорошее и дурное в женщинах*. Книга полностью разошлась.

А Золя?.. Эта статья за две недели до *Западни!* Хороша же у него будет пресса!

Балланд собирается сыграть на утреннике (когда именно, я не знаю) мою пьесу *В старые годы*. Это приятно. К сожалению, утренники ничего не приносят.

Досадное обстоятельство! В кабинете министра нужно бывать и по воскресеньям до полудня. Полагаю,

однако, что найду время для литературных занятий; работа здесь пойдет быстро, когда я к ней привыкну. Она несложна.

Целую вас нежно, дорогой учитель, изъявляю вам благодарность и прошу вас передать г-же Комманвиль мои почтительные и дружеские приветствия.

Ги де Мопассан.

№ 80. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

26 декабря 1878 г.

Я заходил к тебе вчера, чтобы спросить, не хочешь ли пойти в Водевиль, но твой лакей сказал мне, что у вас семейный обед, поэтому я решил, что ты не сможешь.

Свободен ли ты в субботу вечером и не хочешь ли туда пойти? У меня опять будут два места.

Всецело твой

Ги де Мопассан.

Причисленный к кабинету министра народного образования, вероисповеданий и искусств, особоуполномоченный по переписке министра и по делам управления отделами вероисповедания, высшей школы и учета.

№ 81. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

13 января 1879 г.

Дорогой учитель,

Я видел Золя вчера вечером, и он сообщил мне, что вы не приедете этой зимой. Это известие меня так изумило и огорчило, что я прошу вас ответить мне не откладывая, верно ли оно. Провести зиму без вас представляется мне немыслимым: моим самым большим удовольствием в году была возможность в продолжение трех или четырех месяцев беседовать с вами по воскресеньям, и мне кажется, что лето не наступит, если я не увижу вас. Г-жа Комманвиль, должно быть, в Париже, но так как я не могу покинуть свою канцелярию

ранее половины седьмого, мне невозможно пойти к ней.

Я не знаю, что с нами станется. Я считаю министерство конченным и боюсь, что в разгроме обо мне забудут. Я на штатном окладе в 1 800 франков, но если у меня не останется ничего больше, то это немного. Тем более, что я, по правде сказать, не знаю, почему наш министр не взял меня раньше. Ничто ему не мешало. Золя не получил ордена из-за статьи, которую он поместил в *Фигаро!!!* Начальник кабинета сказал мне, что министр действительно не мог дать ему крест в тот момент!!! У этих людей ум зашел за разум... Неужели одна критическая статья может уничтожить талант Золя? Впрочем, я вижу неслыханные вещи. Чем люди выше, тем они глупее (или становятся глупее). От некоторых сценок, при которых я присутствую здесь, у меня появляется внезапное желание кричать, как от приступа зубной боли. О, какой великолепный роман можно написать из быта министерств!!!

Г-н Барду, человек неглупый, подобрал себе странное окружение. И у всех этих лиц, как и в случае с орденом Золя, какая-то особая изворотливость, лицемерная и лукавая, как у людей, накладывающих от страха в штаны к великой радости юнцов.

Премьера *Западни* состоится в четверг или в субботу.

Золя сокрушается, что вы не приедете: он говорит, что себя обретаешь только у вас и что ему предстоит одинокая зима.

Мою маленькую пьесу репетируют в Третьем французском театре, но у меня нет времени сходить хотя бы на одну репетицию. Я прихожу сюда в девять и ухожу в половине седьмого. Вы понимаете, что у меня остается очень малый досуг. Я все больше и больше отдаляюсь от моего бедного романа: боюсь, как бы не была перерезана пуповина. И, однако, мне очень хотелось бы, чтобы министр остался: я принял бы меры к тому, чтобы устроить себе тут удобное местечко. Думаю, что это вполне возможно. Тогда я мог бы наконец работать более спокойно.

Сообщите мне, приедете ли вы. Целую вас, дорогой учитель, и умоляю покинуть Круассе хотя бы недели на

две, чтобы я мог немного побеседовать с вами. Ведь мир — это пустыня, где даже не поговоришь, так как говорить не с кем.

Ги де Мопассан.

№ 82. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Кабинет министра народного образования, вероисповеданий и изящных искусств.

Понедельник [январь 1879 г.]

Дорогой учитель,

...Сегодня министерство должно пасть. Мне не везет.

Западня прошла с успехом!

На мой взгляд, это длинно и не очень остро. Но декорации великолепны и есть удавшиеся сцены. Delirium tremens[1] вызывает у женщин обмороки. Смотреть пойдут. Премьера принята очень благосклонно. Отдельные слабые протесты были остановлены тремя взрывами аплодисментов. Я полагаю, что пьеса удержится надолго.

Целую вас, дорогой учитель, и прошу приехать как можно скорее.

Ги де Мопассан.

№ 83. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

28 января 1879 г.

Дорогой учитель,

Фигаро сообщает, что вы сломали ногу. Я полон тревоги и беспокойства. Я написал Пуше, который должен быть в Круассе в воскресенье, но если неподвижность, на которую вас должны обречь, не мешает вам писать, пришлите мне записочку, прошу вас. Я постараюсь освободиться в одно из воскресений (теперь

[1] Белая горячка *(лат.)*.

ведь я бываю здесь ежедневно) и съездить повидать вас, побеседовать с вами, привезти вам новости, парижский воздух, немного развлечения в вашей печали. Поистине это уже слишком. У неба, следовательно, как и у правительств, ненависть к литературе?.. Как вы, должно быть, несчастны в постели, без работы! Я думаю только о вас с сегодняшнего утра. Когда судьба обрушивается на кого-нибудь, она преследует его на все лады. Это несчастье не только огорчает меня, но и возмущает, потому что кажется мне низостью: судьба, не имея возможности сразить ваш дух, поражает ваше тело. Нельзя ли перевезти вас сюда, где вас по крайней мере навещали бы и заботились бы о вас?

Крепко целую вас, дорогой учитель, и прошу у вас, как милости, написать мне или поручить кому-нибудь написать записку.

Ваш

Ги де Мопассан.

Мне было невозможно до сего времени сходить к г-же Комманвиль; я пристыжен и огорчен этим, но ведь я прихожу в канцелярию к девяти часам, а ухожу самое раннее в половине седьмого, что не оставляет мне ни одной свободной минуты. Естественно, я не мог повидать и Тургенева. Получили ли вы собранные мной справки для вашего брата?

№ 84. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, среда [февраль 1879 г.]

Дорогой учитель,

...Моя пьеса пойдет через десять дней у Балланда. Не можете ли вы, дорогой учитель, прислать мне рекомендательное письмо к Теодору де Банвилю, которого я хотел бы пригласить на премьеру. Я постараюсь обеспечить присутствие возможно большего числа критиков, присутствие же де Банвиля особенно желательно потому, что пьеса в стихах.

Я видел Банвиля у вас, но он не узнает меня при встрече.

Мне известно через г-жу Комманвиль, что вам лучше. Когда мы вас увидим? Вы не представляете, как мне хочется и как нужно вас видеть.

Целую вас, дорогой учитель, и жму вашу руку.

Тысячу приветствий Лапорту.

Ваш

Ги де Мопассан.

№ 85. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 18 февраля 1879 г.

Пишу вам второпях, дорогой учитель, потому что завален работой. Сверх того завтра вечером играют мою пьесу, и мне придется немало потрудиться с распределением мест. Надеюсь, что будет неплохо. Я написал Доде, спрашивая, может ли он быть. Он не ответил мне так же, как и по поводу *Лепестка розы.* Все же я посылаю ему по почте два билета.

Банвиль был очарователен. Он придет. Будут также Лапоммерэ и от *Голуа* (может быть, и от *Фигаро*?).

Думается, что я вам уже писал о трех своих бесплодных попытках застать дома Эрнеста Доде и забрать вашу *Феерию.* Так как я выхожу из своей канцелярии не раньше семи вечера, а прихожу туда к девяти утра, то могу пойти к нему только вечером, часам к девяти. Я сделал три тщетные попытки и в ближайшее время сделаю четвертую. Пойду дня через два.

Попытаюсь поехать к вам, но не ручаюсь, что это удастся. И вот почему. В морском министерстве я пользовался льготным проездом и платил, следовательно, только четвертую часть стоимости железнодорожного билета. Путешествие в Руан обходилось мне в 9 франков туда и обратно. В настоящее время во втором классе оно будет мне стоить около 36 франков, а для человека, тратящего в среднем четыре франка в день, это не по карману. (Тем более, что начальник клаки,

суфлер и машинист обойдутся мне в 60 франков. Для пьесы, которая не принесет никаких доходов, это многовато.)

Словом, я обследую состояние моих финансов в конце месяца и надеюсь, что мне все же удастся поехать и провести день с вами. Я очень хочу видеть вас, и это мне очень нужно. Я желал бы также поговорить с вами о вас и дать оценку истории с Гамбеттой более правильную, чем оценка других.

Я вам напишу тотчас, как только моя пьеса будет сыграна. В ожидании этого целую вас.

Ги де Мопассан.

№ 86. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

26 февраля 1879 г.

...Моя пьеса имела успех даже больший, чем я мог ожидать. Лапоммерэ, Банвиль, Клареси были очаровательны, *Пти журналь* — очень добр, *Голуа* — любезен, Доде — вероломен. Он сказал: «Г-н де М. обновил для сцены, сам того не подозревая, *Желтые розы* Альфонса Карра. Никто, без сомнения, не забыл сюжета, вот он». Затем он анализирует *Желтые розы* (которые я совсем не знаю), и притом так, что получается абсолютное сходство с моей пьесой, хотя, судя по собранным мной сведениям, различия между двумя сюжетами весьма значительны; Доде заканчивает этот анализ несколькими словами похвалы. Золя не сказал ничего; надеюсь, что он выскажется в понедельник. Впрочем, его «банда» третирует меня, находя, что я недостаточно натуралистичен; никто из них не подошел пожать мне руку после *успеха*. Золя и его жена *много аплодировали*, а позднее горячо поздравляли меня. Говорят, что некоторые газеты отозвались с похвалой, я еще не успел их раздобыть. Г-жа Паска собирается играть мою пьесу в свете.

Прощайте, дорогой учитель, крепко целую вас и испытываю сильнейшее желание вас видеть.

Ваш
Г. де М.

№ 87. Г-ЖЕ БРЭНН

Кабинет министра народного образования, вероисповеданий и изящных искусств.

[Февраль 1879 г.]

...Не думайте ни в коем случае, что я вас забыл! Я никак не мог отлучиться из министерства, что и является единственной причиной моего продолжительного отсутствия. Уверяю вас, я часто делал все возможное, чтобы вырваться со службы и повидаться — до двух часов дня — с вами, но официальные лица, которых я обязан был принять, все время задерживали меня.

...Я огорчен и опечален тем, что пообещал Флоберу провести с ним масленую. Теперь уже слишком поздно. А он меня ждет.

Если бы я поделился с вами, сударыня, всеми преследующими меня мыслями, вы, наверное, не обвинили бы меня в том, что я вас забыл!..

№ 88. Г-ЖЕ БРЭНН

Кабинет министра народного образования, вероисповеданий и изящных искусств.

1 апреля 1879 г.

Вы не можете себе представить мое огорчение, когда каждую среду мне приходится убеждаться в том, что я опять не могу пойти к вам. Я ухожу со службы каждый раз только в шесть — ведь для того, чтобы уйти, я должен ждать возвращения с подписи министра бумаг по моему управлению,— а если случайно представится возможность уйти раньше, всегда бывает так, что это не тот день, который мне нужен.

Но теперь — и на этот раз окончательно, если только небо не свалится мне на голову,— я буду обедать у вас в будущий понедельник и сложу к вашим ногам все свои сожаления, извинения и уверения в самых преданных, но горестных чувствах, подобных тем, что испытывает король, беспрестанно разлучаемый государственными делами с королевой, с которой он не хотел бы расставаться.

Разрешите мне, сударыня, облобызать кончики ваших пальцев...

№ 89. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

Кабинет министра народного образования, вероисповеданий и изящных искусств.

Париж, 9 апреля 1879 г.

Препровождаю тебе нижеприлагаемый детальный «Рапорт» [1] о миссии, которую ты возложил на меня.

Рапорт

Каса тельно дома по бульвару Клиши, 75, и гром ад ной фат еры, там же пом ешь чаю щей ся.

Вошь ли. Не плаха я лестница; за тем д линючая гал дар эй я, такая об вет шалая, как рожа у ста рой кур вы щи. Чи та ешь на дверях: г-н Джон Жо..., живо писец с натур (женских), г-н Пис-со, морской, речной и прочих жид костей живо писец; г-н Бл..., живо писец роз и розеолы; г-жа Роза Кака кшиман, свинописица. Тут я по звон ил. От пёрла сама мамзель Роза. Я из рек: «Где у вас каналын зация?» Ана сказала: «Вонь там». Тут я состав ил план фат еры с цыферацией [2].

Затем я имел продолжительную беседу с мадмуазель Розой, поручившей мне передать тебе следующее.

Ей хотелось бы, чтобы ты занял квартиру немедленно по той причине, что она нашла лучшую и зна-

---

[1] Мопассан дает здесь опыт орфографического трюка или орфографической шутки, построенной по шарадному принципу. Он делит слова на слоги и меняет орфографию слога, сохраняя, однако, его звучание («di» вместо «dit», «li» вместо «lit», «aille» вместо «elle»). Большей частью слог при измененном написании получает самостоятельное смысловое значение, а сочетание таких омонимических синтагм иногда создает каламбур («corridor» — «corps y dort»; «sonne» — «sot nez»). Встречается и игра слов (например, «vache» — «корова», но означает также «подлец», «свинья», «шлюха») В одном случае он меняет начальное «n» на «l», вероятно, по системе лушебрэма (жаргона мясников), а именно: вместо «numeros» — «luméros».— *Ред.*

[2] Здесь Мопассан поместил детальный план помещения и снабдил его надписью, применив ту же фантастическую орфографию.— *Ред.*

чительно более дешевую, а так как последняя освобождается 15 апреля, то она не хочет терять плату за месяц. Если же ты переедешь не раньше 1 мая, она, возможно, останется на этой квартире до конца месяца.

...И в том и в другом случае напиши ей и сообщи, что ты переберешься самое позднее 1 мая.

Квартира хорошая, но, возможно, несколько маловата. Мастерская поглощает все. Она великолепна. Ну, уж если ты и там не проявишь таланта, то каюк!..

Целую тебя, жму ручки твоей жены и жду вас.

№ 90. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

10 апреля [1879 г.]

Старый дуралей,

Прежде всего не нагружай меня поручениями к мадмуазель Розе. Я уезжаю сегодня вечером в Этрета.

Начиная с будущей среды я буду в твоем распоряжении.

Твоя крошка

Ги-ги.

№ 91. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 24 апреля 1879 г.

Я всегда буду, дорогой учитель, жертвой министерств. Вот уже неделя, как я хочу вам написать и не могу найти получаса для того, чтобы это выполнить. У меня здесь очень хорошие отношения с Шармом, моим шефом; мы почти что на равной ноге; он приказал поставить мне красивое бюро. Но я ему принадлежу; он наваливает на меня половину своей работы; я повинуюсь и пишу с утра до вечера; я вещь, послушная электрическому звонку, и в результате у меня свободы не больше, чем в морском министерстве. Отношения

приятные, это — единственное преимущество, и служба гораздо менее скучная. В вечер представления моей пьески Шарм сказал: «Совершенно необходимо, чтобы мы оставили вам время для работы, и будьте покойны, мы вам его оставим!» Ну да! Еще бы! Я ему полезен, и он этим злоупотребляет. Впрочем, так оно и всегда. Я хотел заслужить его доброе мнение и чересчур преуспел в этом. Относительно вашего дела, как я уже говорил, вам могли бы предложить 500 франков, и вам их предложат; но вы знаете, сколько времени требуется для малейшего пустяка. А это не пустяк, так как теперь полностью меняют всю систему пенсий, чтобы распределить их более справедливо. Имеется 600 писателей, получающих пенсию. В этом числе есть много таких, которые в ней совершенно не нуждаются, зарабатывая или получая 8 000—10 000 франков в год. Нужно отнять у них то, что им дали, но вы понимаете, что это дело щекотливое и его нельзя выполнить в один день.

В отношении вас дело решено, так же как и в отношении Леконт де Лиля, который получал 1 600 франков и которому собираются дать 2 тысячи. Шарм категорически объявил мне об этом. Но, естественно, это произойдет только тогда, когда все дело в целом будет закончено. Что скажете вы о Золя? Лично я нахожу его совершенно безумным. Читали ли вы его статью о Гюго, статью о современных поэтах и брошюру *Республика и литература?* «Республика будет натуралистичной или ее не будет». «Я только ученый» (Только!.. Какая скромность!) «Социальная анкета». Человеческий документ. Серия формул. Теперь увидят на корешках книг: «Большой роман по натуралистической формуле». Я только ученый!.. Это сверхъестественно! И никто не смеется...

Вы не получили новой книги Энника, потому что он никому ее не посылал. Это роман, написанный им в восемнадцать лет для газеты *Ордр* и купленный у него г-ном Дантю. Он не показывает его.

Г-жа Паска (это между нами) едва не умерла от горя из-за своего разрыва с Рикаром, и можете быть уверены, что она уж не сыграет мою пьесу у принцессы Матильды. В голове у нее ничего не осталось, кроме

любовного отчаяния. Черт возьми, как женщины глупы!..

Золя поручил мне сказать, что он вас ждет с нетерпением, чтобы дать обед, обещанный им по случаю 50-го издания *Западни*. Он надеется, что вы будете здесь в самом начале мая, сам же он рассчитывает уехать немедленно после. Он отложил свой отъезд из-за этого. Чета Ш. дошла до чудовищных пределов глупости. Жена еще в большей степени, чем муж.

Жду вас с нетерпением. Томлюсь от скуки, и к тому же мне немного нездоровится: кровь циркулирует плохо, а врачи только и делают, что повторяют свою вечную фразу: «Гимнастика, занимайтесь гимнастикой!» Но у меня есть время только для работы, отчего я становлюсь очень ворчливым.

Прощайте, дорогой учитель. Целую вас с сыновней нежностью.

Преданный вам

Г. де М.

№ 92. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Кабинет министра
народного образования,
вероисповеданий и изящных
искусств.

9 мая 1879 г.

Милостивый государь и дорогой учитель,

Я только что получил и прочел вашу книгу. По-моему, это прекраснейший из ваших романов, иначе говоря, прекраснейший из современных романов: он исполнен проникновенной и грустной прелести, особой задушевности и той поэзии, которая свойственна жизненной правде; он является произведением поразительным, неповторимым, захватывающим, пленительным.

Конец очень прост и вместе с тем самый сильный из всех, какие я знаю; вы так хорошо дали понять благодаря могуществу и гибкости своего таланта чувство зависти искалеченного брата, что читатель взволнован, словно столкнулся с одним из проявлений страсти.

Примите, дорогой учитель, вместе с моей благодарностью дань моей глубокой преданности и искреннего восхищения.

Ги де Мопассан.

№ 93. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 15 мая 1879 г.

Дорогой учитель,

Я получил следующее письмо от принцессы Матильды:

«Милостивый государь, вы были так добры, что прислали мне свою пьесу, написанную прелестными стихами. Я испытываю живейшее желание, чтобы она была прочитана у меня г-жой Паска, которой пишу одновременно. Я прошу назвать удобный для нее день и партнера, который должен играть вместе с ней. Надеюсь, что вы пожелаете присутствовать на представлении, а главное, руководить им. Мое помещение вполне подходит для пьесы.

Соблаговолите поверить моему удовольствию познакомиться с вами, поблагодарить вас за то, что вы подумали обо мне, и принять и т. д. ».

Как поступить? Написать или сделать визит? В обоих случаях, если вам нетрудно, черкните несколько указаний о светских приличиях.

Если написать, то как ее титуловать? Всемилостивейшая принцесса или ваше высочество? С мужчиной дело просто: монсеньёр. Но с женщиной? При разговоре говорят ли «ваше высочество»? Обращение в третьем лице отдает, по-моему, лакейством. Но как же тогда? «Высочество» неблагозвучно и фамильярно по тону, точно это царственное тыканье. Может быть, все-таки: всемилостивейшая принцесса?

Жду от вас срочного указания, чтобы не оставлять в течение двух дней это письмо без какого-либо ответа.

Целую вас, дорогой учитель.

Г. де М.

№ 94. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро

Париж, 18 июля 1879 г.

Дорогой учитель,

Перечитав *Анриетту Марешаль* и *Родину в опасности,* я испытал сильнейшее желание увидеть их на сцене. Я убежден, что обе пьесы имели бы в настоящее время огромный успех, вызванный не только их литературными достоинствами, но и захватывающим интересом интриги. Вся часть, касающаяся любви Анриетты Марешаль, имела бы, бесспорно, огромный успех у публики, отвыкшей от столь волнующего содержания, переданного теми изобразительными приемами, которые и создают совершенство стиля.

Я не представляю себе, чтобы эти две пьесы не были поставлены в ближайшее время. Тогда я выразил бы свое восхищение иначе, чем на словах.

Ваше предисловие и ваши рассуждения о театре понравились, может быть, не всем нашим друзьям, но мне доставили удовольствие, которое всегда испытываешь, когда встречаешь собственную мысль, облеченную в блестящую форму.

Примите, дорогой учитель, вместе с моей благодарностью уверения в моей глубокой преданности и искреннем восхищении.

Ги де Мопассан.

№ 95. МАТЕРИ *

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

Париж, 14 августа 1879 г.

Я несколько запоздал с ответом, дорогая мама, но сейчас у меня очень много работы. Г-н Шарм только что вернулся из отпуска, и я торчу в министерстве с

утра до ночи. Вот письмо, которое я получил от Эрве. Я отругал его до этого в очень резких и унизительных выражениях. Он ответил мне, как видишь, весьма смиренно. Тогда я послал ему суровое, но милостивое письмо. Постарайся добиться от полковника согласия на перевод Эрве в другой корпус.

По всей вероятности, я поеду в Бретань в сентябре, но чтобы совершить полностью задуманное путешествие и не чувствовать себя стесненным в деньгах, прошу тебя (если тебя это не стеснит) дать мне взаймы 60 франков; верну их первого января или немного позже. Ввиду того, что я получу по крайней мере 300 франков наградных, отдать тебе долг будет нетрудно. Отец оплатит путешествие, как он обещал сделать, когда вопрос встал о Голландии. Если сумма в 60 франков хоть в какой-то мере может стеснить тебя, скажи мне прямо; это не помешает мне совершить предполагаемую экскурсию.

Вот что я надумал. Отправиться прямым маршрутом в Ренн, оттуда в Нант через Редон, затем в Орэ, Киберон, Сен-Бриё, Динар, Сен-Мало, Авранш, Кутанс, Джерси и Гернси, Шербур, Кан. Я повидаюсь с тобой проездом через Сен-Жакю. Затем в середине сентября, когда ты вернешься в Этрета, я навещу тебя по дороге из Кана в Гавр, проведу в Этрета дней десять и вернусь в Кан, чтобы не пропал мой обратный билет.

Вчера я присутствовал на репетиции пьесы *В старые годы,* которая будет поставлена 15 августа в Этрета на благотворительном вечере, устраиваемом Луизой де Мирамон. Роли исполняют г-жа Ришо, бывшая актриса Одеона, в настоящее время преподавательница декламации, и г-н Жорж из театра Водевиль. Я очень доволен их игрой и полагаю, что все сойдет прекрасно. Я только что продал издателю Трессу (цена еще не установлена) мою пьесу *Репетиция,* которую сейчас переделываю для него. Она войдет в сборник, который г-н Тресс выпускает ежегодно под заглавием *Одноактные пьесы и монологи.* Добавлю, что он купил пьесу, не читая ее, преисполнившись ко мне доверием.

Луиза де Мирамон написала мне жалобное пись-

мо. Оказывается, моя пьеска стоит ей довольно дорого, так как приходится платить актерам и т. п. Кроме того, казино, у которого имеется договор с Обществом драматургов, требует с нее «мой» авторский гонорар, а именно 120 франков. Она просит у меня разрешения уплатить половину этой суммы. Хоть и не без внутренней борьбы, я разрешил ей уплатить всю сумму сполна. Она не ожидала такого удара и была по-настоящему огорчена этой новой тратой.

Впрочем, я довольно часто пользовался советами Мирамон, чтобы проявить в этом случае «щедрость».

Но *120* франков! Как они пригодились бы мне именно теперь, во время путешествия! Но не стоит думать об этом.

Прощай, дорогая мама, целую тебя тысячу раз. Пиши мне.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 96. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

Париж, 30 августа 1879 г.

Дорогой Ток,

Мне, к сожалению, не удастся провести у тебя несколько дней в сентябре, как я обещал. Этим летом я уже не увижу Нормандии; я собираюсь поехать к матери и воспользуюсь этим случаем, чтобы обойти пешком все уголки Бретани, которые, говорят, великолепны.

...Я немедленно занялся делом твоего друга Траншара, а потому можешь ему сообщить, что постановление о выдаче некоторого числа книг библиотеке Гранд-Вант было послано вчера на подпись министру.

Можешь также передать ему, что его официальная просьба была написана на таком жалком клочке, что, если бы я не предпринял розысков, бумага, наверное, затерялась бы. Ее долго разыскивали. *На дело обращают внимание и рассматривают его только тогда,*

когда оно написано на большом листе бумаги четким почерком. Листочков же с каракулями нередко не читают вовсе.

Новостей никаких. Я немного работаю и меньше, чем в прошлом году, занимаюсь водным спортом, виною чему ужасная погода, стоящая этим летом...

№ 97. МАТЕРИ

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

Париж, 1 сентября 1879 г.

Дорогая мама,

Я могу приехать к тебе только через несколько дней; Сен-Мало находится приблизительно посредине моего маршрута, и, если я поеду туда сразу, это значительно увеличит мои издержки.

Я выезжаю в субботу вечером, чтобы вечером следующего дня быть в Ванне. Затем я отправлюсь по берегу до Бреста, на что мне потребуется около недели. Оттуда я возвращусь в Ренн и Сен-Мало (или Динар), где рассчитываю пробыть 4—5 дней, чтобы предпринять несколько экскурсий. Ты можешь, следовательно, адресовать мне одно письмо в Ванн (до востребования). Я пойду за ним в воскресенье или в понедельник. Сообщи свой новый адрес. Итак, если 7 я буду в Ванне, то в Бресте окажусь около 15, а в Сен-Мало (или в Динаре) к 17. Мне нужно будет, после того как я расстанусь с тобой, 5—6 дней побыть в Этрета, куда я попаду не ранее 23—24, а выеду я оттуда 5 октября. Прилагаю план моего путешествия.

...Словом, вот мой маршрут. Я отправляюсь из Кана в Трувиль, пересекаю Сену, а оттуда направляюсь в Этрета. Затем возвращаюсь в Кан, а оттуда по своему круговому билету в Париж.

Новостей никаких. Я видел Флобера; он сейчас в Париже. Чувствует себя хорошо и поручил передать тебе свой искренний привет...

№ 98. Г-ЖЕ ПАСКА

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

Париж, 10 октября 1879 г.

Милостивая государыня,

После очень долгого отсутствия я только что вернулся в Париж и нашел у себя ваше письмо. Оно следовало за мной по всем городам Бретани, побывало на Джерси, но, не застав меня нигде, вернулось в Париж. Я слышал из многих уст, сударыня, о том, с каким талантом вы сыграли мою пьесу в казино Этрета и с каким умением восполнили недочеты памяти г-на Жоржа.

Приношу вам за это живейшую благодарность.

Само собою разумеется, сударыня, если вы окажете мне честь и сыграете в каком-нибудь салоне *В старые годы,* то будете — как и были — совершенно свободны в выборе вашего партнера. Если, как я думаю, пьеса будет сыграна этой зимой в салоне принцессы Матильды, я попрошу последнюю добиться вашего участия и предоставить вам право выбора актера, исполняющего роль графа.

Примите, сударыня, вместе с моей благодарностью уверения в глубочайшей преданности и в самых почтительных чувствах.

Ги де Мопассан.

Ул. Клозель, 17.

№ 99. МОРИСУ МОНТЕГЮ

Министерство
народного образования
и изящных искусств.

Париж, 17 ноября 1879 г.

Я оставил книгу у Флобера. Желая сделать вам любезную дарственную надпись, он хочет познакомиться с вами или по крайней мере с вашими стихотворениями. Он утверждает, что не получил вашей *Леди Темпест.* Я сказал ему, что вы пришлете ее. Он прочтет и тогда сделает просимую вами надпись.

Если не знаешь человека, сказал он мне, нужно по крайней мере знать его произведения...

№ 100. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 2 декабря 1879 г.

Дорогой учитель,

Вот письмо, полученное мною от г-жи Адам. Основание, приводимое ею для отказа в приеме моей поэмы, является, в сущности, поражением.

Я видел ее вчера. Она вернула мне рукопись, и мы побеседовали несколько минут. Она просила меня, просто из вежливости, как мне показалось, написать вещицу специально для нее, по размерам и жанру подобную *Землепашцу* Терье. При всех обстоятельствах она хочет, чтобы стихи, печатаемые ею, были написаны в духе ее журнала. Она добавила: «Ведь мы должны подчиняться публике и удовлетворять ее, знать и угадывать ее вкусы; в настоящее время я учусь этому». Всегда, всегда в нашей стране журналист старается снизиться до уровня публики, вместо того чтобы попытаться привить ей более возвышенные понятия! Правда, такое снижение не стоит труда, тогда как сделать публику более развитой гораздо труднее.

Я собираюсь через несколько дней послать этой прекрасной даме вещицу в три страницы — предел, поставленный вдохновению. Тем самым я не буду производить впечатление обиженного. Если она откажется принять и это, все будет ясно, и я больше не буду делать никаких попыток.

По ее словам, ее любимые поэты — Терье и Деруледе; она, казалось, хотела мне сказать: «Подражайте им, и вы будете своим человеком у нас». Ее прием, однако, был благосклонен. Она поручила мне написать вам, не решаясь сделать это сама.

Я усердно работаю над моей новеллой о руанцах и войне. Отныне мне придется запастись пистолетами, когда случится проезжать через Руан.

Целую вас нежно, дорогой учитель. Сообщайте мне новости о себе и вашей книге. Спасибо за хлопоты.

Ги де Мопассан.

№ 101. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 5 января 1880 г.

Дорогой учитель,

По-видимому, вы забыли о том, что я говорил в свой последний приезд в Круассе по поводу нашего сборника новелл, поэтому спешу объяснить, в чем дело. Золя опубликовал в России, а затем во Франции, в *Реформе,* новеллу о войне, под названием *Осада мельницы.* Гюисманс напечатал в Брюсселе другую новеллу, под названием *С мешком за плечами.* Наконец Сеар послал в русский журнал, корреспондентом которого он состоит, очень любопытный и острый эпизод из эпохи осады Парижа — *Кровопускание.* Когда Золя познакомился с двумя последними произведениями, он сказал нам, что, по его мнению, они составили бы вместе с его рассказом любопытный сборник, совсем нешовинистический и весьма своеобразный. Он предложил Энник у, Алексису и мне написать каждому по новелле, чтобы дополнить книгу. Это было тем выгоднее, что его имя помогло бы сборнику разойтись и дало бы каждому из нас франков по сто или двести. Мы взялись немедленно за работу, и Шарпантье принял наши рукописи. Том выйдет из печати к 1 марта.

У нас не было при составлении этой книги никакой антипатриотической идеи, никакого предвзятого намерения; мы хотели только попытаться дать в наших рассказах правдивую картину войны, очистить их от шовинизма в духе Деруледа, а также от фальшивого энтузиазма, почитавшегося до сего времени необходимым во всяком повествовании, где имеются красные штаны и ружье. Генералы, вместо того чтобы быть кладезями премудрости, в которых ключом кипят благороднейшие чувства, великодушнейшие порывы, оказываются просто-напросто посредственными существами, подобными всем другим посредственным существам, с тою только разницею, что они носят кепи с галунами и приказывают убивать людей не в силу дурных намерений, а единственно по глупости. Эта добросовестность, проявленная нами при оценке военных событий, придает всему сборнику своеобразную

физиономию, а наше сознательное беспристрастие в вопросах, в которые каждый бессознательно вносит страстность, в тысячу раз сильнее ожесточает буржуа, чем лобовые атаки. Это не будет антипатриотично, а будет попросту правдиво, и то, что я говорю о руанцах, гораздо слабее подлинной правды.

Что касается моего томика стихов, я лишь известил о нем Шарпантье, рукопись же еще не у него. Я очень боюсь медлительности этого издателя, все более и более погрязающего в денежных затруднениях (он не мог заплатить Гюисмансу 850 франков, которые ему должен, и дал в счет уплаты только 400).

Министр только что пожаловал меня академическим значком. Это не умилило меня.

Других новостей нет. Я послал стихотворение г-же Адам для ее журнала недель пять тому назад. Она мне не ответила. Решительно, она предпочитает Деруледа.

Прощайте, дорогой учитель, целую вас очень нежно.

Ги де Мопассан.

№ 102. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Январь 1880 г.

Дорогой покровитель,

Хочу обратиться к вам с просьбой: черкните обо мне пару строк Шарпантье, но так, чтобы не получилось впечатления, что это внушено мной.

Вот в чем дело.

Я только что направил названному издателю рукопись моего томика стихов. Но для приема моей пьески, которую я рассчитываю представить в мае месяце либо во Французскую комедию, либо в Одеон, мне важно, чтобы этот том вышел в апреле. Шарпантье никогда не был в особом восторге от меня, и я рискую прождать очень долго, а может быть, даже получить отказ, потому что стихи, обычно издаваемые им, не похожи на те, которые я ему предложил. Он любит так называемые поэтические вещи и сентимен-

тальные пошлости, полагая, что область поэзии простирается от звезд до росы и от росы до звезд и что если хочешь воспеть что-нибудь более материальное, то выбирай розы и их аромат (но отнюдь не листья или что-либо подобное). Великие люди его фирмы — Терье и д'Эрвильи.

Вы можете сказать ему, что знаете о моем намерении предложить ему рукопись стихов и что вы знакомы с этим произведением. Это будет небольшой томик. Мне очень хотелось бы, чтобы он появился быстрее.

Крупные вещи в нем: *На берегу, Последняя шалость, Сельская Венера* и моя коротенькая комедия *В старые годы.* Затем идут две маленькие поэмы в сто двадцать и в сто пятьдесят стихов: одна называется *Конец любви,* другая — *Стена.* Друг от друга эти вещи отделены несколькими коротенькими стихотворениями, которых в общей сложности около двенадцати. Все составит не более двух тысяч стихов. Это достаточно для того, чтобы не утомить читателей.

Я заходил к г-же Комманвиль, но она была больна, и меня не приняли. Правда, я должен был бы навестить ее раньше, но как? Я никогда не выхожу из министерства ранее шести часов вечера. Мне положительно невозможно наносить визиты. Все сердятся. Но я ничего не могу поделать. Семьи, с которыми я очень близок, обижены. Должны же они, однако, понять, насколько трудна, сложна, утомительна жизнь бедняги вроде меня, который сидит до шести часов в канцелярии и тотчас же после этого принимается за другую работу. Послеобеденный визит вынуждает меня потерять целый вечер, не говоря уже о том, что всегда рискуешь не застать дома тех, кого идешь навестить.

Кроме того, есть и другая причина. Я работаю над новеллой и над рукописью стихов; и то и другое должно быть закончено в феврале. Я все бросил ради этого, решительно все. И, право, когда располагаешь только тремя или четырьмя часами в день для работы над тем, что любишь, когда находишься в пылу творчества, в родовых муках, вполне простительно провести полтора месяца, не сделав ни одного визита. Но

дамы никогда не поймут этого. Г-жа Брэнн также была предметом моего огорчения за эти два месяца; она сердилась на мои продолжительные отсутствия, делала мне сцены, даже пробирала меня, и все же я иногда у нее бываю, но при условии, что прихожу к обеду и тотчас же ухожу после него. Беседуем за столом, потом я исчезаю. Она такая добрая женщина, что в конце концов примирилась с подобного рода визитами, оставлявшими мне весь вечер для интенсивной работы. Достаточно сказать, что я не видел никого из родных, начиная с октября. Словом, через несколько дней я вновь пойду к г-же Комманвиль и попытаюсь утишить ее гнев.

Прощайте, дорогой учитель, целую вас нежно.

Г. де М.

№ 103 ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Январь 1880 г.

Дорогой учитель,

Начинаю с изъявления самой сердечной благодарности за ваше письмо г-же Шарпантье. Я уверен, что с подобной поддержкой дело выйдет.

Я не читал *Современное обозрение,* так как не имею никакого отношения к этому журнальчику. Я никого там не знаю. Моя поэма могла быть там помещена только Шамсором; я его не видал, но он письменно просил у меня стихи для издания, в котором он заинтересован. Я послал ему *Стену.* Я изменю слово «безделка», которое в самом деле неудачно. Мы с вами вместе читали эту вещь в Круассе год тому назад, и вы не заметили тогда ничего, что шокировало бы вас.

Современное обозрение — какой-то дурацкий журнал. Там объявлено, что будет печататься новелла Гюисманса, а он не давал им никакой новеллы. Он сам мне говорил.

После Лиги — Ренессанс! Восхитительно!

Понравится ли вам такое заглавие для моего томика стихов:

Ги де...

Относительно бюста Буйле составьте прошение, адресовав его г-ну Тюрке, товарищу министра, в ведении коего находится Академия изящных искусств. Изложите все дело и перешлите мне это прошение; я вручу его и послежу за его продвижением.

Попытаюсь приехать к вам в начале февраля; до этого я не располагаю средствами. Я расходую ежемесячно 200 франков и, чтоб позволять себе подобного рода удовольствие, должен накопить предварительно некоторую сумму. Надеюсь, однако, что буду в состоянии поехать повидать вас в начале будущего месяца. Мне не терпится узнать, что вы сделали с вашим романом со времени моей последней поездки.

Религия очень привлекает меня, ибо среди[1].... человечества она мне кажется главным, как нечто наиболее широкое, многообразное и глубокое.

Прощайте, дорогой учитель, целую вас нежно и благодарю. Передайте, прошу вас, выражение моих лучших чувств г-же Комманвиль, если она еще с вами, и приветствуйте от моего имени ее мужа.

Ваш

Ги де Мопассан.

№ 104. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

15 февраля 1880 г.

Дорогой учитель,

Я только что вернулся от Ашетта и пошлю вам ваши книги (в Руан) через два дня, считая от сегодняшнего. Кроме того, я только что видел Шарпантье, и он обещал, что послезавтра у вас будет экземпляр *Нана*. Кстати, об этом Шарпантье. Вы очень обязали бы меня, если бы ввернули ему крепкое словечко (когда будете писать ему по другому поводу), которое побудило бы его послать мой сборник немедленно в

[1] Пропуск в оригинале.—*Ред.*

набор. Он мне сейчас сказал: «Не беспокойтесь, ваша книга выйдет весною». Теперь у нас 15 февраля; считая два месяца на производство книги, получается 15 апреля; это было бы еще ничего, но дольше ждать нельзя.

Я получил сейчас номер *Эвенеман,* который пересылаю вам одновременно с этим письмом. Обалдеть можно!.. *Девка* — это ведь моя поэма *На берегу.* Достойно примечания: прокуратура Этампа преследует меня в данный момент за те самые стихи, которые вы передали г-ну Барду, чтобы побудить его зачислить меня к себе в министерство; возможно, что именно из-за этих стихов он и принял такое решение, ибо наговорил мне о них кучу комплиментов. О магистратура! Поистине они там чудовищно глупы!

Жду жандармов.

И нежно целую вас.

Г. де М.

№ 105. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Февраль 1880 г.

Дорогой учитель,

Книги издательства Ашетт должны были вам отправить сегодня. Мои подождут еще сутки, так как я не нашел двух томов Спенсера, которые кому-то одолжил; теперь мне надо их отыскать. Кроме того, мое дело отняло у меня много времени. Я захватил письма г-жи Санд, полагая, что вы поручили мне передать их, и вручу их в собственные руки. Я отправил Шарпантье ваше письмо относительно книги, которую вы просите.

Перехожу к моему делу. Меня действительно преследуют в судебном порядке за оскорбление нравов и общественной морали... И все это из-за поэмы *На берегу.* Я вернулся из Этампа, где подвергся продолжительному допросу судебного следователя. Этот чиновник был, однако, очень вежлив, а я, по-моему, не сделал никаких промахов.

Меня обвиняют, но дать делу ход, по-видимому,

не решаются, так как видят, что я буду защищаться как бешеный. Не ради себя лично (мне наплевать на мои гражданские права), а ради моей поэмы, черт возьми! Я буду отстаивать ее до конца во что бы то ни стало и никогда не соглашусь на отказ от ее опубликования.

В настоящую минуту меня тревожит, как отнесется к процессу мое министерство, и я использую все возможные способы, чтобы добиться распоряжения о прекращении дела. *Девятнадцатый век* пошел по стопам газеты *Эвенеман*, которая продолжает кампанию травли; мне следовало бы нанести сильный удар, почему я и собираюсь просить вас о большой услуге, принося одновременно свои извинения за злоупотребление вашим временем и трудом для такого глупого дела. Мне необходимо, чтобы вы написали мне письмо, длинное, подбадривающее, отеческое и философическое, проникнутое высокими идеями о моральной ценности литературных процессов, уподобляющих человека Жермини, если дело кончается осуждением, или порой приводящих к пожалованию ордена, когда его оправдывают. В этом письме должно быть выражено ваше мнение о поэме *На берегу* с литературной и с моральной точки зрения (художественная нравственность ведь есть не что иное, как Прекрасное), а также высказано ваше сочувствие. Мой адвокат и друг подал мне этот совет, который я считаю блестящим. И вот почему.

Это письмо предполагается опубликовать в *Голуа* в статье по поводу моего процесса. Оно имеет целью подкрепить позицию защиты и послужить аргументом, на котором будет основываться речь моего адвоката. Ваше единственное, исключительное положение гениального человека, преследовавшегося по суду за шедевр, с трудом оправданного, затем превознесенного и в конце концов признанного безупречным мастером всеми литературными направлениями, оказало бы мне такую помощь, что, по мнению моего адвоката, дело немедленно бы замяли после опубликования вашего письма. Было бы желательно обнародовать его немедленно, дабы оно походило на непосредственное утешение учителя ученику.

Однако если по какой-либо причине такое письмо вам не по душе, не будем говорить об этом.

Вы могли бы напомнить в нем, что передали мое произведение г-ну Барду, когда просили его взять меня к себе. Еще раз простите, дорогой учитель, что надоедаю вам с этой неприятной просьбой, но что поделаешь? Я одинок в своей защите; мои средства существования поставлены под угрозу; у меня нет поддержки ни в семье, ни у знакомых; я не могу осыпать золотом знаменитого адвоката. Я дорожу своим стихотворением и не уступлю его: литература прежде всего.

Когда я прошу у вас длинного письма, это значит, что дело идет о двух или трех страницах вашей почтовой бумаги,— только для того, чтобы расположить прессу в мою пользу и заставить ее вступиться за меня. Я же буду обрабатывать все газеты, где у меня имеются друзья.

Нежно целую вас, дорогой учитель, и еще раз прошу у вас прощения.

С сыновней преданностью

Ги де М.

Если вам неприятно, что ваша проза появится в газете, не посылайте ничего. Мое письмо очень нескладно, тем хуже.

№ 106. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, февраль 1880 г.

Дело очень плохо, дорогой учитель; думаю, что скоро потеряю место и окажусь на мостовой. Приятная перспектива! Скажу вам совершенно конфиденциально, что *Нана* очень близка к запрещению, а меня, я полагаю, преследуют только для того, чтобы легче добраться до Золя. Все же я очень рассчитываю на письмо, которое у вас просил. Память о вашем процессе и ваше высокое литературное положение в настоящем придают вам особый авторитет.

Мне говорят с различных сторон, и притом на основании авторитетных источников, что меня, безус-

ловно, осудят. Следовательно, тут что-то кроется. Уверяют, что все это исходит от салона г-жи Адам (пусть это останется между нами) и что я намеченная жертва для того, чтобы потом расправиться с Золя. Верно ли это? Не знаю. Во всяком случае, я очень удручен. Буду вас держать в курсе всего происходящего.

Целую вас очень нежно.

Ги де Мопассан.

№ 107. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, февраль 1880 г.

Дорогой учитель,

Начну с глубочайшей благодарности за письмо, которое вы соблаговолили мне послать. Я поговорю с вами позже о практической стороне дела.

Но первое, что мне хочется сделать,— это ответить на ваши нападки!!! Каковы авторитетные источники? Один завсегдатай салона г-жи Адам, очень близкий друг этой дамы, чиновник, имеющий отношение к министерству народного образования и кое-чем мне обязанный, разыскал меня для того, чтобы сообщить конфиденциально об одном разговоре, имевшем накануне место в салоне г-жи Адам.

Речь шла обо мне, о моем процессе; говорили, что так мне и надо и что та же участь постигнет сперва все окружение Золя, а затем и самого Золя, развращенного безнаказанностью. Присутствовавшая там г-жа Анри Гревиль назвала нас презренными людьми за наш томик новелл. Словом, приветствовали прокуратуру Этампа за то, что она возбудила судебное преследование. Уверяю вас, что это так.

2) Запрещение *Нана*. Виновник этого сам сьёр Шарпантье; прокурор потребовал, чтобы он сообщил фамилии брошюровщиков, а он, потеряв голову, побежал предупредить Золя, затем книгопродавцев и спрятал у друзей все экземпляры, находившиеся у него на складе. Конфискация *Нана* была главной темой разговоров в кулуарах Французской комедии в вечер представления *Даниеля Роша*. Это была ложная тревога

или, быть может,— я в этом уверен — забавная шутка, сыгранная с Шарпантье одним из членов прокуратуры; запрос о фамилиях его постоянных брошюровщиков действительно имел место, но для другой цели.

3) Назначение Ла Рошелля. Личный секретарь моего министра объявил мне об этом. Смерть г-на Мюло меня почти не удивляет; я говорил вам по приезде в Круассе, что у него, по моему мнению, был очень болезненный вид,— вы, наверное, помните об этом.

Вернемся к вашему письму. Я передал его в *Голуа* с согласия Рауль-Дюваля. Взять его от них обратно значило бы поссорить меня с газетой и было бы кроме того очень затруднительно. Но я только что видел Мирбо и запретил ему печатать письмо без моего разрешения. Он снял с него копию, которую я посылаю вам, так как вы хотели его перечесть. Рауль-Дюваль склонен устранить несколько строк, начинающихся со слова «Совет». «Не нужно подавать им этой мысли»,— говорит он. Я полагаю, что он прав. Я видел г-на Кордье, который займется моим делом. Мне не удалось найти ни д'Осмуа, ни Барду, но я еще вернусь к этому. Дважды был кроме того у Лоран-Пиша, так и не застав его, но да здравствует Рауль-Дюваль!

Теперь у меня другое несчастье, гораздо более серьезное, чем мой процесс. Я почти не вижу правым глазом. Врач немного обеспокоен и думает о местном кровоизлиянии. Словом, я с трудом могу писать вам, закрывая этот глаз; завтра утром мне нужно поставить к уху пять пиявок и обратиться к куче глазных лекарств. Не везет! Это случилось со мной внезапно, позавчера, в тот момент, когда я писал письмо. Министерство относится к моему делу безразлично. Но начальник кабинета питает ко мне вражду (это между нами). Шарм держится очень пристойно и обнаруживает полную готовность защищать меня. Опубликование вашего письма было бы мне особенно полезно в отношении министерства. Оно укрепило бы мои позиции, и если бы правитель канцелярии вздумал мне угрожать, страх перед прессой удержал бы его. Таково же и мнение Шарма, побуждающего меня просить вас об этом. Письмо придаст этому маленькому делу общий интерес

и сделает мою особу менее уязвимой. Подумайте, и вы увидите, что я совершенно прав. С нежностью целую вас, дорогой покровитель, и благодарю вас за всю тяготу, которую вы на себя приняли, и за столь действенную помощь, которую я получаю от вас при самых различных обстоятельствах.

Мне сказали сейчас, что г-жа Адам и жена генерала Тюрра так разглядывали г-жу Золя на премьере *Даниеля Роша,* что весь зал это заметил. Правда ли это? Эту новость передал мне хроникер *Глоба.* Будьте уверены, во всяком случае, что г-жа Адам и Золя дико ненавидят друг друга. Почему? Не знаю. Эта злоба бросается в глаза, вот и все; она распространяется и на тех, кто является частым гостем в доме Золя.

Я ничего уже больше не вижу, дорогой учитель, нежно целую вас.

Ги де Мопассан.

№ 108. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, 21 февраля 1880 г.

Дорогой учитель,

Каково было мое удивление, когда я сегодня утром прочитал ваше письмо в *Голуа!* Мне категорически обещали ничего не опубликовывать без моего распоряжения, и я должен был сам править корректуру. Это было бы не бесполезно, как вы увидите. Я поместил в скобки абзац о Барду, чтобы его не печатали. Они же так и напечатали его в скобках. Словом, я, взбешенный, побежал в редакцию газеты. Мне ответили, что Рауль-Дюваль приходил вчера сам, чтобы отдать распоряжение печатать, так как счел это неотложным. Ходит молва, что я буду привлечен к судебной ответственности и осужден. Но на каком основании? Это превосходит мое разумение. Я получил холодное письмо от Барду, назначающего мне свидание завтра утром. Вероятно, он считает себя скомпрометированным моим заявлением о том, что он восхищался этой вещью. Добряк д'Осмуа обещал мне использовать все свое влияние.

Я поставил пиявки, но глаз мой не поправляется, я им не вижу.

Целую вас со всей нежностью.

Ги де М.

Собираюсь идти через час к г-ну Морису Санду. Поручил Шарпантье послать вам книги, значившиеся в особом списке, который я у вас взял.

Всецело ваш.

№ 109. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Париж, начало марта 1880 г.

Дорогой учитель,

У меня паралич аккомодации правого глаза, и Абади считает эту болезнь почти неизлечимой. Однако для того, чтобы восстановить нормальное зрение, мне будет достаточно носить пенсне со специальными стеклами. Но мой врач (а он профессор медицинского факультета), вполне допуская наличие у меня этого заболевания, утверждает, что оно излечимо. Он полагает, что Абади совершенно не разобрался в моем состоянии. Я, по его мнению, подвержен той же самой болезни, что и моя мать, то есть у меня легкое раздражение верхнего отдела спинного мозга. Следовательно, нарушение сердечной деятельности, выпадение волос и поражение глаз имеют одну причину, и все эти симптомы могут исчезнуть, чтобы уступить место другим, вот и все. Я думаю, что он прав (несколько раз наблюдалось полное выпадение волос, абсолютно аналогичное моему, в силу чисто нервных причин).

Во всяком случае, это чертовски гнусно.

Еще раз спасибо, дорогой учитель, за ваше красноречивое письмо, спасшее меня, и за ваше энергичное вмешательство. Что скажете вы о генеральном прокуроре, который утверждает, что лично я не был привлечен к делу, в то время как меня вызвали к следователю и подвергли допросу как обвиняемого? А что, если бы в журнале были только такие стихи, как мои, разве его не привлекли бы к ответу? Но почему же тогда ополчились именно на мои стихи? Что касается другой под-

вергшейся преследованию вещи, новеллы под названием *Адния,* я утверждаю, что эта вещь чиста, как роса, по сравнению с моим *На берегу.* Хороши же они будут, если осудят ее.

Это подлецы и трусы. Их отступление в моем деле великолепно. Словом, с этим покончено. Кляча Шарпантье все еще не отправил в печать моей книжки. Каждое утро он обещает мне, что отошлет ее вечером.

Целую вас нежно.

Ги де М.

Завтра по почте вы получите два тома Спенсера. Я вспомнил, что *Введение в социологию* мне одолжил Бодри.

№ 110. ЖОРЖУ ШАРПАНТЬЕ

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

[Март 1880 г.]

При сем прилагаю письмо Флобера. Посылаю его вам, потому что там есть место, касающееся вас.

Как обстоят дела с томом моих стихов? Вы, наверное, прочли вчера статью Шолля обо мне в *Эвенеман.* Я видел сегодня утром этого Шолля. Узнав, что мой сборник, в котором находится пресловутое стихотворение, у вас, он сказал мне: «Торопите же Шарпантье и используйте превосходную рекламу, созданную вам этим делом».

Умоляю вас, пошлите мою книгу немедленно в набор, пока еще не пропущен благоприятный момент...

№ 111. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

[Март 1880 г.]

Дорогой учитель,

Шарпантье, которого я только что видел, сообщил мне, что мой том принят, архипринят и что я могу рассчитывать на выпуск книги еще до начала весны. Спасибо.

У нас в министерстве нет библиотеки по педагогическим вопросам. Наша состоит только из административных документов: сборников законов, декретов, постановлений, политических сочинений и «экономической блевотины». Но я узнаю, в какой из крупных парижских библиотек имеется наиболее богатая коллекция книг, касающихся преподавания, и отправлюсь туда.

Посылаю вам образец прошения для г-на Тюрке; напыщенность его преднамеренная. Я знаю этого человека; такие звонкие словечки, как «национальная гордость», «родина», «мастер современной скульптуры», всегда приводят его в священный трепет.

Я лично передам это прошение и уверен, что мрамор вам будет отпущен.

Дней через пять—шесть я сообщу вам, можете ли вы рассчитывать на меня на масленице. Думаю, однако, что да.

Вышлю вам завтра или послезавтра корректурные оттиски моей новеллы *Пышка* с просьбой прочесть их. Мне придется ограничиваться только заменой одних слов другими: мы все обязались не изменять количества строк, так как это нарушило бы весь том. Но эпитет — вещь серьезная и всегда может быть изменен.

Я вам вышлю также книгу, переданную мне для вас Энником, и рассуждение парикмахера Леспеса, которое я откопал в общественной библиотеке.

Целую вас нежно, дорогой учитель. Весь ваш.

Замок сердец производит очень хорошее впечатление.

Г. де М.

№ 112. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Конец апреля 1880 г.

Вот, дорогой учитель, требуемая справка: «В семействе лютиковых все лютики имеют чашечку, но Clematis, Thalictrum или Pigamon, а также анемона, принадлежащие к тому же семейству, таковой не имеют».

Достаточно ли вам этого? Если нет, то все французские природоведы в моем распоряжении. Справка была мне дана научным сотрудником музея. Я пойду выше, если это нужно. Попросите у Лапьерра статью Ришпена обо мне в *Жиль Блас.*

Пышка пользуется успехом, хотя Пуше не очень удовлетворен ею. Мой Корнюде возмутил его!!! И он меня за него упрекал. Катюль пришел ко мне специально для того, чтобы поздравить, причем сказал, подобно вам, что эта новелла, по его мнению, долговечна, что о *Пышке* будут говорить еще через 20—30 лет. Это доставило мне большое удовольствие, потому что Катюль — действительно знающий человек. К тому же я получаю много лестных отзывов от лиц, мнение которых для меня ценно.

Сарсэ и Биго находят, что я отягчил свой анекдот психологией; я должен бы трактовать об этом самое большее страницах на пятнадцати, по образцу фривольных побасенок, ограничившись простой передачей факта.

Словом, эффект мне кажется великолепным. Это прекрасная подготовка к моему сборнику стихов, который выйдет во вторник и положит конец в отношении меня рассуждениям о дурачествах натуралистической школы, повторяемым в газетах. Вся беда в заглавии *Вечера в Медане,* которое я нахожу неудачным и опасным.

Прощайте, дорогой учитель, целую вас нежно.

Ги де М.

Сообщите ваше мнение об остальных рассказах. Вот мое.

Золя: хорошо. Но эта тема могла бы быть трактована точно так же и столь же хорошо г-жой Санд или Доде.

Гюисманс: посредственно. Ни сюжета, ни композиции, мало стиля.

Сеар: тяжело, очень тяжело, неправдоподобно, судорожные подергивания стиля, но много любопытного и тонкого.

Энник: хорошо. Рука настоящего писателя, местами некоторая беспорядочность.

Алексис: похож на Барбе д'Оревильи, но, подобно Сарсэ, хочет походить на Вольтера.

№ 113. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

[1880 г.]

Дорогой учитель и друг,

Алексис спросил у меня на днях, когда же мы получим что-нибудь за *Вечера в Медане*. Я говорил сегодня утром с Энником, который тоже желает видеть этот вопрос разрешенным, хотя и не осмеливается поставить его перед Шарпантье. Итак, я отправился к нашему славному издателю и под предлогом покупки безделушек, на которые у меня не хватает денег, спросил, когда мы получим деньги, причитающиеся нам за три проданных издания. Он пообещал поговорить об этом с вами, а затем уведомить меня. Мы договорились, что он выплатит вам по 500 франков за издание. Впрочем, он не чинил на этот счет никаких препятствий.

Когда вы его увидите, будьте так любезны затронуть тот же вопрос и решить совместно с ним, как мы разделим гонорар. Я ему предложил, и он как будто со мной согласился, что правильнее всего делить на шесть частей. Всякий другой способ трудно применим. Вести расчет построчно было бы нелепо. Итак, покончите с этим вопросом, ибо, со своей стороны, я не прочь положить в карман 250 франков, которые мне причитаются, или что-то около этого.

Сердечно жму вашу руку.

Ги де Мопассан.

Как вам нравится Вольф?!

Энник, который верит в справедливость, потерял дар речи, а Шарпантье перестал верить, что тираж книги разойдется. Я жалею лишь об одном — что Вольф не обозвал нас подлецами!

№ 114. ОРЕЛЬЕНУ ШОЛЛЮ

Май 1880 г.

Милостивый государь,

В тот момент, когда против меня было возбуждено преследование прокуратурой Этампа, вы добровольно выразили мне искреннее расположение и оказали мне большую поддержку.

Надеюсь, что том стихов, который я выпускаю в настоящее время, понравится вам, как и единственная известная вам до сих пор поэма.

Если это так, то я осмелюсь попросить у вас еще раз оказать небольшую поддержку этой книге дебютанта, имеющего основания опасаться безразличия публики к поэзии. Ваше имя столь известно, а ваш авторитет столь велик, что одно ваше слово обеспечило бы мне читателей.

Примите, прошу вас, милостивый государь, вместе с уверением в моей горячей признательности выражение моих самых преданных чувств.

Ги де Мопассан.

№ 115. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Круассе, 9 мая [1880 г.]

Дорогой учитель и друг,

Наш бедный Флобер умер вчера от апоплексического удара. Похороны состоятся во вторник, в полдень. Излишне говорить, что все, кто любил его, будут счастливы видеть вас на его погребении.

Если вы отправитесь утром с восьмичасовым поездом, то приедете без опоздания. На станции будут ждать экипажи, и вас отвезут прямо в Канделё, где назначена церемония.

Жму вашу руку с чувством глубокой скорби.

Ги де Мопассан.

№ 116. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Круассе, 9 мая [1880 г.]

Дорогой учитель,

Флобер умер вчера, похороны состоятся во вторник, в полдень. Не присоединитесь ли вы к нам для последнего прощания с несчастным великим другом?

Если вы отправитесь утром с восьмичасовым поездом, то приедете без опоздания. На станции будут ждать экипажи, и вас отвезут прямо в Кантелё, где назначена церемония.

Жму вашу руку с чувством глубокой скорби.

Ги де Мопассан.

№ 117. Г-ЖЕ КАРОЛИНЕ КОММАНВИЛЬ

Пятница, 24 мая 1880 г.

Милостивая государыня,

Ваше письмо принесло мне облегчение, так как мое душевное состояние действительно печально. Чем больше времени проходит со смерти бедного Флобера, тем ярче становится воспоминание о нем, тем сильнее я ощущаю боль в сердце и духовное одиночество. Его образ беспрестанно передо мной, я вижу, как он стоит в своем широком коричневом халате, который кажется еще шире, когда он воздевает при разговоре руки. Все его жесты возникают передо мной, все его интонации преследуют меня, а фразы, которые он имел обыкновение говорить, звучат в моих ушах, словно он снова произносит их. Это начало тяжелых разлук, той ломки нашего бытия, когда одно за другим исчезают все лица, которых мы любили, в которых были сосредоточены наши воспоминания, с которыми мы лучше всего могли беседовать о вещах самых близких.

Такие удары глубоко ранят душу и оставляют в ней неутихающую боль, сопровождающую каждую нашу мысль.

Моя бедная мать была очень потрясена и, кажется, провела в слезах целых два дня, запершись одна в своей комнате. Для нее это последний исчезнувший ста-

рый друг; отныне жизнь ее будет лишена отголоска милых воспоминаний о юности; отныне ей некому будет повторять неизменную литанию: *А вы помните?*

Я остро чувствую в этот момент бесполезность жизни, бесплодность всех усилий, страшное однообразие событий и вещей и то моральное одиночество, в котором живем все мы, но от которого я страдал бы меньше, если бы мог беседовать с ним: ведь он обладал, как никто, тем философским прозрением, что открывает широкие горизонты и возносит наш ум на большие высоты, откуда созерцаешь все человечество в целом, познавая «вечное ничтожество всего».

Печальные темы, сударыня. Но когда сердце поражено, печальные темы ему дороже, чем темы безразличные.

Если г-н Комманвиль приедет случайно в Париж, я был бы очень рад побеседовать с ним, и вот почему. Лапьерр необдуманно начал подписку, которая теперь приостановилась и угрожает даже оказаться безуспешной вследствие этого несколько безрассудного пыла. Ежедневно друзья Флобера заходят поговорить со мной об этом и спрашивают меня, как вы собираетесь поступить. По-моему, для того, чтобы это удалось, надо все тотчас же и очень солидно организовать. А для этого нужно знать ваши намерения.

Верьте, милостивая государыня и дорогой друг, моей почтительной, глубокой и братской преданности и передайте, прошу вас, мои самые лучшие пожелания вашему супругу.

Ги де Мопассан.

№ 118. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

Париж, 25 мая 1880 г.

Дорогой учитель и друг,

Я по-прежнему подавлен происшедшим несчастьем, и дорогой великий образ следует за мной повсюду. Мне чудится его голос, вспоминаются отдельные фра-

вы, мне кажется, что после того, как я лишился его дружбы, мир вокруг меня опустел. В субботу 8 мая, в половине четвертого, я получил телеграмму от г-жи Комманвиль, гласившую: «У Флобера удар. Положение безнадежно. В шесть выезжаем». В шесть часов я встретился с Комманвилями на вокзале, но, вайдя перед этим к себе, нашел две другие депеши из Руана, извещавшие о его смерти. Подавленные безысходным, тяжким горем, совершали мы это ужасное ночное путешествие. В Круассе мы нашли его распростертым на постели и почти не изменившимся, если не считать, что шея несколько почернела от апоплексии. На месте мы узнали подробности. Он отлично чувствовал себя в последние дни, радовался тому, что заканчивает работу над романом, собирался выехать в Париж в воскресенье 9 мая. Он рассчитывал повеселиться там, как он говорил, «на денежки, припрятанные в кубышке». Денежки небольшие, *литературой* много не заработаешь! Он очень хорошо пообедал в пятницу, провел вечер со своим врачом и соседом г-ном Фортеном, декламировал с ним Корнеля, спал до восьми часов утра, принял продолжительную ванну, оделся и прочел только что полученные письма. Тут он почувствовал себя плохо и позвал служанку; так как она замешкалась, он крикнул ей через окно, чтобы она разыскала г-на Фортена, который как раз перед тем отправился кататься на лодке. Когда служанка поднялась к нему, он стоял ошеломленный, но не проявлял никаких признаков беспокойства. Он сказал ей: «Со мной было что-то вроде обморока; хорошо, что это случилось сегодня, было бы гораздо хуже, если бы это произошло завтра в поезде». Он откупорил сам флакон одеколона, натер себе виски, осторожно улегся на диван и прошептал: «Руан... Мы недалеко от Руана... Элло... Я знаю этих Элло...»,— а затем откинулся, весь почерневший, с крепко сжатыми кулаками, с лицом, налившимся кровью, после чего немедленно последовала смерть, о которой за секунду до этого он и не подозревал.

Его последняя фраза, которую газеты истолковали как обращение к папаше Гюго, живущему на проспекте Эйлау, мне думается, должна быть, несомненно, вос-

становлена так: «Идите в Руан, мы недалеко от Руана, и приведите доктора Элло, я знаю их, этих Элло».

Я провел три дня около него, похоронил его во вторник утром при содействии Жоржа Пуше и г-на Фортена на величественном кладбище, откуда прекрасно видны Круассе, большая извилина Сены и его дом, который он так любил.

Дни, в которые чувствуешь себя счастливым, не искупают дней, подобных этому.

На похоронах — много парижских друзей, особенно молодых; явились все молодые, даже совершенно незнакомые; но не было ни В Гюго, ни Ренана, ни Тэна, ни Максима дю Кана, ни Фредерика Бодри, ни Дюма, ни Ожье, ни Вакери и т. д.

Вот и все, дорогой учитель и друг, но мне надо еще сообщить вам многое. Мы займемся романом после того, как наследники выяснят свои доли. Вы будете необходимы во всех отношениях.

В тот самый день, когда произошло несчастье, я написал коротенькое письмо г-же Виардо, в котором просил известить вас о случившемся, так как вашего русского адреса я не знал. Мне казалось лучше, чтобы вы получили это тягостное известие через друзей, а не через газету.

Глубоко опечаленный, жму вашу руку, дорогой учитель, и надеюсь вас скоро увидеть.

Преданный вам

Ги де Мопассан.

№ 119. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

[Май 1880 г.]

Дорогой учитель и друг,

Я хочу просить вас об услуге, которую вы мне к тому же обещали сами, а именно сказать несколько слов о моем томике стихотворений в вашем фельетоне в газете *Вольтер*. У меня есть уже статья в *Глобе*,

другая в *Насионале,* одна Банвиля, два хвалебных упоминания в *Тан,* превосходная статья в *Марсельском семафоре,* другая в *Политическом и литературном обозрении,* любезные упоминания в *Пти журналь, Девятнадцатом веке* и т. д. и, наконец, вчера вечером лекция Сарсэ. Продажа, впрочем, идет хорошо, и первое издание почти разошлось, но мне нужна крепкая поддержка, чтобы сбыть остающиеся 200 экземпляров. Второе издание готово. Лаффитт попросил у меня новеллу, и я начал ее писать для него. Я отказался назначить гонорар и хочу спросить у вас совета по этому поводу. Кроме того, я только что приглашен в *Голуа,* равно как и Гюисманс. Мы будем давать каждый по статье в неделю и заработаем 500 франков в месяц.

Не могу вам передать, как много я думаю о Флобере; мысли о нем осаждают, преследуют меня. Я вспоминаю о нем беспрестанно, слышу его голос, представляю себе его жесты, ежеминутно вижу, как он стоит передо мной в своем широком коричневом халате, с воздетыми при разговоре руками. Вокруг меня словно образовалась какая-то пустота, и это только начало страшных разлук, которые потянутся теперь чередой из года в год, унося всех тех, кого мы любим, с кем связаны наши воспоминания, всех, с кем можно побеседовать по душе о самых интимных вещах. Такие удары умерщвляют наш дух и оставляют нам в удел постоянное страдание.

Прощайте, дорогой учитель и друг, верьте моим самым признательным и преданным чувствам и передайте, прошу вас, мои искренние и почтительные приветствия г-же Золя.

Ги де Мопассан.

№ 120. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

[1880 г.]

Дорогой учитель и друг,

Мейер уже две недели преследует меня, требуя, чтобы я побывал со своим приятелем Патиссо у некоторых людей искусства и начал свой обход с вас. Сперва я

отказался, боясь причинить вам неприятность. Он возразил мне, что одной статьей больше или меньше не имеет значения, ведь о вас уже так много писали. Этот аргумент мне показался справедливым, и я сдался. Вот что побудило меня написать эту статью, где я тщательно избегал всего личного и постарался создать такое впечатление, будто она принадлежит перу постороннего человека, чтобы не дать пищу злословию критики. Это попросту беглый обзор вашего домашнего мирка без каких бы то ни было выводов. Впрочем, я начинаю свой цикл с дома Мейсонье в Пуасси, статья о котором выдержана в таком же стиле. Это позволит мне отправиться затем к другим лицам, о которых я буду писать свободнее, но под несколько иным углом зрения.

Жму вашу руку и прошу передать мое почтительное приветствие г-же Золя.

Ги де Мопассан.

№ 121. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

[1880 г.]

Дорогой учитель и друг,

Вы, очевидно, вскоре получите от г-на Лаффитта письмо, в котором будет идти речь обо мне. И вот по какому поводу. Вы помните, что он просил у меня новеллу, а я обратился к вам за советом относительно гонорара, который я могу за нее спросить. Вы мне рекомендовали требовать 50 сантимов за строчку, что я и сделал. Но Лаффитт пришел в ужас. «Так много я плачу только Золя!» — воскликнул он и дал мне понять, что вы можете даже обидеться, если мне будут платить столько же, сколько вам!!!

Я спокойно ответил, что вас это не удивит, ибо я советовался с вами, и вы не сочли чрезмерной сумму в 50 сантимов за строчку, ведь *Голуа* дороже оплачивает мне обычные очерки. (Я получаю 125 франков за статью строчек в 200.)

Лаффитт сказал мне на это: «Я тотчас же напишу Золя, чтобы узнать его мнение».

Таковы факты.

Подчеркиваю, что я *нисколько* не стремлюсь напечатать свою новеллу в *Вольтере*. I-жа Адам просит дать ей что-нибудь, а у меня ничего нет. Я пошлю ей эту новеллу.

Сердечно жму вашу руку, дорогой учитель и друг, и прошу передать мои наилучшие пожелания вашей супруге.

Ги де Мопассан.

Мне хотелось, чтобы вы знали, почему этот идиот решил обратиться к вам.

№ 122. ЛЕОНУ ЭННИКУ

Вико, среда 29 сентября 1880 г.

...Твое письмо застало меня в горной деревушке близ Вико; оно привело меня в немалое замешательство и смущение, и вот почему.

Ты знаешь, что я предпринял это путешествие на Корсику с целью провести некоторое время около матери, которую болезнь принудила покинуть Францию. Я нашел ее немного поправившейся, но она захотела сопутствовать мне в экипаже во всех моих экскурсиях, чтобы не расставаться со мной в продолжение тех нескольких дней, которые я проведу здесь, и окончательно расхворалась в Вико, несомненно, от переутомления. Таким образом, вот уже в продолжение целой недели я лечу ее здесь и не имею возможности переправить в Аяччо. Как только смогу выехать, я сяду на пароход, не закончив своего путешествия, что очень досадно, ибо мне вряд ли удастся когда-нибудь еще побывать в этих удивительных местах; кроме того, я зря потратил немало денег, так как вследствие плохого состояния здоровья матери, к тому же огорченной, что я расстаюсь с ней так быстро, мне пришлось ограничиться только одной экскурсией.

...Я могу дать хоть сейчас одну короткую новеллу и сохранить за газетой ту, которую заканчиваю в данный момент (она немного длиннее *Пышки*) и ко-

торую я предназначал для г-жи Адам. Я дам этому республиканскому божеству очерк о путешествии по Корсике; этого будет, несомненно, достаточно для ее скучного журнальчика.

Все же я предпочел бы, чтобы журнал вышел только 1 ноября. Иначе это испортит мне прекраснейшее путешествие и заставит до срока расстаться с матерью, рассчитывающей побыть со мной еще месяц.

Прижимаю к своей груди тебя и друзей...

№ 123. ЛЮСИ ЛЕ ПУАТВЕН *

Аяччо, пятница [Октябрь 1880 г.]

Я очень виноват перед вами, дорогая кузина, мне давно следовало бы написать вам, чтобы поблагодарить за милое гостеприимство. Но после моего отъезда из Этрета я жил так безалаберно, что у меня не хватало времени написать даже записку в десять строк.

Вот уже скоро месяц, как я нахожусь на Корсике, а через неделю уезжаю обратно, ибо меня вызвали телеграммой, чтобы выпустить первый номер нашего журнала *Человеческая комедия,* который наконец основан. Мать, по-видимому, в отчаянии от моего отъезда, тем более, что у нее сейчас большое горе, которое совершенно подорвало ее здоровье. Эрве вел себя с ней как последний негодяй, он посылал ей депеши, требуя денег для уплаты долгов, отказался вновь поступить на военную службу, наделал новых долгов в Париже, стал ставить условия... Я послал ему 300 франков, однако он не только не поблагодарил меня, но даже не уведомил об их получении. Я вам рассказываю все это потому, что мать посылает Эрве в Этрета, где будет содержать его в течение трех месяцев, но лишит его затем всякой помощи, если за это время он не подыщет себе места. Мать настоятельно просит вас держаться в стороне от Эрве и, главное, не давать ему денег, ибо у него в голове только одно — занимать направо и налево. Я очень боюсь, что этот последний удар будет роковым для матери и она никогда от него не оправится. Она была бы уже здорова,

если бы за последние два года Эрве вел себя иначе, не так глупо и подло. Но довольно об этом шалопае.

Я буду очень благодарен, если Луи зайдет к одному господину по имени Ф. и поставит ему на вид, что он обокрал меня. Я постараюсь, со своей стороны, описывая Этрета в каком-нибудь очерке, специально рекомендовать фирму этого проходимца. Вот как меня поймали на удочку. Покупая стенные часы, те, что висят у меня в доме, я, само собою разумеется, не стал рассматривать вблизи их циферблат. Оказывается, в стиле Людовика XIV только верхние и нижние украшения, а сам циферблат относится к эпохе Людовика XVI. Кроме того, механизм (бой в часах отсутствует) времен Людовика XIII с одной часовой стрелкой, тогда как на циферблате Людовика XIV нанесены *минуты* — словом, все это курам на смех. У меня на часах нет минутной стрелки, а на циферблате минуты обозначены — каково? Я отнес этот часовой винегрет известнейшему парижскому мастеру и рассмешил его до упаду.

Мы только что заключили с мамой сделку, согласно которой она уступает мне в полную собственность огород фермы Гран Валь. Итак, я воздвигну там замок, достаточно обширный, чтобы поместиться самому, готовить пищу и поставить кровать, на которой будет спать Жозефа. (Чего только она не наслушается!) Итак, я являюсь землевладельцем в Этрета и в Сартрувиле!!!

Мой приезд в Аяччо был настоящим триумфом. Все городские газеты объявили об этом событии в велеречивых выражениях. Но я только что взбудоражил всю республиканскую партию, изругав в своей статье местного префекта. Говорят, он взбешен. Дело пахнет кровавой местью. Теперь я выхожу из дому не иначе, как с клистиром в кармане. Я вновь возьмусь за префекта в нашей газете, где мы подвергнем поруганию все авторитеты, начиная от господа бога, власть которого мне вовсе не кажется неоспоримой.

Я предпринял здесь несколько великолепных экскурсий в горы. Занимаюсь охотой, рыбной ловлей, катаюсь по Средиземному морю на парусной лодке, и т. д., и т. п.

За весь месяц, что я пробыл здесь, дождь шел только в течение двух часов, и один раз была гроза, налетевшая из Франции. Все остальное время небо было безоблачно. Я купаюсь два раза в день, и вода в море так тепла, что, входя в нее, не ощущаешь ни малейшей прохлады. Целый день градусник показывает в тени 32°. Вот это климат!

Прощайте, дорогая кузина, целую ваши руки и шлю вам свой самый сердечный привет. Целую в нос нашего великого художника-пейзажиста.

Ги де Мопассан.

№ 124. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Министерство
народного образования
и изящных искусств.
Секретариат.
1-е бюро.

Париж [1880 г.]

Дорогой учитель и друг,

Только что получил ваше любезное приглашение и очень сожалею, что приходится от него отказаться. Моя мать по-прежнему очень больна, и в воскресенье она приезжает в Париж, чтобы посоветоваться с врачами. Так как ее никто не сопровождает, я вынужден остаться в Париже, чтобы встретить ее и помочь ей устроиться в гостинице.

Бесконечно признателен вам за присылку *Моей ненависти*. Я прочел эту книгу с живейшим интересом и огромным удовольствием. Я уже был знаком с вашей статьей о Мане́, но остальные прочел впервые, и они произвели на меня большое впечатление. Особенно мне понравились статьи о Гюго и о *Жермини Ласерте*.

Разрешите выразить вам, дорогой учитель, искреннее сожаление и благодарность и передать низкий, почтительный поклон г-же Золя.

Глубоко преданный вам

Ги де Мопассан.

№ 125. Г-ЖЕ КОММАНВИЛЬ

Утро понедельника [Январь 1881 г.]

Дорогой и уважаемый друг,

Я не ответил вам раньше потому, что уже целую неделю лежу в постели со страшной невралгией головы и глаз. Бесконечно благодарен вам за подробности, которые вы сообщили и которые были мне известны только частично. Я не ответил Кристофлю, так как срок конкурса уже истек. Я написал ему только несколько строк о том, что Флобера и Буйле, кроме очень крепкой дружбы, ничто не связывало. Клевета, пущенная на том основании, что они были очень похожи друг на друга, отнюдь не может опорочить память вашей бабушки — чего вы, кажется, опасаетесь — по той причине, что если можно иной раз сомневаться относительно отца, то такие сомнения совершенно исключаются в отношении матери; дело обстоит именно так, мне уже два или три раза пришлось вступить в борьбу с этими заблуждениями.

К несчастью, я завтра утром уезжаю в Этрета, вследствие чего не могу увидеться с вами, когда вы будете здесь проездом. Попытаюсь заехать в Круассе на обратном пути, но не могу твердо обещать вам этого, потому что меня могут вызвать телеграммой в Париж.

Примите уверения, дорогой и уважаемый друг, в моих самых горячих и преданных чувствах. Тысяча приветствий вашему супругу.

Ги де Мопассан.

Если состояние моего здоровья не позволит мне выехать завтра (меня все еще мучают страшные головные боли), я попытаюсь устроить так, чтобы меня довезли до вас, когда вы будете здесь проездом. Простите за лаконизм этого письма. Я совершенно отупел от невралгии.

№ 126. МАТЕРИ

Этрета, вторник [Январь 1881 г.]

Горячо любимая мама,

Пишу тебе на уголке стола в нашей маленькой гостиной. Два очень худых, но веселых и здоровых пса лежат у моих ног. Мато беспрестанно беспокоит меня тем, что трется о мою ногу. Дафнэ совсем выздоровела.

Я же сморкаюсь и чихаю из-за ужасного насморка, который получил, пропутешествовав всю ночь при пятиградусном морозе; я не могу теперь согреться в нашем ледяном доме. Холодный ветер дует из-под дверей, лампа готова погаснуть, яркий огонь очага, освещающий меня, обжигает мне лицо, но не согревает помещения. Я окружен знакомыми предметами, мрачными, душераздирающими; в деревне, омертвевшей среди зимней стужи, полная тишина. Моря не слышно.

Я мерзну не столько от одиночества в нашем доме, сколько от моего жизненного одиночества.

Я чувствую великую растерянность всех человеческих существ, груз пустоты. И среди этого всеобщего смятения мой мозг действует ясно, точно ослепляя меня Вечным Ничто. Такая фраза вполне в стиле нашего почтенного Гюго, но мне понадобилось бы много времени для передачи моей мысли более ясным и четким языком. Это лишний раз доказывает, что романтический пафос объясняется нежеланием потрудиться.

Все же до чего холодно и до чего все плачевно!

. . . . . .

Спешу закончить письмо: почта отправляется в шесть часов, потому что выпал снег.

Только бы меня не завалило здесь.

Прощай, дорогая мама, целую тебя очень нежно и долго от всего сердца.

Твой сын

Ги де Мопассан.

Я почти закончил свою новеллу о публичных женщинах на первом причастии. Думаю, что это по крайней мере равно *Пышке,* а может быть, и лучше.

№ 127. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

[1881 г.]

Дорогой учитель и друг,

Я достал только два билета на спектакль *Нана*. Но так как мне хотелось пригласить троих знакомых, я вынужден передать эти два билета другим. Вот почему я был бы вам бесконечно признателен, если бы вы не только провели меня самого на генеральную репетицию, но устроили бы еще три места для моих знакомых.

Если это невозможно, не будем об этом говорить, если же вам удастся достать просимые три места, вы доставите мне большое удовольствие.

Сердечно жму руку.

Ги де Мопассан.

№ 128. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

[1881 г.]

Дорогой учитель и друг,

Тысячу раз спасибо, но я не выхожу из дому и не знаю, когда кончится мое заключение; я больше не страдаю от мигреней, зато у меня неладно с печенью, и я все ночи провожу без сна, мучаясь от страшных болей.

Вот почему вы так долго меня не видели, и я не знаю, когда мне удастся вновь выйти из дому, но, очевидно, не скоро, очень не скоро; вот почему я не буду иметь удовольствие пообедать с вами в четверг.

Нельзя ли иногда доставать через вас билеты на *Нана?* Ко мне пристают с ними каждый день. Я отвечаю: «Отвяжитесь»,— а люди опять пристают. Словом, если у вас будут лишние билеты, вспомните обо мне, хорошо?

Прошу верить, дорогой учитель и друг, в мое самое искреннее расположение и передать мой почтительный поклон г-же Золя.

Преданный вам

Ги де Мопассан.

№ 129. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

[1881 г.]

Дорогой учитель и друг,

Один из моих друзей и собратьев, с которым, по-моему, вы немного знакомы, журналист и драматург Рауль де Сент-Арроман, *умоляет* попросить у вас для него приглашение на Ужин Нана. Я выполняю его поручение и хочу добавить от себя, что вы доставите мне удовольствие, исполнив его желание. Впрочем, срок уже близок, а вам надо удовлетворить такое количество ходатайств, что я сомневаюсь в успехе моей просьбы.

Как вы знаете, теперь не требуется особого разрешения для продажи книг на станциях. И что же: издательство Ашетт, которому принадлежат все киоски на железных дорогах, закрыло их для моих книг. Тип, которому поручено следить за нравственностью библиотек в залах ожидания, счел мою последнюю книгу непристойной.

Официальная общественная комиссия по надзору за моралью, которая ведает торговлей вразнос, право, оказалась терпимее, чем этот доморощенный евнух, решения которого обжалованию не подлежат. Не идиотство ли это?

До понедельника, дорогой учитель и друг, сердечно жму вашу руку и прошу передать мой низкий поклон г-же Золя.

Ги де Мопассан.

На случай, если вы решите послать приглашение Сент-Арроману, вот его адрес: предместье Пуассоньер, 168.

№ 130. ОГЮСТУ ДОРШЕНУ

2 апреля [1881 г.]

Дорогой собрат,

Извините, что я только теперь собрался поблагодарить вас за восхитительный сборник стихов, который вы соблаговолили мне прислать. Я прочел его в тот же

день, как получил, и обязан вам очаровательным ощущением, похожим на то, которое испытываешь на прогулке ранним, теплым утром, когда все напоено ароматами трав и цветов.

Вот поэзия *ясная* и совершенная по форме, трогательная и трепещущая жизнью. Такую не часто приходится читать.

Примите, дорогой собрат, вместе с моей искренней благодарностью выражение самой сердечной симпатии.

Ги де Мопассан.

№ 131. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

2 апреля [1881 г.]

Дорогой учитель и друг,

Я прочел, как только получил, оба ваших тома, в которых так много искусства, искусства во всех значениях этого слова.

Задушевная прелесть вашего стиля, безупречная чеканка фразы, неожиданная и поразительная точность выражения превращают книгу в изысканный музейный каталог, в котором экспонаты появляются один за другим, прельщая одновременно читателя собственной красотой и совершенством литературного зеркала, в котором они нашли свое отражение.

После того как я прочел книгу и, насладившись описаниями, вновь перечел ее, мне пришлось неистово править гранки небольшого сборника, который вскоре должен выйти, и переработать от начала до конца один из входящих в него рассказов. Вот почему я несколько запоздал с этим письмом. Подгоняемый приближающимися сроками, я был обеспокоен, взволнован и пренебрег своей корреспонденцией. Прошу вас простить мне эту задержку.

Я бесконечно благодарен вам за то, что вы подумали обо мне по поводу чтения, которое вы устраиваете в среду. Я получил приглашение г-жи де Ниттис. Я немедленно ответил ей согласием и выразил свою признательность.

Итак, до среды, дорогой учитель и друг. Верьте в мою горячую привязанность и глубокое восхищение.

Ги де Мопассан.
Ул. Дюлон, 83

№ 132. Г-ЖЕ БРЭНН

Сартрувиль, Сена-и-Уаза, набережная Сены, 38.
[1881 г.]

Мне положительно не везет: я не могу в четверг принять вашего милого приглашения.

Я только что на три месяца покинул Париж и нахожусь в добровольном заключении в Сартрувиле, за целое льё от всяческих средств сообщения, и все для того, чтобы яростно работать в абсолютном уединении. Так как я в то же время переделываю заново мою парижскую квартиру, то у меня нет пристанища в городе, и я даже лишен возможности съездить туда, чтобы пообедать, потому что устроиться на ночлег мне негде. Я, однако, превозмог бы все эти препятствия, если бы не обещал своего сотрудничества одному драматургу, который *по четвергам* приезжает из Парижа для работы со мной, и я дал ему торжественное обещание, что ни в коем случае не пожертвую этим днем...

№ 133. Г-ЖЕ БРЭНН

Париж, ул. Дюлон, 83.
[1881 г.]

Мне невозможно увидеться с вами сегодня, так как я вызван телеграммой по очень срочному делу.

Как ваша нога?

Завтра приду к вам умолять о прощении.

№ 134. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

Воскресенье, 7 августа [1881 г.]

Дорогой Ток,

Не удивляйся тому, что это не мой почерк. У меня один глаз вкось, а оба врозь, так что я вынужден вы-

бросить и тот и другой на помойку. Словом, уведомляю тебя этим письмом, что я рассчитываю увидеться с тобой этим летом в Этрета, только предупреди меня за несколько дней о твоем прибытии.

Во-вторых, не можешь ли ты мне срочно выслать список салонных комедий не более чем с пятью действующими лицами, чтобы их можно было сыграть в домах, не похожих на Телье, но все же таких, где любят похохотать (пришли также небольшой ассортимент пьес для девственниц).

Ежели обретешь таковые, то опусти книжки в почтовый ящик, потому что дамы выходят из себя от нетерпения. А ежели отыщется там и для тебя роль, то приезжай самолично сыграть ее.

Засим обнимаю тебя, старина, и прошу передать привет от меня твоему семейству.

Твой старый Жермини —

Прюнье, Жозеф.

P. S. Бумага фирмы Ле Пуатвен, чем и объясняется наличие клякс.

№ 135. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Среда [1881 г.]

Дорогой учитель и друг,

Мне только что принесли последний номер *Эвенеман,* в котором опубликована заметка Шапрона, очень меня взволновавшая. Мне совершенно безразлично, когда этот господин называет мою книгу «пакостью» и «грязной стряпней», но в последней фразе: «Однако, поспешим оговориться, мы ни разу не видели его даже в профиль» я усматриваю какое-то особое вероломство, как бы намек, будто я жаловался кому-то, а *может быть, и ему самому* на то, что ваша статья не прошла, будто сомневался в вашей настойчивости при обращении к г-ну Маньяру.

Однако после отказа означенного г-на Маньяра поместить платные объявления о выходе *Заведения Телье* я был совершенно убежден, что ваша статья не пройдет, и сказал об этом нескольким лицам даже прежде,

чем вы ее написали. С тех пор со мной часто говорили об этой отклоненной статье, и я выражал при этом свое вполне понятное огорчение и вместе с тем глубокую признательность вам и уверенность, что, несмотря на ваши настойчивые просьбы, статья не была напечатана из-за противодействия Маньяра.

Сегодняшняя заметка приводит меня в отчаяние. Это глупо и нелепо. Теперь мне припишут смехотворные претензии, мысли, желания. И почему он не упомянул об Алексисе, который, конечно, не менее раздосадован, чем я? Получается, что затронут один я. Это глупо, глупо! Но что делать? Теперь все покажется смешным. Я знаю, вы пренебрегаете такими вещами, но мне это очень неприятно и хотелось вам об этом сказать.

Сердечно жму вашу руку и прошу передать г-же Золя мой низкий, почтительный поклон.

Ги де Мопассан.

№ 136. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Мархум, пятница [1881 г.]

Дорогой учитель и друг,

Я случайно нашел в Мархуме, в небольшом лагере зуавов, номер *Фигаро* со статьей, в которой вы говорите обо мне. Ваш голос, долетевший издалека, несмотря на глушь и дикость безотрадных, раскаленных алжирских плато, показался мне столь неожиданным в этом месте и столь милым, что он доставил мне огромное удовольствие. Признаюсь, я уже потерял надежду, что вам удастся побороть сопротивление *Фигаро*. Вы добились своего, спасибо, тысячу раз спасибо. Эта газета — первая, которую я вижу за две недели. В этой пустыне я не получаю писем. Мне даже неизвестно, доходят ли до Франции вести обо мне. Я удовлетворил наконец свою склонность к бродяжничеству, и кроме того, эта страна, невыносимая для жизни, поистине поразительна, особенно сейчас, когда война свирепствует повсюду, когда можно каждую минуту встретить арабов-врагов.

Надеюсь, это письмо дойдет до вас. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон г-же Золя и разрешите горячо пожать вам руку.

Лучшие пожелания нашим друзьям, если вы их увидите.

Ги де Мопассан.

Если вы захотите сообщить мне что-нибудь, пишите по адресу: Алжир, до востребования. Я буду в этом городе перед отъездом в Кабилию, которую собираюсь пересечь из конца в конец.

№ 137. МАТЕРИ

Сайда, пятница [Август 1881 г.]

По-прежнему всего лишь одно слово, дорогая мама, только для того, чтобы сообщить тебе известия о себе,— они превосходны. Я только что добрался до соляных озер, не повстречав никакого Бу-Амамы. Через час отправляюсь в Алжир, где найду наконец письма и газеты; ведь я не получал ничего со времени моего отъезда оттуда. Я удивительно хорошо переношу жару. И надо тебе сказать, что она была дьявольски сильна на плоскогорье. Мы пропутешествовали целый день при сирокко, который дышал нам в лицо огнем. Невозможно было прикоснуться к дулам наших ружей: обжигало пальцы. Под каждым камнем гнездились скорпионы. На пути нам попадались шакалы и издохшие верблюды, которых рвали на части ястребы.

Офицер-зуав, отряд которого мы встретили посреди пустыни, рассказал мне, что Золя написал обо мне статью в *Фигаро*...

№ 138. ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ

25 марта 1882 г.

...Бесконечно благодарю вас от лица г-жи Стевенс, которая находится в настоящий момент в Брюсселе, у себя на родине. Но мне очень хочется расплатиться с вами за эту книгу, о чем я говорил г-ну Поуэлю; в про-

тивном случае я не осмелюсь более просить вас об услугах для моих друзей. А я попрошу у вас, наверное, еще несколько экземпляров *Темидора,* при условии, что заплачу за них.

...При встрече с вами я смогу переговорить о деле, которое было бы трудно изложить в письме. Я написал *новеллу,* длинную, но все же не настолько, чтобы заполнить 140 страниц; она, как я по крайней мере думаю, наделает много шума; я придаю ей большое значение, так как считаю ее хорошей и боевой,— но одной ее недостаточно. С другой стороны, я не хотел бы выпускать ее в малотиражном издании. Но мы еще поговорим об этом...

№ 139. ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ

[Апрель 1882 г.]

...Сговорились. Рукопись получите через несколько дней. Посылаю фотографию — не особенно удачную, но другой у меня нет. Поручите ее г-ну Жюсту...

№ 140. [ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ]

[Февраль 1882 г.]

Милостивый государь и дорогой друг,

Вы, наверное, получили депешу, в которой я прошу вас не набирать *Неизвестного отца.* Торопясь закончить, я испортил этот великолепный сюжет, над которым мне нужно поработать по крайней мере еще неделю. Теперь я вижу, каким образом я должен был за него взяться, но у меня не было времени. Верните, прошу вас, эту рукопись; она мне крайне необходима. Как вы увидите, я уже переделал ее для вас, и этот труд послужит началом для полной переработки новеллы.

Посылаю вам *Слова любви,* новеллу, которую требовали в продолжение десяти дней для *Жиль Блас.* Вы получите номер газеты одновременно с этим письмом.

Сердечно жму руку.

Ги де Мопассан.

№ 141. ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ

Ментона, 7 мая 1882 г.

Дорогой друг,

Получил ваше письмо и отвечаю немедленно.

Прежде всего спасибо за 200 франков, которые в него были вложены. Вместе с тремястами, которые вы мне передали в Париже, это составляет 500 франков. Остающиеся 25 франков вы передадите мне в одну из ваших поездок.

Обедать с вами 15 не удастся. Мать еще слишком больна, чтобы я мог покинуть ее в ближайшее время. Следовательно, я буду в Париже не ранее 20.

Я действительно позабыл о журналистах, которых вы мне называете; к ним надо прибавить Банвиля, который напишет статью для *Жиль Блас*. Мезруа сделает то же для *Голуа*.

Не посылайте экземпляра Валлесу, я передам ему сам, если встречу. Я не знаю домашнего адреса Фукье. Посылайте на *Девятнадцатый век*. Г-н Юнг живет на ул. Ренн, 46 (площадь Сен-Жермен-де-Прэ). Мы забыли также о Робере де Боньере («Янусе» из *Фигаро*).

Банвиль живет на ул. Эперон, № 9 или 10.

Мезруа — ул. Трюффо, 28.

Бурже — ул. Месьё, 6 или 7.

Пожалуйста, сообщите мне также, сколько я должен уплатить, если мне понадобятся дополнительные экземпляры, сверх тех 25, которые вы мне дали. Пожалуйста, попросите Марпона выслать мне их по цене, о которой мы сговоримся. За сбыт в *Либрери Нувель* я ручаюсь.

Фамилии трех приказчиков — Ашилль Эйман, Менар и Ребуль; я не очень уверен в правильном написании последней фамилии; вот почему я препроводил вам экземпляры для них без дарственной надписи. Как только вы сброшюруете книги, пошлите мне, прошу вас, несколько экземпляров.

Полагаю, что ответил на все пункты вашего письма.

Итак, до скорого свидания.

Жму вам сердечно руку

Ги де Мопассан.

Совершенно необходимо также преподнести по экземпляру каждому из приказчиков *Либрери Нувель*. Я зайду туда и сделаю надписи для каждого из них. Одной этой фирмой было продано 900 экземпляров *Заведения Телье*.

Ни одна газета не сделала для рекламы моей книги больше этих трех приказчиков.

№ 142. ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ

Ментона, 14 мая 1882 г.

Дорогой мой Кистемакерс,

Не окажете ли вы мне истинную услугу — не пошлете ли непосредственно адресатам 17 из тех экземпляров, которые даете мне? Я буду в Париже не раньше 20 мая, и получится, что я обижу многих приятелей. Расходы по пересылке, само собой разумеется, поставьте на мой счет. Я попрошу вас также наклеить на эти экземпляры посвящения, которые при сем препровождаю.

Прошу извинить меня за доставленные вам хлопоты.

С сердечным приветом

Ги де Мопассан.

Если вы не сможете принять на себя этот труд, сообщите мне, пожалуйста, по адресу: Гранд-Отель, Сен-Рафаэль, Вар.

№ 143. [ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ]

[1882 г.]

Дорогой друг,

Мне пришлось выехать в Нормандию. Приношу всяческие извинения.

Я повидаюсь с вами по возвращении с вод в Шатель-Гийоне, где буду через неделю.

Не можете ли вы дать мне еще два экземпляра *Темидора?*

Жму вам сердечно руку.

Ги де Мопассан.

№ 144. ЖОРЖУ ШАРПАНТЬЕ

28 ноября 1882 г.

Дорогой друг,

На следующий день после моего разговора с г-ном Голле я получил, к своему удивлению, проспект договора, который вы решили мне послать.

Что за странная идея пришла вам в голову — заключить со мной договор, о котором вы до сих пор не думали?

Я предложил вам издать свою книгу. Вы приняли ее, ничего не говоря о договоре. Она вышла в свет, и вопрос о договоре не возникал между нами ни разу.

С тех пор прошло три года, мысль о договоре не поднималась и не обсуждалась — и вдруг вы посылаете мне гербовую бумагу в двух экземплярах.

Принципиально я решил раз навсегда не подписывать официального договора. К слову говоря, с г-ном Аваром у меня только соглашение на словах. Но если я должен был бы подписать договор с вами, то заключу его только на подходящих для себя условиях. Вот они.

До третьей тысячи я получаю по 40 сантимов за экземпляр.

Начиная с третьей тысячи, по франку за экземпляр.

Внетиражных экземпляров только 100.

По истечении шести лет я получаю право распоряжаться книгой, как мне заблагорассудится.

Я сохраняю за собой право выпускать роскошные или иллюстрированные издания своих книг, когда и где мне это будет угодно.

Эти условия меня до сего времени вполне удовлетворяли, и я не намерен изменять их.

Я надумал выпустить роскошное издание *Стихотворений.* Мне предлагают немедленно 1 500 франков при тираже в 1 500 экземпляров за эту уже опубликованную книгу (максимальная продажная цена — 5 франков за экземпляр). Я заходил к вам, чтобы поговорить об этом и узнать, сколько экземпляров осталось у вас на складе. Мне сообщили, что продажа вашего издания совершенно прекратилась, и это привело меня к решению выпустить второе, на этот раз роскошное издание, чтобы помочь вам сбыть все оставшиеся книги.

Я собирался еще раз зайти к вам для обсуждения этого вопроса и для того, чтобы спросить, на каких условиях вы переиздадите ваше издание в $3^1/_2$ франка, после того как первое будет распродано; но проект договора, который вы мне послали, убеждает меня, что мы никогда не сговоримся по этому пункту, потому что, получая со своих книг по 1 франку за экземпляр, я не вижу никаких оснований отдавать их другим по 40 сантимов. Поскольку мы не связаны друг с другом никакими письменными соглашениями, вполне естественно, что каждый из нас ищет для себя наибольшей выгоды, я — как автор, вы — как издатель.

Так как, с другой стороны, мне очень не хотелось бы нарушать ваши интересы, я был бы очень признателен, если бы вы сообщили мне, не помешает ли роскошное издание, затеваемое мною, сбыту 1 250 томов, остающихся у вас на складе.

Жму вам сердечно руку и прошу вас передать г-же Шарпантье мои наилучшие пожелания.

Ги де Мопассан.

№ 145. ИЗДАТЕЛЮ

Париж, 4 декабря 1882 г.

Я не ответил вам до сих пор потому, что у меня очень мало свободного времени и я не мог раньше заняться теми вопросами, которые вы передо мной поставили.

Вот условия, на которых я могу договориться с вами. Один том из 10—15 новелл, то есть 150 страниц текста с иллюстрациями. Тираж на особой бумаге — 500 экземпляров. Гонорар — 2 000 франков, из коих 1 000 франков в день сдачи мною вам текста и 1 000 франков в день начала продажи. Вы остаетесь единственным издателем этих новелл в течение пяти лет.

...Что касается *Любви на протяжении веков*, я предпочитаю не сотрудничать в этом издании по той простой причине, что мне было бы очень неприятно участвовать в сборнике, подписанном несколькими именами.

Кроме того, я счел бы себя вынужденным запросить с вас крупную сумму.

Я продаю роман в газету за 8 000 франков. Русский перевод, выходящий раньше французского издания, дает мне 2 000. Соответственно сколько-нибудь значительная новелла приносит мне при тех же самых условиях по меньшей мере 1 500 франков. Если я присчитаю еще 1 500 франков за напечатание той же новеллы в томе, где помещены еще три других (а я получаю у г-на Авара по одному франку с тома, продающегося по 3½ франка), то это составит по меньшей мере 3 000 франков.

И все-таки я предпочел бы совсем не писать этой новеллы, даже в том случае, если бы вы отсчитали мне 3 000 франков наличными...

№ 146. ИЗДАТЕЛЮ КАНТЕНУ

[1883 г.]

Я только что получил письмо от моего друга Поля Бурже, в котором он просит меня от вашего имени написать этюды о Золя и Гонкуре для серии портретов современников, которую вы собираетесь издавать.

Охотно возьму на себя этот труд и буду счастлив проанализировать два столь различных таланта и высказать об этих двух мастерах — они оба мои друзья — то, что я о них знаю и думаю.

№ 147. ЭДМОНУ ДЕШОМУ

Г-ну Родольфу Сали, директору Ша-Нуар. Бульвар Рошешуар, 84. В адрес редакции г-ну Эдмону Дешому. Вскрыть в случае его отсутствия.

Г. М.

Ул. Дюлон, 83.
16 февраля 1883 г.

Дорогой Дешом,

Я письменно предложил вам снять мое имя с обложки *Ша-Нуар.* И вдруг узнаю, что, вопреки моей воле, на балу прессы раздавался особый номер, в котором я попрежнему был указан в качестве администратора. Эта дурного тона шутка заставляет меня выразить вам свое негодование, ибо такое отношение лишено всяких признаков учтивости с вашей стороны.

Предупреждаю вас, что это письмо написано и сдано на почту в присутствии свидетелей и что мною приняты необходимые меры для того, чтобы пришел и мой черед посмеяться над результатами усвоенного в отношении меня поведения.

Прошу вас лично принять уверения в самых лучших моих чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 148. ЭДМОНУ ДЕШОМУ

Г. М.

Ул. Дюлон, 83.
Февраль 1883 г.

Дорогой Дешом,

Я очень огорчен тем, что обидел вас. Изложу вам все обстоятельства в двадцати строках, и вы поймете меня.

Я адресовал письмо вам, потому что именно вас я знаю лучше всех в *Ша-Нуаре.* В течение полутора месяцев я получил немало оскорбительных анонимных писем, где меня упрекали в том, будто я продал свое имя *Ша-Нуару* за 40 франков! Я не обращал никакого внимания на эти оскорбления до тех пор, пока один из моих друзей, близких к прессе, не рассказал мне о том, что такое же глупое предположение не раз высказывалось

многими. Придумали даже, будто бы однажды вечером я разыскал г-на Сали и сказал ему шепотом: «Мне нужно два луидора, дайте мне их, и я разрешу поставить свое имя на обложке вашего журнала».

Это было глупо, и я не придал этому никакого значения и попросту просил вас снять мое имя с обложки. Я написал вам об этом дружескую записку в четыре строчки.

Ответа я не получил. С тех пор вышло три номера. Мое имя не было снято. Я подумал, естественно, что шутка, вопреки моей просьбе, продолжается намеренно, и нашел такой способ действий как нельзя более грубым.

Вслед за этим было написано второе мое письмо, адресованное, как и первое, вам, причем у меня не было никакого основания предположить, что первое до вас не дошло. Вы секретарь редакции. Следовательно, я был уверен, что каждое письмо, адресованное секретарю редакции, дойдет до вас. Отсутствие ответа на первое письмо навело меня на мысль, что надо мной решили подшутить. Это задело меня, особенно потому, что исходило от вас и г-на Сали, относившихся ко мне до того времени необыкновенно дружелюбно. Мне очень досадно, что я ошибся и адресовал вам это раздраженное письмо, которое, как я теперь понимаю, приняв во внимание вашу болезнь и вашу неосведомленность о моем первом письме, должно было удивить и оскорбить вас.

Сердечно ваш

Ги де Мопассан.

Я не послал письмо по вашему адресу, так как хотел подчеркнуть, что оно адресовано секретарю редакции.

№ 149. ИЗДАТЕЛЯМ РУВЕЙРУ И БЛОНУ

[Начало апреля 1883 г.]

Если рассказов, которые я послал вам, будет недостаточно для того, чтобы составить том в 300 страниц по типу *М-ль Фифи*, я постараюсь добавить две новеллы, одну из них довольно длинную...

(Несколько дней спустя Мопассан адресовал Рувейру следующую записку):

...Я не могу отослать вам гранки обратной почтой. У меня болят глаза, и я принужден передать гранки для правки одному другу. Посылаю вам в этом же конверте два новых рассказа, чтобы несколько увеличить объем тома...

Порядок следования этих рассказов: *Святой Антоний,* затем *Вальтер Шнаффс.*

№ 150. ИЗДАТЕЛЮ РУВЕЙРУ

[Май 1883 г.]

...Вот гранки. Я передал первые из них другу, который читал их после меня. Почему вы сняли заглавие над каждой новеллой? Я категорически за то, чтобы восстановить заглавия. Без этого страница слишком пуста...

№ 151. ИЗДАТЕЛЮ РУВЕЙРУ

[Июнь 1883 г.]

Приезжаю в Руан и нахожу два ваших письма. Хотя том должен был поступить в продажу вчера, посылаю требуемое вами рекламное объявление, полагая, что оно еще может оказаться вам полезным.

«Издатели Эд. Рувейр и Ж. Блон выпустили в продажу новый том Ги де Мопассана *Рассказы Вальдшнепа.* Характерной чертой этого последнего произведения, написанного автором *Заведения Телье и Жизни,* является игривость, забавная ирония. Первый рассказ книги, *Эта свинья Морен,* не замедлит занять место рядом с *Пышкой.* Последующие рассказы представляют собою разнообразные образцы насмешливого юмора писателя. Лишь два — три рассказа вносят в книгу драматическую ноту».

№ 152. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Этрета, вторник [1883 г.]

...Получили ли вы *Жизнь* и *Рассказы Вальдшнепа?* Я работаю. Готовлюсь издать том путевых записок. В ноябре у меня будут готовы две большие новеллы, которые я обещал вам написать для России.

№ 153. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Ул. Дюлон, 83 [Лето 1883 г.]

Я переслал отцу 500 франков, которые прошу тебя взять в его конторе. Со своей стороны, ты должен мне по счету Фурнеза:

Полугодовую плату за *Лепесток розы* . .	30
За весла, сломанные твоим другом . . .	24
За покраску ялика (половинная доля) . .	17
За ремонт (половинная доля)	15
	86

Что составляет 586 франков.

Я знаю, что на все твои издержки этого недостаточно. Поэтому сообщи мне, сколько я тебе еще должен.

Сердечно жму тебе руку.

Ги.

№ 154 ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Ул. Дюлон, 83 [1883 г.]

Дорогой учитель и друг,

Мне так совестно перед вами, что я покраснел бы, увидев вас. Я до сих пор не выбрался к вам, ибо так завален всяческой работой, что у меня нет среди дня и десяти свободных минут.

Прибавьте к этому, что уже полгода, как я наполовину слеп, не могу читать, пишу чуть ли не ощупью, и вы поймете, почему не получаете от меня вестей.

Я уезжаю завтра на четыре — пять дней, вернусь во вторник и как-нибудь утром на той неделе позвоню у ваших дверей, если только не обеспокою вас своим визитом.

Не пишу о *Дамском счастье,* ибо из всего романа прочел *один* подвал в газете. Жду получения книги. Впрочем, в настоящее время я не в состоянии читать газет и нанял чтеца, чтобы ознакомиться с книгами, которые меня интересуют.

Сердечно жму вашу руку, дорогой учитель и друг, и прошу вас передать г-же Золя мой низкий и почтительный поклон.

Ги де Мопассан.

№ 155. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Руан, Отель дю Манс, ул. Сены.
Среда [Июнь 1883 г.]

Получил ли ты письмо, в котором я уведомлял тебя, что мною депонировано у отца 500 франков для оплаты издержек по приобретению для меня земельной собственности? Кроме того, я спрашивал тебя в нем, какую сумму я остался тебе должен, принимая в расчет 86 франков, уплаченных за тебя Фурнезу по счету в 226 франков, который он предъявил к оплате.

...Я ношу форму (!!) от девяти до десяти часов утра ежедневно. Служба моя этим и ограничивается. Только что написал в конторе свои письма, после чего я свободен до следующего дня.

Не жалуюсь.

Сердечно жму твою руку.

Не могу дать тебе экземпляр *Рассказов Вальдшнепа* за неимением его здесь.

Придется подождать до моего возвращения...

№ 156. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Ла Гийетт, Этрета, сентябрь 1883 г.

Только одно слово, дорогой Леон, на которое прошу тебя ответить депешей.

Мне нужен будет в четверг *Брат Жан* для некоей весьма таинственной прогулки.

До Парижа я все же не доеду. Остановлюсь в Мэзоне. По-прежнему ли лодка у Фурнеза? Ему ли я должен написать, чтобы лодка была наготове?..

№ 157. БАРОНУ ЛЮДОВИКУ ДЕ ВО

Париж, ул. Дюлон, 83 [Ноябрь 1883 г.]

Дорогой друг,

Спасибо за предупреждение. Не пускай в печать этой заметки. Я действительно был в Триеле, но не с *белой негритянкой,* а с *двумя белыми.* Об одной ты зна-

ешь понаслышке, именно о той, которую я там случайно встретил. Назову тебе потом ее имя.

Ты, впрочем, создал мне кучу неприятностей своей более старой хроникерской заметкой. Если бы речь шла только обо мне, мне было бы решительно все равно, но там была замешана женщина — и это чуть не обернулось очень плохо. Я как-нибудь потолкую с тобой и объясню, в чем дело.

Поговорить о твоей книге в *Голуа* очень легко, но о какой — о *Стрелках из пистолета* или о новом томе? Я только что вернулся из Этрета и еще не в курсе дел...

№ 158. ПОЛИНЕ ВИАРДО *

[Конец 1883 г.]

Милостивая государыня,

Ваш друг, г-н Тургенев, был одним из двух вице-председателей комиссии, уполномоченной провести сбор пожертвований для возведения памятника нашему дорогому Гюставу Флоберу.

Г-н Тургенев уже сделал первый взнос собранных им пожертвований в сумме 1 885 франков и успел в них отчитаться перед нами.

Позднее он уведомил нас, что имеет на руках другие пожертвования, список которых был приложен к специальному досье, содержащему, кроме того, другие указания, относящиеся к нашему общему делу.

Насколько нам известно, сударыня, завещание Тургенева было составлено в вашу пользу, вот почему мы осмеливаемся просить вас о передаче нашей комиссии всех денег, предназначенных на сооружение памятника Флоберу.

Примите, сударыня, уверения в нашем искреннем уважении.

Один из вице-председателей
комиссии *Ш. Ф. Лапьерр.*
Секретарь комиссии
Ги де Мопассан.

№ 159. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

[Дата получения — 15 марта 1884 г.]

Дорогой издатель и друг,

Я не думаю, что Гастингс — неудачное слово, оно ведь известно во всем мире и напоминает о крупнейших событиях в истории Англии. Кроме того, фамилия Гастингс так же распространена, как у нас Дюваль.

Фамилия мисс Ревел, выбранная Шербюлье, столь же похожа на английскую, сколь и на турецкую.

Вот, однако, другое слово, такое же английское, как Гастингс, но более красивое по звучанию, это

М и с с Г а р р и е т

Следует поставить м и с с вверху, а фамилию Г а р р и е т расположить отдельно на второй строчке.

Прошу вас заменить всюду Гастингс фамилией Гарриет прежде, чем вы пришлете мне гранки.

Конец *Наследства* посылаю во вторник журналу *Военная жизнь*. Запросите у них этот рассказ теперь же. У вас получится таким образом целый том, что составит, по-моему, более 300 страниц. Если я ошибся, прибавлю еще один или два рассказа.

Сердечно жму вашу руку.

Ги де Мопассан.

№ 160. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Ул. Дюлон, 83,
23 марта [1884 г.]

Дорогой учитель и друг,

Я вернулся вчера в Париж и намереваюсь уехать завтра. Нашел у себя *Радость жизни* и всю ночь провел за чтением. Хочу сказать вам, не откладывая, что я нахожу этот роман великолепным.

Не осмелюсь утверждать, что это самая замечательная из ваших книг, но мне она нравится больше других и больше других меня захватила.

Я много жил среди людей, похожих на тех, кого вы описываете, и меня взволновала потрясающая, неизменная правдивость их характеров. Мать и Лазар меня особенно поразили. Они удивительно жизненны.

Вообще, читая эту книгу, я испытал такое ощущение, словно окунулся в самую гущу жизни. Даже морской пейзаж, который я прекрасно знаю и люблю,— и он напоминал мне что-то виденное, знакомое. Все это так живо, что хочется кричать, и так хватает за душу, что хочется плакать. А как замечательны кошка с собакой!

Если я урву несколько минут, а вы окажетесь в Париже,— попробую отыскать вас, чтобы высказать все то удовольствие, какое доставил мне этот роман, даже помимо моего восхищения столь сильной и правдивой книгой.

Как давно я был лишен удовольствия пожать вам руку, побеседовать с вами!

Прошу верить, дорогой учитель и друг, в мою искреннюю любовь и признательность. Передайте, пожалуйста, г-же Золя мой низкий и почтительный поклон.

Ги де Мопассан.

№ 161. ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ

Канн, ул. дю Редан, 1.
8 апреля [1884 г.]

...Простите, что я вам не писал. Но у меня столько дела, что черкнуть десяток слов кажется колоссальным трудом.

Хочу предложить вам один проект. Я рассчитываю быть в Брюсселе в конце мая. Я мог бы, если все будет хорошо организовано и мне прилично заплатят, устроить чтение небольшого неизданного романа, который появится в *Фигаро* примерно в августе. Подумайте, возможно ли осуществить это?

№ 162. Г-ЖЕ Р. Ж. Д. (МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ)

До востребования. Почтовое бюро, ул. Мадлен. (Париж)

Канн, ул. дю Редан, 1.
[8 апреля 1884 г.]

Милостивая государыня,

Мое письмо, очевидно, не оправдает ваших ожиданий. Мне хочется прежде всего поблагодарить вас за доброе отношение ко мне и за ваши милые комплименты по моему адресу, а затем побеседовать с вами благоразумно.

Вы просите у меня разрешения быть моей поверенной. Во имя чего? Я вас совершенно не знаю. Вы незнакомка; характер, наклонности и все прочие ваши качества могут совершенно не соответствовать моему интеллектуальному складу; с какой же стати я стал бы вам рассказывать о всем том, о чем могу сказать лишь с глазу на глаз, в интимной обстановке, женщинам, являющимся моими друзьями? Не было ли бы это поступком легкомысленного и непостоянного друга?

Разве таинственность переписки способна усилить прелесть отношений?

Разве вся сладость чувств, связывающих мужчину и женщину (я говорю о целомудренных чувствах), не зависит прежде всего от приятной возможности видеться друг с другом, разговаривать, вглядываясь в собеседника, и мысленно восстанавливать, когда пишешь женщине-другу, черты ее лица, витающие между нашими глазами и листом бумаги?

Но можно ли писать об интимных переживаниях, о самом сокровенном тому существу, чей физический облик, цвет волос, улыбка, взгляд тебе неизвестны?

Ради чего рассказывать вам, что «я сделал то-то и то-то», и сознавать в то же время, что это вызовет перед вами, раз вы меня совершенно не знаете, только слабое отражение малоинтересных вещей?

Вы упоминаете о письме, полученном мной недав-

но,— оно было от мужчины, просившего у меня совета. Вот и все.

Возвращаюсь к письмам незнакомок. Я получил их за два года около пятидесяти или шестидесяти. Могу ли я выбрать из числа этих женщин поверенную своей души, как вы выражаетесь?

Если они выразят желание показаться лично и познакомиться, как это принято в нашем простом буржуазном мире, тогда, пожалуй, могут еще установиться отношения дружбы и доверия. В противном же случае к чему пренебрегать очаровательными подругами, которых знаешь, ради подруги, может быть, также очаровательной, но неизвестной, то есть такой, которая может показаться даже неприятной нашему зрению или нашему уму? Все это, может быть, не слишком вежливо, не правда ли? Но если бы я бросился к вашим ногам, не сочли ли бы вы меня неустойчивым в моих привязанностях?

Простите меня, сударыня, за эти рассуждения, более присущие человеку здравого смысла, чем поэту, и считайте меня вашим признательным и преданным

Ги де Мопассаном.

Прошу прощения за помарки в моем письме; я не могу писать, не делая их, переписывать же письмо не имею времени.

№ 163. Г-ЖЕ Р. Ж. Д. (МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ)

До востребования. Почтовое бюро, ул. Мадлен. (Париж)

Канн, ул. дю Редан, 1 [Апрель 1884 г.]

Да, сударыня, второе письмо! Это удивляет меня. Я чуть ли не испытываю смутное желание наговорить вам дерзостей. Это ведь позволительно, раз я вас совершенно не знаю. И все же я пишу вам, так как мне нестерпимо скучно!

Вы упрекаете меня за банальность образа старухи, отомстившей пруссакам; но все ведь на свете банально. Кроме этих банальностей, я ничем не занимаюсь, и мне понятно только это. Все мысли, все фразы, все споры, все верования — все банально.

И не относится ли к числу самых доподлинных и мальчишеских банальностей переписка с незнакомкой?

Короче говоря, по натуре я человек наивный. Меня вы более или менее знаете: вы знаете, что̀ делаете и к кому обращаетесь, вам говорили обо мне то или другое, хорошее или плохое—неважно. Если вы даже не встречались с кем-либо из моих знакомых,— а знакомство у меня обширное,— то вы читали обо мне статьи в газетах, знаете о моем физическом и нравственном облике. Словом, вы забавляетесь, прекрасно сознавая, что вы делаете. А в каком положении я?

Вы, правда, можете оказаться молодой и очаровательной женщиной, и в один прекрасный день я буду счастлив расцеловать ваши ручки.

Но вы также можете оказаться и старой консьержкой, начитавшейся романов Эжена Сю.

Вы можете оказаться образованной и перезрелой девицей-компаньонкой, тощей, как метла.

А в самом деле, не худая ли вы? Не слишком, не правда ли? Я был бы в отчаянии, если бы мне пришлось иметь дело с тощей корреспонденткой. Незнакомкам ни в чем не доверяешь.

Я уже попадался в уморительные ловушки. Однажды целый пансион молодых девиц завел со мной переписку при содействии младшей учительницы. Мои ответы переходили из рук в руки во время уроков. Хитрость была забавна и рассмешила меня, когда я узнал о ней от этой самой младшей учительницы.

Светская ли вы женщина? Сентиментальны ли вы или просто романтичны, или, может быть, вы всего-навсего скучающая особа и желаете развлечься? Но, видите ли, я ни в коем случае не принадлежу к числу тех людей, которых вы ищете.

Во мне нет ни на грош поэзии. Я отношусь ко всему с одинаковым безразличием и две трети своего времени провожу в том, что безмерно скучаю. Последнюю треть я заполняю тем, что пишу строки, которые про-

даю возможно дороже, приходя в то же время в отчаяние от необходимости заниматься этим ужасным ремеслом, которое доставило мне честь заслужить ваше— моральное — расположение.

Вот вам и мои признания. Что вы о них скажете, сударыня?

Вы, должно быть, найдете меня очень бесцеремонным,— прошу прощения. Когда я пишу вам, мне кажется, что я иду по мрачному подземелью, боясь оступиться в какую-нибудь яму под ногами. И я наугад постукиваю палкой, чтобы прощупать почву.

Какие духи вы предпочитаете? Вы гурманка? Какой формы ваше ухо? Каков цвет ваших глаз? Не музыкантша ли вы?

Не спрашиваю вас,-замужем ли вы. Если да, вы ответите мне нет. Если нет, ответите да.

Целую ваши ручки, сударыня.

Ги де Мопассан.

№ 164. Г-ЖЕ Р. Ж. Д. (МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ)

До востребования. Почтовое бюро, ул. Мадлен. (Париж)

3 апреля 1884 г.

Сударыня, я только что провел две недели в Париже, а так как, уезжая из Канна, не захватил с собой каббалистических знаков, по которым должен направлять вам свои письма, то и не мог ответить вам раньше.

Знаете, сударыня, вы меня страшно напугали! Вы цитируете одним махом, без предупреждения Ж. Санд, Флобера, Бальзака, Монтескьё, еврея Баарона, Иова, ученого Шпицбубе из Берлина и Моисея!

О! Теперь-то я вас знаю, прекрасная маска: вы преподаватель шестого класса лицея Людовика Великого. Признаюсь, я уже и раньше догадывался об этом, так как ваша бумага издавала легкий запах нюхательного табака.

На этом основании я собираюсь перестать быть галантным (да и был ли я таковым?) и стану обращаться с вами, как с ученым мужем, то есть как с врагом. Ах,

старый плут, старая школьная крыса, старый латинский буквоед, и вы намеревались сойти за хорошенькую женщину! Вы, значит, собирались послать мне ваши пробы пера, какой-нибудь ваш манускрипт, трактующий об искусстве и природе, чтобы я порекомендовал его тому или иному *журналу* и поговорил о нем в одной из своих статей!

Какое счастье, что я не предупредил вас о своем пребывании в Париже. В противном случае я, пожалуй, однажды утром узрел бы у себя некоего обносившегося старичка: он ставит цилиндр на пол, извлекает из кармана бумажный рулон, перевязанный бечевкой, и говорит мне: «Сударь, я та дама, которая...»

Так вот, господин учитель, я все же собираюсь ответить на некоторые ваши вопросы. Начну с благодарности за милые детали, которые вы мне даете о вашей наружности и вкусах. Равно благодарю вас за мой портрет, набросанный вами. Даю вам слово, он похож. Укажу, однако, некоторые погрешности:

1) Живот меньше.

2) Я никогда не курю.

3) Я не пью ни пива, ни вина, ни спиртных напитков, ничего, кроме воды.

Следовательно, блаженное состояние перед кружкой не может быть моей излюбленной позой.

Гораздо чаще я сижу на диване, подогнув по-восточному ноги. Вы спрашиваете меня, кто мой любимый художник из современных? Милле.

Мой любимый музыкант? Я не терплю музыки!

По правде говоря, я предпочитаю всем искусствам красивую женщину. А хороший обед, настоящий обед, изысканный обед я ставлю почти на ту же ступень, что и красивую женщину.

Вот мой символ веры, господин старый учитель.

Я считаю, что когда тобой владеет глубокая страсть, всеобъемлющая страсть, то ей нужно отдаться целиком, пожертвовав для нее всеми другими; это я и делаю.

Мною владели две страсти. Нужно было пожертвовать одной — и я пожертвовал чревоугодием. Я стал воздержан в пище, как верблюд, но так разборчив, что теперь и не знаю, чем же мне питаться.

А вот еще одна деталь! Я выигрывал крупные состязания в качестве гребца, пловца и ходока.

Теперь, после всех этих признаний, господин классный наставник, расскажите мне о себе, о вашей жене — несомненно, вы женаты,— о ваших детях. Не имеется ли у вас дочки? Если да, прошу вас, подумайте обо мне.

Молю божественного Гомера, да испросит он для вас все земные радости у бога, которому вы поклоняетесь.

Ги де Мопассан.

Через несколько дней я вернусь в Париж, ул. Дюлон, 83.

№ 165. Г-ЖЕ Р. Ж. Д. (МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ)

До востребования. Почтовое бюро, ул. Мадлен. (Париж)

Ул. Дюлон, 83 [Апрель 1884 г.]

Мой дорогой Жозеф, мораль вашего письма, очевидно, та, что раз мы совсем не знаем друг друга, не будем стесняться и поговорим откровенно, как два собрата.

Пусть будет так, я первый подам вам пример полной откровенности. Мы дошли до такой точки, что можем говорить друг другу «ты», не правда ли? Итак, я говорю тебе «ты», и наплевать, если ты недоволен.

Адресуйся тогда к Виктору Гюго — он назовет тебя «дорогим поэтом».

Знаешь ли, для школьного учителя, которому доверено воспитание невинных душ, ты говоришь мне не особенно скромные вещи! Как? Ты ни чуточки не стыдлив? Ни в выборе книг для чтения, ни в своих сочинениях, ни в своих словах, ни в своих поступках,— да? Я это предчувствовал.

И ты думаешь, что меня что-либо забавляет? И что я смеюсь над публикой? Мой бедный Жозеф, под солнцем нет человека, который бы скучал более меня. Нет ничего, что стоило бы затраты сил или из-за чего стоило бы утомиться, хотя бы на мгновение. Я скучаю без

передышки, без отдыха и без надежды, потому что ничего не хочу и ничего не жду; что же касается того, чтобы плакать об обстоятельствах, которые я не в состоянии изменить,— с этим я подожду, пока не выживу из ума. Так как мы откровенны друг с другом, то предупреждаю тебя, что это мое последнее письмо, потому что переписка мне уже начинает надоедать.

К чему продолжать ее? Меня она не забавляет и не обещает ничего приятного в будущем.

У меня нет никакого желания познакомиться с тобой. Я уверен, что ты безобразен, и вдобавок нахожу, что послал тебе уже достаточно автографов вроде этого. Известно ли тебе, что они стоят от десяти до двадцати су за штуку, в зависимости от содержания? У тебя есть, по крайней мере, два по двадцать су. Тебе повезло!

А кроме того, я собираюсь снова покинуть Париж, так как скучаю в нем гораздо сильнее, чем где-либо. Я поеду в Этрета, чтобы переменить обстановку, а также потому, что в данный момент смогу побыть там в одиночестве.

Больше всего люблю быть в одиночестве. Таким образом, по крайней мере, я скучаю молча.

Ты спрашиваешь меня, каков мой точный возраст. Так как я родился 5 августа 1850 года, то мне еще нет 34 лет. Это тебя удовлетворяет? Не собираешься ли ты попросить у меня фотографию? Предупреждаю, что не пришлю.

Да, я люблю красивых женщин, но бывают дни, когда они мне страшно противны.

Прощай, старина Жозеф, наше знакомство было очень неполным, очень коротким. Но что делать? Может быть, и к лучшему, что ни я не видел твоей физии, ни ты моей.

Протяни мне руку, и я сердечно пожму ее, посылая тебе последний привет.

Ги де Мопассан.

P. S. Теперь ты можешь давать исчерпывающие справки относительно меня тем, кто у тебя этого попросит. Благодаря тайне я себя выдал.

Прощай, Жозеф!

№ 166. Г-ЖЕ Р. Ж Д. (МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ)

До востребования. Почтовое бюро, ул. Мадлен. (Париж)

Ла Гийетт, Этрета, 12 апреля 1884 г.

Итак, я задел вас за живое, сударыня. Не отрицайте этого. Я в восторге. И униженно прошу за это прощения.

Я спрашивал себя: кто же это? Вначале она пишет мне сентиментальное, мечтательное, экзальтированное письмо. Это присуще молодым девушкам; значит, она девушка? Большинство незнакомок — девушки.

Тогда, сударыня, я ответил в скептическом тоне. Вы опередили меня, и ваше предпоследнее письмо содержало ряд странных вещей. Я уже не знал более, к какой породе женщин вас отнести. Я все спрашивал себя: кто это — замаскированная женщина, желающая позабавиться, или просто бесстыдница?

Знаете ли вы испытанное средство, позволяющее на балах Оперы узнавать светских женщин? Их щекочут. Проститутки привыкли к этому и просто заявляют: «Ну, хватит!» Но прочие сердятся.

Я ущипнул вас весьма неподобающим образом, признаюсь в этом, и вы рассердились. Теперь я прошу у вас прощения тем более, что одна фраза вашего письма очень меня огорчила. Вы пишете, что мой *гнусный* ответ заставил вас провести скверный день.

Нет, не слово «гнусный» меня задело. Поймите, сударыня, мне было больно по другим, более тонким причинам, а также при мысли, что незнакомая женщина пережила из-за меня скверный день.

Поверьте, сударыня, я не так груб, не так скептичен и не так непристоен, каким я проявил себя по отношению к вам.

Но помимо воли я питаю большое недоверие ко всякой таинственности, ко всему незнакомому и к незнакомкам.

Как вы можете требовать, чтобы я искренне говорил с некой Х, которая пишет мне анонимно и может оказаться врагом (у меня таковые имеются) или просто любительницей шуток? Я и сам надеваю маску, когда имею

дело с замаскированными людьми. На войне это допускается. А благодаря хитрости я подглядел кусочек вашей души.

Еще раз простите.

Целую незнакомую ручку, которая пишет мне.

Ваши письма, сударыня, в вашем распоряжении, но я передам их лишь в ваши руки. Ах, для этого я был бы готов предпринять путешествие в Париж.

Ги де Мопассан.

№ 167. Г-ЖЕ Р. Ж. Д. (МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ)

До востребования. Почтовое бюро, ул Мадлен. (Париж)

Ул. Дюлон, 83 [Конец апреля 1884 г.]

Милостивая государыня,

Я только что провел дней десять на море, почему и не ответил вам раньше. Теперь же вернулся на несколько недель в Париж, прежде чем уехать на лето.

Решительно вы недовольны, сударыня, и, чтобы подчеркнуть свое раздражение, вы заявляете, что я вас не стою.

О сударыня, если бы вы меня знали, вы поняли бы, что я не притязаю на высокую оценку ни в моральном, ни в художественном отношении. В глубине души я смеюсь над той и над другой. Все в жизни мне более или менее безразлично: мужчины, женщины и события. Вот мой истинный символ веры, и прибавлю, хотя вы и усомнитесь в этом, что я дорожу собой не больше, чем другими. Все в мире — скука, шутовство и ничтожество.

Вы говорите, что навсегда губите себя в моем мнении, продолжая писать мне. Почему же? Вы проявили редкую смелость духа, признавшись, что вас задело мое письмо, причем признались в этом гневно, просто, откровенно и очаровательно, что меня тронуло и взволновало.

Я извинился перед вами, приведя свои объяснения. Вы ответили мне еще раз, очень мило, не слагая ору-

жия, проявив почти благожелательность, но все же с некоторой примесью гнева.

Разве это не вполне естественно?

О, я хорошо знаю, что теперь внушу вам сильное недоверие. Пусть так! Значит, вы не хотите встретиться? А ведь о человеке узнаешь больше, слушая его в продолжение пяти минут, чем переписываясь с ним в течение десяти лет.

Как могло случиться, что вы не знаете никого из моих знакомых? Ведь живя в Париже, я ежедневно бываю в обществе. Вы могли бы сообщить мне, что в такой-то день будете в таком-то доме, и я приехал бы. Если бы я показался вам слишком неприятным, вы не стали бы знакомиться со мной.

Но не стройте иллюзий на мой счет.

Я и не красив, и не изящен, и не необыкновенен. К тому же все это должно быть вам совершенно безразлично.

В каких кругах вы бываете — орлеанистских, бонапартистских или республиканских?

Хотите, я буду терпеливо ожидать вас в музее, в церкви или на улице?

В этом случае я поставил бы только одно условие: не ждать напрасно женщину, которая не явится на свидание. Что сказали бы вы о встрече в театре, не обусловленной знакомством со мной, если только вы сами этого не захотите?

Я сообщил бы вам номер своей ложи или пошел бы с друзьями. Номера вашей вы не скажете. А на следующий день вы могли бы написать мне: «Прощайте, сударь». Разве я не более великодушен, чем французские гвардейцы при Фонтенуа?

Целую ваши ручки, сударыня.

Мопассан.

№ 168. ИЗДАТЕЛЯМ РУВЕЙРУ И БЛОНУ

Ул. Дюлон, 83, 16 апреля 1884 г.

Я подумал и посоветовался с друзьями. Вот то, что я вам предлагаю. Два решения на ваш выбор:

1) Полтора франка с каждого проданного тома, с уплатой мне авансом, как это вы сделали с *Рассказами*

Вальдшнепа, за 2 000 экземпляров: то есть 1 000 немедленно по сдаче рукописи, 500 франков 15 июля и 1 000 франков 15 октября, а остальное, по мере продажи книги, на тех же условиях, которые вы приняли для *Вальдшнепа.* Что касается экземпляров на голландской бумаге — 20% их номинальной стоимости. Или так:

2) Всего 4 000 франков, выплачиваемых: 1 000 — немедленно при сдаче рукописи, 1 000 — 15 июля, 1 000 — 15 октября, 1 000 — 15 января. Вы получите монопольное право на книгу сроком на 4 года, при условии не выпускать ее в издании иного типа, чем первое шестифранковое. Книга ни в каком случае не может быть перепродана вами другому издателю или перейти из ваших рук в другие...

№ 169. НЕИЗВЕСТНОМУ

Улица Дюлон, 83.

...Так как у меня произошел довольно продолжительный перерыв в работе, я сильно запоздал с окончанием моего маленького романа, и мне очень хотелось бы выяснить, подходят ли вам следующие сроки.

Я пошлю вам его 1 июня по нашему стилю, причем в *Фигаро* до 15 августа он не появится. Так как этот роман гораздо короче *Жизни,* думаю, вы сможете опубликовать его в одном номере.

№ 170. ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ

Улица Дюлон, 83 [Май 1884 г.]

Г. М.

Мне не везет, дорогой друг. Я хотел сделать вам сюрприз и выехать в Брюссель 2 июня с одним из моих друзей, который собирается провести там несколько дней. Но поездка откладывается, так как мне надо быть 10 в Этрета.

Я не писал вам раньше, потому что не мог точно фиксировать дату своего отъезда. У меня был проект привезти к вам Леона Шапрона!.. Он был в восхищении от этого и просил меня подождать до тех пор, пока не выздоровеет.

Я пробуду в Париже до понедельника для того, чтобы повидаться с вами и познакомиться с г-жой Кистемакерс. Не отобедаем ли мы вместе в этот день?

Я поищу случая переговорить с кем надо о романе *Вокруг колокольни,* хотя еще не прочел его; всякое чтение мне категорически запрещено ввиду плачевного состояния моего зрения.

Жму вам сердечно руку.

Ги де Мопассан.

№ 171. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ *

Ул. Дюлон, 83 [Весна 1884 г.]

Г. М.

Дорогой Катюль,

Вот список рассказов, которые вы можете напечатать. Отмечаю крестиком те из них, которые предпочитаю сам.

Ввиду того, что я готовлю к печати другой сборник, прошу сообщить мне поскорее, какие рассказы вы выбрали. Само собой разумеется, я просмотрю гранки. Нужно внести некоторые исправления, потому что эти рассказы, как вы знаете, были написаны наспех.

Сердечно жму вашу руку.

Из «Голуа»

Скала чистиков, 14 апреля 1882 г.
Отцеубийца, 25 сентября 1882 г.
Ивелина Саморис, 20 октября 1882 г.
Первый снег, 11 октября 1883 г.
Малыш, 19 августа 1883 г.
× *Вендетта,* 14 октября.
× *Признание,* 21 октября.
× *Натурщица,* 17 октября.
× *Рука,* 23 октября.
Старик, 6 января 1884 г.
Коко, 21 января.
Трус, 27 января.
Ожерелье, 17 февраля.
× *Папаша Милон,* 22 мая 1883 г.
× *Счастье,* 16 марта 1884 г.

× *Задвижка,* 29 июля 1882 г.
Мой дядя Состен, 12 августа.
× *Он?* 3 июля 1883 г.
Проклятый хлеб, 27 апреля 1883 г.
Оранжерея, 26 июня.
Окно, 10 июля.
Болезнь Андре, 24 июля.
Взбесилась, 7 августа.
× *Дело госпожи Люно,* 21 августа.
× *Дочь Мартена,* 14 сентября.
Ребенок, 18 сентября.
× *Одиссея проститутки,* 25 сентября.
Простая драма, 2 октября.
Награжден! 13 ноября.
× *Отец,* 20 ноября.
Продажа, 22 февраля 1884 г.

А вот восемь рассказов, которые, по-моему, намного лучше других. Дату их опубликования см. выше.

Папаша Милон
Счастье
Дочь Мартена
Натурщица
Рука
Признание
Болезнь Андре (зачеркнуто).
Дело госпожи Люно
Отец

Настоятельная просьба прислать гранки.

№ 172. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ*

Понедельник [1884 г.]
Ул. Дюлон, 83.

Дорогой учитель и друг,

Я вернулся в Париж только три дня тому назад. Вот почему я еще не успел написать вам о том, как меня пленила и очаровала ваша книга *Шери.* Этот роман,

такой новый, такой тонкий и глубокий, принадлежит к самым замечательным произведениям, которые мне известны.

Я останусь здесь около месяца и очень хотел бы повидаться с вами. Я собирался зайти к вам в среду на будущей неделе, но меня неожиданно попросили об одном одолжении, что несколько нарушило мои планы и побудило, со своей стороны, обратиться к вам с ходатайством.

Одна моя очень милая приятельница, г-жа Хоуланд (друг Галеви, Рейера, Гюстава Моро и Ламбера) страстно любит безделушки и горит желанием осмотреть вашу знаменитую коллекцию. В *четверг* мы как раз обедаем недалеко от вас, у г-жи де Нудай, и если вы будете дома около пяти часов, я попрошу у вас разрешения зайти вместе с этой дамой и также с г-ном Кэре, которого вы знаете. Если вы заняты в *четверг*, то, может быть, назначите мне какой-нибудь другой день.

Прошу считать меня, дорогой учитель, своим преданным и восторженным почитателем.

Ги де Мопассан.

№ 173. ОРЕЛЬЕНУ ШОЛЛЮ

Ул. Дюлон, 83
[Май 1884 г.].

Дорогой редактор и друг,

Вот небольшая повесть, о которой вам говорил Катюль Мендес. Она займет, я думаю, 4 или 5 подвалов в газете. Я просил его переговорить с вами о гонораре. Он забыл. Я получаю в *Жиль Блас* за романы или новеллы, публикуемые из номера в номер, по 75 сантимов за строчку. Такую же плату я получил в *Военной жизни* за мою новеллу *Наследство*. Столько же я попрошу и у вас.

Вы не откажете в любезности, не правда ли, послать мне гранки, так как моя рукопись не очень четка?

Прошу верить, дорогой коллега и друг, в мою искреннюю преданность и дружеское расположение.

Ги де Мопассан.

№ 174. БАРОНУ ЛЮДОВИКУ ДЕ ВО

Ла Гийетт (Этрета), 25 июня 1884 г.

Сплетня, о которой ты мне пишешь, так глупа и так нелепа, что я не могу понять, каким образом она могла появиться. В большинстве случаев, когда подобные измышления зарождаются в мозгу какой-либо ушедшей на покой консьержки, находишь, по крайней мере, зерно, из которого могла родиться клевета. Но, несмотря на все свои усилия, я не в состоянии открыть той крупинки, которая могла послужить основанием для подобной глупой выдумки. Я не могу доискаться имени мужчины или женщины, наделенных необыкновенным воображением, от которых исходит эта удивительная басня. Можно с уверенностью сказать, что столь вздорный слух родился в Париже, а не в Этрета, так что это дело какого-нибудь *друга* или *собрата*, ибо никто среди купальщиков или купальщиц здесь не оказывался в положении, указанном изобретателем этой истории.

Не хочешь ли выслушать нечто похожее?

Этой зимой в Париже, в мире *дорогих кокоток* (мир, в который я не хожу и где никогда не бывал), рассказывали, что в Этрета я состоял в брачном сожительстве с некоей девицей, причем жил на средства, которые она добывала своими авантюрами в казино.

Говорили, что эта особа жила у меня и что об этом все знали.

Я доискивался, откуда это исходит. И не доискался.

Самое лучшее смеяться над такими глупостями...

№ 175. ОРЕЛЬЕНУ ШОЛЛЮ

Ла Гийетт (Этрета),
8 июля [1884 г.].

Дорогой коллега и друг,

Простите, что докучаю вам с делом об уплате гонорара за *Сестер Рондоли,* но вы вели со мной первые переговоры, вы приняли эту новеллу, а потому я к вам и обращаюсь по поводу оплаты.

Г-н Симон дал мне ассигновку с тем, чтобы я просто предъявил ее 5 июля. Я передал эту ассигновку в

распоряжение человека, которому был должен 1 500 франков (расписка была на 1 200 франков). Он предъявил ее 5 июля утром — кассир газеты просил его зайти вечером; ассигновка была предъявлена вечером — кассир обещал уплатить в понедельник; она была предъявлена в понедельник — тогда кассир вообще отложил дело в долгий ящик; такова история.

В своем письме этот человек оскорбляет меня, грозит подать на меня в суд. Я только что написал г-ну Симону. Мне все это очень неприятно. Я прошу выплатить мой гонорар отцу в четверг, в первой половине дня. Не могли бы вы вмешаться в это дело, поскольку именно с вами я и вел переговоры?

Извините меня за беспокойство и примите мою благодарность. Сердечно жму вашу руку.

Ги де Мопассан.

№ 176. МАТЕРИ

[1884 г]

...Если его срок закончится к 10 сентября, он, несомненно, опередит кризис, которого ждут не раньше половины сентября. Но, повторяю, Версаль никогда не подвергался этому бедствию... Поэтому надо принять все меры, чтобы Эрве не ездил в Париж. Я видел на днях врача, прибывшего из Тулона, где все, кажется, потеряли голову. У этого врача был к тому же приступ холеры, но так как он не практикует, ему удалось по выздоровлении вырваться. Холера занесена к нам не *Сартой,* а *Шамроком,* тоже, правда, военным судном. Первый смертельный случай произошел 26 апреля — умер солдат морской пехоты, снятый накануне с этого корабля. С тех пор смертные случаи следовали один за другим в продолжение трех—четырех дней. То один, то ни одного, то два, и вдруг после инкубационного периода бедствие внезапно обнаружилось со всей силой.

Я все еще хлопочу об устройстве своей новой квартиры.

В ней будет очень хорошо, но стоит все это дорого, дорого, дорого. Правда, *я очень рассчитываю на свой роман.* Работая над ним, я нашел правильный путь, ко-

торого и постараюсь придерживаться. Прощай, милая мама. Целую тебя тысячу раз от всей души. Сердечно жму руку Эрве. Пиши мне в Этрета.

Твой сын

Ги де Мопассан.

Я начал писать роман. *Иветта* полностью закончена. Как мне говорили в военном министерстве, резервисты, находящиеся по соседству с пораженными холерой городами, будут немедленно направлены в гарнизоны крайнего севера Франции.

№ 177. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Ла Гийетт (Этрета) [27 сентября 1884 г.].

Дорогой друг,

Я послал вам — уже дней десять тому назад — длинное письмо со всякого рода указаниями и вложил в него кроме того несколько важных писем, полученных из-за границы. Очень удивлен, что это письмо могло затеряться. Скорее всего, оно находится у кого-либо из ваших служащих, если только издательство вообще не отказалось его принять, а это очень возможно, потому что оно было недостаточно оплачено. Я не помню точно, о каких делах я вам писал, так как документы затерялись вместе с этим письмом. Помню только, что я просил у вас — 4 тома *Жизни,* 4 — *Гарриет,* 3 — *Телье,* 3 — *Под солнцем,* 3 — *Фифи.* Я сообщал, кроме того, что безотлагательно вышлю *Иветту,* и просил вас, после подсчета листов, сказать мне, сколько еще материала от меня потребуется, чтобы заполнить том. Попытаюсь принять меры для розыска затерявшегося письма.

Жму вам сердечно руку.

Ги де Мопассан.

№ 178. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Ла Гийетт (Этрета)
[Дата получения — 2 октября 1884 г.].

Дорогой друг,

Я пошлю вам *Иветту* через три — четыре дня, но не хочу издавать эту повесть так, чтобы она одна за-

няла весь том. Могут подумать, что я придаю ей большее значение, чем она заслуживает. Я хотел — и это мне удалось — в качестве литературного подражания воспроизвести изысканную манеру Фейе и К°.

Это изящная безделка, а не «психологический» этюд. Это ловко, но не сильно.

Мне хотелось бы знать, сколько я еще должен послать вам рассказов, чтобы получился обычный том.

Вы помните, мы часто обсуждали с вами вопрос о продаже. Я говорил вам, что в провинциальных книжных магазинах много хуже расходятся ваши книги, чем книги других издателей, и что это зависит, вероятно, от того, как вы ведете с ними дела. Впрочем, такое замечание я уже слышал от нескольких лиц. Доказательство своей правоты я получил этим летом, когда вы сами признали, что ничего не продается. Я написал недавно Оллендорфу, желая узнать о судьбе *Сестер Рондоли*. Он мне ответил, что выпускает 18-е издание. Я вновь написал ему, на этот раз ироническое письмо, спрашивая, каким тиражом выходят эти издания, уж не тиражом ли в 200 или 250 экземпляров? Посылаю вам ответ Оллендорфа. Итак, наименее удачный из моих сборников, появившийся летом в разгар холеры, был распродан за два месяца в количестве 9 500 экземпляров, оставив далеко позади *Заведение Тельe* и *Мисс Гарриет*.

Посмотрим, что даст *Иветта,* разрекламированная *Фигаро,* которая выйдет к тому же в самое удачное время года.

Прошу верить, дорогой друг, в мои самые искренние чувства.

Ги де Мопассан.

Сохраните, пожалуйста, для меня письмо Оллендорфа.

№ 179 ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Этрета, 6 октября 1884 г.

...Я очень запоздал с присылкой вам *Иветты*, так как хотел еще раз целиком перечитать ее и закончить. Но я ее не перечел: глаза не выдержали бы дважды та-

кого напряжения. Мне, впрочем, остается только поправить отдельные слова... Вы получите... пять рассказов. Думаю, что этого будет достаточно для того, чтобы сделать том компактным. Торопитесь, насколько возможно, потому что Марпон готовит свое пятифранковое иллюстрированное издание, и необходимо, чтобы мы выпустили нашу книгу раньше него...

№ 180. ИЗДАТЕЛЮ КИСТЕМАКЕРСУ

Ла Гийетт. Этрета [1884 г.]

Дорогой друг,

Спасибо за ваши предложения. Но я не могу их принять. Вы поймете, что, получая у Авара по 1 франку за том и по 60 сантимов у Оллендорфа с гарантированной продажей 4 000 экземпляров (мои новеллы расходятся примерно в 6 000 экз.), я не могу согласиться на худшие условия.

Очень сожалею. Верьте моей самой сердечной дружбе.

Ги де Мопассан.

№ 181. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Париж, 13 января 1885 г.
Ул. Моншанен, 10.

Милостивый государь,

Вот что я собираюсь сделать. Я пошлю вам дней через шесть или восемь 100 страниц рукописи моего романа, что позволит вам начать перевод. Конец 1 части, в которой еще 138 страниц, прибудет к вам в первых числах февраля, первая половина 2 части — к 20 февраля и конец — в первых числах марта. Таким образом, вам удастся переводить без перерывов, и у вас не будет никакой задержки, потому что материал будет приходить к вам по четвертям через каждые две недели.

Я надеюсь, что такой порядок вам подойдет, и прошу вас верить, милостивый государь, в мою глубокую преданность.

Ги де Мопассан.

№ 182. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТ

15 января 1885 г.
Ул. Моншанен, 10.

Милостивый государь,

Посылаю вам этой же почтой первые главы романа *Милый друг.*

Все сообщения адресуйте мне теперь в Канн, вилла «Монплезир».

Примите уверения в моих самых преданных чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 183. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

[21 февраля 1885 г.]

...Вы спрашиваете, какие у меня новости. Они не блестящи. Глаза мои с каждым днем все хуже и хуже. Это происходит, думается мне, оттого, что я слишком переутомил их работой... Я кончил *Милого друга.* Остается только перечитать и подправить две последние главы. Дней через шесть все будет закончено...

№ 184. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Канн, 25 февраля 1885 г.
Вилла «Монплезир».

Милостивый государь,

Вы, должно быть, получили первые главы второй части романа *Милый друг?* Мой издатель извещает меня, что он вышлет вам до 10 марта (французского стиля) весь конец, который в настоящее время переписывают. Следовательно, в переводе не произойдет никакого перерыва.

Если случится хоть малейшая задержка, я просил бы вас уведомить меня телеграммой.

Примите, сударь, выражение моих самых сердечных и преданных чувств.

Ги де Мопассан.

Жиль Блас начнет печатать роман не ранее 30 марта (по французскому стилю), так что вы опередите его намного.

№ 185. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

23 марта 1885 г.
Ул. Моншанен, 10.

Милостивый государь,

Я только что вернулся в Париж и узнал, что пересылка вам романа *Милый друг* производилась регулярно: последний раз это было 4 марта (по французскому стилю).

Если вы не имеете намерения в ближайшие десять дней послать мне 1 500 фр., которые, по условию, составляют плату за появление этого романа в печати, то я попрошу вас переслать их моему отцу, г-ну Гюставу де Мопассану, Париж, бульвар де Батиньоль, 72, так как я отправляюсь на месяц в путешествие по Греции и ваше заказное письмо рисковало бы пропасть, разыскивая меня.

Верьте, сударь, моим лучшим чувствам.

Ги де Мопассан.

№ 186. ОРЕЛЬЕНУ ШОЛЛЮ

2 апреля 1885 г.

Разрешите направить к вам молодого собрата г-на Юга Ле Ру, которому очень хочется сотрудничать в вашей газете под вашим руководством. Я буду вам чрезвычайно *признателен*, если вы предоставите этому молодому человеку возможность доказать, что он обладает большим талантом. Испробуйте его, и вы увидите, что я направляю к вам небесполезного сотрудника. Он мог бы писать для вас прелестные хроники-новеллы. Г-н Ле Ру в течение нескольких лет... пишет на свой риск небольшие романы для экспорта...

№ 187. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4 апреля 1885 г.
Ул. Моншанен, 10.

Милостивый государь,

Я получил от вас несколько строк, написанных мне в Канн, и так как вы спрашиваете, куда переслать 1 500 фр., составляющих плату за мой роман, то про-

шу вас послать их возможно скорее моему отцу, г-ну Гюставу де Мопассану, Париж, бульвар Батиньоль, 72. Я уезжаю сегодня вечером в Сицилию и предупредил отца, что он получит эти деньги до 15 апреля для расплаты по разным счетам, которые я просил его погасить.

Примите, сударь, уверение в моих самых преданных чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 188. МАТЕРИ

Рим, 15 апреля 1885 г.

Дорогая мама,

Я только что получил на почте твое письмо и в восхищении от того, что ты говоришь мне по поводу Сарду.

Я расстался с Венецией без сожаления, хоть и страстно восхищался полотнами Веронезе и чудесным, неподражаемым мастером плафонной живописи, по имени Тьеполо; это один из величайших художников мира и, вне всякого сомнения, самый изящный из всех.

Я не нашел никакой Данаи. Во дворце дожей имеется, правда, *копия* Данаи Веронезе, оригинал которой — в Брюсселе. Вот и все. Здесь была, действительно, одна Даная; сперва ее приписывали Тициану, затем признали подделкой и возят в настоящее время повсюду, стараясь продать, причем итальянское правительство не наложило своего veto.

Где же твоя Даная?

Я нахожу Рим ужасным. *Страшный суд* Микельанджело имеет вид ярмарочного занавеса, написанного невеждой-угольщиком для балагана, где состязаются борцы; это мнение Жервекса и воспитанников Римской школы, с которыми я вчера обедал. Они не понимают ореола восхищения, окружающего эту пачкотню.

Лоджии Рафаэля прекрасны, но почти не волнуют. Храм св. Петра, несомненно, величайший памятник дурного вкуса, который когда-либо был построен. В музеях — ничего, кроме удивительного Веласкеса. Как далеко Риму до Венеции и Флоренции, этих сокровищниц искусства!

Термам Каракаллы действительно присуще подлинное величие.

Я отправляюсь завтра в Неаполь, откуда тебе напишу.

Целую тебя от всего сердца, дорогая мама, и жму сердечно руку Эрве.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 189. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

Палермо, пятница, вечером.
[Май или июнь 1885 г.]

Дорогой учитель и друг,

Вам, может быть, неизвестно, что у меня совершенно больные глаза и что мне категорически запрещено какое бы то ни было чтение: поэтому вы, наверное, были удивлены тем, что не получили от меня ни одного письма после *Жерминаля.*

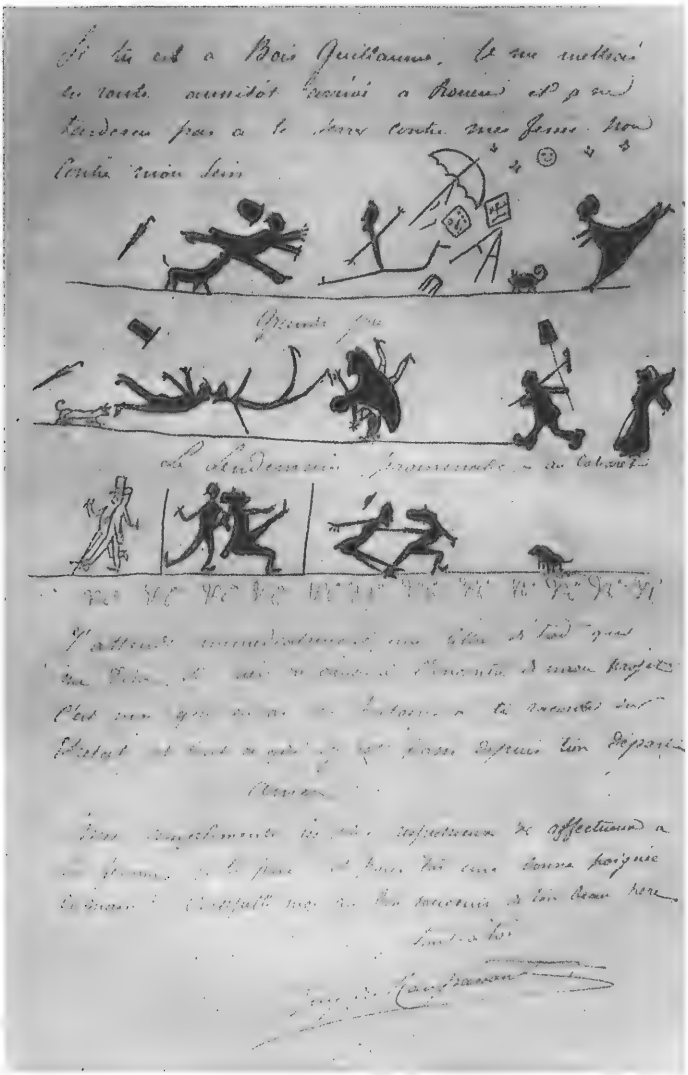
Так как сам я читать *ничего не могу*, то взял ваш роман с собой в дорогу и просил сопровождающего меня друга прочесть мне его. И вот уже больше недели я погружен в *Жерминаль.* Мы его только что кончили, и мне хочется сказать вам, что я считаю этот роман самым мощным и самым поразительным из всех ваших произведений.

Вы привели в движение такую огромную массу внушающего сострадание, жалкого и грубого человечества, вскрыли столько страданий и плачевной глупости, всколыхнули такую страшную и безотрадно-унылую толпу, и все это на таком поразительном фоне, что, конечно, никогда еще ни одна книга не была столь полна жизни и движения, не вбирала в себя такую массу народа.

Читая вас, чувствуешь душу, дыхание и всю буйную звериную натуру этих людей. Результат, вами достигнутый, столь же поразителен, сколь великолепен, а картины вашего романа стоят перед глазами так, точно воочию видишь все это.

Добавляю, что здесь, в стране, где вас очень любят, я ежедневно слышу разговоры о *Жерминале.* Газеты

Ги де Мопассан. Фотография середины 80-х годов с дарственной надписью: «Графу Жозефу Примоли его друг Ги де Мопассан».



Рисунки Мопассана в его письмах.

Палермо, Неаполя и Рима страстно полемизируют по этому поводу.

По возвращении в Париж, а это будет приблизительно через месяц, я явлюсь в Медан пожать вам руку. Я беспрестанно думаю о вас и очень хотел бы как можно чаще беседовать с вами. Но вот уже три года, как я редко бываю в Париже.

Примите уверения, дорогой учитель и друг, в моих самых дружеских чувствах и передайте, прошу вас, почтительные приветствия г-же Золя.

Ги де Мопассан.

Не удивляйтесь тому, что я посылаю это письмо заказным. Сие необходимо в этой стране.

№ 190. Г-ЖЕ ЛЕКОНТ ДЮ НУИ

Рагуза, отель «Катания».
15 мая 1885 г.

Милостивая государыня и дорогой друг,

Я каждый день собираюсь написать вам, чтобы узнать новости и о вас и о вашем семействе, но путешествие отнимает все мое время. Поднимаешься в четыре или в пять утра и затем едешь в повозке или идешь пешком. Я вижу памятники, горы, города, развалины, изумительные греческие храмы среди причудливых пейзажей, а затем вулканы — маленькие вулканы, изрыгающие грязь, и большие, изрыгающие огонь. Через час я собираюсь предпринять восхождение на Этну. Как вы поживаете? С вами ли в данный момент ваш супруг? Как поживают ваш сын, мать, брат? Вернулся ли ваш отец?

Я думаю, что возвращусь в Париж через 15—20 дней. Затем поеду ненадолго в Этрета и оттуда в Овернь, в Шатель-Гийон, потому что мой желудок почти никуда не годится, а глаза не годятся совсем. Что до моего сердца, оно бьется с правильностью часов, и я карабкаюсь на горы, не чувствуя его ни на секунду.

Напишите мне пару строчек в Рим, где я буду через

несколько дней у графа Примоли, палаццо Примоли, виа Торре ди Нина.

Целую ваши руки, милостивая государыня и дорогой друг, и прошу вас передать приветствия всем вашим.

Ги де Мопассан.

№ 191. РЕДАКТОРУ «ГОЛУА» [АРТЮРУ МЕЙЕРУ]

Генуя, четверг [Май 1885 г.]

Уважаемый г-н редактор,

Вот уже дней десять, как я бродяжничаю и, разумеется, не получаю *Голуа,* поэтому я совершенно не знал о том, что произошло. И вот сегодня узнаю, что вы были грубейшим образом оскорблены одним сотрудником *Трибуле* (фамилию его мне не могли назвать), что вы дрались с ним на дуэли и были ранены, но не опасно. Спешу выразить вам свое участие по поводу этой досадной истории и прошу принять мои сожаления.

Меня смущает, однако, одно обстоятельство, которое я выношу на ваш суд. Я только что прочел историю ссоры, уже давней, Золя, Вольфа и других, вследствие которой Алексис вынужден был драться с Альбером Дельпи.

Я написал по этому поводу хронику без каких-либо намеков, касающуюся только общей сути дела. Но вышло так, что некоторые читатели могут воспринять эту хронику как нечто, внушенное теми нападками, жертвой которых вы оказались. Я не вижу в этом большой беды, ибо ограничился общими рассуждениями и моя хроника действительно ни на кого не направлена, не выходит из рамок вежливости и мной подписана. Но поскольку я нахожусь в полном неведении относительно того, при каких обстоятельствах возникли нападки на вас, то судите сами, своевременна ли моя хроника или нет. Подумайте, не лучше ли задержать ее на один — два месяца или, вернее, до первого удобного случая; ведь такие случаи представляются часто. От вас, наверное, не ускользнет то, что я имею в виду прежде всего полемику политического характера и что ссора Алексиса кажется мне гораздо менее важной, чем

неслыханные насилия и грубейшие оскорбления, которые в данный момент имеют место в политике.

В том случае, если вы предпочтете задержать эту статью на более или менее продолжительное время, будьте так любезны сообщить мне об этом по телеграфу в Канн, до востребования. Я буду завтра у г-жи Адам, в заливе Жуан, и, следовательно, проездом должен быть в Канне. Я тотчас же напишу что-нибудь другое.

Примите уверения, уважаемый г-н редактор, в моих самых преданных чувствах.

Ги де Мопассан.

Моя хроника была сдана на почту сегодня утром; не случись этого, я бы просто задержал ее до переговоров с вами по моем возвращении.

№ 192. МАТЕРИ

Париж, 7 июля 1885 г.

Дорогая мама,

Я не хотел писать тебе до тех пор, пока не увижусь с Сарду. Вчера я был в Марли и встретился с ним. Он принял меня очень любезно и рассказал мне много об N. Из Ниццы по этому поводу у него ничего нового нет. Отец его, узнав о моем присутствии, вышел из своей комнаты. Он крайне возмущен тем, что его не держат в курсе событий. Оказывается, состоялось какое-то заседание административного совета, и на этом заседании были приняты решения, о которых ему не сообщили. Вот что он сказал мне: «Все будет сделано. Следовало бы, пожалуй, дождаться моего возвращения, но я скорее подам в отставку, чем допущу, чтоб это не было сделано». Мне пришло на ум немало мыслей и соображений по этому поводу. Не должен ли N, раз он является кандидатом на это место, позаботиться о том, чтобы завезти свои визитные карточки ряду членов административного совета, от которых зависит получение этого места? Это совершенно необходимо.

Напоследок Сарду сказал мне: «Не беспокойтесь, если произойдет небольшая задержка».

Я видел также г-на Майе дю Булле.

Он очарован соусником из марсельского фаянса с рельефными золотыми украшениями, который я купил в Канне. Он говорит, что это прекраснейшая, редчайшая, любопытнейшая вещь, достойная любого музея.

С Милым другом ничего нового. Эта книга и помешала мне уехать в Этрета, потому что я предпринимаю ряд шагов для увеличения ее продажи, но без большого успеха. Смерть Виктора Гюго нанесла ей страшный удар. Мы на 27 изданий, 13 000 экземпляров продано. Как я тебе говорил, мы дойдем до двадцати тысяч или до двадцати двух. Это весьма почетно, но и только.

В пятницу, в час, я выезжаю в Этрета. Пробуду там только три дня, затем вернусь сюда, а 18 июля уеду в Шатель-Гийон.

Решись же приехать сюда. Мне будет очень приятно провести с тобой эти двадцать пять дней. Если ты надумаешь, я найму домик, чего не стану делать, если буду жить один, и привезу Франсуа, который будет нам прислуживать. Прошу тебя, ответь мне немедленно в Этрета, чтобы я мог сделать соответствующие распоряжения.

Прощай, милая мама, целую тебя тысячу раз от всего сердца.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 193. ГРАФИНЕ ПОТОЦКОЙ

[1885 г.]

Я должен был бы помнить, потому что поездка на дачу была отложена на субботу как раз из-за этого. Я открестился от всех моих гостей, приглашенных на четверг, написав им, что лежу в состоянии агонии. Вас же я прошу приехать в четверг вместо пятницы. Необходимо, чтобы вы приказали Жоржу не ездить в Лилль или вернуться оттуда.

Я только что написал г-же Канн, умоляя ее быть на пикнике в субботу. Не будем играть шуток друг с другом, первыми жертвами коих явимся мы сами; ограничимся такими, которые бесят других. Я очень люблю

такие прогулки, хотя часто и вышучиваю их, но предпочитаю совершать их с г-жой Канн, а не с г-жой Легран, которая после обеда становится менее разговорчивой.

...Мне не везет. Массне не мог достать для меня платные места, о которых я его просил, и прислал мне свои бесплатные, написав через г-жу Бессан, что он рассчитывает на своих друзей. Мне предстоит, таким образом, сегодня вечером пять часов музыки, и это после вчерашнего вечера! Это месть Бранлу-Ви-коф-дора, простите: Бранлу-Видоркоффа. Забираю с собой Жоржа на это испытание моего терпения.

Сегодня утром мои волосы совсем развились, причем я не знаю, каким образом это случилось. Думаю, что я просто растрепал их во сне.

Мне хотелось бы в скором времени нанести визит г-же де Майи... Стоит ли предложить ей участвовать в пикниках, образовав третью группу, или присоединить ее к одной из двух первых групп? Я буду руководствоваться в этом случае приказаниями вашей всемогущей светлости, которой я искренний друг и всегда завитой слуга...

№ 194. НЕИЗВЕСТНОЙ

Ул. Моншанен, 10 [1885 г.]

Одна из наших приятельниц, обедавших вчера у меня, дала мне понять, что была бы очень счастлива, если бы мне удалось уговорить вас пообедать у меня в ближайшую среду вместе с ней.

Вы, пожалуй, найдете эту просьбу странной, неуместной и чересчур грубой по форме. Если бы в моем распоряжении было большее время, я непременно явился бы к вам и использовал всевозможные ухищрения и предосторожности, чтобы уговорить вас, но так как срок, которым я располагаю, очень краток, мне остается только написать вам, прося вас принять это приглашение и извинить мой поступок.

Если вы соблаговолите, сударыня, внять этому желанию, вы доставите живейшее удовольствие тому, кто его выражает, и той, которая подала мне смелую мысль написать вам.

№ 195. МОРИСУ ВОКЕРУ

Шатель-Гийон, 17 июля [1885 г.]

Милостивый государь,

Устанавливать правила искусств — нелегкое дело, тем более, что к каждому писательскому темпераменту применимы разные правила. Мне кажется, для того, чтобы творить, не надо слишком много рассуждать. Но нужно много наблюдать и раздумывать над тем, что видел. Все дело в том, чтобы *видеть,* и *видеть правильно.* Под выражением «видеть правильно» я разумею — видеть собственными глазами, а не глазами учителей. Оригинальность художника сказывается сначала в малом, а не в великом. Материалом для шедевров служили самые незначительные мелочи и самые обычные предметы. Нужно находить в вещах такое значение, которое не было еще открыто, и попытаться выразить его по-своему.

Тот, кто удивит меня, говоря о *булыжнике, стволе дерева, крысе, старом стуле,* находится, конечно, на пути к искусству и будет способен позднее к работе над большими темами.

Слишком много воспевали утренние зори, звезды, росы и луну, молодых девушек и любовь для того, чтобы последующие поэты не подражали всегда кому-нибудь из тех, кто прежде них касался этих тем.

И затем я думаю, что надо избегать туманных вдохновений. Искусство *математично:* великие эффекты достигаются простыми и хорошо скомбинированными средствами. Шатобриан сказал: «Гений — это только длительное терпенье».

Я думаю, что талант есть не что иное, как длительное размышление, так как дарован он тем людям, которые обладают умом.

Вы, конечно, наделены поэтическим даром, восприимчивым умом, который чуток ко всем впечатлениям и не оказывает противодействия предметам и идеям, в него проникающим. Вам недостает, по моему смиренному мнению, только некоторой интенсивности мысли, для того чтобы *использовать* полностью ваши способности, причем вам особенно следует избегать так назы-

ваемых *поэтических мыслей* и надо искать поэзию в конкретном или даже в тех пренебрегаемых темах, которых удостаивали своим вниманием лишь немногие художники.

Но прежде всего, прежде всего — не подражайте, не вспоминайте ничего из того, что вы читали, забудьте все и... я сейчас выскажу чудовищную, но, по-моему, абсолютно верную мысль: *не восхищайтесь никем,* если хотите стать вполне самостоятельным.

Трудно в пятидесяти строчках говорить на эти темы и не казаться при этом педантом; я замечаю, что и сам не избежал подводных камней.

Жму вам сердечно руку.

Ги де Мопассан.

№ 196. МАТЕРИ

Шатель-Гийон, суббота
[Август 1885 г.]

Дорогая мама,

Я все это время был так занят экскурсиями, что не находил получаса, чтобы написать тебе.

Я видел Шатонёф, красивейший из известных мне уголков Оверни — глубокую долину среди великолепных скал, затем Понжибо, другую долину, менее красивую, затем, над Вольвиком, кратер Нашерского вулкана, откуда открывается исключительный вид на Лимань и на плоскогорье, покрытое холмами. Они торчат из этого плато, как огромные гвозди с усеченной головкой.

Я только тем и занят, что подготовляю исподволь свой роман. Это будет довольно краткая и очень простая история, развертывающаяся на фоне этого спокойного и величественного пейзажа; сходства с *Милым другом* никакого.

Здесь много народа, потому что Потен любит назначать этот курорт, но тут так чудовищно скучно, что большинство больных не возвращается сюда, несмотря на пользу, приносимую водами.

Лично я рассчитываю уехать во вторник вечером, чтобы в четверг прибыть в Этрета. Меня тянет к работе. Возможно, что я скоро поеду в Канн или в Ниццу, если

ты в Ницце, и буду, не отрываясь, писать там роман, который подготовляю здесь, чтобы закончить его к будущему лету и затем все лето свободно разъезжать.

. . . . . .

Прощай, дорогая мама, целую тебя тысячу раз от всего моего сердца. Крепко жму руку Эрве.

Твой сын

Ги де Мопассан.

№ 197. АНРИ АМИКУ

Шатель-Гийон, 17 августа [1885 г.]

Благодарю вас, дорогой друг, за ваше любезное приглашение и приношу извинения за то, что не имею возможности принять его. Первый месяц охоты всегда занят шестью следующими друг за другом торжествами, посвященными открытию охотничьего сезона в Нормандии, и я не могу изменить этого установленного порядка. Но я очень надеюсь увидеться с вами в Було, как только вернусь в Париж.

Я только что совершил удивительные экскурсии по Оверни; это действительно чудесная местность, она производит совершенно особое впечатление, которое я попытаюсь передать в начатом мною романе. Вы знаете, что виконт де Серьон женится — благодаря нам. Женится он на своей кузине, у которой мы оставили его в Катании. Я не ждал такого результата от нашего путешествия по Сицилии.

Не хотите ли основать агентство?

До скорого свидания, дорогой друг, сердечно жму вашу руку. Передайте привет всем вашим.

Ги де Мопассан.

№ 198. КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ ГОЛИЦЫНУ

Париж, улица Пти-Шан, 78

Этрета, четверг.
29 октября 1885 г.

Милостивый государь,

Ваше милое письмо только что вернулось ко мне в Этрета, где я пробуду еще несколько дней.

Так как вы любезно взяли на себя труд ответить баронессе Икскуль, я был бы вам очень признателен, если бы вы известили ее, что я рассчитываю вернуться в Париж к 4 или 5 ноября и пробыть там вплоть до января. Меня очень тронула память баронессы обо мне, и я всецело передаю себя в ее распоряжение, как только понадобится моя помощь во всякого рода литературных делах.

Прошу вас, сударь, передать ей в то же время уверения в моих самых почтительных чувствах и принять, вместе с моей благодарностью за вашу услугу выражение самого глубокого уважения.

Ги де Мопассан.

Ул. Моншанен, 10. Париж.

№ 199. АЛЬФОНСУ ДОДЕ *

Ул. Моншанен, 10

[Декабрь 1885 г.]

Великий собрат и дорогой друг,

Я был так болен в день премьеры *Сафо,* что не мог пойти в театр,— иначе я пожал бы вам руку и поблагодарил бы от всего сердца за ложу, которую вы мне так любезно предоставили.

Вчера я, наконец, увидел вашу пьесу; она меня глубоко взволновала и очень понравилась мне. Впервые, без сомнения, удалось перенести на сцену роман — без всякого искажения, без всякой натяжки, причем он нисколько не потерял своего эмоционального воздействия и присущего ему очарования.

Это не только блестящий успех для вас, но и неоценимый прецедент для всех романистов.

Я прочел *Тартарена.* Это одно из самых забавных и глубоко комических произведений, какие я только знаю. Компания Бомпара — настоящее чудо смешной и изобретательной выдумки. А как необычны и милы ваши нигилисты и какое тревожное впечатление они производят. Поистине странный контраст с вашим славным Тартареном!

Я еще раз — в третий раз — пытался застать вас дома, но вы никогда дома не бываете.

Поэтому пишу вам то, что мне хотелось высказать устно; сердечно жму вашу руку и прошу передать мое почтительное приветствие г-же Доде.

Ги де Мопассан.

№ 200. Г-ЖЕ ЛЕКОНТ ДЮ НУИ

Антиб, 2 марта 1886 г.

Милостивая государыня и дорогой друг,

О чем писать вам отсюда? Катаюсь по морю, а главным образом работаю. Я сочиняю историю страсти, очень экзальтированной, очень живой и очень поэтической. Это для меня ново и затруднительно. Главы, в которых я описываю чувства, перемараны гораздо больше, чем остальные. В конце концов дело все же подвигается: имея терпение, приноравливаешься ко всему; но я часто смеюсь над сентиментальными мыслями (очень сентиментальными и нежными!), которые приходят мне на ум в результате прилежных поисков. Боюсь, что это пристрастит меня к любовному жанру не только в книгах, но и в жизни, ибо когда ум приобретает какой-либо новый изгиб, он его сохраняет, и, действительно, мне случается иногда, прогуливаясь по Антибскому мысу (мысу уединенному, как бретонские ланды) и обдумывая при лунном свете поэтическую главу, воображать, что все эти приключения не столь уж глупы, как принято думать.

Я бываю довольно часто в Канне, который в настоящее время является королевским двором, или, вернее, задворками.

Никого, кроме высочеств, и все они царствуют в салонах своих благородных подданных. Я же не хочу больше встреч ни с одним принцем, потому что мне не по душе простаивать на ногах целые вечера, а эти невежи не присаживаются ни на минуту и заставляют не только мужчин, но и *всех женщин* стоять на их индюшачьих лапках с девяти часов до полуночи из уважения к королевскому высочеству.

Принц Х..., который был бы очень хорош в голубой блузе нормандского торговца свиньями,— хотя он больше походит на свинью, чем на торговца,— правит целым народом... Тут же граф..., настоящий слесарь, царствующий над дворянами, настоящими и поддельными. Однако... превосходят их по численности и богатству. Через 10 лет Канн будет... или города не будет вовсе.

Рядом с двумя этими монархами видишь, по крайней мере, сотню других владетельных особ: короля Вюртембергского, великого герцога Мекленбургского, герцога Браганцкого и т. д., и т. п. Каннское общество помешалось на этом. Без труда констатируешь, что современная знать не погибнет во имя идей, как погибла предшествовавшая ей знать 89 года. Какие кретины!!!

Время от времени все эти принцы едут с визитом к своему сиятельному кузену де... Тогда картина меняется, начиная с вокзала. Всех этих высочеств, накануне не удостаивавших протянуть палец своим верным и высокородным служителям, склоненным в три погибели, теснят комиссионеры, задевают и толкают коммивояжеры, и их сваливают в вагонах в одну кучу с самыми обыкновенными, самыми грубыми и неотесанными людьми... И с ужасом замечаешь, что без предупреждения почти невозможно отличить царственное достоинство от мещанской вульгарности. Это восхитительная комедия, восхитительная... восхитительная... и я с *бесконечным,* вы слышите: с бесконечным наслаждением пересказал бы ее, не будь у меня друзей, очаровательных друзей, между верноподданными этих гротескных фигур. И затем сам герцог... столь мил по отношению ко мне, что, право, я не могу решиться. Но искушение подзуживает, грызет меня... Во всяком случае, все это помогло мне сформулировать следующий принцип, более истинный, будьте уверены, чем бытие божие.

Каждый счастливый смертный, желающий сохранить честность мысли и независимость суждения, желающий взирать на жизнь, человечество и мир в качестве свободного наблюдателя, стоящего выше всяческих предрассудков, всяких предвзятых верований и всякой религии, должен решительно уклоняться от того, что называют светскими отношениями, ибо все-

общая глупость столь заразительна, что человек не может посещать себе подобных, видеть и слушать их, не поддавшись, помимо своей воли, их убеждениям, их мыслям и их дурацкой морали.

Преподайте это вашему сыну вместо катехизиса и разрешите мне поцеловать ваши руки.

Мопассан.

№ 201. НЕИЗВЕСТНОЙ (ОТРЫВОК)

[1886 г.]

... Вы правы, я словно наливаюсь соками. Весна, которую я застал здесь при ее первом пробуждении, будоражит все мое существо, как растение, и побуждает меня производить литературные плоды, распускающиеся во мне непонятным образом.

№ 202. ИЗДАТЕЛЮ ЖОРЖУ ДЕКО

2 июня 1886 г.

Милостивый государь, возвращаю вам гранки, которые вы мне прислали, и отказываюсь править их. Я потерял два дня над этими листами, которые вы поручили печатать неизвестно кому, но во всяком случае не типографу. Заметьте, что при наборе по печатному выверенному тексту газет, а не по рукописи, не должно быть и не может быть ни одной опечатки. Я никогда еще не получал гранок в таком виде: одни фразы пропущены, другие не на месте, множество слов выпало; короче говоря, я ничего не узнаю. Так как у меня болят глаза и я не могу терять времени, будьте любезны приостановить набор этой статьи, которая появится теперь гораздо позже по вине неквалифицированного типографа.

№ 203. Г-ЖЕ СТРО *

Поместье Фурнез, Шату
[1886 г.]

Милостивая государыня,

Я собираюсь быть очень навязчивым и очень эгоистичным.

Прежде всего мне хочется снова обратиться к вам

с предложением, которое не имело большого успеха в первый раз. Не соблазнит ли вас мысль совершить речную прогулку, а затем позавтракать или пообедать в Шату? В случае утвердительного ответа не соблаговолите ли указать мне тех людей, общество которых могло бы доставить вам удовольствие?

Но это не все.

Заметьте, я начинаю подражать Каро, метод которого мне положительно нравится!.. Итак, сударыня, нельзя ли будет видеть вас иногда дома, но не в дни и часы приемов, когда у вас собирается светское общество? Если вы находите меня навязчивым, скажите об этом прямо. Я не обижусь. В сущности, моя просьба очень скромна, и меня можно упрекнуть лишь в том, что я не изложил ее в стихах. Ведь это такое естественное желание видеть как можно чаще и наедине женщин, под обаяние которых подпадаешь, чтобы вполне проникнуться, вполне насладиться их прелестью, их очарованием.

Приемные дни и часы несносны уже тем, что все время ждешь того или ту, которые вот-вот придут, а это наполовину портит удовольствие. Дверь становится угрозой, звонок — пыткой. Я люблю приходить, когда чувствую, что меня ждут, когда смотрят только на меня, слушают только меня, когда я один говорю вам, что вы прекрасны, обворожительны, и я не буду засиживаться слишком долго, обещаю вам это.

Вы, без сомнения, подумаете, что мы еще очень мало знакомы, а я уже осмеливаюсь требовать привилегий, которыми пользуются близкие друзья? Но к чему мне послужило бы ожидание? И зачем ждать? Я уже теперь знаю, как вы обаятельны и как мне нравятся и с каждым днем будут все больше нравиться свойства вашего ума. Я говорю вовсе не комплимент, а просто констатирую факт. Остается узнать, что вы думаете, что вы мне ответите. Одна только просьба. Если я вам кажусь скучным, если вы предвидите, что я вам быстро надоем, если вы собираетесь предоставить мне желаемое только из вежливости или из боязни обидеть,— лучше прямо скажите или дайте мне понять, что я вам докучаю или буду докучать.

Я считаю (в прозе), что женщина — *владычица,* которая вправе поступать, как ей заблагорассудится, сле-

довать всем своим капризам, требовать выполнения всех своих фантазий и вместе с тем избегать всего, что ей неприятно или не нравится!

Целую ваши руки, сударыня, и остаюсь вашим пылким и преданным поклонником.

Ги де Мопассан.

№ 204 ДОКТОРУ ЦИОНУ

Милостивый государь и дорогой друг, не ждите меня завтра утром. Я могу прийти только в половине третьего.

Жму вам сердечно руки.

Мопассан.
Антиб.

№ 205. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Ла Гийетт. Этрета,
15 сентября 1886 г.

Дорогой друг,

Только по вине моих глаз я не пишу вам сам, но это вовсе не значит, что я чувствую себя хуже,— наоборот.

Благодарю вас и за известие и за предложение, которое вы мне сделали. Я всецело в вашем распоряжении и очень счастлив, что могу быть вам полезен.

По возвращении в Париж, в начале будущей недели, я тотчас же увижусь с вами, и вы мне расскажете о том, чего именно вы от меня хотите.

Жму вам сердечно руку

Ги де Мопассан.

№ 206. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Антиб (Приморские Альпы),
Шале дез'Альп
Октябрь 1886 г.

Милостивый государь,

Вы опубликовали в *Вестнике Европы* мой последний роман *Милый друг.* В настоящее время я приступаю к печатанию нового романа под заглавием *Монт-*

Ориоль. Я только что получил предложение от одного из русских журналов, но не хотел бы вступать в переговоры, не предложив этого романа сперва вам, так как вы напечатали предыдущий.

Он состоит из двух частей, из которых первая должна была бы появиться в вашем номере от 15 декабря 1886 г. (по французскому стилю), так как печатание в *Жиль Блас* начнется 25 декабря.

Вторая часть появилась бы, следовательно, в вашем номере от 15 января.

Я пошлю вам первую часть по получении вашего ответа, вторую же, которую мне нужно перечесть,— к 15 ноября (по французскому стилю). В качестве платы я попросил бы у вас по 1 000 франков за каждую часть во французской валюте, следовательно, *две тысячи франков* за роман. Это произведение гораздо более пристойное, чем предшествующее, и может быть прочтено всеми женщинами.

Примите, сударь, выражение моих преданнейших чувств.

Ги де Мопассан.

№ 207. «ВЕСТНИКУ ЕВРОПЫ»

Шале дез'Антиб (Приморские Альпы)
Октябрь 1886 г.

Милостивый государь,

Я послал в первых числах этого месяца письмо г-ну Стасюлевичу и спрашивал его, не хочет ли он выпустить в качестве новинки в №№ от 15 декабря и 15 января (по французскому стилю) мой новый роман *Монт-Ориоль,* который начнет печататься в *Жиль Блас* 25 декабря.

Я не получил никакого ответа и хотел бы знать, не болен ли г-н Стасюлевич, не в отлучке ли он и не затерялось ли мое письмо на почте, хотя я и отправил его заказным.

Я просил у него за весь роман 2 000 фр., то есть по 1 000 фр. за часть. Этот роман может быть прочтен всеми женщинами, он гораздо более приличен, чем *Милый друг,* который также появился в *Вестнике Европы.*

Мне были сделаны другие предложения из России, и я вступлю в соответствующие переговоры, если не получу ответа до 1 ноября. Лучше было бы ответить по телеграфу, чем письмом.

Расплату за роман французскими деньгами вы можете произвести по получении целиком второй части, которая прибудет к вам не позднее 20 ноября.

Первая часть в вашем распоряжении с сегодняшнего дня.

Примите, сударь, выражение моих лучших чувств.

Ги де Мопассан.

№ 208. ОКТАВУ МИРБО

Ул. Моншанен, 10
[1886 г.]

Дорогой Мирбо,

Что это тебе вздумалось выругать меня? Мне до глубины души безразлично, когда меня ругают, но я бешусь, когда появляется подозрение, что я пользуюсь в качестве рекламы таким обстоятельством, которое меня злит гораздо больше, чем ты думаешь.

Я получил пять векселей, подписанных моим именем. Это сделано человеком, ареста которого я добьюсь во что бы то ни стало. И мне хотелось бы знать, как ты поступил бы на моем месте?

Я знаю его имя, его возраст, его приметы. У меня больше *ста свидетелей,* которые видели его во время совершения им этих операций и принимали за меня. К тому же во многих южных городах уверены, что этот прохвост не кто иной, как я.

Суд знает этого человека, его семью, всю его жизнь. Чего еще нужно? Мне кажется, при существовавших между нами до сих пор отношениях, тебе, по крайней мере следовало проверить правильность этой истории, прежде чем утверждать то, чего ты не знал наверняка.

Я могу предоставить в *твое распоряжение* дело этого человека, имеющееся у меня, вместе *с доказательствами.*

Мне жаль, что ты придаешь так мало значения старой дружбе и порываешь ее исключительно ради удовольствия усомниться в правдивости друга, не давав-

шего тебе, полагаю, никаких поводов, которые могли бы поставить под сомнение его привязанность или его искренность.

Жму тебе руку.

Ги де Мопассан.

№ 209. ОКТАВУ МИРБО

Ул. Моншанен, 10
[1886 г.]

Дорогой друг,

Не придешь ли в пятницу позавтракать со мной, мы бы побеседовали.

Я никогда не говорил о тебе дурно. Все, что я мог сделать и что я, конечно, сделал и еще раз сделаю,— это высказать живейшее и искреннейшее сожаление о том, почему ты не направляешь свой яркий и подлинный талант на что-нибудь более значительное.

Имея в виду этот же самый талант, я говорил и повторял повсюду, при всяком случае, что ты один из самых интересных и глубоко одаренных современных журналистов. Единственная оговорка, которую я делал, касалась *летучести* твоих впечатлений.

Попробуй-ка найти того человека, который осмелится повторить при мне что-либо обидное, сказанное мной про тебя; хотел бы я на него посмотреть. Припри к стенке любезных приятелей, которые тебя осведомили, и ты увидишь, чего стоит их апломб и их поведение.

Жму тебе сердечно руку

Ги де Мопассан.

№ 210. Г-ЖЕ ЛЕКОНТ ДЮ НУИ

Яхта «Милый друг»
Ноябрь 1886 г.

Дорогой друг,

Я также живу в абсолютном одиночестве. Работаю и плаваю на яхте, вот и вся моя жизнь. Я не вижу никого, совершенно никого, ни днем, ни вечером. Я как бы погружен в воды покоя, тишины, в воды разлуки. Не знаю, когда возвращусь в Париж. Очень хотелось бы проработать всю зиму, чтобы летом быть немного

свободнее. Париж к тому же не прельщает меня. А вы? Не поедете ли вы в Вильфранш? Я приехал бы туда на своей яхте повидаться с вами. Не приглашаю вас на прогулку по морю, потому что знаю: это мало прельщает вас. Скажите мне, до каких пор вы останетесь в Париже; я тогда устрою так, чтобы мое появление в этом городе совпало с вашим пребыванием в нем. Спасибо за ваши милые письма и за все новости, которые вы мне сообщаете. Если у вас найдется минутка, напишите мне и простите меня за то, что я отвечаю вам так редко: я совсем не вижу, настолько утомил свои глаза. Дайте ваши руки. Целую также ваши ножки.

Мопассан.

И обнимаю Пьера.

№ 211. Г-НУ МЭ

(Директору издательства Кантен)

Яхта «Милый друг»
(Антиб, Шале дез'Альп).
[Декабрь 1886 г.]

...В принципе ваше предложение подходит мне во всех отношениях. Остается обсудить детали. Это лучше всего можно сделать при личной встрече. Я буду в Париже в начале января, и мы можем тогда побеседовать по этому поводу.

...Я могу переслать вам текст тома *Два острова* к февралю. Нам следует обсудить финансовые вопросы по этому тому. Мои условия у Авара таковы: 40 сантимов с экземпляра за три первые тысячи, а за остальные по франку. В отношении настоящего тома, тираж которого не может достигнуть тиража романа, я готов договориться о 75 сантимах за каждый выпущенный экземпляр.

Вернемся к делу, о котором вы говорили в своем последнем письме. Предпочитаете вы печатать в роскошном издании романы или новеллы? Если вы остановитесь на новеллах, нужно будет сделать отбор, что не представляет никакой трудности. Если же предпочтете романы, то их у меня только два: *Жизнь* и *Милый друг*. Скоро появится и третий.

№ 212. ОКТАВУ МИРБО *

Антиб, Шале дез'Альп,
15 декабря 1886 г.

Дорогой Мирбо,

Я прочел *Голгофу* еще до того, как получил посланный тобой экземпляр, который пришел по почте только сегодня утром; я уже три месяца живу в Антибе, и мне очень нерегулярно пересылают книги, которые попадают сперва на мою парижскую квартиру.

Я нахожу твой роман прекрасным, это самая правдивая из всех вещей, когда-либо написанных о любви, непреодолимой и непонятной. В книге есть изумительные находки, угаданные или пережитые страницы и восхитительные чувства. Роман хватает за сердце благодаря своей жизненной правде, мучительной нежности и роковому стечению обстоятельств. Это прекрасная вещь.

Я очень счастлив, что ты дал мне возможность сказать тебе, как писатель писателю, то, что я думаю о твоей книге, иначе я не сделал бы этого, настолько меня поражает твое переменчивое ко мне отношение.

Сердечно жму твою руку.

Ги де Мопассан.

№ 213. Г-ЖЕ ЛЕКОНТ ДЮ НУИ

Антиб, Шале дез'Альп.
30 декабря 1886 г.

Дорогой друг,

Спасибо тысячу раз. Я получил прекрасную булавку. Вы, в свою очередь, получите браслет. Простите меня, что он не нов: вот его история. Одна женщина, прежде красивая, богатая и счастливая, теперь же старая, разоренная и жестоко преследуемая судьбой, но достойная всяческого уважения, написала мне, что хочет побеседовать со мной. Она живет в Ницце и просила меня оказать ей помощь по приисканию небольшой работы.

Так как я расспрашивал ее с большим интересом, она разговорилась, доверчиво рассказав мне о своей жизни и о своей глубокой, ужасающей нищете.

Я предложил ей денег, она не взяла их, но сказала:

«Нет ли у вас приятельницы, достаточно близкой, чтобы предложить ей браслет, который я носила? Скажите ей при этом,— разумеется, не называя меня,— откуда он у вас, и настойчиво повторите, что он принадлежал честной женщине, очень несчастной и очень честной женщине. В этом случае я соглашусь продать вам мою золотую цепочку». Итак, я купил эту цепочку, к которой она пожелала добавить прескверный маленький медальон. Я приобрел футляр и посылаю вам все это.

Надеюсь, что безделушки вам все же понравятся.

Целую ваши руки и шлю лучшие пожелания вам, Пьеру, вашим родным и «Светским девушкам».

Ги де Мопассан.

№ 214. ОТВЕТ НА АНКЕТУ «LA VOGUE»

[1886 г.]

Милостивый государь и дорогой собрат, определить, чем является поэзия, еще труднее, чем написать стихи. Не есть ли поэзия гармоническое выражение мечтаний? Не могу сказать уверенно. Я написал том стихов,— первый и последний, конечно. Но я никогда не задумывался над определением поэзии, по крайней мере так, как это делают некоторые словари, для которых поэзия есть не что иное, как искусство творить в стихах.

Ги де Мопассан.

№ 215. АЛЕКСАНДРУ ДЮМА-СЫНУ

Ул. Моншанен, 10
[1886 г.]

Дорогой учитель,

Я видел вчера вечером, у принцессы Матильды, г-жу де Жирарден, передавшую мне, что вы в прошлый вторник ждали меня к обеду. Я был очень удивлен и встревожен, так как уверен, что вы ничего мне об этом не говорили. Во всяком случае, я убежден, что не мог вам дать никакого обещания, так как был занят. Словом, если произошло недоразумение и если вы меня

действительно ждали, то приношу извинения, объясняя все это исключительно ошибкой.

Примите уверения, дорогой учитель, в моих самых преданных чувствах и передайте, прошу вас, искреннейшие приветствия г-же Дюма.

Ги де Мопассан.

№ 216. ОСКАРУ МЕТЕНЬЕ *

Париж, ул. Мошанен, 10
Понедельник [1886 г.]

Милостивый государь и дорогой собрат,

Я прибыл вчера в Париж и сегодня вечером уезжаю в Антиб, где я должен навестить своего тяжелобольного брата. Таким образом, я лишен возможности с вами встретиться, как вы об этом просите, но охотно разрешаю вам инсценировать *Мадмуазель Фифи* для Свободного театра. Пьесу вы можете поставить, когда вам будет удобно.

Если я вскоре вернусь в Париж, то предуведомлю о своем приезде.

Примите, милостивый государь и дорогой собрат, выражение моих лучших чувств.

Ги де Мопассан.

№ 217. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Антиб, Шале дез'Альп.
[Январь 1887 г.]

Дорогой учитель и друг,

В вашем столь любезном письме, посланном мне месяц тому назад, вы уведомляли меня о своем обращении к Клареси с просьбой дать спектакль, выручка которого пошла бы в фонд памятника Флоберу. Я не ответил вам, ожидая нашей встречи, чтобы переговорить обо всем лично; ведь сумма, недостающая нам, была, по-видимому, невелика, и мы сами могли бы внести ее, как предложил один из нас на последнем заседании Комитета и как было решено в принципе.

Затем я прочел неприятные отклики в печати, где говорилось об отказе Клареси, и притом в выражениях, обидных для друзей Флобера, которые якобы не могли

сложиться, чтобы собрать недостающие 3 000 франков. После этого я стал получать письма от разных лиц, которые высказывали мне то же самое. Я собирался, наконец, написать вам, когда увидел в *Фигаро* заметку в несколько строчек о том, что вы решили с помощью друзей Флобера пополнить сумму подписки. Так как это решение полностью совпало с тем, что я сам хотел предложить, стремясь покончить с нелестными толками, я успокоился.

Потом я узнал, что газета *Тан* объявила о спектакле в Одеоне, на котором будут сыграны сцены из пьес друзей Флобера и в частности моя *В старые годы.* После заметки *Фигаро,* которая, как мне показалось, исходила от вас, я не поверил этому сообщению. Но так как Лапьерр лечится в Ницце, я навестил его. Он также не был ни о чем осведомлен и попросил написать вам и узнать правду об этих слухах, которые были ему неприятны так же, как и мне, из-за памяти Флобера.

Я хотел написать вам в тот же день, но как раз получил номер *Жиль Блас* со статьей Сантийанна. Я тотчас откликнулся на нее, подписавшись на тысячу франков. Сколько нам не хватает, еще неизвестно, ибо смета не готова. Между тем у нас имеется одиннадцать тысяч франков, а с той тысячей, которую я вношу,— двенадцать тысяч. Мы без труда найдем недостающие нам деньги.

Через несколько дней я буду в Париже и тут же зайду к вам.

Прошу верить, дорогой учитель и друг, в мою живейшую привязанность и безграничное восхищение.

Ги де Мопассан.

№ 218. ШАРЛЮ ЛАПЬЕРРУ *

Антиб, 15 января [1887 г.]
Яхта «Милый друг».

Дорогой друг,

Я уже сообщил вам о письме Эдмона Гонкура, подавшего в отставку с поста председателя Комитета по сооружению памятника Флоберу, и изложил факты, вызвавшие это решение.

Я виноват во всем, что меня крайне огорчает, и несу, кроме того, ответственность за последствия случив-

шегося, которые окажутся чрезвычайно вредными для нашего общего дела, если вам не удастся убедить Гонкура изменить свое решение.

Я действовал по собственному усмотрению и виноват в поступке, вызвавшем эту неприятность, вот почему мне остается только одно — подать, в свою очередь, прошение об отставке с поста секретаря Комитета, что даст вам полную свободу действий с Гонкуром, которого надо непременно уговорить остаться.

В день открытия памятника мы должны все сплотиться вокруг него как величайшего из ныне здравствующих романистов, перед именем которого склоняются все художники, и я не прощу себе, если по моей вине Комитет лишится его высокого и могущественного авторитета.

Напишите мэтру, скажите ему, что он не может уйти, и добейтесь, чтобы он остался.

Я уезжаю в среду в Париж, где пробуду неделю, и зайду к вам тотчас же по возвращении.

Передайте, прошу вас, мой нижайший поклон г-же Лапьерр и верьте в мое дружеское расположение.

Ги де Мопассан.

Мой взнос в сумме 1 000 франков находится в распоряжении Комитета.

№ 219. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Антиб, Шале дез'Альп.
15 января [1887 г.]
Яхта «Милый друг».

Дорогой учитель и друг,

Я был в отсутствии дней двенадцать и не мог ответить раньше на ваше письмо, сильно меня взволновавшее.

Я не обратил внимания в статье Сантийанна на то, что касалось Флобера и памятника. Я перечел статью по получении вашего письма и был сражен и глубоко опечален, ибо своим поступком как бы одобрил то, что в ней сказано гнусного и несправедливого на ваш счет.

Вот уже две недели люди пишут мне: «Вам не хватает трех тысяч франков, внесите же их сами, вместо того, чтобы давать пищу злословию в печати».

Одна газета заявила о *несостоятельности* друзей Флобера. Кроме того, после отказа Клареси, который произвел очень плохое впечатление, и заметки *Фигаро,* объявившей о том, что сумма подписки будет дополнена *вами* и вашими друзьями по *вашему предложению,* я ни минуты не поверил в устройство спектакля в Одеоне, театре незадачливом и плохо расположенном, где самые хорошие вещи не находят должной оценки и где благотворительный спектакль не дал бы никакой выручки.

Я вспомнил, кроме того, о последнем совещании у меня дома, на котором было решено в принципе, что разница будет внесена нами одними.

Итак, у нас собрано не 9 600 франков, а 10 800. С вашими 500 франками получается 11 300, а с моей тысячей — 12 300. Следовательно, мы без труда доведем сумму подписки до 13 500 франков, или до 14 000. Этого достаточно.

Теперь, дорогой мэтр, умоляю вас от своего имени не отказываться от поста председателя.

Я сообщил о вашем письме Лапьерру и, в свою очередь, подал прошение, отказавшись от поста секретаря, ибо являюсь невольной причиной всего случившегося; я объяснил ему, кроме того, почему мне кажется невозможным, чтобы ваше имя не стояло во главе этого дела.

Если уйду я, это не имеет никакого значения и не будет иметь никаких последствий.

Что касается вас, другое дело. Лапьерр получит мое письмо сегодня и напишет вам, вероятно, завтра или послезавтра.

Мы увидимся с вами на будущей неделе, так как я выезжаю в среду в Париж.

Прошу вас, дорогой учитель и друг, принять мои глубочайшие извинения за неловкость, которую я совершил в связи со статьей Сантийанна, ибо, наскоро пробежав ее, не заметил того, что в ней было направлено против вас. Верьте в мое безграничное дружеское восхищение.

Ги де Мопассан.

Адрес Лапьерра: Ницца, отель «Британские острова».

№ 220. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

[1887 г.]

Дорогой учитель и друг,

Я рассчитывал зайти к вам завтра, но должен быть в этот день у Золя, который не может принять меня сегодня.

Посылаю вам:

1. Заказ скульптору Шапю, который очень прошу переслать Лапьерру после того, как вы его подпишете.
2. Ходатайство муниципального совета — тоже переслать Лапьерру.
3. Письмо Лапьерра.
4. Отчет о подписных суммах:

Собрано	— 9 911,40
500 франков, пожертвованные вами	— 500
1 000 франков, пожертвованные мной	— 1 000

Остается получить от следующих лиц:

Пуше	100
Шарпантье	100
Деланд	100
Барду	50
Лембур	50
Даллоз	100
Бержера	50
Делорм	20
Сильвестр	20
Фурко	20
д'Артуа	20
Жак Норман	20
Дрейфюс	20
Всего	12 081,40

Будьте так любезны переслать до вторника подписанные вами документы Лапьерру; в среду я заеду в Руан по пути в Этрета и окончательно договорюсь с ним о практической стороне дела.

Прошу верить, дорогой учитель и друг, в мое искреннее расположение и глубокую преданность.

Ги де Мопассан.

Руан, ул. Маладрери, г-ну Лапьерру.

№ 221. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ *

Канн, ул. Редан, 1
18 января 1887 г. Дата почтового штемпеля]

Дорогой друг,

Вы не сообщили мне, как я вас просил, названия рассказов, выбранных Дантю. Прилагаю список рассказов, которые появятся в моем следующем сборнике; он поступит в продажу в конце марта.

Само собою разумеется, я оставляю эти рассказы за собой:

Мисс Гастингс
Дени
Дядюшка Милон
Мой дядя Жюль
Признание
Сожаление
Бечевка
Старик
Рука
Задвижка
Славный денек
Тимбукту
Дочь Мартена
Гарсон, кружку пива!
Идиллия
Старуха Соваж
Крестины
Отец
Дело госпожи Люно
Мудрец

Дружески жму вашу руку.

Ги де Мопассан.

№ 222. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ *

Антиб: на борту «Милого друга».
[Дата получения — 5 марта 1887 г.]

Дорогой друг,

У меня очень плохо с глазами, и я не могу писать. Но ведь у вас здоровые глаза, а вы все же не сообщаете мне обещанных новостей.

Кроме того, вы не посылаете мне всех появившихся статей. Говорят, очень важная статья напечатана в *Деба*. Я не читал ее. Другая статья напечатана в *Трибуле*.

Теперь о *Рассказах вальдшнепа;* подумав о заглавии сборника, я не хочу его менять: это был бы недостойный обман, нечто вроде низкопробной рекламы. Итак, пусть остается прежнее заглавие, какое бы оно ни было, хорошее или плохое.

Сердечно жму вашу руку.

Мопассан.

Сколько изданий выдержал *Монт-Ориоль?*

№ 223. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Ул. Моншанен, 10 [1887 г.]

Дорогой учитель и друг,

Прошу вас ответить мне на следующий вопрос: если бы вас наградили орденом Почетного легиона, не спросив предварительно вашего согласия, отказались бы вы от него или нет?

Дело в том, что один человек, горячо желающий видеть вас награжденным, не хотел бы, с другой стороны, подвергаться унизительному для него отказу. Он даже готов наградить вас орденом помимо вашей воли, но спрашивает меня, не обернется ли для него эта любезность неприятностью.

Я ничего не мог сообщить ему, но пообещал осторожно выведать ваше мнение. Предпочитаю, однако, сказать вам все, как оно есть.

Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон г-же Золя и верьте в горячую привязанность

Мопассана.

№ 224. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Ул. Моншанен, 10 [1887 г.]

Дорогой учитель и друг,

Из вашего первого письма я сразу понял, что, согласившись принять орден в результате уже сделанных вам предложений, вы не хотите после ответа, передан-

ного министру первым посланцем, произвести такое впечатление, словно поручаете всем и каждому давать согласие от своего имени.

Когда г-н Локруа, которого я видел случайно (узнав, что я нахожусь у своего друга Ружона, начальника бюро при Кабинете министра, он пригласил меня к себе), попросил меня взяться за это поручение и расспросить вас, я с радостью согласился. Я узнал, впрочем, от него, что он уже говорил с г-жой Шарпантье о ваших намерениях. Я ответил, что, насколько мне известно, вы не отказывались от ордена, и рассказал некоторые подробности об истории с Барду.

Что касается меня (отвечаю на последнюю фразу вашего письма), я сжег свои корабли и безвозвратно. Я отказался в прошлом году, отказался окончательно и бесповоротно от ордена Почетного легиона, предложенного мне г-ном Спюлером. Я вновь повторил свой отказ в беседе с г-ном Локруа. Я пришел к этому решению вовсе не на основе каких-нибудь рассуждений или принципов, ибо не вижу, почему следовало бы пренебрегать орденом Почетного легиона, но под влиянием отвращения, нелепого, но глубокого и непобедимого. Я заглянул в себя и понял, что мне было бы очень неприятно получить орден и что я всю жизнь сожалел бы о данном мною согласии. Точно так же я отношусь и отнесусь к вопросу об Академии, что̀, пожалуй, еще глупее с моей стороны.

В четверг я уезжаю в Этрета, но через месяц буду проездом в Париже по пути в Вогезы, и, надеюсь, мне удастся тогда пожать вашу руку.

Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон г-же Золя и верьте в искренность моего дружеского расположения.

Ги де Мопассан.

№ 225. БАРОНУ ЛЮДОВИКУ ДЕ ВО

Этрета, понедельник [1887 г.]

Премного благодарю тебя за пересылку мне анонимного письма: это семнадцатое за неделю, написанное одним и тем же почерком. Все домовладельцы

Этрета получили такие же письма, как и ты, и переслали их мне.

Лучше ничего не предпринимать, так как подозрения мои очень смутны. Я мог бы подозревать *женщину,* если бы одно и то же письмо не было адресовано слугам моих друзей и моему собственному слуге на их личное имя. Только какой-нибудь поставщик или почтовый служащий может знать имена нашей прислуги!! Но тут я уж совершенно не могу разобраться. У меня были здесь нелады с жандармерией и с мэром. Я ни на минуту не могу заподозрить мэра и не обвиняю жандармов, но думаю, что *кто-то* хотел, чтобы я заподозрил их и поссорился с ними. В итоге это тягостно только для двух бедных женщин, оскорбленных каким-то негодяем.

Стиль письма также сбивает меня с толку. Оно не написано ни человеком из народа, ни дураком. Я поговорю с тобой об этом через несколько дней, так как буду проездом в Париже по пути в Антиб, где находится мой брат, очень серьезно заболевший.

№ 226. Г-НУ МЭ

(Директору издательства Кантен)

Этрета, июль 1887 г.

Избранник г-жи Гюссон появился в последнем номере *Нувель ревю.*

Прилагаю записку Мельяку.

(Текст записки:)

«Не соблаговолите ли вы принять г-на Мэ, директора издательства Кантен? Ему очень хотелось бы посмотреть несколько иллюстраций для *Милого друга,* которые, как мне кажется, вы заказали Беро. Он объяснит вам причину своего любопытства».

№ 227. Г-ЖЕ ЖОРЖ ШАРПАНТЬЕ

[1887 г.]

Лечу на воздушном шаре в четверг вечером в направлении... С места нашего приземления рассчитываю возвращаться не спеша, задерживаясь в окрестностях. Следовательно, в субботу я, наверное, еще не вернусь, о чем бесконечно сожалею...

№ 228. ИЗДАТЕЛЮ ПОЛЮ ОЛЛЕНДОРФУ

Этрета, 15 июля 1887 г.

...Ливень отголосков, обрушившийся на газеты по поводу моего путешествия на воздушном шаре, навлек на меня много насмешек и ряд неприятностей. Прошу вас, остановите этот поток.

Хотя мысль окрестить воздушный шар именем моей книги пришла в голову не мне, все теперь считают, что я использовал воздушный шар для того, чтобы создать себе рекламу.

№ 229. ВИКТОРЬЕНУ САРДУ

Париж, ул. Моншанен, 10
8 июля 1887 г.

Милостивый государь и великий собрат,

Вы, конечно, скажете, что я назойлив и обращаюсь к вам только по поводу женщин. Я знаю, до какой степени вам должны были наскучить все их просьбы быть вам представленными, но у женщин такая особенная и цепкая манера настаивать на чем-нибудь, что всякое сопротивление невозможно. Мадемуазель Роза Брук просит меня уже несколько месяцев представить ее вам... Для меня было бы великим удовольствием увидеть вас и побеседовать с вами...

№ 230. Г-ЖЕ БРЭНН

Ул. Моншанен, 10, четверг [1887 г.]

Позволено ли мне будет повидать вас? Не ледяной ли прием уготован мне моим долгим отсутствием? Прощаете ли вы ветреников? Не совсем ли забыли меня? Я *самолично* бы явился умолять о прощении, если бы не узнал от г-жи Лавалле, которую только что видел в Канне, что вы уже не живете по прежнему адресу. А новый, который она мне сказала, я забыл. Если вы соблаговолите дать мне его, я пойму, что это означает: «Прощаю».

№ 231. Г-НУ МЭ

(Директору издательства Кантен)

Этрета,
19 сентября [1887 г.]

...Я не думаю, чтобы вам немедленно понадобились новеллы, дополняющие том, если новелла, которая открывает сборник, будет вами опубликована перед этим отдельно. Я говорю об *Избраннике г-жи Гюссон*. Что касается остальных, то возьмите прежде всего рассказы, включенные в *Новый Декамерон* Дантю, за исключением *Шкафа,* который помещен в томе, изданном Марпоном. Таким образом, у вас будет девять новелл, не считая *Избранника,* а с ним десять. Я собираюсь вам послать еще шесть, они пополнят ваш том...

№ 232. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ *

Ла Гийетт, Этрета,
19 сентября [1887 г.]

Дорогой друг,

Я не хочу скрытничать и предпочитаю прямо сказать вам, что отдал Оллендорфу маленький роман, уже давно ему обещанный. Нет нужды придавать этому поступку иной смысл, чем тот, который он имеет; это — только выполнение старого обязательства.

Прошу вас, не усматривайте в этом признак изменения наших дружеских и деловых отношений.

Сердечно жму вашу руку.

Ги де Мопассан.

Не будете ли вы любезны ответить одному славному человеку, письмо которого я вам посылаю. Он производит впечатление простака, ибо не (...) литературных соглашений между Францией и Россией, где мои книги переводятся ежедневно. Если же это хитрец, укажите в своем письме, что до заключения международного договора любой перевод на русский язык можно продавать только в пределах России.

№ 233. МАТЕРИ.

Париж [конец сентября 1887 г.]

Дорогая мама,

Мне, возможно, придется остаться в Париже долее, чем я предполагал, и это очень досадно.

Перед лицом угрожающих нам весною событий Оллендорф хочет выпустить в продажу *Пьера и Жана* 3 января, а не 20. Таким образом, мне, может быть, придется остаться до этого времени и не ездить вторично в Париж, как я думал, поскольку мои финансы не позволяют никаких излишних расходов. Как только *Пьер и Жан* будет пущен в продажу, я поеду в Канн на весь остаток зимы.

Времена для нас очень тяжелые: ничего не продается. Лично я совсем на мели, и если не хочу, чтобы обстоятельства вынудили меня просить место библиотекаря, то должен сейчас приналечь на работу, так как заниматься журналистикой больше не могу.

Пьер и Жан будет пользоваться только литературным, а не коммерческим успехом. Я уверен, книга хороша, я тебе об этом писал постоянно, но это жестокая книга, что помешает ее продаже. Нужно, следовательно, подумать о заработке, не слишком рассчитывая на продажу. Поэтому я попробую заняться сочинением пьес, на что смотрю как на ремесло, обеспечивающее мне возможность писать книги, как мне угодно, ни в малейшей степени не заботясь об их судьбе. А если удастся добиться успеха в театре, я буду спать спокойно и не стану злоупотреблять этим псевдолитературным промыслом.

Я чувствую себя очень хорошо в данный момент, благодаря тому, что снова принимаю души и паровые ванны, и живу как в жаркой теплице, ибо моя квартира натоплена вовсю. Дней через десять рассчитываю поехать в Этрета. Мне необходимо пробыть там по крайней мере дня четыре, чтобы управиться со всеми делами. Я решил, что по своем возвращении из Канна я найму квартиру четы Пьеррю; квартира эта мне нравится и не потребует слишком много мебели. Семьсот франков — это, действительно, совсем недорого. Мне думается, что у Эрве этой зимой будет большая клиентура в Канне. Поэтому постараюсь отправить ему мебель

Памятник Мопассану в Руане.

DESSINS DE GUY DE MAUPASSANT :

L'HÉRITAGE D'APOLLONE LELIEUX

Plaisants commentaires de la lettre ci-contre du 29 février 1876. Chargé par son cousin Louis Le Poittevin d'aller recueillir à Nointy un héritage, Maupassant avait à son tour confié cette mission à son ami Robert Pinchon, dit la Toque, qu'on voit ici porteur d'un caïman empaillé, d'une arête d'espadon et d'une hache de bronze « achetée comme ancienne. » C'est pour illustrer cette aventure, d'ailleurs authentique, que Maupassant a laissé libre cours à sa verve, tant dans sa lettre à Le Poittevin, que dans ces dessins pleins de fantaisie.

Рисунки Мопассана в его письмах.

возможно скорее. Но съезжаются туда поздно. Г-жа де Саган, у которой я вчера завтракал, и ее друзья приедут не раньше 15 января.

Все очень озабочены политическими событиями и особенно угрозами со стороны Германии. Я думаю, что Оллендорф прав, пуская в продажу *Пьера и Жана* с первых дней января, потому что в это время еще можно надеяться на две — три недели спокойствия. А что ждет нас затем? Роман Бурже *Ложь* пользуется большим литературным успехом, но на продаже его отражаются все эти треволнения, гнетущие публику. Говорят, что *Земля,* выпущенная отдельным изданием, отличается мощью и размахом. Только театры в моде и приносят большой доход: ведь нужно же где-нибудь проводить вечера. Я теперь часто хожу в театр, чтобы немного ознакомиться с тем, что он собой представляет, и вижу, что мне придется перевоспитать себя. Сейчас я очень занят получением из банка фондов, собранных на памятник Флоберу, а это дело нелегкое. Лапьерр поместил их во Французском банке. Если он умрет, нам придется испытать неисчислимые трудности. В связи с этим я узнал, что положение Л... К... в случае жестокого кризиса будет не очень прочное. Нужно поэтому, чтобы Эрве оплатил все по возможности чеками. Два лучших кредитных учреждения — «Земельный кредит» и «Промышленный кредит».

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца. Тысячу приветствий семье Эрве.

Твой сын

Ги.

Хорошо ли выглядит беседка? В каком положении канализационные работы?

№ 234. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Ул. Моншанен, 10 [1887 г.]

Дорогой учитель,

Я, бесспорно, не знаю ни одной книги, которая содержала бы столько интересных, оригинальных, глубоких мыслей и столько суждений об искусстве, как ваш *Дневник.* Каждая страница приносит радость неожи-

данной находки, наблюдения, образа, столь же необычных по вызываемому ими чувству, как и по форме изложения. К этой книге следует беспрестанно возвращаться, ибо разум всегда находит в ней пищу, а глаз — образы.

Извините меня за то, что я не откликнулся раньше. Вы ведь знаете, что мне очень трудно читать.

Прошу верить, дорогой учитель, в мою глубокую преданность.

Ги де Мопассан.

№ 235. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ *

Антиб, 20 октября [1887 г.]

Дорогой друг,

Вы опять поставили меня в крайне затруднительное положение, и на этот раз я нахожу, что так дольше продолжаться не может. Я вам писал, что причитающийся мне гонорар необходимо перевести 8 числа по моему парижскому адресу, ибо я хочу распорядиться им до 15. Между тем сегодня уже 20, а я еще ничего не получал. Мне пришлось затребовать телеграммой 2 000 франков у Оллендорфа. Вы очень плохо продаете мои книги и, кроме того, весьма неаккуратны при расчетах, а я придаю огромное значение пунктуальности в делах, о чем мы с вами неоднократно говорили. Я только что получил сообщение от Марпона; оказывается, распространение *Туана и Сказок дня и ночи* соответственно превысило 9 000 и 10 000 экземпляров. А ведь это мои самые слабые книги, пущенные в продажу по 5 франков, без всякой рекламы. *Господин Паран* распродан в количестве более 10 000 экз., а *Орля* — более 12 000. Сравнивая эти цифры с цифрами распространения моих лучших книг: *Заведение Телье, Мадемуазель Фифи, Иветта, Маленькая Рок,*— я должен констатировать, что их продажа сильно отстает.

Но мы еще поговорим об этом. Я не выдал векселя на ваше имя. Жду вашего расчета, чтобы знать, какой суммой я могу располагать.

Сегодня я подпишу два векселя: один на 1 000 франков, срок уплаты *тридцатое* октября; другой на 1 000

франков, срок уплаты 31 января текущего года. Других векселей я вам не выдам. Держите в моем распоряжении разницу между 1 200 франков и причитающейся мне суммой (которая мне неизвестна!), чтобы я мог воспользоваться этими деньгами сразу же по возвращении в Париж. Сумма второго векселя войдет в расчет текущего квартала.

Сердечно жму вашу руку.

Мопассан.

Я не хочу вас обижать, но Оллендорф только что продал перевод *Оливковой рощи* для *Нувель ревю либр* и получил 400 франков только за помещение повести в этом немецком журнале. Всем остальным журналам право перевода предоставляется.

№ 236. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Вилла «Континенталь» (Канн) [1887 г.]

Дорогой учитель и друг,

Извините меня за то, что я так долго не отзывался на ваш *Дневник,* который, конечно, является той из ваших книг, где я нашел больше всего высказываний о литературе, новых и неожиданных мыслей, глубоких и интересных наблюдений.

Поражающее в нем богатство мыслей зависит, вероятно, от того, что они систематизированы, что они бросаются в глаза и не надо их искать, как в ваших других книгах, где фабула отвлекает внимание от остального.

Но разрешите мне все же сделать небольшую оговорку по одному пункту, который слегка покоробил некоторых лиц и который не имеет никакого отношения к вашему замечательному мастерству. Читая вашу книгу, я невольно восхищался Шерером, безмолвным сотрапезником на обедах Маньи.

Прошу верить, дорогой учитель и друг, в мое глубокое восхищение и горячую привязанность.

Ги де Мопассан.

№ 237. МАТЕРИ

Константина, октябрь 1887 г.

Дорогая мама,

Вот мы и в Константине после восемнадцати часов езды по железной дороге. Путешествие прошло хорошо, без излишнего утомления. Завтра утром отправляемся в Бискру и будем там в тот же вечер. Вот где я надеюсь насладиться пустыней, потому что Африка действительно наделена для меня какой-то особой прелестью. Тут не хватает только удобных жилищ. Чувствовать благодетельное действие жары я начинаю по-настоящему лишь после некоторых неприятных ощущений, связанных с акклиматизацией, впрочем гораздо более терпимых, чем в Эксе. Но мне следовало бы побыть здесь подольше. Я послал тебе по почте виды Бискры и уверен, что, взглянув на них, ты будешь почти сожалеть, что сняла дачу в Ницце, а не здесь.

У нас новый сотоварищ по путешествию, г-н Пишо, издатель *Британского обозрения,* большой друг принцессы Матильды. Это любезный человек, приятный и очень воспитанный.

Г-жа Х..., хворавшая в продолжение нескольких дней, чувствует себя лучше, и я думаю, что эта страна в самом деле произведет на нее благотворное действие. Она немного побаивается жары, потому что здешнее солнце — это всепожирающее чудовище. Африка же, конечно,— излюбленная земля этого светила, становящегося свирепым по сю сторону моря. Мы бродим из отеля в отель, выклянчивая комнаты и питание. Шум алжирского порта под моими окнами напоминает мне проспект Виктора Гюго, но проспект чудовищный, с поездами, сиренами океанских пароходов, паровыми лебедками и арабами, разгружающими и нагружающими кладь.

Мы обедали у г-на Тирмана, двор и дворец которого вызвали у меня мысль о каком-то африканском короле Ивето. Приглашенным (депутатам, судейским чиновникам и т. д.) не хватало только исполнить за десертом арабские песни. Местных дам было две. Но никому не могло бы прийти желание способствовать прибавлению их семейств. Моей соседкой была какая-

то желтая баронесса, истерическая и худая, декольтированная со спины до самого пояса. Относительная скромность фасада свидетельствовала скорее о предусмотрительности, чем о стыдливости.

Еле сдерживаемый хохот причинял мне такое же страдание, как приступы желудочных болей. К тому же обед не мог вознаградить меня за соседство.

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца, со всей нежностью.

Обнимаю маленькую Симону, Мари-Терезе шлю самые нежные пожелания.

Твой сын

Ги.

№ 238. Г-ЖЕ СТРО *

Хаммам-Рира, четверг в полночь
[Начало ноября 1887 г.]

Милостивая государыня,

Мне только что вручили вашу телеграмму в Хаммам-Рира, где я собирался пробыть несколько дней, но завтра же уезжаю отсюда, чтобы осмотреть в горах Уарсенис кедровый бор под названием Теньет-эль-Хаад. Если вы будете так любезны и напишете мне несколько строк, пошлите их, пожалуйста, по адресу: до востребования, Алжир,— куда я вернусь перед отъездом в Хрумир. Я совершаю сейчас изумительное путешествие пешком по горам, ущельям и девственным лесам, известным одним лишь арабам. Я упиваюсь ветром, долетающим сюда из пустыни, и впитываю в себя одиночество. Это хорошо и печально. Иногда я останавливаюсь вечером на постоялом дворе, состоящем из одной выбеленной известью комнаты, и ощущаю на сердце гнет расстояния, отделяющего меня от тех, кого я знаю и люблю, так как я их действительно люблю. На днях я просидел так до полуночи перед дверью полуразрушенного караван-сарая, где мне пришлось есть немыслимые кушанья и пить воду, о которой противно вспомнить. Откуда-то издалека доносился лай собак, тявканье шакалов и вой гиен. И под не-

бом, покрытым сверкающими звездами, огромными, волшебными, бесчисленными звездами Африки, эти звуки были так заунывны, внушали чувство такого безвозвратного одиночества, такой оторванности от мира, что холод пронизал меня до мозга костей. Обычно, как только встает солнце, я вновь пускаюсь в путь по тропинкам и во время этих странствий ощущаю порой чисто животный трепет, меня неожиданно пронизывает радость, острая, короткая, чувственная, простая, как радость выпущенного на свободу зверя, который чувствует и не думает, видит, но не смотрит, и жадно вбирает в себя окружающее, воздух, свет. Я преисполнился в эти дни непреодолимого презрения к цивилизованным людям, к их рассуждениям, аргументам, утонченности. Мне больше всего нравится стрелять в пролетающую птицу, хотя, видя, как она умирает, я сожалею, что убил ее. Иду дальше, преследуемый угрызениями совести, а перед глазами стоит бьющаяся в агонии птица. И вновь стреляю. Так я всегда веду себя вдали от людей и событий. Мне кажется, что здесь я чувствую жизнь сильнее и грубее, чем в городах, где общение с себе подобными уводит, отдаляет человека от жестокой близости природы. Здесь я ее вижу, открываю, застаю врасплох. Полуголый, полубезумный в своем отупляющем фанатизме араб, сидящий в шалаше из ветвей и травы, кажется мне существом не менее интересным, чем Жюль Леметр с его тонким, но ограниченным умом, ибо он только и делает, что изучает злободневные и устаревающие назавтра проблемы, обсуждать которые так же бесполезно, как и все прочие глупости, волнующие людей; я упомянул Леметра потому, что считаю его умнейшим из интеллигентных людей. Надо чувствовать — все в этом, надо чувствовать каждым нервом, как чувствовал бы зверь, отдающий отчет в своих восприятиях, надо чувствовать с такой силой, чтобы каждое ощущение потрясало тебя до основания, как потрясает землю вулканический толчок, но не надо говорить, не надо писать об этом для всех. Лишь иногда можно дать понять некоторым людям, как глубоко ты был взволнован, зная наперед, что они не повторят твоих слов.

Это письмо удивит вас, сударыня, ведь вы меня еще недостаточно знаете. Вы живете там, далеко, при свете газовых фонарей, а я живу здесь, под небесными светилами, похожими на целый мир солнц. Когда я долго смотрю на них, как сегодня вечером, я пьянею больше, чем от шампанского, которое рекой льется в Английском кафе, как только там появляются журналисты.

Целую ваши руки, сударыня, и остаюсь вашим другом, очень почтительным, очень преданным и очень благодарным.

Ги де Мопассан.

№ 239. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ

(Жану Лаору)

Хаммам-Рира, декабрь 1887 г.

...Я собираюсь покинуть Алжир через несколько дней; точнее, я еще буду в Алжире проездом в Тунис. У города Алжира как зимнего курорта есть большой недостаток: он обращен на север, вследствие чего в три часа пополудни солнце закатывается. Я был вынужден ежедневно уходить за 5—6 километров, чтобы вновь отыскать солнце, и это меня бесило. Только что совершил — пешком — великолепную прогулку по дикой местности, похожей на ковер из львиных шкур. Я познакомился с совершенно неведомым уголком Алжира, где еще встречаешь потоки в сказочных девственных лесах, то есть таких «девственных лесах», о которых говорится только в сказках. Завтра я отправлюсь в кедровый лес Теньет-эль-Хаад и в горы Уарсенис. Говорят, эта горная цепь — одна из самых красивых в мире... Я читаю историю различных мусульманских арабских сект и нахожу удивительные тексты у этих своего рода пророков, которых называют хуанами. Я вам покажу такие, которые приведут вас в восхищение. Но это специально для вас, другие не поймут... Один из этих хуанов говорит то же самое, что святая Тереза!!!

№ 240. НЕИЗВЕСТНОЙ

Тунис, 19 декабря 1887 г.

Со вчерашнего вечера я, как потерянный, мечтаю о вас. Безумное желание увидеть вас снова, увидеть вас сейчас же здесь, передо мной, внезапно переполнило мое сердце. И я хотел бы пересечь море, перебраться через горы, пройти города — только для того, чтобы положить руку на ваше плечо, вдохнуть аромат ваших волос. Не чувствуете ли вы, как оно исходит от меня и реет около вас, это желание, и как оно ищет вас и взывает к вам в тишине ночи?

А больше всего хотел бы я увидеть ваши глаза, ваши кроткие глаза. Почему первая наша мысль всегда о глазах женщины, которую мы любим? Как мы ими одержимы, какими счастливыми или несчастными делают нас эти маленькие светлые загадки, непроницаемые и глубокие, эти маленькие голубые, черные или зеленые пятнышки, которые, не меняя ни формы, ни цвета, выражают то любовь, то безразличие и ненависть, то успокаивающую нежность, то леденящий ужас — и выражают лучше, чем самые многословные речи, чем самые красноречивые жесты!

Через несколько недель я покину Африку. Я снова увижу вас. Вы приедете ко мне, не правда ли, моя обожаемая? Вы приедете ко мне в...

Ги де Мопассан.

№ 241. ЖОЗЕФЕНУ ПЕЛАДАНУ

Тунис, авеню де ла Марин, 47
[Почтовый штемпель — 20 декабря 1887 г.]

Милостивый государь и дорогой собрат,

Я с особым интересом читаю то, что вы пишете, настолько все это разнится с тем, к чему влечет меня моя натура.

Вы говорите, что у нас противоположные идеалы! Совершенно верно, но идеалы не выбирают: им подчиняются, как подчиняются форме своего тела. Творят и мыслят соразмерно способностям, которые, по-мое-

му, почти не поддаются изменениям, но если обладаешь широкой способностью понимания, то можно беспредельно восхищаться творцами, совершенно от тебя отличными.

Я действительно написал в *Жиль Блас* в том духе, как вы говорите, и отказался от сотрудничества в этой газете. Я удивлен, что об этом письме стало известно, так как мой друг Юбер и администраторы едва ли многим стали бы его показывать.

Примите, милостивый государь и дорогой собрат, выражение моих самых преданных чувств.

Ги де Мопассан.

№ 242. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ *

Тунис, Морской проспект, 47
[Дата получения — 2 января 1888 г.]

Дорогой друг,

Окажите мне услугу и пошлите две книги, о которых просят в двух прилагаемых письмах.

У меня были опять ужасные мигрени, не дававшие мне никакой возможности писать. Но тунисский климат принес мне большую пользу, и я вновь принялся за работу.

Как только мой новый роман будет окончен, я начну писать повесть для журнала *Ревю де Дё Монд.* Я дам вам эту повесть, чтобы вы поставили ее в начале обещанного мной тома, ибо не знаю, когда напишу тот рассказ, сюжет которого вы мне подсказали. Если вы желаете объявить о появлении романа, который будет готов к весне, вот его заглавие:

Чужеземные сердца

Я рассчитываю, что вы пришлете мне по вышеуказанному адресу выписку из счета за последний квартал. Мне надо знать, могу ли я располагать крупной суммой в конце января.

Лучшие пожелания к Новому году. Сердечно жму руку.

Ги де Мопассан.

№ 243. ЛЮСИ ЛЕ ПУАТВЕН

Тунис, авеню де ла Марин, 47
3 января [1888 г.]

Простите меня, дорогая кузина, за то, что я не ответил ранее на ваше любезное письмо: мне не хватает времени не только для письма, но даже для записки. Я совершаю долгие прогулки, делаю заметки, кончаю свой роман, правлю очерк о путешествии, а когда наступает вечер, становлюсь совершенно неспособным к какому-либо занятию... Меня приглашали проехать до Феса вместе с новым послом, который должен вручить свои верительные грамоты султану. Только очень немногие европейцы могли совершить такое путешествие.

Уверяю вас, что вы глубоко ошибаетесь, подозревая меня в безразличии. Но раз вы сомневаетесь, я надеюсь доказать вам, что вы ошиблись.

Извините меня, что я посылаю вам чек с просьбой получить по нему и заплатить за мою квартиру... Вы можете поручить это всякому, лишь бы не вору.

Я работал и работаю, как целое племя усердных негров, или, вернее, негров-рабов, и почти не страдаю здесь от мигреней...

№ 244. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

[Январь 1888 г.]

Дорогой учитель и друг,

Шарпантье отправил мне *Землю* в Антиб. Я был в Париже и до сих пор еще не получил вашего романа, который, как мне писали, ждет меня там.

Я не стал ждать посланного вами экземпляра, чтобы перечитать роман, и я хотел бы, чтобы все наши друзья, все те, которые, подобно мне, восхищаются вами, убедили бы вас никогда больше не печатать фельетонами столь большие и обладающие таким размахом произведения, удивительная композиция и мощный эффект которых почти полностью исчезают при дроблении в газете. Люди составляют себе определенное мнение, прочитав отдельные фразы или абзацы, и, не-

смотря на реакцию, которая происходит, когда появляется книга, публика, или по крайней мере часть публики, продолжает приходить в негодование от того, что она называет сальностями, так как разница между впечатлением от части и от целого ей непонятна.

В газете, действительно, это бросается в глаза, настолько каждая деталь становится там значимой. В книге же этого нет; щепетильные люди, которые боятся прочесть в печатном виде о том, что им самим приходится проделывать ежедневно, не заметят этих маленьких деталей в великолепном целом романа.

Мне очень приятно, дорогой друг, написать вам, до какой степени прекрасным и высоким я нашел это новое произведение великого художника, руку которого я сердечно жму.

Мопассан.

№ 245. РЕДАКТОРУ «ГОЛУА» [АРТЮРУ МЕЙЕРУ]

[6 января 1888 г.]

Уважаемый г-н редактор,

Вчера в литературном приложении к *Фигаро* опубликован мой этюд о современном романе, где я заставляю Флобера говорить глупость, приписывая Шатобриану фразу Бюффона. Считаю необходимым заявить, что в этой глупости повинен я сам и что произошло это по какой-то совершенно необъяснимой оплошности, так как мне приходилось очень часто слышать в устах Флобера цитату, которую я привожу.

Если я обращаюсь с этой поправкой к вам, а не к органу, в котором опубликован мой этюд, причина этого в том, что я возбуждаю процесс против *Фигаро* за многочисленные купюры, произведенные без моего согласия в этой статье, смысл которой оказался, таким образом, совершенно искаженным.

На это выступление против *Фигаро* заставляет меня решиться вовсе не его грубый и необъяснимый поступок в отношении меня, а необходимость еще раз заявить о неограниченном праве каждого писателя охранять свою мысль, каковы бы ни были ее достоинства, от всяких *поправочек*.

Я обеспечил за три месяца вперед принятие газетой *Фигаро* этого этюда, которому придаю, справедливо или нет, большое значение, так как в нем выражены мои мысли о романе и дан ответ на возражения, которые мне часто делали.

В случае отказа с его стороны у меня нашлось бы время выбрать газету по моему вкусу.

Я представил свою рукопись за три недели до ее опубликования.

Редактор приложения вынудил меня отсрочить на неделю публикацию *Пьера и Жана* — это рассуждение о романе служит предисловием к нему — для того, чтобы поместить в номере от первого января обозрение Каран д'Аша.

Еще накануне вышеупомянутый редактор предложил мне написать на другую тему, ни словом не обмолвившись о том произведении, которое должно появиться на следующий день.

Я располагаю, таким образом, не только правом, но и всеми благоприятными обстоятельствами, а следовательно, и долгом добиться решительного приговора против своевластных ножниц, пусть даже находящихся в самых опытных руках.

Примите, уважаемый г-н редактор, уверения в моих самых дружеских чувствах.

Ги де Мопассан.

№. 246. ПОВЕРЕННОМУ, МЭТРУ ЭМИЛЮ СТРО

Париж, 9 января 1888 г.

Милостивый государь,

Вы любезно приняли на себя защиту моих интересов в процессе, который я затеваю против *Фигаро*. Дело это вполне актуально, вопросы художественного порядка в нем, конечно, гораздо важнее вопросов чисто правовых, и потому я особенно заинтересован в одном — в быстром судопроизводстве.

Толки и споры, поднятые этим предисловием, не могут продолжаться долго; для меня, следовательно, было бы чрезвычайно важно, чтобы процесс был на-

значен как можно скорее. В данном случае речь идет не об ординарном деле, где время не играет большой роли, но о деле специальном, где вопрос о времени ставится прежде всего.

Я был бы поэтому очень обязан вам, милостивый государь, если бы вы могли предпринять необходимые шаги для достижения быстрейшего решения.

Примите, прошу вас, выражение моих преданнейших чувств.

Ги де Мопассан.

№ 247. ФРЕДЕРИКУ МАССОНУ

[Январь 1888 г.]

...Что касается рукописи, я хочу отнестись к ней с наибольшей заботливостью, потому что она полна интимных мыслей и является, в сущности, моим дневником; мне нужно много времени, чтобы подготовить ее, вследствие чего я не могу дать первую часть ранее 12, да и только в том случае, *если мне ничто не помешает...*

№ 248. НЕИЗВЕСТНОМУ

Ул. Моншанен, 10 (от руки.—*Ред.*)
Канн, вилла «Континенталь» (печати.—*Ред.*)
[Конец января 1888 г.]

Дорогой друг и собрат,

Я огорчен тем, что не смогу провести несколько приятных часов в вашем обществе; дело в том, что в ближайшую пятницу я снова еду в Канн. Спальное место уже заказано, и я не могу откладывать своего отъезда.

Так как мне нужно будет скоро вернуться для ведения процесса против *Фигаро,* я вам напишу по приезде сюда, и мы сможем тогда вместе пообедать и поболтать.

Тысяча благодарностей и дружеских приветствий.

Мопассан.

№ 249. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Антиб [1888 г.]

Дорогой друг,

Я очень рассчитывал увидеться с тобой проездом через Париж, но не мог задержаться, так как был вызван к моему брату, который серьезно заболел.

Я подумал, что ты, вероятно, не прочь получить те триста пятьдесят франков, которые я тебе должен с давнего времени, и потому посылаю их по почте. Твоя консьержка не пожелала их принять, когда я брал у тебя серебряную посуду.

Ограничиваюсь только этими несколькими строчками, так как очень занят. У моего брата была злокачественная лихорадка с осложнением: затронута мозговая оболочка. Осложнение все затягивается и очень тревожит нас.

Не можешь ли ты отыскать для меня еще полдюжины серебряных ложечек?

Прощай, дорогой Леон, жму тебе сердечно руку.

Твой

Ги де Мопассан.

№ 250. ОКТАВУ МИРБО

Вилла «Континенталь» (Канн)
[Январь 1888 г.]

Дорогой друг,

Твое письмо доставило мне живейшее удовольствие. Глубокое уважение, которое я питаю к твоему таланту, делает для меня особо ценным твое мнение.

Я — в Канне, среди горестей и тревог, около больных, которых люблю и положение которых почти безнадежно.

Извини меня за это столь краткое, хоть и сердечное изъявление благодарности.

Жму тебе признательно руку.

Мопассан.

Мне совершенно непонятно, в каких отношениях я нахожусь с Маньяром. Но с *Фигаро,* во всяком случае, в плохих, так как возбудил против него процесс.

По-видимому, это Боннетэн по приказу Перивье обкорнал мое предисловие. Он приложил к этому делу обе руки.

№ 251. ЭДУАРДУ ЭСТОНЬЕ

На борту «Милого друга» (Канн)
2 февраля 1888 г.

Милостивый государь и дорогой собрат,

Разве так уж удивительно, что один и тот же сюжет привлек нас в одно и то же время? Вам только не повезло: моя книга вышла в свет раньше вашей, хотя обе они были готовы одновременно. Эта роковая случайность, жертвой которой вы оказались, нисколько не умаляет достоинств вашего произведения. Несомненно, что вы не знали, о чем пишу я, равно как и я не знал, о чем пишете вы, а в это время, вдали друг от друга, ни о чем не беспокоясь, мы заканчивали, вы — вашего *Стефана,* я — *Пьера и Жана.*

Не кроется ли в многократности таких совпадений таинственная, необследованная и неизученная причина так называемых плагиатов, то есть таких случаев, когда — в отличие от нашего — нет уверенности в том, что авторы не знали друг друга и не подозревали о своем одновременном труде? Чем объяснить частые случаи, когда два человека, сотоварищи по профессии, заканчивают в одно время одинаковую работу и создают две книги, схожие до такой степени, что кажется, будто авторы их делились друг с другом своими мыслями и своими сюжетами?

Не происходит ли это оттого, что они, сами того не подозревая, черпали свое вдохновение из одного и того же источника? Первую мысль о *Пьере и Жане* дала мне хроникерская заметка в газете. Разве не могло случиться, что и вы прочли ту же заметку одновременно со мной? Сколько раз бывает, что какое-нибудь громкое, дискуссионное, вызывающее толки событие производит в двух родственных по своей природе умах одинаковую реакцию, влекущую за собой одинаковый ряд мыслей и выводов, а затем порождает аналогичную работу, приводящую их к одним и тем же логиче-

ским следствиям. То, что один из этих умов, в силу каких-либо обстоятельств, несколько быстрее создает родившееся из одного и того же семени произведение, приводит — почти неизбежно — к тому, что второго начинают обвинять в плагиате.

Я не могу, милостивый государь и дорогой собрат, сделать ничего другого, как только высказать сожаление по поводу неприятности, выпавшей на вашу долю. Я позволяю себе в то же время поздравить вас с вашей первой книгой, настолько похожей на мою, что я едва осмеливаюсь ее похвалить. Желаю ей, во всяком случае, большого успеха и прошу вас быть уверенным в моих самых преданных чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 252. Г-ЖЕ ЭРЖЕРСБЕР ДЕ ЛУАОТЕ

На борту «Милого друга».
[Тулон, 21 апреля 1888 г.]

Ваше письмо застало меня в Тулоне, где я нахожусь проездом, направляясь в Марсель на своей яхте. Вот уже две недели, как я покинул Канн, куда в этом году больше не вернусь...

Если вы приедете сюда будущей зимой, я буду счастлив, сударыня, показать вам, что представляет собой *крохотная яхта* и *как ею управлять,* если только вы не боитесь моря...

№ 253. Г-НУ МЭ
(Директору издательства Кантен)

На борту «Милого друга»
(Канн), апрель 1888 г.

...В последних полученных мною гранках я нашел одну из своих новелл, называющуюся *Шали.* Она уступлена мною Оллендорфу и опубликована в сборнике *Сестры Рондоли.* Откуда вы ее взяли? Я считаю невероятным, чтобы *Декамерон* мог напечатать *Шали,* поскольку я дал ему десять непереизданных новелл. Как бы то ни было, мы не имеем права перепечатывать эту новеллу.

И еще одна: *Шпилька,* уже помещенная в сборнике *Господин Паран.* В чем дело? Уж не затерял ли *Декамерон* новеллы, посланные мной, и не взял ли другие из моих сборников?..

№ 254. МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Канн, вилла «Континенталь» [1888 г.]

Господин министр,

Наверное, вы подумаете, что я невыносимый попрошайка. Но благосклонность ваша позволяет мне предположить, что вы соблаговолите, при случае, бросить благожелательный взор на имена моих друзей, которые я рекомендовал бы вашему вниманию. На этом основании я ходатайствую за г-на Андре Леконт дю Нуи, французского архитектора, находящегося уже много лет на службе у румынского правительства для выполнения важных работ.

Румынский король, через посредство вашего посланника, г-на де... будет ходатайствовать перед вами о пожаловании ему ордена Почетного легиона. Мне едва ли потребуется входить в оценку прав на эту награду г-на Леконта дю Нуи, ученого художника, знающего лучше, чем кто-либо в настоящее время, византийскую архитектуру и успешно реставрировавшего во славу французского самолюбия прекраснейшие памятники этого стиля в румынском королевстве. Я хочу только просить вас, господин министр, благосклонно распорядиться о том, чтобы поданная вам просьба была рассмотрена с особым вниманием.

Он один из моих хороших друзей; высоко ценя его талант, я считаю своим долгом,— как и вообще ради близких мне людей,— не только настоятельно ходатайствовать перед высокопоставленными лицами, выказавшими, подобно вам, свою симпатию ко мне, но и надоедать им, в надежде на то, что буду прощен.

Примите, господин министр, вместе со всяческими извинениями, уверения в моих самых почтительных и преданных чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 255. МАТЕРИ

Париж, май 1888 г.

Дорогая мама,

Со времени моего возвращения я занят разъездами, хлопотами и визитами, так что не мог еще подумать о работе. Я рассчитываю к тому же съездить вскоре в Этрета, чтобы посмотреть, не натворили ли там каких-нибудь глупостей. Мой процесс отсрочен на неопределенное время и сулит мне новые заботы. У адвоката *Фигаро,* Лашо, хворавшего с некоторых пор, только что случился частичный паралич и, говорят, началось размягчение мозга, так что Стро и я очень озабочены. Кроме этого, ничего нового. Погода то теплая, то, время от времени, дожди, иначе говоря, чередование грязи и солнца. Я готовлю потихоньку свой новый роман и нахожу его очень трудным, столько в нем должно быть нюансов, подразумеваемого и невысказанного. Он не будет длинен к тому же; нужно, чтобы он прошел перед глазами, как видение жизни, страшной, нежной и преисполненной отчаяния. Мы переживаем сейчас настоящий кризис книжной продажи. Книг больше не покупают. Я думаю, что удешевленные переиздания, бесчисленные сорокасантимовые серии, выбрасываемые на книжный рынок, убивают роман. Книгопродавцы выставляют в витринах и продают только эти книжечки, доступные по цене.

Сообщи мне возможно больше новостей, хотя бы в четырех строках.

...Если ты желаешь, чтобы я послал тебе несколько книг, скажи мне, и я выберу наименее глупые из тех, которые получаю. Я знаю, что ты читаешь очень мало, но, может быть, все же просмотришь несколько страниц. Меня ужасно беспокоит то, что ты так одинока, так мучишься, так больна, и я беспрестанно разыскиваю что-нибудь, что могло бы тебя развлечь. Увы! Это не так легко найти.

Прощай, дорогая мама, нежно целую тебя.

Твой сын

Ги.

№ 256. Г-НУ МЭ

(Директору издательства Кантен)

Ул. Моншанен, 10 [Май 1888 г.]

...Посылаю вам правленые гранки и рассказ под заглавием *Развод. Одиссею проститутки* вы найдете в шестом томе *Декамерона.* Таким образом, том будет заполнен.

Но вот что меня смущает. Так как от вас я ничего больше не получил и так как предупреждал вас о том, что тороплюсь с изданием своих вещей, то, чтобы не потерять весеннего сезона, мне пришлось сдать один том Оллендорфу, который пустит его в продажу через неделю. Выход тома Марпона тоже задержался из-за того, что ваш не был еще готов, и появится 30 июня. Подумайте, не можете ли вы выпустить свой том в промежутке между этими двумя томами. Том Марпона — импозантный и сорвет вам продажу...

№ 257. НЕИЗВЕСТНОМУ

[Июль 1888 г.]

Дорогой собрат,

Я твердо, но, к сожалению, тщетно, надеялся не быть упомянутым в числе тех, кто отказался от ордена. Ваша статья убеждает меня в том, что мои надежды были ошибочны. Я прочел к тому же отзывы печати и получил письма, доказывающие, что по этому поводу поднят некоторый шум. Я тут ни при чем, и мне совершенно неизвестно, кто распространил это несколько ошибочное известие, ставшее предметом толков.

Мне вовсе не предлагали ордена; меня только спросили, как я отнесся бы к этому предложению, если бы министр подумал обо мне. Я ответил, что считал бы дерзостью отказ от столь ценного и столь почетного отличия, но выразил желание, чтобы меня к этой награде не представляли и попросили министра забыть обо мне.

Я всегда говорил — все мои друзья могут засвидетельствовать это,— что мне хотелось бы остаться в стороне от всяких почестей и отличий. Я старался часто повторять это в течение долгого времени, чтобы меня не могли заподозрить в задней мысли, если наступит соответствующий момент.

Что касается причин, по которым я так поступаю, то они слишком многочисленны, чтобы их здесь перечислять.

К тому же достаточно и одной: я не допускаю какой-либо официальной иерархии в литературе. Мы — то, что мы собою представляем, и вовсе не нуждаемся в распределении по разрядам.

Если бы орден Почетного легиона не имел степеней, я понял бы это скорее, но его степени образуют шкалу заслуг, поистине слишком странную.

Вы назвали Эдмона де Гонкура. Можно ли оспаривать высокую ценность его творчества и особенно его влияние на современную литературу? Никто, может быть, не имеет большего влияния, чем он.

Однако он остается кавалером ордена Почетного легиона, в то время как высшие степени приберегают, очевидно, для его учеников.

Когда решишься никогда ничего и ни у кого не просить, предпочтительнее жить без почетных званий, ибо если случайно, без всяких интриг, достигнешь одного из них, то можно почти с уверенностью сказать, что дальше этого не пойдешь, а... ведь стоит получить одну ленточку — и захочется все новых и новых.

Это основание, может быть, и не особенно убедительно, но если вы не желаете какой-нибудь вещи, то любое основание подкрепляет вашу решимость не только не просить ее, но и воспрепятствовать ее получению. Все же, прочитав вашу статью, считаю долгом вам сказать, что я питаю большое уважение к Почетному легиону и не хотел бы, чтобы об этом думали иначе.

Примите, милостивый государь и дорогой собрат, уверения в моих самых преданных чувствах

Ги де Мопассан.

№ 258. Г-НУ МЭ

(Директору издательства Кантен)

Экс-ле-Бен, «Мэзон де Варикур» [Лето 1888 г.]

...Я не знаю, когда возвращусь в Париж, поэтому прошу вас пустить в продажу *Избранника г-жи Гюссон,* не дожидаясь меня.

Обычно я подписываю экземпляры для прессы в количестве 140—150 экземпляров. Когда меня нет в Париже, мне посылают титульные листы вместе со списком журналистов, но так как том уже сброшюрован, подписать их мне, очевидно, будет трудно. Соблаговолите прислать мне сюда 10 экземпляров и оставьте для меня, кроме того, 20 первого издания. Я распоряжусь забрать их у вас. Заметку, если хотите, сделайте сами, я никогда не занимаюсь вопросами о статьях и рекламе...

№ 259. Г-ЖЕ СТРО *

Этрета, 15 сентября 1888 г.

Милостивая государыня,

Мне так совестно перед вами, что я едва осмеливаюсь вам писать. Единственным извинением служит мне то мучительное состояние, в котором я нахожусь: мигрень не дает покоя ни днем, ни ночью. Вот почему я не притронулся, ни разу не притронулся к своему новому роману, и он остался на той же точке, что и при моем отъезде из Парижа. Я провожу здесь тягостные и пустые дни, ожидая, когда же кончатся головные боли, и живу в таком оцепенении, что нет сил ни написать письма, ни уехать. Обычное нездоровье, вероятно, затянулось из-за моего пребывания в Париже, которое неизменно дает те же последствия.

Не зная, куда вам писать, я посылаю это письмо на бульвар Османи, так как полагаю, что вы уже давно покинули захолустье, именуемое Руайя.

Здесь я вижу изо дня в день обычные для курортных городов сценки. Я сделал одно наблюдение, далеко не новое, однако оно никогда не поражало меня так, как в этом году: взаимопонимание между мужчиной и

женщиной, вступающими в связь, основано отнюдь не на гармонии душ, а на одинаковом интеллектуальном и социальном уровне. Говоря «социальный», я не вполне прав. Реальное положение в обществе ничего не значит, выделяют человека лишь его природные данные, это они указывают на то место, которое он должен занимать в обществе. Этим летом я имел перед глазами несколько поразительных примеров, подтверждающих поговорку: «Свой своего ищет».

Случалось, конечно, что и короли женились на пастушках, только они, очевидно, как и почти все короли, родились с душой мужланов, но я очень сомневаюсь, чтобы человек выдающийся, наделенный тонкой духовной организацией и большой тонкостью восприятия, влюбился бы в примитивную женщину. Очень умный, даже гениальный человек может обладать грубой духовной организацией и заурядной восприимчивостью при полном отсутствии той особой чуткости, которая одна предопределяет место людей в области духовной иерархии. Эти рассуждения должны вам показаться весьма неожиданными, так как вы не видели всех глупых интрижек на нашем пляже, но, полагаю, вы видели другие, не менее пошлые.

Я считаю, что любовь на лоне природы должна быть по своему существу весьма утонченной, иначе она кажется смешной. Я видел, как мои близкие друзья целовались при свете луны, и эти люди, которым мало было для любовных свиданий номера гостиницы, так меня шокировали, что я никогда больше не осмелюсь поступать по их примеру перед лицом месяца. Не подумайте, что я готовлю трактат о физиологии любви на просторе полей. При моем теперешнем настроении я скорее склонен рассуждать о мудрости, ибо то, что происходит у меня на глазах, отнюдь не говорит в пользу чувства или даже его внешних проявлений.

От таких вещей еще можно отказаться, но больше всего меня огорчает в этом местечке умственный уровень его обитателей. Нет ни художников, ни светских людей (я жалею об отсутствии последних лишь с точки зрения живописности). Зато имеется сколько угодно пищих духом *биржевиков,* занимающих последнюю ступень на лестнице социального убожества. По вече-

рам женщины молчат, а мужчины рассуждают о португальских облигациях, о государственных фондах или о стоимости фрахта из Триеста в Константинополь. Помимо этого, они ничего не знают и бывают очень удивлены, когда им говоришь, конечно, соблюдая необходимые формы вежливости, что они глупы, ибо перед таким искушением я не могу устоять.

Я часто думаю о воскресных вечерах в Париже и от всей души тоскую о них, но здесь мне это мало помогает.

Прощайте, сударыня, почтительно целую ваши руки. Прошу вас верить в мою глубокую преданность и передать выражение моих дружеских чувств вашему супругу.

Ги де Мопассан.

№ 260. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Этрета, 20 сентября 1888 г.

Дорогой друг,

Я только что подписал ассигновку на вас в сумме 1 658 фр., сроком до 31 октября, что вместе с такой же на 425 фр. составит 2 083 фр.

В скором времени я вышлю еще новую ассигновку на небольшую сумму, что покроет обусловленные 2 200 фр.

Чувствую себя плохо. Вот уже два месяца, как не могу работать даже в течение часа. Завтра выезжаю в Экс, в надежде излечиться там от ужасных мигреней, от которых я теперь страдаю.

Жму вам сердечно руку.

Мопассан.

№ 261. НЕИЗВЕСТНОМУ

Экс-ле-Бен, «Мэзон де Варикур»
[Сентябрь 1888 г.]

Дорогой собрат,

Ваше второе письмо застало меня в Экс-ле-Бен, куда я прибыл после довольно продолжительного путешествия. Я в большом затруднении относительно отве-

та вам, так как не могу в данный момент—а это длится уже более восьми месяцев — взять на себя какую-либо работу из-за состояния своего здоровья. Вследствие этого мне не удалось ознакомиться с вашим планом. Могу вам сказать одно: «Делайте сами все, что хотите».

Примите уверения, дорогой собрат, в моих самых преданных чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 262. НЕИЗВЕСТНОМУ

Антиб, Шале дез'Альп (от руки.— *Ред.*)
Яхта «Милый друг» (печатн.— *Ред.*)
[1888 г.]

Милостивый государь,

Я не знаю точно даты, когда буду проездом в Париже, так как проведу там только несколько дней. Думаю, что это будет 10 января. Во всяком случае,— почти что наверное — между 12 и 25 января мы можем встретиться у меня, ул. Монтанен, 10, каждое утро, до полудня.

Примите, милостивый государь, выражение моих самых преданных чувств.

Ги де Мопассан.

№ 263. ГРАФИНЕ ПОТОЦКОЙ

Ул. Монтанен, 10
[1888 г.]

...Я немного рассердил вас. Простите меня... Постараюсь не поддаваться больше таким переменам настроения и всегда буду *проявлять* только самый лучший характер. Впрочем, для этого придется лишь последовать прекрасному примеру, который вы мне даете вот уже несколько месяцев.

У меня было живейшее желание просить вас увезти меня сегодня вечером на яхте. Я нашел бы предлог, но вместе с тем боялся вас стеснить. Я думал, что мое место может быть занято, и хотя роль незаинтересованного зрителя принадлежит к тем, которые я — почти

всегда — предпочитаю, мне не хотелось оказаться в положении человека, нарушающего гармонию празднества. Я видел г-жу Легран, и мы решили обедать вместе, когда вам будет угодно, и, если хотите, в Париже. Лично я предпочел бы загородные луга, так как не переношу больше Парижа, но ваше желание я предпочитаю даже лугам. Уж не Флориан ли я? И в самом деле, мне неудержимо хочется пуститься в путешествие, и я проклинаю условности, которые не позволяют мне просить вас сопровождать меня. Ведь это должно быть волшебным сном — путешествие с вами! Я говорю не об очаровании вашей личности, которое могу испытывать и здесь, и не о желании созерцать вас, столь же большом в Париже, как и в другом месте, но я не знаю женщины, которая лучше воплощала бы мое представление об идеальной путешественнице. Добавлю, что если бы вы завтра сказали мне «да», я, быть может, ответил бы вам «нет», потому что, карабкаясь вместе с вами на вересковые холмы или бегая по песчаным пляжам, я подвергался бы столь сильной опасности, что благоразумие посоветовало бы мне ее избежать. Это вовсе не жеманство в стиле Мариво, но вы ведь все равно ничему не поверите, и я смиренно оплакиваю свою участь.

Думаю, что мне, пожалуй, не удастся участвовать в субботу в прогулке маккавеев по Сене, где будете присутствовать и вы. В таком случае когда же я с вами увижусь? Я отправляюсь на лоно природы завтра и в пятницу, потому что на городских улицах чувствую себя, точно в тюрьме.

...Совершенно верно, что пойти на выставку вместе с вами доставило бы мне удовольствие. Но с вами одной будет, наверно, трудно,— а что если с вами, с вашей кузиной и кузеном? Хотите, пообедаем там? Ну, разве я не паинька?!

Жду ваших приказаний и целую ваши руки. Вы были очень любезны, и, когда мне таким образом прощают все вины, это меня умиляет.

Мопассан,

бывший житель Парижа, бывший писатель, бывший любитель парусного спорта, появившийся в настоящее время в Париже.

№ 264. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

[Январь 1889 г.]

...Примите 100 фр. от г-жи Шансель из Берлина и авторизуйте перевод *Мадмуазель Перль.*

Если вы присоедините эти 100 фр. к 373, числящимся на моем счету, это составит 473. Прошу вас переслать мне в конце января эту сумму или лучше 500 фр. для круглого счета. Сообщите вместе с тем, не встретится ли с вашей стороны препятствий, если я пролелаю с *Историей одной батрачки* то же самое, что с *Наследством,* то есть объединю под этим заглавием весь шестидесятисантимовый сборник, выпускаемый Марпоном. Ответьте побыстрее на этот вопрос, потому что Марпон меня торопит... Разрешаю вам начать переговоры о переводе моих новелл на *немецкий* язык и заключить договор.

№ 265. НЕИЗВЕСТНОМУ

Канн, пансион «Мари-Луиза».
[Январь 1889 г.]

Дорогой собрат,

Я плавал вдоль побережья Прованса, а ваше письмо ждало меня в Канне. У меня пропадает слишком много писем, когда почта следует за мной по небольшим портам.

Охотно соглашаюсь на то, чтобы одна или две моих новеллы были перепечатаны в альбоме-путеводителе П.— Л.— М. и чтобы издатели его произвели обычный расчет с Обществом литераторов. От какого-либо особого гонорара за столь незначительную перепечатку я отказываюсь.

Рекомендую следующие два рассказа,— можно взять их оба или любой в отдельности: *Любовь* в сборнике под заглавием *Орля* у Оллендорфа и *Лунный свет* в сборнике под заглавием *Лунный свет,* тоже у Оллендорфа.

Жду ваших гранок, дорогой собрат; разрешите сердечно пожать вам руку.

Мопассан.

№ 266. [ЗАПИСЬ МОПАССАНА В «ЗОЛОТОЙ КНИГЕ» РИОМСКОГО ГИМНАСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА]

[Январь 1889 г.]

В двадцать лет мы счастливы, потому что трепещущая в нас сила, пыл крови, неясная надежда на какие-то радостные события, которые будто бы ожидают нас в близком будущем, но никогда в действительности не осуществляются, достаточны для пышного расцвета нашей души, и она готова откликаться на все голоса жизни, счастливая одним лишь сознанием того, что она существует на свете.

А затем — очень скоро — наступает пора, когда с каждым месяцем, с каждым днем постепенно утрачивается и веселость, и сила, и уверенность в себе, и здоровье, подобно тому, как обветшавший дом из года в год теряет то черепицу, то кирпичи.

С тех пор, как мы перестаем расти подобно злакам, нас начинает грызть смерть; каждое мгновение она забирает от нас частицу нашей жизни, нашего тела, свежесть кожи, силу мускулов; она заставляет выпадать наши волосы, не заменяя их новыми; она уродует нас, гложет, уничтожает, умерщвляет при каждом дыхании наших легких, при каждом нашем шаге, при каждом усилии нашего тела и нашей мысли, и поэтому все, что мы делаем с утра до вечера или с вечера до утра — дышим ли, спим ли, едим или пьем, ходим, смеемся, веселимся или плачем, словом, живем,— все это означает лишь одно: мы умираем.

Счастливы те, которые не ждут конца этой долгой и ужасной работы времени и идут ей навстречу с ружьем в руке, с мыслью в голове. с любовью в сердце.

№ 267. ГРАФИНЕ ПОТОЦКОЙ

[1889]

Под № 49 каталога коллекции Э. Д., составленного Пьером Бересом (книготорговля «Энсиданс», аукцион в отеле Друо, 27 мая 1935 года), были даны анализ и отрывки из письма Мопассана графине Потоцкой, 4 страницы в восьмую долю листа:

«Волнующий и драгоценный документ, один из самых значительных, какие только можно найти, о жизни и характере автора.

Мопассан отправился в Лион, чтобы судить о психическом состоянии брата. В последний раз перед этим он нашел его более способным раздражать, чем вызывать соболезнование,— грубым и яростным. На этот раз болезнь усилилась, и Мопассан, возвратившись после свидания с братом, заперся в номере гостиницы, не имея сил думать о чем-либо постороннем. В таком состоянии духа он принялся за письмо графине Потоцкой. Он дает ей, насколько возможно, точную картину всего того, что ему пришлось видеть».— *Ред.*

...Он надорвал мне сердце до такой степени, что я никогда раньше так не страдал. Когда я должен был уехать, а ему не позволили проводить меня на вокзал, он принялся ужасно стонать, и я не мог удержаться от слез, смотря на этого приговоренного к смерти человека, которого убила Природа, который никогда не выйдет из этой тюрьмы, никогда не увидится со своей матерью... Он чувствует, что с ним происходит что-то страшное, непоправимое, но не знает, что именно... Ах, бедное человеческое тело, бедный человеческий дух, что за мразь, что за ужасное творение! Если бы я верил в вашего бога, какое беспредельное отвращение почувствовал бы я к нему!

(Затем, прерывая себя, Мопассан сообщает графине Потоцкой о посылке старинного веера, на оборотной стороне которого он поместил два четверостишия, и высказывает надежду, что она получит его. Ее телеграмма пришла в нужный момент и способствовала ослаблению его печали.— *Ред.*)

...Никогда я не ощущал своей привязанности к вам столь живо и столь трепетно. Никогда я не чувствовал вас столь дружески настроенной (как вчера). Соблаговолите написать мне три слова, сударыня, те три слова, которые вам удается иногда превратить в четыре страницы...

...Если брат умрет раньше матери, я думаю, что я сам сойду с ума, размышляя о ее скорби. Ах, бедная женщина, сколько она выстрадала, как была издергана, измучена со времени своего брака!..

№ 268. АНРИ РУЖОНУ (?)

Ул. Моншанен, 10 [1889 г.]

Дорогой друг,

Я имел неосторожность сказать вчера в присутствии Жоржа, что обедаю завтра во вторник с м-ль Рейшамбер и с тобой. Он тотчас же попросил меня устроить так, чтобы ты пригласил и его. Я взял на себя это поручение, но могу, если хочешь, сказать, что забыл о нем.

Мне никак нельзя быть в шесть часов под куполом Дворца искусств. Я буду ждать тебя или, вернее, буду ждать вас обоих в семь часов на первой площадке Эйфелевой башни. Но не лучше ли нам пообедать где-нибудь в другом месте, чем на этой башне с ее отвратительными ресторанами, с ее тошнотворной толпой, где нам придется ждать по часу между каждым блюдом среди такого шума, что нельзя будет даже побеседовать?

Если хочешь, назначь любое другое место встречи в семь часов, и я приду. Если я не получу от тебя ответа, то буду на первой площадке башни и постараюсь уговорить тебя спуститься.

Сердечно жму тебе руку.
Мопассан.

№ 269. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ

(Жану Лаору)

[11 марта 1889 г.]

... В случае, если по каким-либо причинам эта хроника не появилась бы, 200 франков предназначаются Вилье; я ручаюсь, что они будут мне выплачены...

№ 270. ГРАФИНЕ ПОТОЦКОЙ

Канн, 13 марта 1889 г.

... Благодарю вас за то, что вы не сердитесь на меня по поводу истории с куклами, которой я крайне огорчен.

Что я делаю? Скучаю. Скучаю беспрерывно. Все досаждает мне: и люди, которых я вижу, и однообразные события, следующие друг за другом. В обществе, которое называется высшим, мало остроумия, мало ума, мало чего бы то ни было. Одного звучного имени и денег еще недостаточно. Эти люди производят на меня впечатление отвратительных полотен в богатых рамах.

Ведь рядом с герцогиней Шартрской принцесса Матильда кажется мне феноменом по тонкости ума, живости, изяществу и доброте.

Когда приглядываешься к всеобщему избирательному праву и людям, которых оно нам дает, хочется расстрелять народ и гильотинировать его представителей. Но когда присматриваешься к принцам, которые могли бы нами управлять, то становишься просто анархистом.

Они, правда, просты, эти славные люди, и полны добродушной инфантильности, доходящей иной раз до инфантиазиса, но что за мозги! Что за речи! Что за мысли! Что за занятия! О! Я никогда не превращусь в куртизана. Знаете ли вы, какое странное чувство вызывают во мне эти *высочайшие особы?* Чувство непомерной гордости, до сих пор мне совершенно неведомой. Мне кажется, что я король и беседую с маленькими детьми, пока еще ничему не учившимися, кроме священного писания.

К счастью, в мире существуют другие люди, ум которых производит на вас обратное впечатление — впечатление сладостного смирения перед торжествующей Мыслью. Я только что читал Дидро. Вот это гений! И насколько он до сих пор выше нас! С какой ясностью и свободой мыслит этот удивительный интеллект, проникая в глубину самых темных, самых далеких и самых высоких понятий! Не знаю почему, но, беседуя с герцогом Шартрским, я постоянно думаю о Дидро.

И когда я думаю, что принц Уэльский, сам по себе славный малый, стоит по своему духовному развитию ниже Орлеанов, король Испании и русский император ниже принца Уэльского, а итальянский король ниже всех их, то сам превращаюсь в идиота от изумления перед организацией человеческих обществ.

Но я вспоминаю о других особах, с которыми люблю беседовать. Знаете вы одну из них? Она не питает обязательного пиетета перед *властелинами мира* (стиль-то каков!), она свободна в своих мыслях (по крайней мере, я так полагаю), в своих мнениях и в своих неприязнях. Вот почему я так часто думаю о ней. Ее ум производит на меня впечатление порывистой, непринужденной и обольстительной непосредственности. Это шкатулка с сюрпризом. Он полон неожиданностей и проникнут каким-то необычным очарованием. К несчастью, я все еще не могу поверить (сам не знаю почему) в прочность ее дружеского чувства.

Вот что я и хотел бы узнать, хотел бы открыть. Рождается ли ее дружеское расположение к людям оттого, что им удалось разогнать ее скуку, каприз ли это или нечто более глубокое и человечное,— следствие той духовной связи, которая упрочивает отношения, или того невыразимого сродства душ, которое превращает в утонченное умственное и физическое наслаждение простое пожатие руки? Я плохо выражаю свои мысли. Вы часто понимаете меня, когда я не говорю ни слова. Поймете ли вы меня теперь, когда я пользуюсь неудачно выбранными словами?

Забыл сказать, что я, возможно, буду иметь удовольствие, великое удовольствие, коснуться поцелуем пальцев этой дамы через несколько дней, так как мне придется по делам провести сутки в Париже.

Прошу вас принять от меня, сударыня, все, что во мне есть хорошего и приятного для вас...

№ 271. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ

(Жану Лаору)

Париж, ул. Монпансен, 10.
[1889 г.]

Послал ли я вам свой роман? Право, не помню. Возможно, что да. Возможно, что нет. Предпочитаю, во всяком случае послать вам его дважды, чем не послать совсем. Теперь о другом. Может случиться, что я поеду в Экс. У меня большое семейное горе, которое по-

мешает мне уехать на столько времени, на сколько я рассчитывал. Но я хотел бы поселиться даже не в самом городе, а только при въезде в него...

№ 272. НЕИЗВЕСТНОЙ

[Лето 1889 г.]

Я был очень растроган вашим письмом, по-настоящему растроган. Эту книгу я написал для нескольких женщин, а также отчасти для нескольких мужчин.

Литераторам она не понравится. Сентиментальные нотки, которых я добивался, покажутся им нехудожественными. Молодые люди будут презирать ее. А все те, кто не любил, найдут ее недостаточно занимательной и живой. Но я надеялся, что она затронет некоторые чувствительные струны женских и мужских сердец и что иные читатели, душа которых окажется схожей или, во всяком случае, гармонирующей с душой моих персонажей, поймут все то, что я хотел сказать. Когда я чувствую, что растрогал некоторые сердца, я доволен. В другой раз я попытаюсь растрогать другие...

№ 273. ГРАФИНЕ ПОТОЦКОЙ

[После 14 июля 1889 г.]

...Я говорю вам, что разгадаю белокурую звезду, как если бы знал ее лет десять. Это всего лишь звезда фейерверка.

... Я оказался в очень затруднительном положении в тот вечер, взбираясь по Сен-Жерменскому подъему, когда нашел у себя в кармане ваш ключ и ваше портмоне. Первая мысль была о ключе. Я сказал себе: «О господи, этот ключ! Этот ключ!.. Этот ключ!..» Затем я подумал, что воспользоваться им будет трудно, и, как практический человек, стал ощупывать портмоне, которое могло, когда я пересекал Сен-Жермен, дать мне презренные и низменные радости, но все-таки радости. Затем... повинуясь благородному порыву верности и честности, я сел в парижский поезд. Я подумал,

что, может быть, вы находитесь в большом затруднении, но что делать? Первой моей мыслью было купить плащ, подходящий под цвет стен, и ждать вас в тени входа, находящегося против вашей двери. Но по размышлении это показалось мне страшно опасным. Начать с того, что дверь напротив вас вновь грозила гибелью вашему портмоне и моей добродетели; затем, если бы вас подстерегал какой-нибудь агент полиции, меня могли бы поймать, и я сыграл бы смешную роль лжепохитителя вашей благосклонности; наконец, вы сами могли бы принять меня за такого агента и спустить Ника на мои икры. Перед лицом всех этих опасностей, окружающих ваше жилище, я решил отнести два страшных предмета на улицу Монсо, где меня высмеяли донельзя. В конце концов я устремился на праздник... национальный.

До свидания, сударыня, складываю к вашим ногам все мои восторженные чувства почетного супруга и подлинного друга...

№ 274. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ

(Жану Лаору)

Париж, июль 1889 г.

...В результате бесчисленных колебаний я не еду в Экс. Вначале я нанял на берегу Сены, в Триеле, чудесный домик. Однако он стал местом встреч восхитительных людей, которых я очень люблю, но которые немножечко мешают мне работать. Словом, я его покинул, и поскольку лето в разгаре, отправляюсь в плавание, так как знаю, что для моего желудка нет ничего полезнее морской зыби. Поброжу немного по Корсике, затем — из порта в порт — проеду по итальянскому побережью, до Неаполя. Буду останавливаться всюду, где мне понравится, и писать там по нескольку страниц. Это для меня лучший вид развлечения. Спасибо за все любезности, которые вы наговорили мне по поводу *Сильна как смерть*...

№ 275. АНРИ БОЭРУ

Триель, вилла «Стильдорф»
[Июль 1889 г.]

Дорогой друг,

Не мог вам ответить немедленно, так как не живу в Париже. Я был там вчера, для того чтобы посмотреть, не осталось ли у меня чего-нибудь по ашеттовскому делу. Но ничего не нашел. Да я и не собрал в свое время этого дела в папку. Петицию, текст которой можно восстановить по *Фигаро,* подписали по моей просьбе десятка два писателей, и она была вручена г-ну Клемансо. Это все. Я занимался этим делом только в части получения подписей. Нашу петицию я передал в Палату, а затем отправился в путешествие. Я находился вне Парижа, когда была внесена интерпелляция. *Оффисьеля* в моем распоряжении не было. Дело к тому же приняло более общий характер, с политической окраской. Я не фигурировал в нем и не позаботился сохранить документы, не имевшие литературного характера. Если вам требуется справка по какому-либо специальному пункту, предоставляю себя в ваше распоряжение и жму вам сердечно руку.

Мопассан.

№ 276. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ

Ул. Моншанен, 10
[1889 г.]

Дорогой друг,

Никакая фраза, написанная или сказанная, не может принести хотя бы тени облегчения или утешения, когда к нам прикасается смерть.

Мне хочется только сказать вам, что я жалею вас от всего сердца и дружески жму вам руки.

Ги де Мопассан.

№ 277. ЖЮЛЮ ЛЕМЕТРУ

Этрета [август 1889 г.]
Этрета (печатн.— *Ред.*)

Г-на Жюля Леметра просят прийти выпить несколько стаканов сидра на гран-вальском собрании в субботу 11 сентября в два часа пополудни по гийеттовскому времени.

Ги де Мопассан.

№ 278. НЕИЗВЕСТНОМУ

Канн, на борту «Милого друга»
[Конец 1889 г.]

...Ваше письмо пришло ко мне в тот момент, когда я совершал ряд поездок по Средиземному морю, вследствие чего и не мог ответить вам раньше. Я почти не живу в Париже. Даже редко наезжаю туда, поэтому назначить точный срок встречи, о которой вы меня просите,— дело для меня очень нелегкое.

Добавлю к этому, что я всегда отказываюсь давать лично о себе какие-нибудь сведения для печати. Все то, что я пишу, принадлежит и публике, и критикам, и обсуждению, и любознательности; но я настаиваю на том, чтобы все, что касается моей жизни и меня лично, не подлежало никакой огласке...

№ 279. ЛЮСИ ЛЕ ПУАТВЕН *

Санта Маргарита,
Лигурия
Италия, октябрь 1889 г.

Дорогая кузина,

Пишу вам из итальянского городка, где я укрылся, чтобы работать. Это самый прекрасный край из всех, какие я знаю. Земля Вергилия.

Я живу на втором этаже большого дома, откуда открывается вид на побережье: с одной стороны береговая полоса, уходящая вдаль на двадцать льё, с белыми деревушками у самого моря; с другой стороны — горы. Противоположные окна выходят на леса олив и пиний, которые покрывают цепь холмов высотой в пятьсот метров, отстоящих от берега километров на десять. Мой дом расположен так же близко от моря, как дом в Триеле — от Сены. Волны захлестывают дорогу, на которой он стоит.

Никогда еще я не совершал таких прекрасных, неожиданных, разнообразных и очаровательных прогулок. Но зато и трудно же бывает подниматься в горы по крутым склонам, словно созданным для одних коз. Через несколько дней я покину, однако, эту прекрас-

ную страну и отправлюсь на борту моего судна в Специю, а оттуда по железной дороге в Пизу и Флоренцию, где еще раз хочу побывать в музеях. Затем вернусь в Канн, чтобы избежать осенних бурь на этом побережье, где так мало хороших гаваней. Вот на всякий случай мой адрес: Канн, вилла «Континенталь».

Собираясь уехать из Парижа, я был очень обеспокоен вопросом охраны дома. Я думал, что вы отдали нужные распоряжения, но оказалось, что мамаша Шодрон не должна его стеречь. Итак, я поселил в комнате Франсуа его двоюродную сестру, ибо перед моим отъездом по соседству с нами обокрали еще три особняка. У мамаши Шодрон один весьма опасный недостаток: она перекладывает часть своей работы на поденщиц. Но это между нами. Старуха она невыносимо болтливая, но честная, и на нее можно положиться. Что касается поденщиц, которые работают сегодня здесь, а завтра в другом месте, они не внушают мне ни малейшего доверия, а в прошлом году мамаша Шодрон часто поручала им уборку помещения. Вот почему я не дал ей ключей. Впрочем, в этом году она не ночевала у нас, и охрана дома по ночам не была обеспечена.

Напишите мне, трудится ли Луи и доволен ли он своим делом. Я мало пишу: край слишком хорош, солнце слишком ярко светит, воздух слишком мягок. Я гуляю.

Я навестил Эрве и нашел его совершенно безумным, без всякого проблеска разума, причем нет ни малейшей надежды на выздоровление, о чем мать ничего не знает. Те два часа, которые я провел с ним в Броне, в доме для умалишенных, были сплошным кошмаром, ибо он меня прекрасно узнал, расплакался, раз сто принимался целовать, хотел уехать, но при этом все время заговаривался. Мать, со своей стороны, не может ни ходить, ни говорить. Как видите, все у нас разладилось.

Прощайте, дорогая кузина, нежно целую ваши ручки. Сердечно жму руку Луи.

Ги де Мопассан.

№ 280. Г-НУ ЖАКОБУ

Канн, вилла «Мари-Луиза»
[Ноябрь 1889 г.]

Милостивый государь,

Очень вам благодарен за известие, которое вы мне сообщили. Оно мне в высшей степени приятно. Должен предупредить вас, что я получил вчера письмо от моего слуги, обеспокоенного необходимостью предпринять ряд мер для установления некоторых фактов. Ему известно через нескромного приятеля консьержа, что за моим домом учреждено постоянное наблюдение. Известно также, что должен прийти эксперт и что булочник, союзник домовладельца, будет предупрежден, как только какое-нибудь неизвестное лицо проникнет ко мне днем или ночью. Не можете ли вы предупредить г-на Лаланна об этих принятых предосторожностях? Если этот архитектор действительно Альбер Лаланн, то он один из моих старых друзей. Случай мне поможет.

Что касается совета по поводу семейных дел моей племянницы, будьте добры написать записочку г-ну Эйно о том, что я зайду к нему. Я надеялся, что вы могли бы представлять моего отца и в то же самое время выступить в качестве заместителя опекуна. Г-н Эйно дал бы мне двух клерков, один заменил бы вас в роли моего отца, другой выступил бы вместо моего двоюродного брата, а вас я предложу в качестве заместителя опекуна от имени моего отца.

Тысячу раз спасибо, милостивый государь, верьте моей признательности и сердечной преданности.

Ги де Мопассан.

№ 281. ДОКТОРУ ЖОРЖУ ДАРАНБЕРУ

Канн, вилла «Континенталь»
[Ноябрь 1889 г.]

Благодарю за ваше любезное приглашение, однако мне будет невозможно им воспользоваться (хотя я вернусь в Париж в ближайшую пятницу), ибо я болен и характер моей болезни вынуждает меня к соблюдению самого строгого режима.

Вслед за воспалением горла, вроде того, от которого вы меня лечили, и расширением вен такое же расширение, очевидно, перешло на брюшную полость, вследствие чего в продолжение шести дней пребывания во Флоренции я страдал от страшных кровотечений при температуре 39°.

Я вынужден был спешно вернуться в Канн. С этого времени, должно быть, у меня остались плохо зарубцевавшиеся язвы в брюшной полости, которая вздулась, как мешок с яблоками. Я не могу ходить, не испытывая боли. Заключите отсюда, что можно мне пить и есть...

Но если я и не смогу выпить с вами стакан бодрящего вина и съесть крылышко рябчика на этих похоронах вашей юности, которые положат конец вашим любовным похождениям, мне все же хочется выразить живейшее удовольствие по поводу того, что вы нашли в браке удовлетворение всех желаний, к которым вы стремились...

№ 282 Г-НУ ЖАКОБУ

Авеню Виктор Гюго, 14.
[1890 г.]

Милостивый государь и дорогой друг,

Мне очень хотелось бы вас повидать. Эксперт г-н Лаланн вовсе не внушает доверия.

Что до меня, то после трех бессонных ночей я только что нанял меблированную квартиру. Мне невозможно ни спать, ни даже работать в вечном шуме этого дома. Я хотел бы какой угодно ценой покончить с ним. Мне уж слишком дорого стоят перемещения, но к этому шуму я никогда не привыкну. Г-н Лаланн говорит, что сделать ничего нельзя.

Сердечно жму вашу руку

Мопассан.

№ 283. Г-НУ НОРМАНУ, СБОРЩИКУ КВАРТИРНОЙ ПЛАТЫ

Авеню Виктор Гюго, 14.
[Январь 1890 г.]

Милостивый государь,

Я считаю совершенно невозможным продолжать далее свое пребывание в квартире, которую вы мне сдали.

Во всяком случае, я должен немедленно ее поки-

нуть по предписанию врача, засвидетельствованному в законном порядке, и поехать на юг лечиться и восстанавливать силы от тяжелого нервного заболевания, вызванного двухнедельной бессонницей, которой я обязан ночной работе живущего подо мной булочника. Я предупреждал вас, что нервы у меня слабые, а сон некрепок, и я откажусь быть вашим квартирантом, если в моих комнатах по ночам будет слышен шум из пекарни.

Вы возразили, что мне нечего опасаться и что ничего не будет слышно, ибо пекарня находится в полуподвальном этаже.

Но оказалось, что голоса и шум работающих так ясно слышны в моих двух комнатах, расположенных наверху, как если бы они прилегали к самой пекарне. Это я могу подтвердить свидетельскими показаниями.

Следовательно, меня обманули.

Вы уверили меня, кроме того, что никто никогда не жаловался.

Но я только что узнал о тяжбе, имевшей уже место по поводу этой булочной, между жильцом третьего этажа и домохозяином.

По возвращении с юга я сделаю новую попытку приучить себя к этому ночному шуму, чтобы не потерять шести тысяч франков, только что истраченных мной на обивку, занавесы и переезд.

Если мне это не удастся, я потребую у вас расторжения моего договора, основываясь вдобавок на вашем письме, которым я располагаю.

Если домовладелец откажется сделать это, я обращусь в суд и буду кроме того требовать возмещения убытков, вызванных переездом, частичной потерей трудоспособности и путешествием для поправления здоровья, ибо вы обязаны были обеспечить мне в снятой квартире полный покой ночью.

№ 284. Г-НУ ЖАКОБУ

[Январь 1890 г.]

Милостивый государь,

Я получил на вторник приглашение явиться к Лаланну, причем мой слуга говорит, что дело идет о квар-

тирном ремонте. Но ведь этот вопрос был уже обсужден при вашем первом разговоре с Лаланном, ибо, формулируя предложенные мне условия, вы сами же говорите,— цитирую ваше письмо: «1) Договор подлежит расторжению с 1 октября. 2) Вы будете иметь право с момента подписания соглашения пересдать квартиру на свой страх и риск до октября месяца. 3) Вы не несете никаких расходов по квартирному ремонту. 4) Вы не несете никаких судебных издержек, но и не получаете возмещения за убытки». Это те самые условия, которые я принял. Что же случилось? Не могли ли бы вы написать по этому поводу несколько строк? Я получаю столь серьезные известия о положении матери, что, может быть, мне придется с минуты на минуту выехать в Канн.

Жму вам сердечно руку.

Мопассан.

№ 285. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Канн, пансион «Мари-Луиза»
[Дата получения — 18 января 1890 г.]

Дорогой друг,

...Вот окончательное заглавие для моей новеллы в *Фигаро* и для всего тома: *Оливковая роща.* Можете дать о нем объявление, когда захотите.

Сердечно жму вашу руку.

Мопассан.

№ 286 ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Дорогой друг,

Посылаю вам с этой же почтой рукопись первой новеллы моего тома. Попрошу вас немедленно снять с нее копию и переслать в *Фигаро,* где ее ждут. Рукопись прилагается.

Вскоре вышлю вам ее продолжение. Сердечно жму вашу руку.

Мопассан.

№ 287. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Канн, пансион «Мари-Луиза»
[Дата получения — 23 февраля 1890 г.]

Дорогой друг,

Я послал вам вчера повеллу *Который?* и прошу сдать ее в набор. Измените ее заглавие на

Бесполезная красота.

Она пойдет вслед за *Оливковой рощей* в вашем томе; затем последуют *Мушка,* появившаяся в *Эко* две недели тому назад, затем *Утопленник, Испытание, Маска, Портрет, Калека, Двадцать пять франков старшей сестры.* Все эти рассказы я вышлю сегодня же.

Присоедините к ним *Кто знает?* и *Монакский поезд,* которые появятся через две недели в *Эко де Пари. Оливковую рощу* вы получите немедленно. Мне нужно будет сделать небольшие изменения в конце; через два дня все будет готово.

Сердечно жму вашу руку, дорогой друг.

Мопассан.

№ 288. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

Париж, четверг.
[Дата получения — 20 марта 1890 г.]

Дорогой друг,

Не зайдете ли вы ко мне завтра в пятницу, около половины второго? Заглавие, которое вы предлагаете *(Отец и муж),* мне в высшей степени претит. Я не могу принять его и нахожусь в большом затруднении.

Сердечно жму вашу руку.

Мопассан.

№ 289 ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ

[17 марта 1890 г.]

...Относительно вашего тома хочу вас уверить, что *Бесполезная красота* в сто раз ценнее *Оливковой рощи.* Мещанской чувствительности последнее произведение придется более по вкусу, но у людей, обладающих этой

чувствительностью, нервы вместо суждения. *Бесполезная красота* — ценнейшая новелла из всех, которые я когда-либо написал. Она не что иное, как символ. Вспомните, как вы восторгались *Монт-Ориолем,* которого я не любил и который немногого стоит. Пришлите мне в Париж — возможно быстрее — верстку. Глаза у меня совсем разболелись, и правлю я очень медленно...

№ 290. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

[Апрель 1890 г.]

Мой дорогой Ток,

Не можешь ли оказать мне следующую услугу: найти для меня в прекрасном руанском отеле прекрасную солнечную комнату с прекрасным камином. Я приеду в пятницу вечером. Собираюсь присутствовать на первом представлении *Венецианца,* произведения одного из моих добрых друзей. Мне очень хотелось бы прельстить руанскую прессу этой оперой. Помоги мне. Вразуми. Ты знаком со всеми.

Сообщи мне, когда найдешь хорошую комнату. Я болен, меня мучают неизлечимая инфлюэнца и ужасные невралгии. Мне нужна тропическая жара. Я в восхищении от мысли увидеться с тобой, да еще имея в перспективе несколько часов свободного времени.

Жму тебе признательно руку.

Мопассан.

№ 291. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

[Апрель 1890 г.]

...Я в Руане, но не один... Не говори никому о моем пребывании здесь. У той, которая сопровождает меня, крайне докучливый супруг, и необходимо соблюсти полную тайну...

№ 292. ИЗДАТЕЛЮ ОЛЛЕНДОРФУ

[1890 г.]

...Посылаю вам также экземпляр *Бродячей жизни,* в котором я отметил на разрезанных наугад страницах несколько опечаток. Нельзя ли их исправить в новом тираже, если таковой будет?..

№ 293. ИЗДАТЕЛЮ ОЛЛЕНДОРФУ

[1890 г.]

...Мне не хватает еще двадцати страниц *Нашего сердца.* И как раз самых нужных, ибо я пишу то, что непосредственно следует за ними. Я категорически желаю сохранить намеченное мною построение. Можно ли начинать верстку, после того как я пришлю исправленные листы?

№ 294. МАТЕРИ

[20 мая 1890 г.]

Дорогая мама,

Пишу тебе еще одно коротенькое письмо, так как мои глаза стали совсем плохо видеть. Пришлось перестать лечиться у Бушара: он приводил мои нервы в невыносимое состояние, что отражалось и на зрении. Не знаю, к кому еще обратиться. Мой друг Гранше дает мне кое-какие советы. Он рекомендует прежде всего Пломбьер (впрочем, как и Бушар) и горы в одной из жарких стран. Предстоящий в июле переезд на новую квартиру сковывает меня. Собираюсь увидеться с тобой через несколько дней, но огорчен тем, что застану тебя все еще в Канне. Я даже не смогу побывать в Ницце. Вернуться я должен 18 июня, к началу продажи моей книги, а выеду около 6 этого месяца, когда с корректурами будет покончено. Мой переезд назначен на 3 июля; после отдачи всех приказаний и распоряжений я около 20 или 25 отправлюсь в Пломбьер. После этого, несомненно, мне придется дополнить лечение поездкой в Пиренеи. Затем в октябре я приеду повидаться с тобой до возвращения на зиму в Париж. Таким образом, мои проекты изменились только в отношении путешествия в Испанию. О моем романе *Ревю де Дё Монд* отзывается как об удаче. Он поражает новизной жанра и обещает мне много хорошего. Французская Комедия просит у меня *В старые годы.* Я, конечно, дам согласие. Мне лишь ненадолго придется уехать из города. Люди в моем положении теряют все, если не живут в Париже; тут все

делается путем непрестанных ухищрений, а малейший перерыв сводит все на нет. Из-за поездки в Пломбьер, а затем в горы часть моих проектов не осуществится.

Я обещал Коненку, директору Жимназ, переделать пьесу, инсценированную Норманом по моему рассказу *Ребенок*. Коненк — самый ловкий из парижских директоров — рассчитывает на большой успех этой пьесы ближайшей зимой, после того как я переработаю ее, согласно нашему уговору.

Моя новая квартира будет очень красива, но все же у нее есть одно неудобство: туалетная комната слишком мала и плохо расположена. Я должен был отдать Франсуа прекрасную комнату, которая пригодилась бы мне в качестве туалетной, для того чтобы иметь его ночью возле себя. Дело в том, что при бессонницах, сопровождаемых кошмарами, мне прописаны сухие банки вдоль позвоночника. Это мгновенно успокаивает меня и так легко переносится, что может быть повторено на следующий день. На самом деле у меня нормандский ревматизм, но с различными осложнениями, парализующий все функции организма. Мое зрение зависит от состояния желудка и кишечника. Пломбьер в этом случае — единственное известное лекарство.

Прощай, милая мама. За несколько дней, которые я проведу в Канне, попытаюсь отыскать тебе квартиру, так как вижу, что одна ты никогда на это не решишься.

Целую тебя тысячу раз от всего сердца. Целую Симону, если она все еще с тобой. Шлю нежные пожелания Мари-Терезе.

Твой сын

Ги.

№ 295. Г-НУ ЖАКОБУ

Париж, 30 мая 1890 г.

Милостивый государь,

Вы уже в курсе дела по вопросу о моем портрете, помещенном в *Вечерах в Медане* без моего ведома. Вот несколько дополнительных подробностей.

В прошлый вторник я встретил на Лилльской улице своего собрата Гюисманса, спросившего у меня, видел

ли я карикатуры на нас, выставленные в Салоне Пораженный моим изумлением, он сообщил мне, что некий художник, г-н Дюмулен, сделал в виде офорта портреты Золя, Гюисманса, Сеара, Алексиса, Энника и мой. По каким источникам? Гюисманс так же не знает об этом, как и я. Он предполагает, что кто-то одолжил этому художнику его фотографический снимок. То же и относительно меня. Так как продажа моих фотографий, равно как и портретов, запрещена, г-н Дюмулен мог приобрести снимок, только взяв его в альбоме кого-нибудь из друзей.

Я тотчас же отправился в издательство, на Гренельскую улицу, 11, и узнал от представителя Шарпантье, г-на Голле, что эти офорты, предназначенные для нового издания *Вечеров в Медане*, в тот же самый день появились в этом томе. Я выразил резкий протест и заявил, что буду действовать по суду, если мое изображение не будет удалено из тома, который уже сдан в экспедицию для рассылки.

Г-н Голле, за отсутствием г-на Шарпантье, ответил, что издатель сам мне напишет или встретится со мной.

Сегодня пятница, и я узнаю из газет, что *Вечера в Медане* пущены в продажу с портретами шести авторов. Вот что я только что написал г-ну Шарпантье:

«Дорогой Шарпантье,

Я заходил к вам в прошлый вторник после того, как узнал, что какой-то неизвестный мне художник позволил себе, не спросив и не предупредив меня, сделать в виде офорта мой портрет и выставить его в Салоне; этот портрет и воспроизведен вами в сборнике *Вечера в Медане*. Вы хорошо знаете, что уже с давних пор я упорно отказываю в разрешении рисовать, выставлять и продавать мои портреты или фотографии

Я отказал в этом разрешении гг Надару, Авару, Полю Марсану, приходившему от *Монд иллюстре*. Я отказал в этом десятку журналов, *Иллюстрасьон* и другим.

Поэтому совершенно недопустимо, чтобы первый попавшийся художник, не зная своей модели или мельком встречавшийся с ней, имел право одолжить у друга подаренную ему фотографию (потому что моей в продаже не существует), выполнить по ней эскиз неизвестно чьей головы, а затем послать его на выставку без какого-либо предупреждения лица, с которого сделан портрет.

Еще более недопустимо юридически (я уже не говорю, что такой поступок недостоин друга и даже просто невежлив), чтобы издатель помещал в сборнике и продавал сфабрикованный в

вышеуказанных условиях портрет автора, хорошо ему знакомого, даже не спросив его.

Такой образ действий непозволителен во всех отношениях.

Я предупредил г-на Голле о моих намерениях в прошлый вторник. Затем я ожидал вашего ответа, но времени прошло уже много, а я не получил никакого извещения от вас, что является вторым актом невежливости в добавление к первому.

Я пытаюсь, однако, сделать последнюю попытку, чтобы кончить дело полюбовно, и прошу вас ответить мне через посланного, так как на сегодня у меня назначено свидание с моим поверенным.

Вот чего я требую:

Вы должны мне сообщить точную цифру нового тиража *Вечеров в Медане* для того, чтобы я мог сопоставить количество существующих портретов с количеством портретов уничтоженных.

Эти офорты должны быть изъяты из всех экземпляров, находящихся у вас на складе. После чего эти экземпляры должны быть обменены на те, которые уже сданы вами книгопродавцам, С этими последними экземплярами вы поступите таким же образом.

Все изъятые офорты должны быть переданы или мне. или моему поверенному г-ну Жакобу, предместье Монмартр, 4, для обеспечения контроля.

Если для вас неприемлемы такие условия, я буду действовать с сегодняшнего дня судебным порядком.

Примите уверения в моем совершенном почтении.

Ги де Мопассан».

Кроме того, я написал вчера г-ну Дюмулену следующее письмо:

«Милостивый государь, я только что с изумлением узнал, что, не посоветовавшись со мной и не предупредив меня, вы сделали офорт моего портрета и выставили его в Салоне на Марсовом поле.

Я нахожу такой образ действий необъяснимым и неслыханным.

Предупреждаю вас, что прежде всего я потребую снятия этого офорта с выставки, затем его уничтожения

Я категорически отказываю, уже с давних пор, в разрешении исполнять или продавать мои портреты и фотографии.

Если вы не дадите мне удовлетворения, которого я требую, я прибегну немедленно к средствам, предоставляемым мне законом.

Примите и т. д.»

Я только что получил ответ г-на Шарпантье и даю вам, милостивый государь и дорогой друг, полную свободу действовать наилучшим образом для защиты мо-

их интересов. Я не помню проспектов, о которых он говорит. Об этом переиздании я узнал во вторник от Гюисманса. Я не читаю проспектов и нахожусь все время в путешествиях. В прошлом году г-н Шарпантье как-то сказал в беседе со мной, что он рассчитывает когда-нибудь выпустить иллюстрированное переиздание *Вечеров в Медане*. Вот и все. Я не возражал, потому что дело шло об иллюстрированном издании *Вечеров в Медане,* против чего я нисколько не протестую, а не о помещении моего портрета в книге. Существует ли право рисовать, выставлять и продавать портрет человека, сделанный без его ведома и помимо его согласия? В этом весь вопрос.

Примите, милостивый государь и дорогой друг, уверение в моих самых сердечных чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 296. ИЗДАТЕЛЮ ОЛЛЕНДОРФУ

Жерармер, Шале Каен [Июнь 1890 г.]

...Я не помню, чтобы давал кому-либо право на единственный авторизованный перевод *Лунного света.* Считаю поэтому, что вы можете заключить договор. А вдруг память мне изменила,— каковы будут последствия?..

№ 297. ПОЛЮ МАРСАНУ

[Июнь 1890 г.]

...Довольно странный казус. Я собираюсь просить вас о маленькой услуге. У меня процесс с одним издателем, который изготовил без моего разрешения и выпустил в продажу против моей воли мой портрет, исполненный офортом.

Не можете ли вы вспомнить и сообщить мне в письменном виде о письме, которое вы мне написали и на которое я вам ответил, а также о нашей беседе во время визита, который вы мне сделали? Ваше свидетельство поможет мне доказать суду, что я всегда был против исполнения и продажи моих портретов...

№ 298. НЕИЗВЕСТНОЙ

Экс-ле-Бен, 1890 г.

...Полстранички из путеводителя Жоанна вызвали у меня в памяти все, что я знаю об этих непривлекательных фактах, об этих женщинах и этих мужчинах, об этой презренной секретной хронике искусства, заставляющей интересоваться больше постелью художника, чем его пером, и поздравил себя с тем, что у меня нет этого любопытства, которое я считаю *нездоровым*...

Я не понимаю, что такое физический стыд, но у меня преувеличенная стыдливость в отношении своих чувств, такая стыдливость, что меня волнует малейшее поползновение узнать о моих интимных переживаниях.

И если я когда-нибудь стану достаточно известным, для того, чтобы любопытное потомство заинтересовалось тайной моей жизни, то одна мысль о том, что тень, в которой я держу свое сердце, будет освещена печатными сообщениями, разоблачениями, ссылками, разъяснениями, порождает во мне невыразимую тоску и непреодолимый гнев. Мысль, что станут говорить о Ней и обо мне, что люди будут судить Ее, женщины делать свои замечания, журналисты проводить дискуссии, что будут оспаривать, анализировать мои чувства, что снимут штаны с моей благоговейной нежности (простите это ужасное выражение, но оно мне кажется уместным), эта мысль повергает меня в яростное бешенство и глубокую печаль.

№ 299. НЕИЗВЕСТНОЙ

[1890 г.]

...Если бы я когда-нибудь мог заговорить свободно, я высказал бы все, что ощущаю в глубине души, все те безутешные мысли, которые всегда подавлял, не вникая в них! Я чувствую, как они переполняют и отравляют меня, подобно желчи у желчных людей. Но если бы я мог когда-либо освободиться от них, они, может быть, улетучились бы, и мне, почем знать, стало бы легко и радостно на сердце. Думать становится ужасным страданием, когда мозг точно сплошная рана.

У меня словно разбита вся голова, и как только зашевелится мысль, мною овладевает непреодолимое желание кричать. Почему? Почему? Дюма сказал бы, что у меня не в порядке желудок. Я же склонен думать, что у меня бедное, гордое и стыдливое человеческое сердце, то старое человеческое сердце, над которым смеются, а оно волнуется и заставляет страдать. А в мозгу у меня душа латинского народа, очень усталая. Бывают дни, когда я так не думаю, но и тогда я страдаю, потому что я из числа людей, у которых содрана кожа и нервы обнажены. Но я об этом не говорю, этого не показываю и даже думаю, что очень хорошо умею скрывать. Меня, без сомнения, считают одним из наиболее равнодушных людей на свете. Я же скептик, что не одно и то же, скептик, потому что у меня хорошие глаза. Мои глаза говорят сердцу: спрячься, старое, ты смешно! И сердце прячется.

№ 300. ИППОЛИТУ ТЭНУ

(на бланке О-ва парового судоходства по озеру Аннеси)
[Июнь 1890 г.]

Дорогой учитель,

Проезжая мимо вашего дома, на большую остроконечную крышу которого я смотрел с парохода, я попросил капитана переслать эту записку, которая напомнит вам о вашем преданнейшем почитателе.

Мы открываем в Руане 10 июля памятник Флоберу. Если бы вы не были так далеко, я просил бы вас присутствовать на этом очень скромном торжестве, для участия в котором будут приглашены только настоящие друзья.

Будьте уверены, дорогой учитель, в моей глубокой преданности.

Ги де Мопассан.

№ 301. ИЗДАТЕЛЮ ОЛЛЕНДОРФУ

Экс-ле-Бен, дом Божэ.
[Июль 1890 г.]

...Хочу попросить вас об одной услуге. Я только что получил от Оскара Метенье непостижимое письмо, при сем прилагаемое. Вы уже были посредником в этом

деле. Не согласитесь ли вы еще раз помочь мне своим вмешательством?.. Я ответил ему по телеграфу, что при таком образе действий с его стороны я не хочу вступать с ним в какие бы то ни было отношения и предоставляю ему обратиться к моему поверенному г-ну Жакобу, предместье Монмартр, 4. В то же время, как это уже было заявлено вами устно по моей просьбе, я отказал в разрешении на постановку его неприемлемой для меня инсценировки.

Но согласитесь ли вы предупредить г-на Жакоба и ввести его в курс дела? Напомню вам факты.

Я получил в Канне больше двух лет назад письмо, имеющееся у меня среди бумаг в Париже, в котором гг. Метенье и Биль просили у меня разрешения на инсценировку *Пьера и Жана*. Текст инсценировки, понятно, следовало передать мне для просмотра и одобрения, причем авторы инсценировки обязались внести все изменения, которые я потребую. На таких условиях я и дал разрешение.

Возвратившись в Париж, я пригласил их к обеду. Они прочитали мне свой план, показавшийся мне неприемлемым. Я холодно поздравил их, но не дал закончить чтение и выпроводил под тем предлогом, что мне нужно уйти. Должен добавить, что, согласно их письму, пьеса заранее была принята одним из крупных театров на Бульварах, но это вряд ли верно, потому что мои соавторы просили меня представить их г-ну Деланду. Я ответил им в тот же вечер по пневматической почте, указав, что, по-моему, в их плане должны быть сделаны существенные изменения. Я, однако, обещал представить их г-ну Деланду для беседы о пьесе с ним и г-жой Паска.

Г-н Метенье, в единственном числе, отправился со мной к г-ну Деланду и вручил ему инсценировку. Я затем вновь увиделся с г-ном Деландом, чтобы сообщить ему, каких радикальных изменений я требую, если проект пьесы получит его одобрение. Г-н Деланд ответил мне через несколько дней, что инсценировка кажется ему непригодной. Таково же было и мое мнение. Я попросил вас тогда встретиться с гг. Метенье и Билем и потребовать, чтобы они предоставили мне право доверить эту пьесу другим; они отказались. Вы осве-

домили их тогда, что я, со своей стороны, не дам дальнейшего хода их переработке. Таково мое право. Но г-н Метенье, игнорируя это, обратился, как он сам в том признается, к г-ну Деранбуру.

Я против того, чтобы они писали эту пьесу, ведь у них имеется только наскоро набросанный сценарий. Тем более я против того, чтобы она была где-нибудь поставлена, и, в частности, в Меню-Плезир.

Такой же случай произошел у Дюма с *Дамой с камелиями*... Дюма доверил *Даму с камелиями* одному сотруднику. Инсценировка ему не понравилась. Он отказался от нее, переделал все сам и, несмотря на протесты сотрудника, добился ее постановки, выплатив ему половину за авторское право...

...Я опасаюсь разного рода ловушек со стороны полицейского Метенье. Нужно следить за этим пристально и действовать напористо, обратившись в случае нужды к Обществу драматургов или даже передав дело в суд. Будьте любезны заняться всем этим; сам я уезжаю через четыре дня в Алжир и Бискру.

Чувствую себя лучше, потому что настала жаркая погода. Но мои глаза все еще плохо видят. Надеюсь, что Бискра поможет мне прозреть...

№ 302. МАТЕРИ

Париж, июль 1890 г.

Дорогая мама,

Только два слова о том, что история с Ниццей еще не кончилась. Г-жа де Майер просила меня прибыть к ней для личных переговоров. Прочитав твое письмо, я решил поехать в Этрета и осмотреть все своими глазами. Стоит такая плохая погода — дождь, ветер, холод,— что я начал топить. Боюсь ехать в Пломбьер в такую погоду. Для горных долин, вроде нее, необходима жара.

Я пошлю тебе груду статей о *Нашем сердце,* как только смогу поблагодарить журналистов. Возврати мне их. Публикация в *Ревю* все же наносит ущерб продаже. Крупные парижские книгопродавцы говорят мне, что шестеро из десяти верных мне покупателей прочли

роман в *Ревю* и не берут отдельного издания. Другая помеха в следующем: весь шум — а он был немалый — поднялся в момент появления романа в *Ревю де Дё Монд,* а когда вышло отдельное издание, о нем уже перестали говорить. Несмотря на это, продажа идет, хотя и медленно, все же, думается мне, она превзойдет продажу *Сильна как смерть,* которая разошлась в количестве 32 тысяч. Однако в основном я очень доволен, что *Наше сердце* появилось в *Ревю.*

Подписчики этого журнала познакомились со мной и позднее начнут покупать мои книги. Я заработал себе, таким образом, читателей.

Нежно целую тебя, дорогая мама. Целую Симону. Тысячу приветствий Мари-Терезе.

Твой сын
Ги.

Я еще не ночую на улице Боккадор, но туда ежедневно переносят мою мебель. Там будет красиво и удобно. Окончательно переезжаю в субботу, но дни провожу там уже и теперь.

№ 303. МАТЕРИ

Пломбьер, август 1890 г.

Дорогая мама,

Пишу совсем кратко. Только что получил одно из твоих писем, последнее, отправленное прямо сюда. Роман Бурже читаю не торопясь. То, с чем я уже познакомился, мне очень нравится. Я нахожу в нем странную привлекательность, любопытную атмосферу, полную интереса и очарования, одним словом, редкие качества.

Если бы я пустился в критические замечания, они были бы довольно длинны.

Сегодня стоит хорошая погода: *холодно,* очень холодно, но ясно.

Чувствую себя хорошо. Первые два дня лечения прошли, кажется, удачно, недаром у меня ощущение физического благополучия.

Преувеличенная боязнь холода явилась, пожалуй, результатом самой болезни, главной причиной которой был холод.

Прощай, дорогая мама, нежно целую тебя.

Твой сын

Ги.

Местность красивая, со множеством лесов и источников, но после пережитого нами ужасного лета она так напитана влагой, что меня часто пробирает дрожь. С каждым вздохом так и кажется, что глотаешь воду.

№ 304. МАТЕРИ

Пломбьер, 5 августа 1890 г.

Дорогая мама,

Мне почти не о чем писать, хочется только поделиться новостями о себе. Они хорошие и были бы еще лучше, если бы воздух здесь был не так влажен, что отражается на моей невралгии затылка и глаз. Врач признает это и считает, что я получил невралгию затылка прошлой зимой в Канне. Такая форма невралгии там явление частое. Он все же убежден, что при великолепном действии Пломбьера на мой желудок и на общее состояние здоровья результаты лечения будут превосходны, особенно если я перееду для закрепления их в место с более сухим климатом. Средиземное море в данный момент он мне категорически запретил, так как считает, что моя болезнь прежде всего нервная. Поэтому я поеду, наверное, в Пиренеи, если не закончу лета попросту в Париже, где у меня, в сухой и светлой квартире, имеется все необходимое для моего здоровья.

Я получил письмо от г-на Серена, действительно полное недомолвок и намеков на затруднения. Я ответил ему ясно и твердо. В таком же тоне я написал г-же де Майер, сообщив, что если их ответ будет для меня неблагоприятен, то я поеду в Биарриц, который я предпочитаю Ницце, перенаселенной в течение всего года. Я добавил, что мне предлагают там вполне подходя-

щий дом, и закончил свое письмо предложением *маленькой* суммы — в счет более крупной — на расходы, связанные с ремонтом.

Очень боюсь, что, несмотря на твое настойчивое желание пробыть в Ницце все лето, пребывание там плачевно отразится на твоем здоровье. Я уезжаю из Пломбьера в середине будущей недели, но предварительно извещу тебя.

Сдали ли ферму Розо? Уплатили ли Пикары? Непременно предупреди меня заранее, если тебе понадобятся деньги: я не беру с собой больших сумм.

Собираюсь послать тебе еще кучу газет; но от них мало толку: продажа почти не подвигается, несмотря на *крупный* успех этой книги. Дело в том, что появление этой вещи в *Ревю де Дё Монд* отняло у меня таких покупателей, как весь парижский свет, а в провинциальных городах — мир чиновничества, мир профессуры и должностных лиц, что соответствует, по мнению Оллендорфа и книжных комиссионеров, уменьшению количества покупателей по крайней мере тысяч на 25—30. Это имело и свои положительные стороны, как, например, проникновение романа в различные слои общества. Однако в целом — это потеря. Я только что пересмотрел, пожалуй, даже переделал, мою одноактную пьесу — прежде она была в двух актах и называлась *Мир у домашнего очага.* Я считаю ее теперь *великолепной* и не сомневаюсь в успехе, если удастся поставить ее на сцене. В качестве заглавия я взял реплику женщины. Вот она:

Дуэль на перочинных ножах.

Это действительно дуэль на перочинных ножах между нею и мужем. Ее реплика, разумеется, обращена к нему одному, но публика прилагает ее к обоим.

Прощай, дорогая мама, целую тебя тысячу раз от всего сердца. Целую Симону, если она все еще с тобой, и шлю искренние приветствия Мари-Терезе.

Твой сын
Ги.

Мне нужно было бы приехать сюда лет десять назад.

№ 305. ДОКТОРУ ОБЭ

[1890 г.]

Милостивый государь,

Ваша записка мне очень понравилась. Она прекрасно резюмирует положение. Я бы вернул вам ее лично, если бы завтра утром мне не нужно было ехать в Жерармер. Это вынуждает меня ответить на все старые письма и отнимает каждую свободную минуту.

Жму вам сердечно руку.

Мопассан.

№ 306. МАТЕРИ

Этрета, 1890 г.

...Места, которые я только что посетил,— одни из прекраснейших, какие только можно увидеть. Огромные долины, окаймленные горами, на которых разрослись гигантские леса, сосновые и буковые. По всем склонам текут бесчисленные источники, потоки, ручьи. В глубине всех долин — озера. Словом, вода, вода и еще раз вода, и она бежит, ниспадает, струится, журчит; каскады, реки под травой, реки подо мхами, самыми красивыми из всех, какие я только видел; повсюду вода, повсюду холодная, пронизывающая, легкая влажность от резкого воздуха этой возвышенной местности.

Ревматические боли у меня были, но желудок в течение четырех дней вел себя гораздо лучше.

Ноги вновь приобретают упругость, хотя мне и пришлось помучиться от судорог в руках и плечах.

Сегодня, лишь только я вернулся в Этрета, меня снова одолели мигрень, нервная слабость и раздражение. Труд для меня абсолютно невозможен. Стоит написать десять строк, как я уже не сознаю больше, что делаю, и мысль убегает, как вода из шумовки. Ветер здесь не прекращается, так что мне постоянно приходится топить. Напротив меня собираются разбить общественный сад, и я надеюсь, что это облегчит мне продажу дома.

. . . . . .

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца.

Твой сын

Ги.

№ 307. НЕИЗВЕСТНОМУ

Ла Гийетт, Этрета (печатн.— *Ред.*)
[1890 г.]

Милостивый государь,

Я слишком быстро согласился на днях на ваше предложение войти в состав административного совета Рош Бланш.

В настоящее время прошу вас считать мое согласие аннулированным. Я ответил утвердительно, только повинуясь желанию оказать любезность как вам, так и семье Валлуа, но по размышлении понял, что мне ни в коем случае не следует вмешиваться в это дело.

Вот основания, которые заставили меня столь быстро изменить решение.

Прежде всего я не хочу заниматься никакого рода финансовыми вопросами, равно как и предприятиями какого бы то ни было типа. Это неизбежно отвлекло бы меня от того, чем я занят, а я только и мечтаю о том, чтобы не иметь никаких других занятий, кроме моей работы. Затем у меня не нашлось бы ни времени, ни желания присутствовать на заседаниях, обсуждать вопросы, в которых я ничего не смыслю. И, наконец, я твердо решил покинуть Этрета, как только сумею продать на выгодных условиях мой дом, и не возвращаться больше в эту местность с ее отвратительным климатом.

Нет необходимости говорить вам, что я в полном вашем распоряжении по всякого рода делам, связанным с прессой, где я мог бы быть вам полезен, и что я постараюсь привлекать общественное внимание к Рош Бланш всякий раз, как найду подходящий случай.

Примите, милостивый государь, наряду со всеми моими сожалениями выражение моих сердечнейших чувств.

Ги де Мопассан.

№ 308. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Тлемсен [1890 г.]

Дорогой учитель и друг,

Не согласитесь ли вы сказать несколько слов на открытии памятника Флоберу? Все желают, чтобы вы выступили, и мне поручено просить вас об этом. Со

своей стороны, я буду очень счастлив, если моя просьба увенчается успехом и мне удастся услышать ваш голос, голос величайшего из оставшихся в живых романистов, говорящего о том, кто был наряду с вами одним из создателей современного Романа.

Я возвращаюсь в Париж 13. Открытие состоится 16 или 23. Точно не знаю. Жду депешу от Лапьерра, который сообщит мне точно дату, и тогда я извещу вас по телеграфу. Сердечно жму вашу руку, дорогой друг, и прошу передать г-же Золя выражение моего глубокого почтения.

Ги де Мопассан.

№ 309. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

Суббота [1890 г.]
Ул. Боккадор, 21.

Дорогой учитель и друг,

Я возвратился сегодня в Париж, чтобы заняться хлопотами, предшествующими торжественному открытию памятника Флоберу.

Я еще не писал вам и не знаю, сделал ли это Лапьерр, чтобы просить вас сказать несколько слов у подножия памятника. Мне даже не пришло в голову раньше обратиться к вам, ибо именно вам надлежит произнести речь, отказавшись от вашей общеизвестной сдержанности по части публичных выступлений, во-первых, потому, что вы Гонкур, а во-вторых, потому, что вы председатель Комитета. Мне казалось, что и вы находите это не менее естественным, чем все те, кто с таким нетерпением хочет вас услышать.

Будьте добры черкнуть мне в ответ несколько слов. Верьте в мое безмерное восхищение и сердечную преданность.

Я нашел у себя сегодня утром новый том *Дневника* Гонкуров. Я примусь за него завтра же и этим вновь начну свою жизнь человека, любящего литературу.

Ги де Мопассан.

№ 310. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Суббота [1890 г.]

Дорогой учитель и друг,

Я вернулся в Париж только сегодня, так как мне пришлось пробыть несколько дней у матери.

Не знаю, обращался ли Лапьерр к Гонкуру с тем, чтобы тот взял слово на открытии памятника, но только Гонкур утверждал при мне, что никогда не выступает публично. Однако я тотчас же написал ему. Не понимаю, почему бы и вам не сказать свое слово или целую речь, даже если он согласится выступить. Мне кажется так естественно, чтобы ваш голос прозвучал там.

Сердечно жму вашу руку, дорогой друг, и прошу передать г-же Золя выражение моих преданных чувств.

Ги де Мопассан.

№ 311. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ *

[1890 г.]

Дорогой учитель и друг,

Лапьерр просит меня уведомить принца Наполеона о торжественном открытии памятника Флоберу.

Я никогда не разговаривал с принцем, и мне неудобно писать ему. Не будете ли вы так добры сделать это в качестве председателя Комитета?

Прошу вас верить в мою глубочайшую преданность.

Ги де Мопассан.

№ 312. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Улица Боккадор, 21 [1890 г.]

Дорогой учитель и друг,

Гонкур пишет мне следующее: «Дорогой друг, ввиду того, что я неспособен связать два слова в присутствии трех идиотов, я сперва отказался выступать, но, подумав, нашел нечто, по-моему, полезное, показывающее, каким просвещенным человеком был наш *друг*; итак, это «нечто» я и прочту».

Я совершенно не понимаю, каким образом это чте-

ние помешает вам выступить, и знаю, что все будут очень счастливы вас слышать.

Верьте в мою сердечную привязанность и передайте мой почтительный поклон г-же Золя.

Ги де Мопассан.

№ 313. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ *

Улица Боккадор, 21 [1890 г.]

Дорогой учитель и друг,

Вы правы, Гонкур сперва не хотел говорить, что он и подтверждает в своем письме. Но поскольку он изменил свое решение, лучше всего дать ему выступить одному.

Что касается вопроса о том, как следует одеться, он совершенно ясен. Некоторые люди будут, конечно, во фраках, но согласно *правилам светского общества, никогда* не надо надевать фрака ни для импровизированного обеда, ни для церемонии в тесном кругу или на открытом воздухе, как, например, церемония открытия памятника.

До воскресенья. Сердечно жму вашу руку.

Мопассан.

№ 314. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ
(Жану Лаору)

Париж, 19 декабря 1890 г.

...Вы сообщаете, что я увижу вас завтра утром. Но я в разгаре работы, и одна только мысль о чьем-либо визите до часу дня мешает мне написать хотя бы строчку. Никто в мире, даже мой отец, не имеет права войти ко мне утром. Назовите любой час пополудни. И, если хотите, я зайду к вам...

№ 315. ЛУИ ЛЕ ПУАТВЕНУ

7 января 1891 г.

...Врач только что ушел от меня. Он запрещает мне выходить и хочет, чтобы начиная с сегодняшнего дня и надолго я не слонялся больше *вечером* по улицам.

Как всегда, та же самая моя болезнь, невроз, принуждает к принятию всевозможных предосторожностей. Он хочет, чтобы я *во что бы то ни стало* отделался от своей печи с медленным сгоранием. Он говорит, что такая печь приносит смертельный вред людям... Все это очень досадно.

В отношении клуба поступай, как найдешь нужным. Расскажи мне потом, на чем порешили. Письмо Дюран-Рюэля было направлено по адресу: бульвар де Батиньоль, 12!!! Председатель суда вызывает меня для дачи показаний на вторник. Я тотчас же достал удостоверение, освобождающее меня от явки.

№ 316. МАТЕРИ

22 февраля 1891 г.

Дорогая мама,

Я присутствовал вчера на репетиции нашей пьесы, и мне хочется написать тебе не откладывая. Идет неплохо. *Громового* успеха не будет, но и провала, полагаю, бояться нечего. Г-жа Паскá согласилась взять роль только из-за дружеского ко мне расположения, так как это не главная роль. Это даже не выигрышная для нее роль. Но она в ней очень хороша.

Мое здоровье, к слову сказать, не из важных. Глаза все в том же состоянии, но я уверен, что это происходит от переутомления мозга, или, точнее говоря, от нервного переутомления мозга; ведь достаточно мне проработать полчаса, как мысли начинают путаться и затемняться одновременно со зрением и самый процесс письма для меня становится трудным, а движения руки плохо повинуются мысли. Это уже было со мной, когда я писал *Сильна как смерть*. Но как только я дам полный отдых глазам на два — три дня, зрение тотчас же становится ясным. Я переутомился от исправлений нашей пьесы и от мысли об *Анжелюсе,* который не двигается.

Мой врач, академик и профессор Робен, спокоен. Он говорит: «Надо найти лекарство от этих сильных недомоганий, но серьезных органических поражений я не вижу».

Мне очень хотелось бы, чтобы, гуляя по Ницце, Мари-Тереза подыскала для Франсуа и меня на апрель месяц маленькую, очень скромную квартирку, выходящую на солнечную сторону. Я постараюсь отправиться туда на отдых раньше, чем думал, и дописать там *Анжелюс,* так как его надо кончить к весне.

Посылаю тебе при сем 600 фр.; из них 100 пошли Жозефе.

Других новостей нет.

Солнце светит вовсю, но озера Булонского леса все еще покрыты льдом. Ужасный год. Все посевы погибли. Как случилось, что твой договор с фермером был не в порядке?

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца, целую Симону. Тысяча сердечных приветствий Мари-Терезе.

Твой сын

Ги.

№ 317. МАТЕРИ

Париж, март 1891 г.

Дорогая мама,

Премьера *Мюзотты* назначена на среду. Я надеюсь на успех, хотя пьеса сама по себе особого интереса не представляет. Актеры хорошие и играют хорошо.

Ты подыщешь мне, не правда ли, небольшую квартиру, не слишком близко от моря. Я выеду, возможно, около 20 марта, если ты что-нибудь найдешь.

Эта полярная зима была ужасна: весь мой сад в Этрета погиб, все лавровые деревья померзли.

Я хочу испробовать действие ранней весны на юге, совершать пешеходные и морские прогулки и окончить к маю мой роман. Я написал еще очень мало, но он будет короткий; затем буду отдыхать.

Мне говорили, что у вас сейчас великолепная погода. В Париже погода прекрасная, но совсем еще не чувствуется пробуждения природы.

Если наша пьеска пойдет с успехом, то я немного успокоюсь насчет денежных дел, которые не блестящи, так как с мая месяца я ничего не написал.

Закончив *Анжелюс,* я не спеша займусь переделкой *Иветты* в пьесу.

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца. Целую Симону. Желаю всего наилучшего Мари-Терезе.

Твой сын
Ги.

№ 318. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

Ул. Боккадор, 24
[1891 г.]

Я предоставил все полномочия театральному агенту Роже, ул. Ипполит-Леба, 8, для наилучшей защиты моих интересов. Пересылаю ему твое письмо.

Вот я и драматург, да к тому же преуспевающий, чему очень удивлен, ибо мне кажется, что я так и не открыл пресловутого секрета драматургии, непостижимого для романистов. Спасибо за твои поздравления, за твою дружбу.

Остаюсь твой верный

Ги де Мопассан.

№ 319. МАТЕРИ

14 марта 1891 г. [Почт. штемпель.— *Ред.*]
Улица Боккадор, 24.

Дорогая мама,

Квартира, которую ты предлагаешь, кажется мне подходящей. Ты можешь, следовательно, снять ее на апрель. Послать ли тебе денег?

Не слишком беспокойся о моем здоровье. Я попросту думаю, что мои глаза и голова переутомлены и что эта отвратительная зима превратила меня в побитое морозом растение. Выгляжу я хорошо. Болей в желудке больше нет. Мне необходимы прежде всего воздух и покой.

Я советовался относительно своего нервного состояния с человеком, про которого говорят, что он занимает видное положение у Шарко. Молодой, но уже профессор и госпитальный врач; все коллеги восхваляют его.

Он осматривал меня очень долго, выслушал всю мою историю, затем сказал мне: «У вас были все признаки того, что называется неврастенией (стиль Шарко; прежде говорили: истерия). Это умственное переутомление; половина литераторов и биржевиков страдает тем же. Словом, нервы, утомленные водным спортом, затем умственной работой, нервы и только нервы нарушают ваше спокойствие; но по натуре вы очень крепки, и вы поправитесь, хотя и не все пойдет гладко.

Гигиена, души, летом успокаивающий и теплый климат, основательный и продолжительный отдых в полном уединении. При соблюдении этих условий я не беспокоюсь за вас».

Он повторил то же самое Ландолю и Казалису. Его фамилия — доктор Дежерин.

Но меня парализуют невралгические боли, которыми я обязан Нормандии, Сене и моим отвратительным квартирам. Вся надежда на жару.

Мюзотта идет очень хорошо. Театр делает максимальные сборы. Четыре парижских труппы везут ее в провинцию. Мы особо договорились с Руаном, Лионом, Бордо, Лиллем. За границей пьесу поставят в Брюсселе, Берлине, Вене, в Италии, Португалии, Швеции, Дании, Санкт-Петербурге.

Заграница не принесет больших доходов, но зато какая реклама!

До скорого свидания, дорогая мама. Целую тебя от всего моего сердца. Целую Симону. Дружески приветствую Мари-Терезу.

Твой сын *Ги.*

У меня инфлюэнца, но за последние два дня мне стало лучше. На этот раз она очень безобидна.

№ 320. АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ УШАКОВУ

Ул. Боккадор, 24
[Март 1891 г.]

...Мне абсолютно неизвестно, вправе ли я дать это разрешение, даже с согласия моего сотрудника.

Чтобы избавить себя полностью от вопросов, связанных с разрешениями на всякого рода постановки, мы

передали полномочия действовать от нашего имени г-ну Роже, генеральному агенту Общества драматургов и композиторов.

...Я отлично понимаю, что дело идет только о разрешении; но так как пьеса напечатана не будет, а г-н Роже является хранителем рукописи, то и обращусь к нему. Я был бы очень рад, если бы он не усмотрел в этом никаких затруднений.

Пьеса принадлежит уже Михайловскому театру, а роль Мюзотты — м-ль Лего.

Я занесу вам это письмо и объясню все на словах, если мне удастся вас застать...

№ 321. МАТЕРИ

Париж, 26 марта 1891 г.

Дорогая мама,

Возможно, что из-за моих зубов путешествие придется отложить еще на несколько дней. Причина очень важная, так как состояние моего левого глаза, может быть, зависит от состояния корня зуба, находящегося под ним. В Ницце же, как мне доподлинно известно, приличных дантистов нет. Вопрос о глазе столь важен, что в данном случае нельзя пренебрегать ничем.

Это меня очень огорчает, ведь я совсем уже приготовился к отъезду.

Здесь стоит ужасная погода. Снег все еще кружится в воздухе, термометр падает каждую ночь до двух или трех градусов ниже нуля. Это ужасно! Инфлюэнца причинила мне достаточно зла. Какая мерзкая болезнь!

Теперь все кончилось, но до этого было плохо.

Нового ничего.

Эта отвратительная зима до того меня обессилила и утомила, что, если я подыщу какое-нибудь теплое помещение в Ницце на будущую зиму, то не буду жить подолгу на севере.

Мне говорили, что и на юге в данный момент погода не столь уж хороша. Верно ли это?

У меня безумная потребность в солнце и свежем воздухе.

Всего через несколько дней я расцелую тебя, милая мама, так как все еще надеюсь, что мне удастся

выехать в воскресенье. Я рассчитываю провести в Ницце апрель и май. Июнь же — в Париже. Ведь это самый лучший месяц в этом городе. Затем я возвращусь на мое судно и отправлюсь к берегам Испании или пошатаюсь вдоль берегов Франции. Теперь уже очевидно, что мой роман появится только осенью, но *Мюзотта* позволяет мне ждать.

Я весел и доволен оттого, что вновь увижу тебя, и шлю тебе полными пригоршнями поцелуи.

Целую Симону и шлю сердечные пожелания Мари-Терезе.

Твой сын
Ги.

№ 322. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Март 1891 г.

Дорогой друг,

Сейчас зайду в театр и возьму для тебя ложу. Пришлю ее тебе сегодня вечером. Почему мы совсем перестали видеться? Но теперь некстати об этом говорить, потому что послезавтра я уезжаю в Ниццу; здесь в самом деле слишком холодно. Передай мои приветствия твоим родителям, сердечно жму руку.

Ги де Мопассан.

Как только через полтора месяца я возвращусь в Париж, попрошу тебя возобновить нашу дружбу и видеться со мной почаще.

№ 323. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ

(Жану Лаору)

Март — апрель 1891 г.

Мопассан должен был отложить свой отъезд. Он провел ужасную весну и оказался жертвой мучивших его болей. Он думал, что у него инфлюэнца, и действительно начал кашлять, но затем началось помутнение зрения, приступы тоски, серьезное нервное расстройство. Каталог аукционной продажи коллекции Казалиса, происходившей 24 июня 1935 года, дает несколько отрывков из писем, написанных Мопассаном в это время.— *Ред.*

18 марта он писал:

...Вчера у меня были тягостные приступы болей, а ночью кошмары, тоска, нервное расстройство. Я думаю, что дело не в инфлюэнце, а в нервах...

Мопассан жалуется затем на свои зубы, а потом все свои боли приписывает снова инфлюэнце.

1 апреля Мопассан сообщает:

...Мое состояние настолько ухудшилось, что я задаю себе вопрос, удастся ли мне выехать.

Несколько дней спустя:

...Я в ужасном состоянии; болезнь глаз, мешающая мне пользоваться ими, и физическая боль от неизвестной, но невыносимой причины превращают меня в мученика... Мать пишет мне, что в Ницце ужасная погода. Я собираюсь остаться до четверга, но думаю, что это будет опрометчиво.

№ 324. ЛЕОНУ ЭННИКУ

Париж, *ул. Моншанен, 10.*
1 апреля 1891 г.

Я получил твое письмо в момент отъезда и нахожусь в очень затруднительном положении. Мне категорически запрещено писать что бы то ни было. Я прекратил сотрудничество в *Голуа,* прервал сотрудничество в *Фигаро* и принужден диктовать хроники, которые по договору обязан давать *Жиль Блас.* У меня — уже с год — имеется письменное соглашение с *Деба,* и я не могу его выполнить. И Париж-то я покидаю главным образом для того, чтобы меня оставили в покое. Ты поймешь, что мне абсолютно невозможно в данный момент писать что бы то ни было, для кого бы то ни было...

№ 325. МАТЕРИ

Париж, 1891 г.

Милая мама,

Я в большом затруднении с ответом на твое письмо: нужно сказать о многом, а мне запрещено написать хотя бы строчку. Если я хоть немного утомлю

глаза, я буду болен до вечера. Глазам нужен абсолютный покой. Я считаю, что мой переезд в Ниццу нанес им громадный ущерб. Они были в лучшем состоянии по моем возвращении сюда, но из-за здешней ужасной погоды у меня вновь появилось внешнее косоглазие; я испытал это в первый раз в Канне, когда писал *Милого друга,* во второй раз там же в прошлом году и наконец недавно в Ницце.

С зубом вопрос разрешился, но мои мучения еще не кончились.

Доктор М., член академии,— тот самый, который только что написал и собирается представить в академию доклад о кокаине, доклад очень резкий и полный фактов, оглашенных уже газетами.

Он доводит до сведения своих коллег о трех или четырех случаях смерти от удушья, о тридцати или сорока случаях отравления, происшедшего от простого укола в десну, но длившегося от двух до шести месяцев и вызвавшего серьезные органические осложнения.

Он обворожителен и знает меня, словно мой близкий родственник. Интерес читателя к писателю.

Ему известна, как мне самому, вся моя жизнь, жизнь гребца,— ведь у него дом в Виленне, и он хорошо знаком с Золя.

Он видел мой дом в Этрета, осведомлен о моем образе жизни в Париже, и так как у него есть квартира в Теуле, то он часто видел меня и на юге.

Он категорически против удаления второго зуба и утверждает, что мои боли прекратятся, как только затянется ранка, образовавшаяся после удаления первого зуба. До тех пор, пока челюстная кость подвергается действию воздуха, у меня всегда будет функциональное расстройство зрения и поражение гайморовой полости, что влечет за собой невралгию. Он очень спешит с залечиванием ранки посредством электрических прижиганий, и я уверен, что это ускорит процесс ее затягивания по сравнению с естественным заживлением по крайней мере месяца на три.

Позавчера я не мог пойти к нему, и он пришел ко мне сам. Разумеется, он уже старик.

Он сказал мне: «Давайте побеседуем. Раз мне удалось с вами встретиться, о чем я мечтал уже давно,

я преподам вам мудрый совет. Вы ведете трудовую жизнь, которая убила бы десяток обыкновенных людей. Уже давно я об этом думаю и хотел вас предупредить. Вы опубликовали 27 томов за десять лет, и этот безумный труд пожрал ваше тело. В данный момент тело мстит, парализуя вашу мозговую деятельность. Вам нужен очень длительный и полный отдых. Я говорю с вами так, как говорил бы со своим сыном. То, что вы рассказывали мне о ваших проектах, не обещает ничего хорошего. Что вы рассчитываете делать? Прежде всего нужно покинуть Париж, как только я покончу с лечением вашего рта. Не возвращайтесь в Ниццу: летом она издергает нервы, как никакой другой город; порт — это ад, точно так же как и Боронская гора».

Я сказал о моей яхте. Он ответил:

«Я ее знаю. Она очень красива. Это прекрасная игрушка для здорового молодца, любящего кататься по морю и покатать своих друзей, но это совсем не место отдыха для человека, утомленного телом и духом, подобно вам.

В хорошую погоду вы обречены на неподвижность под сверкающим солнцем на раскаленной палубе, рядом со слепящим глаза парусом. В остальное время, под дождем, в маленьких портах, это — необитаемое жилище.

Будь яхта в два или три раза больше и комфортабельна, как квартира, я сказал бы вам: поезжайте. Или, окажись вы в одиночестве в почти не заселенной, прибрежной и лесистой местности, я сказал бы вам: пользуйтесь ежедневно эти судном, но не живите на нем; у вас должно быть еще другое жилище. Я очень хотел бы видеть вас в *полной изоляции, в очень здоровой местности,* где бы вы ни о чем не думали, ничего бы не делали и, главное, не принимали никаких лекарств. Ничего, кроме свежей воды».

Вот его слова... Я в полной нерешительности. Не знаю, что делать. Мне хочется, однако, проверить, как подействует на меня море. Если это не приведет ни к чему хорошему, я отправлюсь в Пиренеи, что мне очень советуют. Мы поговорим об этом через несколько дней. Во всяком случае, я закажу для моей яхты очень плотный тент, в длину всей палубы, он обеспечит мне не-

большое, но прохладное убежище, как бы горячо ни было солнце в портах. По выходе же в море, если мы будем идти в сильную жару, я останусь внутри, словно в маленьком голубом салоне, и буду там дремать, как у себя дома. В небольших портах, которые мне понравятся, я буду проводить по неделе, отдавая предпочтение испанским портам, в которые направлюсь после довольно длительного путешествия вдоль побережья Прованса. Надо ведь все повидать.

Я отложу отъезд до тех пор, пока не настанет действительно прекрасная погода. Проведу несколько дней в Ницце, затем выйду в море и буду совершать частые пешеходные прогулки по побережью.

До скорого свидания, дорогая мама, целую тебя от всего сердца. Целую Симону, дружески приветствую мою невестку.

Твой сын
Ги.

№ 326. МАТЕРИ

Париж, 9 мая 1891 г.

Дорогая мама,

Мои зубы окончательно не вылечены, но будут вылечены. Нарыв подсох и заживает. Я могу выехать. Ведь все равно зубам нужно будет дать отдохнуть один — два месяца, прежде чем ставить золотые коронки.

Итак, я выезжаю в субботу. Приеду в воскресенье в 1.59. Франсуа явится только на другой день, так что мне очень хотелось бы иметь кого-нибудь взамен до его прибытия; у меня ведь новый приступ инфлюэнцы. В первый раз она началась с груди; затем я считал себя поправившимся. Но после этого она снова вернулась и поразила носовую полость и гортань. Наконец, когда я начал думать, что окончательно поправился, она напала на мою голову, на глаза, на память и стала донимать меня мигренями. Перемена климата, без сомнения, восстановит мое здоровье, так как я ничуть не похудел (даже напротив того) и не ослабел, а только отупел.

Знаешь, в некоторых городах Северной Италии сейчас умирает от этой болезни от 50 до 60 человек.

До свидания, дорогая мама, встретимся через два дня. Целую тебя от всего сердца. Нежнейшие пожелания Симоне, дружеские — Мари-Терезе.

Твой сын
Ги.

№ 327. НЕИЗВЕСТНОЙ

[1891 г.]

Так жарко в настоящий момент от солнца, заливающего мои окна! Но почему я не предаюсь всецело радости бытия? У меня часто бывает состояние, которое прекрасно выражают своим воем собаки. О, как мне хотелось бы исторгнуть из себя эту плачевную жалобу, не обращенную ни к кому, не направленную никуда, не говорящую ничего и бросающую в ночь крик безысходной тоски! Если бы я мог жаловаться, как они, я уходил бы иногда — нет, часто! — на большую поляну или в глубь леса и выл бы там в продолжение целых часов, в темноте. Мне кажется, это облегчило бы меня.

...Мой дух бродит по черным долинам, приводящим меня неведомо куда. Они сменяют друг друга, перепутываются, глубокие и длинные, непроходимые. Я выхожу из одной, чтобы войти в другую, и не предвижу того, что случится в конце последней. Боюсь, как бы усталость не заставила меня прекратить это бесцельное странствование...

№ 328. МАТЕРИ

[Париж, 1891 г.]

Дорогая мама,

Только несколько строк, так как Гранше категорически запрещает мне писать, потому что это приводит к сужению зрачка, чего нужно избегать впредь до выздоровления.

Улучшение, о котором я тебе сообщал, продолжается, хотя и не означает еще того, что я окончательно поправился, но я толстею, принимаю прежний облик. Мне приходится вести борьбу только с невралгией челюстей и с бессонницей. Невралгия челюстей будет продолжаться до тех пор, пока не зарубцуется ранка от вырванного зуба. Улучшение по приезде сюда, насту-

пило мгновенно и беспрестанно продолжалось. Грапше считает, что мне нужно пробыть здесь от двух до трех недель, для того чтобы набраться сил. Он думает, что климат Ниццы — единственная причина этого тяжелого потрясения. Он говорит так: «В Париже у вас просторная и здоровая квартира, в десяти минутах от Булонского леса, а вы едете, как раз летом, в пыльный город, где улицы слепят глаза и где поблизости нет никакой природы. Я хочу, чтобы вы жили среди зелени или на море. Попробуйте использовать вашу яхту, вы можете извлечь из нее превосходный курс лечения; но если вы будете отдыхать в Ницце, то, конечно, опять свалитесь, так как я не знаю ничего более возбуждающего, чем воздух этого города летом. Проводите там время от времени недельку, но не обосновывайтесь на постоянное жительство, разве только зимой, когда у Ниццы серьезное преимущество перед Парижем».

Я повторяю тебе буквально его слова и считаю, что он прав, так как я почувствовал себя спокойнее по возвращении сюда.

Он полагает, что море, при очень хорошей и жаркой погоде, которая, кажется, наступает, может принести мне большую пользу. Вчера и позавчера здесь была прекрасная погода, сегодня туманно, но очень жарко. Я ежедневно гуляю в Булонском лесу, некоторые уголки которого очень уединенны и красивы. Мне запрещены продолжительные прогулки, разрешены только прогулки как отдых. Глаза мои постепенно улучшаются. У тебя есть прямое доказательство этого в виде данного письма, более длинного, чем я предполагал. Да и я сам чувствую блаженное состояние возвращающегося здоровья. Не можешь ли ты прислать мне почтовой посылкой две бутылки, оставленные на одном из моих комодов? В одной, довольно большой, — лекарство, пахнущее карболовой кислотой, это зубной эликсир, а в другой, с английской этикеткой,— эвкалиптовая настойка.

Прощай, дорогая мама, целую тебя от всего сердца, целую Симону и шлю тысячу горячих приветствий Мари-Терезе.

Твой сын
Ги.

В переписке Флобера имеются два письма, адресованные тебе, я их тебе привезу.

№ 329. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ
(Жану Лаору)

Вилла «Монпела», Важенекс,
Дивоннский почтамт
[Июнь 1891 г.]

...Недомогая все больше и больше душой и телом, я едва ли еще долго буду скитаться вдоль побережья и по морю. Я в Дивонне, который собираюсь покинуть из-за непрестанных гроз, ливней и сырости. Страшно ослабел, не сплю уже четыре месяца...

№ 330. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ
(Жану Лаору)

Дивонн [1891 г.]

...У меня здесь такие мигрени, каких не было больше двух лет, так что я принимаю ежедневно по два грамма антипирина. Я превращаюсь в идиота, совсем не могу писать. Хорошо, однако, что избавился от очень большой докуки. Никаких болей в челюсти теперь не чувствую. Операция прошла прекрасно... Сейчас все мне говорят: оставайтесь в Дивонне. А я чувствую, что при его климате это будет непоправимой глупостью, хуже, чем в Пломбьере... Мне необходимо тепло, движение, а как можно говорить о движении при том состоянии подавленности, в которое я впал, и затем о каком движении? Идти, шагать, но куда? Я все уже видел. И не хочу начинать снова. Вследствие моей неподвижности пользование душами стало для меня тягостным и почти бесполезным. Тело окрепло, но голова больна более чем когда-либо. Бывают дни, когда хочется пустить себе пулю в лоб. Читать не могу. Каждое письмо, написанное мной, усиливает болезнь... Точно так же я чувствовал себя в Пломбьере в прошлом году... Господи, как надоело жить!

№ 331. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ

(Жану Лаору)

Дивонн [1891 г.]

Все покидают Дивонн. Повальное бегство. Я поступлю так же... Заеду в Экс повидаться с вами... У меня есть проект, который я собираюсь осуществить (в настоящее время он невыполним), а именно поселиться на каком-нибудь курорте Средиземного моря, где я нашел бы все жизненные удобства, покой и развлечения. Перевезу туда свою мебель из Этрета, тем более, что она находится под угрозой: там за эту зиму ограбили три виллы. Дивонн рассчитываю покинуть через неделю. Стало быть, в общей сложности приму 50 душей...

№ 332. МАТЕРИ

Дивонн, 27 июня 1891 г.
[Дата почтового штемпеля]

Хочу сообщить тебе в нескольких словах, дорогая мама, что я покидаю Дивонн. Но уезжаю я недалеко и несомненно вернусь сюда. Мой дом подвержен, подобно, впрочем, всей лечебнице, ветрам со стороны озера и ледников. Мы в полосе проливных дождей и ледяного дыхания снегов, снова принесших мне массу болей, особенно головных. Но души чрезвычайно укрепили мою мускулатуру, и я прибавился в весе.

Я намеревался бежать сам не знаю куда, только к солнцу, и был в нерешительности до того момента, как получил письмо от Тэна, очень рекомендовавшего мне лечебное заведение, соперничающее с Дивонном: Шапель, в 10 минутах от Женевы. Его там вылечили в прошлом году за 40 дней от болезни, очень похожей на мою — неспособность к чтению, к письму и ослабление памяти. Он считал себя погибшим. Он вылечился в 40 дней. Но он вернулся туда в этом году как раз вовремя.

Сейчас там поэт Доршен. У него те же симптомы болезни, что у меня. К нему вернулся сон, пока не больше. Но, черт возьми, это все!

В Женеве я виделся с Казалисом. Он нашел, что я так хорошо выгляжу и так окреп, что воскликнул: «Вы вылечились!..»

Я рассказал ему о всех моих новых злоключениях. Он ответил очень разумно: «Для вас самое главное — сухой и солнечный климат; кроме того, вам необходимы души, ведь они уже вас преобразили; я убедился в этом, увидя вас».

Затем мы побеседовали о Шанпеле, и он счел эту идею великолепной, тем более, что врач, руководящий этим учреждением,— один из лучших специалистов Швейцарии.

В Шанпеле гораздо теплее, чем в Дивонне. Он расположен в широкой и красивой долине, хорошо защищенной лесистыми горами. Я еду туда, но дивоннский врач сказал мне, смеясь: «Вы пробудете там две недели, а затем, по наступлении хорошей погоды (ведь этот год только печальное исключение), опять вернетесь сюда, вместе с солнцем».

Я расстался с ним в веселом настроении. Уезжаю завтра. Временный адрес: Женева, Шанпель, отель «Босежур».

Целую тебя от всего сердца, дорогая мама. Поцелуй Симону. Лучшие пожелания моей невестке.

Твой сын
Ги.

Обрати внимание, что мое письмо написано более уверенным почерком. Но глаза еще не оправились после Люшона. Они не выносят сырости.

№ 333. ФРАНСИСУ МАНЬЯРУ

Важенекс, Дивоннский почтамт
(Энский департамент)
[июль 1891 г.]

Не окажете ли вы мне услугу, опровергнув смехотворную историю, раздутую газетами? Она очень глупа, и на первый взгляд кажется, что и опровергать-то ее не стоит. Но всякая глупость рассчитана на дураков. Одного слова *Фигаро* будет достаточно.

Некий Николя Брус в припадке безумия заявил прессе и публике, что я украл у него *Сильнее смерти,* философский рассказ, появившийся в последнем майском номере *Франс Нувель.*

Мой роман *Сильна как смерть* — название взято из библии (*Песнь песней*) — опубликован у Оллендорфа 4 года назад.

Спасибо за все, что вы сделаете. Это обвинение лишь нелепо, так нелепо, что, не будь ядовитых заметок в газетах, обвиняющих меня в плагиате, я над ним только посмеялся бы...

№ 334. МАТЕРИ

Телеграмма в Ниццу из Канна № 418.
Подана 30 сентября 1891 г. в 10 ч. 40 м. утра.

Дорогая мама,

Чувствую себя удивительно хорошо. Канна больше не боюсь. Совершаю восхитительные прогулки по морю. Остаюсь до десятого, затем поеду в Париж вкусить недели три светской жизни, подготовив этим себя к работе. Ушиб все еще болезнен. В воскресенье приду к тебе обедать.

Ги де Мопассан.

№ 335. Л. БОГДАНОВОЙ *

Ницца, площадь Гримальди, до востребования.
[Дата почтового штемпеля — 23 октября 1891 г.]

Мадмуазель,

Мне очень легко удовлетворить ваше любопытство, сообщив те сведения, которые вас интересуют, а ваше письмо так занимательно и оригинально, что я не могу устоять перед соблазном ответить на него.

Вот прежде всего моя фотография, снятая в прошлом году в Ницце. Мне 41 год, и, как видите, я много старше вас, поскольку вы сообщили мне свой возраст.

Что касается остальных пунктов, вас занимающих, они тоже у вас перед глазами.

Я вернусь через неделю в Канн, где собираюсь провести зиму, и буду жить на грасской дороге, Шале де л'Изер. Яхта ждет меня в Антибе.

Признаюсь, мадмуазель, я заинтригован и пленен.

Ги де Мопассан.

№ 336. НЕИЗВЕСТНОМУ

Париж, ул. Боккадор.
24 октября 1891 г.

Дорогой собрат,

С тех пор как я увиделся с г-ном де Флёри, я решил после долгих размышлений никогда больше не писать ни рассказов, ни новелл. Все это истрепано, перепето, смешно. К тому же я написал их чересчур много. Я хочу работать только над романами, не отвлекаясь всякими рассказиками от единственного жанра, к которому меня тянет.

Но окончив произведение, над которым работаю вот уже два года, я смогу вам дать несколько ярких очерков о моих путешествиях.

Я получил массу предложений, но ни одного не принял. Всякий пустячный труд бесит меня.

Я дам вам также малоизвестные литературные портреты Буйле и Тургенева. В данный же момент я хочу жить в абсолютном покое, для чего и покидаю Париж...

№ 337. Г-НУ ЖАКОБУ

25 октября 1891 г.
Ул. Боккадор, 24.

Дорогой г-н Жакоб,

Не соблаговолите ли вы передать г-ну Ле Пуатвену, ул. Моншанен, 10, прилагаемые 440 франков, плату за квартал, истекший 15 числа этого месяца, за помещение в первом этаже.

Сердечно ваш

Мопассан.

№ 338. ИЗДАТЕЛЮ ОЛЛЕНДОРФУ

28 октября 1891 г.

...Мне завтра необходимо с вами увидеться. У меня почти подготовлен том, но это не мой роман, а книга критических статей и литературных портретов, в четырех частях:

Этюд о Флобере.— Публиковался дважды (предисловие к *Письмам г-же Санд* и к *Бувару и Пекюше* —

в Полном собрании сочинений). Я добавлю к этому статью, написанную на основании документов личного порядка и опубликованную 23 ноября прошлого года (не помню где — в *Голуа, Жиль Блас* или *Эко де Пари*) при открытии памятника Флоберу.

Буйле.— Собираюсь через несколько дней дать в *Фигаро* большую статью (с великолепными цитатами) об этом непризнанном поэте.

Тургенев.— Личные воспоминания.

Золя.— Появилось в *Галерее знаменитых людей.* Требует поправок...

№ 339. Г-НУ ВИКТОРУ АВАРУ

Париж, 31 октября 1891 г.
Ул. Боккадор, 24.

Получено от г-на Виктора Авара, парижского издателя, две тысячи триста сорок семь франков 50 сантимов, итоговая сумма по ведомостям, представленным названным Аваром 30 июня 1891 и 30 сентября 1891 г.

Ги де Мопассан.

[Недатированный счет Мопассана:]
Авар был мне должен:

За *Бесполезную красоту* — 9 500 экз.	из расчета:
3 000 экз. по 40 сантимов	1 200 фр.
6 500 экз. по 1 франку	6 500 »
	7 700
Остаток за ним:	1 700 фр.

№ 340. Л. БОГДАНОВОЙ

Канн, Грасская дорога
Шале де л'Изер.

Мадмуазель,

Я вижу, вы очень рассержены моим письмом. Прежде всего приношу вам извинения, если я вас обидел. Но, подумайте, имею я хоть какое-нибудь основание считать вас не вполне порядочной девушкой? Я ничего не знаю о вас. Я решил, что вы хотите позабавиться на мой счет, вот и все.

Что касается моих фотографий, то я разрешил не

только выставлять их на витрине, но и продавать. Я вам послал одну из них, как посылаю другим неизвестным мне людям. Признайтесь, что на самом деле. я скорее оказал вам любезность, ибо ваше письмо меня позабавило. Я не выставляю напоказ свою жизнь, но, поскольку бываю в свете, где мне необходимо бывать, то и не скрываю собственной особы. Да и для чего бы мне ее скрывать? Я оберегаю себя настолько, насколько это возможно, и живу в одном определенном кругу, хоть и делаю одновременно вылазки в другие. Надо все видеть и все знать.

В этом не было никакой личной заинтересованности. Я ни минуты не подумал, что вы броситесь ко мне, если когда-нибудь судьба сведет нас с вами. Я подумал, напротив, что вы хотите меня заинтриговать, а сами остаться неизвестной. Я стараюсь выражаться как можно яснее по всем пунктам, чтобы не произвести впечатления буки. Я живу вне жизни. Думаю даже, что никто не живет более вне жизни, чем я. Но прежде всего я — наблюдатель и рассматриваю то, что меня забавляет. От всего, что мне кажется незначительным, я вежливо отстраняюсь. Не находите ли вы такое поведение вполне естественным и учтивым?

Не сердитесь же, мадмуазель. Низко кланяюсь вам, и если когда-нибудь мы встретимся, то попрошу у вас только разрешения подписать своим именем, как делают для незнакомого читателя, ту фотографию, из-за которой вы на меня обиделись. Я подписываю таким образом много книг, по первой просьбе, даже не зная тех, кто ко мне обращается.

Ги де Мопассан

№ 341. Г-НУ ЖАКОБУ

5 ноября 1891 г.
Ул. Боккадор, 24.

Дорогой г-н Жакоб,

Я возбуждаю обвинение одновременно в воровстве и в подлоге (а может быть, и в двух подлогах), и потому следует увеличить штраф и требовать тюремного заключения.

Они настаивают на том, что существует договор, и приводят его дату в своей газете.

Это подлог. Пусть мне пришлют факсимиле текста и моей подписи. Хотел бы я знать, как они это сделают.

Но если они воспользовались одним из моих сюжетов, занимающим две странички, и сделали из него повесть на двести страниц, о чем я совершенно не знал, это еще серьезнее. Они не имели никакого права подписываться моим именем.

Такое же дело было у меня с *Фигаро,* сократившим и изменившим мой текст. *Фигаро* был принужден после вмешательства г-на президента Обепена пойти на попятный и признать в «Откликах» газеты все мои права.

Во всяком случае, мое имя было напечатано под повестью, в которой я не написал *ни строчки* и не являюсь даже автором ее заглавия, пусть мне покажут хоть строку, написанную моей рукой. Это — чистейшее мошенничество, воровство и подлог. Я написал более 300 рассказов и новелл, но не эту.

Мое имя расценивается довольно дорого парижскими газетами, которые платят мне 500 франков за любую статью, и я научу этих американских мошенников уважать мое имя. Все это сплошная гнусность.

Жму вам сердечно руку
Ги де Мопассан.

Перечтите их первую статью и посмотрите, как ясно сквозит в ней ложь.

№ 342. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ
(Жану Лаору)

Канн 1891 г.

Вы не можете вообразить, какое ужасное зло принесло мне пребывание в Эксе. Когда я туда приехал, все удивлялись — и вы первый — ясности и блеску моих глаз... Когда же меня увидела мать, она воскликнула: «Ах, бедный мальчик, какие у тебя больные глаза, ты не сможешь работать в эту зиму...» Теперь я почти ослеп и должен провести эту зиму, как и прошлую, где-нибудь в уединении, так как не выношу больше никакого света, даже свечки по вечерам... Я опечален и

взволнован. Здесь дует мистраль; он не стихает со времени моего приезда; придется уехать. Комары меня пожирают. Куда я поеду, не знаю... Мама прочла *Превращения Шивы,* которые я ей привез. Она находит, что это настоящий шедевр, безукоризненный по форме, рифмам и великолепному развитию темы...

№ 343. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ
(Жану Лаору)

Канн, отель «Виктория», 1891 г.

Чувствую себя очень плохо. Я промерз на *Милом друге* во время прогулок по морю и долгих неподвижных стоянок. Я так страдаю от ревматизма и страшных болей в животе, что лежу в постели уже неделю... Вы советуете мне снять дом в Эстереле, но там еще холоднее, чем в Париже... К тому же я снял в Канне великолепный домик, совершенно защищенный от ветра... Он расположен на середине косогора; за ним и вокруг него половина города. Если бы он принадлежал мне, я назвал бы его моей жаровней, так как в нем великолепные печи... Сад, полный цветов,— перед дверью. Я снял этот дом с 15 октября по 15 мая, для того чтобы потом поехать в Дивонн...

№ 344. Л. БОГДАНОВОЙ*

Канн, Шале де л'Изер
[Дата почтового штемпеля — 10 ноября 1891 г.]

Мадмуазель,

Это последнее письмо, которое вы от меня получите. Нас разделяет целый мир, и вы даже представить себе не можете, чем является человек, исключительно занятый своим делом и современной наукой, человек, полностью пренебрегающий в жизни всеми ее побрякушками.

Наивные вопросы, которые вы мне задаете, были для меня целым откровением.

Я стараюсь никому не показывать свою жизнь, и

никто ее не знает. Я скептик, отшельник и дикарь. Я работаю — и только, и живу так уединенно, что по месяцам одной лишь моей матери известно, где я нахожусь. Никто обо мне ничего не знает. Я слыву в Париже непонятным, загадочным человеком, я связан только с несколькими учеными, ибо обожаю науку, и с несколькими художниками, которыми восхищаюсь; я друг нескольких женщин, быть может, самых умных на свете, но они разделяют мои взгляды, то есть живут в известном пренебрежении к жизни и к свету, взирая на них с любопытством, но оставаясь чуждыми всему, что люди обычно ценят.

Я порвал со всеми писателями, которые выслеживают человека, видя в нем прототип для своих романов. Я на порог к себе не пускаю журналистов, я запретил писать о себе. Во всех напечатанных обо мне статьях нет ни слова правды. Я разрешаю говорить только о своих книгах.

Я дважды отказался от ордена Почетного легиона, а в прошлом году от избрания меня в Академию, ибо хочу быть свободным от всяких пут, от всяких обязанностей и не дорожить ничем на свете, кроме работы. Я ответил мадмуазель Башкирцевой, это правда, но так и не захотел с ней встретиться. Она написала мне, что добьется своего; я уехал в Африку, написав ей, что с меня довольно этой переписки. После этого она умерла, и, таким образом, я с нею не познакомился. У ее матери имеется десяток писем, адресованных мне, но не посланных. Я не захотел прочесть их, несмотря на самые настойчивые просьбы.

Я почти всегда живу на борту своей яхты, чтобы ни с кем не общаться. Я бываю в Париже лишь для того, чтобы наблюдать, как живут другие, и собирать нужную мне документацию.

Если я и послал вам свою фотографию, то лишь потому, что меня засыпают просьбами о них, и в конце концов это мне так надоело, что я разрешил их продавать. Но показаться самому — ни за что на свете. Я вновь исчезаю на полгода, желая избавиться от людей.

Как видите, мы совсем не сходимся характерами.

Низко вам кланяюсь, мадмуазель.

Ги де Мопассан.

№ 345. НЕИЗВЕСТНОМУ

Канн, Грасская дорога.
Шале де л'Изер [1891 г.]

Милостивый государь,

Я никогда не дам разрешения на инсценировку моих романов и не понимаю, как можно обращаться с подобными предложениями к авторам, уважающим свое искусство.

Роман и пьеса настолько различны по своей природе, что подобная операция лишает произведение всей его ценности. А ценность романа заключается в особой атмосфере, создаваемой автором, в своеобразном показе действующих лиц, в его стиле и композиции.

И все это претендуют заменить глотками актеров и актрис, жаргоном и нечленораздельным говором театра, очень далеким от передачи характера произведения. Поступая таким образом, бесчестишь свою книгу. Писатели, допустившие это, действовали только из корысти и не могут называться художниками.

Примите, сударь, вместе с моими сожалениями уверение в моем уважении.

Ги де Мопассан.

А декорация,— разве она может заменить тысячи деталей пейзажа, сочетающихся с жизнью книги?

Лично я, сударь, никогда больше не буду писать для театра, так как считаю его условность фальшью, невыносимой для любителей настоящей правды.

Г. М.

№ 346. ИЗДАТЕЛЮ ВИКТОРУ АВАРУ *

Канн, Грасская дорога, Шале де л'Изер
[Дата почтового штемпеля — 5 декабря 1891 г.]

Уважаемый господин Авар,

Очень прошу немедленно выслать мне по почте сборник, появившийся в вашем издательстве, в который вошел мой рассказ под заглавием *Завещание*. Мне кажется, что это один из *Рассказов вальдшнепа*. Во всяком случае, пошлите мне его, где бы он ни был

напечатан. Пришлите мне также список вышедших у вас томов моих произведений с указанием количества изданий, которые они выдержали. Мне это необходимо для моего судебного процесса в Америке, ибо американцы утверждают, будто я никому не известный автор. Если у вас имеется кроме того несколько хороших статей обо мне, я был бы счастлив предъявить их американцам.

Такие же письма я направляю всем моим издателям.

Примите уверение в моем совершенном почтении

Ги де Мопассан.

№ 347. Г-НУ ЖАКОБУ

Канн, Грасская дорога, Шале де л'Изер
5 декабря 1891 г.

Дорогой господин Жакоб,

Вот письмо, написанное мною Теодору Чайльду, парижскому представителю гг. Г. и Б. из Нью-Йорка, с которым я нахожусь в самых лучших отношениях.

Я так болен, что боюсь умереть на днях из-за лечения, которое меня заставили проделать.

Повидайтесь с ним тотчас же, отнесите ему (письмо.— *Ред.*), когда ознакомитесь с ним сами. Снимите копию с письма для дела.

Мопассан.

Милостивый государь [Теодор Чайльд].

У меня процесс в Америке по поводу литературного воровства, совершенного с ущербом для меня нью-йоркской *Звездой*. Необходимо, чтобы я внес или распорядился о внесении обеспечения judicatum soldi в размере 250 долларов и чтобы кто-нибудь из нью-йоркских жителей выступил от моего имени.

Я гарантирую вам это обеспечение, внеся на ваш счет такую же сумму через моего биржевого маклера. Если гг. Г. и Б. из Нью-Йорка, находящиеся в курсе литературных событий их страны, изъявили бы желание выступить от моего имени в на-

чавшемся процессе, я бы охотно возместил их издержки, и мои деньги остались бы у вас в депозите до конца процесса.

Они мне оказали бы этим большую услугу.

Соблаговолите, пожалуйста, отправиться от моего имени к поверенному, г-ну Жакобу, ведущему это дело в Париже.

Тысяча приветствий от меня.

Ги де Мопассан.

Суд утверждает, что не знает меня и что я должен быть малоценным, малоизвестным и малооплачиваемым писателем, но гг. Г. и Б. могут прекрасно его осведомить.

Это ведь я снова привил во Франции вкус к рассказу и новелле. Мои произведения переведены во всем мире, распроданы в значительном количестве экземпляров и оплачиваются по наивысшим расценкам во французской печати, где мне платят по 1 франку за строчку романа и 500 франков за подписанный мною рассказ. Вам это прекрасно известно.

Мои книги выдержали огромное количество изданий, впереди идут только произведения Золя. Я вам пошлю через несколько дней почти полный перечень этих книг, а также список статей обо мне.

Напишите, пожалуйста, прежде всего этим господам и, главное, повидайтесь с моим поверенным, который живет по адресу: Монмартрское предместье, № 4.

[Приложена записка, написанная рукой Мопассана]

Ги де Мопассан является первым французским писателем, который возродил национальный вкус страны к рассказу и новелле.

Он опубликовал, сначала в периодической печати, затем отдельными изданиями, все свои рассказы, образующие собрание в 21 том, проданные в среднем в количестве 13 000 экземпляров каждый, что доказывается квартальными отчетами издателей.

Эти рассказы оплачены ему в газетах и издательствах по наивысшим расценкам, когда-либо достигнутым во Франции.

Его шесть романов: *Жизнь, Милый друг, Монт-Ориоль, Пьер и Жан, Сильна как смерть, Наше сердце.*

Сборники новелл: *Сестры Рондоли, Господин Паран, Орля, С левой руки, Заведение Телье, Мадмуазель Фифи, Мисс Гар-*

риет, Маленькая Рок, Рассказы вальдшнепа, Иветта, Бесполезная красота, Избранник г-жи Гюссон, Лунный свет.

Сборники путевых очерков: *Бродячая жизнь, Под солнцем, На воде.*

Пьеса: *Мюзотта.*

Сборники стихов: *Стихотворения.*

169 тысяч томов новелл.

180 тысяч (томов) романов.

24 тысячи томов путевых очерков.

---

373 тысячи томов.

№ 348. Г-НУ ЖАКОБУ

5 декабря 1891 г.

Дорогой г-н Жакоб,

Как это вы меня не предупредили? Ведь не этот же американский издатель одолжит мне такую громадную сумму, а у меня ее нет.

Полагаете ли вы, что процесс будет выигран? Во всяком случае, после всех несчастий, случившихся в моей семье, мне невозможно найти такие деньги.

Судя по первым письмам вашего корреспондента, он брал на себя все расходы, удерживая в свою пользу двадцать процентов. Так было формально оговорено.

Можно ли теперь взять обратно жалобу? Судя по начальному ходу процесса, я никак не ожидал этого необъяснимого требования.

Вот в чем суть этой истории. У меня есть в *Рассказах вальдшнепа* маленький рассказ *Завещание.* Им воспользовались, чтобы смастерить длинный глупый роман, написанный по-английски. Прежде всего это плагиат; кроме того, моим именем подписали книгу, сюжет которой у меня украли. Воспользовались фамилиями всех моих действующих лиц, перенесли действие на десять лет раньше сравнительно с тем, что было у меня, и вели повествование с совершенно недопустимой неумелостью.

Прошу вас ответить мне безотлагательно, потому что положение очень трудное.

Жму вам сердечно руку.

Я в самом деле очень болен.

Ги де Мопассан.

№ 349. Г-НУ ЖАКОБУ

Канн, Шале де л'Изер [Декабрь 1891 г.]

Дорогой г-н Жакоб,

Еще одно слово об американском деле. Ваш представитель категорически обязался передо мной (это письмо находится у вас) принять все издержки на свой счет, при условии уплаты ему двадцати процентов с выигранной по иску суммы.

Почему же с меня требуют в настоящее время обеспечения после столь категорического обещания? Это поистине непонятно.

Будьте добры сказать мне точно, не ошибаюсь ли я относительно суммы этого обеспечения.

А обязательство, принятое с самого начала вашим представителем, доказывает, что он прохвост.

Жму вам сердечно руку.

Ги де Мопассан.

№ 350. Г-НУ ЖАКОБУ

Канн, Грасская дорога, Шале де л'Изер
[1891 г.]

Дорогой г-н Жакоб,

Я согласен пригласить молодого адвоката, так как мне не хочется тратиться на это дело. Но я очень заинтересован в решении суда, хотя бы оно даже не принесло мне никакой материальной выгоды.

Здесь, с тех пор как я приехал, стоит ужасная погода: буря за бурей, гроза, проливные дожди.

Сегодня в первый раз хорошо. Но барометр стоит очень низко — значит, погода не установится.

Жму вам сердечно руку, дорогой г-н Жакоб.

Ги де Мопассан.

№ 351. Г-НУ ЖАКОБУ

Канн, Грасская дорога, Шале де л'Изер
26 декабря 1891 г.

Дорогой г-н Жакоб,

Я прошу вас затребовать от г-на Авара, на 8 января, квартальный счет по продаже за четвертый квартал 1891 года.

Это установленная дата для представления счета. Жму вам сердечно (руку.— *Ред.*).

Ги де Мопассан.

№ 352. Г-НУ ЖАКОБУ

[1891 г.]

Милостивый государь,

У вас есть другое досье: досье *Заведения Тельe.* Прочтите мою записку и соблаговолите завтра отнести ее г-ну Стро вместе с этим делом.

(Записка:)

У г-на Жакоба находится другое досье: досье *Заведения Тельe,* представляющее существенную важность для этого нового дела.

Получив предупреждение от одного английского книгопродавца о том, что экземпляров *Заведения Тельe* у Авара не осталось уже три месяца тому назад, я позаботился закрепить через судебного исполнителя этот вполне удостоверенный факт. Затем г-н Жакоб от моего имени предъявил требование издателю, чтобы у него на складе появилось в суточный срок 500 экземпляров издания.

Экстренный тираж был выполнен в ту же самую ночь, но все же ко мне обратились с просьбой о 12-часовой отсрочке.

Этот факт ясно доказывает, что вследствие моей угрозы расторгнуть договор и забрать свое произведение Авар без колебаний немедленно и послушно признал, что он не имел права оставлять свой склад ни на один день без наличия одного из моих произведений: дело ведь шло о книге рассказов, включенных в тот же договор, что и *Стихотворения,* а это подтверждено им в означенном договоре и им же подписано.

Ги де Мопассан.

№ 353. НЕИЗВЕСТНОМУ *

Канн, Грасская дорога, Шале де л'Изер
(Конец 1891 г.)

Дорогой друг,

Вот и погода наладилась, стала замечательной, великолепное солнце, страшная жара. Это возрождает во мне надежду.

Пришлите мне главные книги Тургенева, чтобы я мог их просмотреть. *Вешние воды, Отцы и дети* и сборник его рассказов, которые я читал все до одного, но забыл их в Париже, а выписывать не хочу.

И, пожалуйста, поскорее.

Наилучшие пожелания

Мопассан.

Я, конечно, заплачу вам за эти книги.

№ 354. ДОКТОРУ ЖОРЖУ ДАРАНБЕРУ

Канн, Грасская дорога, Шале де л'Изер
[Ноябрь — декабрь 1891 г.]

(Отрывки из писем)

Вы ведь химик, не правда ли? Ну, так не можете ли вы установить, нет ли внутри меня соли, так как я выделяю в тысячу раз больше соли, чем ее находится у меня в голове, и это длится уже шесть недель...

...А в вашей немецкой водке — алкоголь! Неужели вы не знаете, что я не могу выпить ни капли вина, ни белого, ни красного, ни даже анисовой или черносмородинной? Сегодня утром я принял маленькую ложечку — и кашляю, как проклятый, а мое горло и слизистая оболочка горят, как в огне. Я не могу пользоваться духами, даже просто нюхать их, всякое алкогольное испарение мутит мне мозг...

...Я подохну от морфия, как и от соли. Посмотрел бы я на вас...

...Ни в коем случае никому не говорите, что эти дамы приходили повидаться со мной. Это бы их страшно скомпрометировало. К тому же все их родственники здесь, и не будь этого, они, я полагаю, не пришли бы...

...Положение мое ужасно... Я убедился вчера,— это был день отвратительных страданий! — что все мое тело, мясо и кожа, пропитаны солью... У меня всякие неполадки или, вернее, страшные боли от всего, что поступает в желудок, а вслед за этим происходит что-то невыносимое с головой и мыслями. Слюны больше нет — все высушила соль,— только какая-то отвратительная и соленая масса течет изо рта...

...Я в ужасающем состоянии. Думаю, что это начало агонии. Я не ел ни вчера вечером, ни сегодня утром. Ночь была ужасна. Я почти потерял способность речи, а мое дыхание похоже на страшный и яростный хрип. Головные боли столь сильны, что я сжимаю голову обеими руками, и мне кажется, что это голова мертвеца.

№ 355. Г-НУ ЖАКОБУ

[1891 г.]

Дорогой г-н Жакоб,

Вот приписка к моему завещанию.

Сегодня утром ко мне зашел г-н Колль и, как мне показалось, был очень обижен тем, что вы попросили меня дать вам мое завещание.

Мы действительно решили с ним вместе, чтобы он был хранителем его, потому что в его руках сосредоточены все дела моей семьи, касающиеся наследования, а также завещание моей матери.

Мне все хуже, я не могу больше ничего есть, голова не в порядке. Предупредите Гранше, что мне невозможно оставаться здесь.

Жму вам сердечно руку.

Мопассан.

№ 356. Г-НУ ЖАКОБУ

[Декабрь 1891 г.]

Дорогой г-н Жакоб,

Я умираю. Думаю, что умру через два дня. Займитесь моими делами и установите связь с г-ном Коллем, моим нотариусом в Канне.

Это прощальный привет, который вам шлет

Мопассан.

№ 357. ДОКТОРУ АНРИ КАЗАЛИСУ
(Жану Лаору)

Канн, Шале де л'Изер
[Декабрь 1891 г.]

Я безусловно погиб. Я в состоянии агонии, у меня размягчение мозга, происшедшее от промываний соленой водой носовой полости. В мозгу произошла ферментация соли, и каждую ночь мой мозг вытекает через нос и рот в виде клейкой массы... *Это неминуемая смерть, и я сошел с ума.* Моя голова мелет вздор. *Прощайте, друг, вы не увидите меня больше.*

II. НЕДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА

№ 358. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Сударь, я удрал. Если вы окажете мне поддержку, я и вовсе улизну от проклятых судейских. Я знаю, что мы думаем одинаково, потому-то вам и пишу. Вы живете в уединении, скрыто от всех, это мне на руку. Дайте мне убежище — меня у вас не отыщут. Я помогу вам писать романы, раз вы мастерите по этой части, а если кто-нибудь будет вам мешать, я уж беру это на себя.

Кланяюсь вам.

Менесклу
по прозванию «Гренельское чудовище».

P. S. Не очень-то беспокойтесь о людях, которые вам мешают.

Я улажу с ними дело и ничего с вас не потребую.

Ваш *Менесклу*.

№ 359. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Пинар, бывший министр,

просит г-на Гюстава Флобера принять выражение его самого искреннего раскаяния по случаю дня св. Поликарпа.

№ 360. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Славный Святой!

С тех пор как вы написали книгу о моем патроне, св. Антонии, его обуяла гордыня, и он стал невыносим: он хуже свиньи, не во гнев вам будь сказано. Он думает только о женщинах и подобных пакостях. Он делает мне неприличные предложения. Как он мерзок! Словом, я не могу больше оставаться с ним и спрашиваю вас, не примете ли вы меня к себе.

Я готова на все, что вам будет угодно, вплоть до свинства.

Остаюсь вашим смиренным слугой.

Свинья св. Антония,

епископа.

№ 361. ЖЕРМЕРУ Д'АРНУА ДЕ БЛАНГ *

Ла Гийетт (Этрета)

Дорогой Жермер,

Я получил письмо от твоей матери и твое приглашение на охоту как раз в ту минуту, когда собираюсь ехать, чтобы переговорить с Вальмоном.

Еще не знаю точно, в какой день я сумею приехать в Борнамбюк, потому что сам жду гостей. Если барон де Во, приезжающий ко мне послезавтра, уедет 9, я в тот же день буду у тебя. Но не приедешь ли ты сам со своим шурином поохотиться и пообедать в Этрета 5 или 6? Вы доставили бы мне большое удовольствие.

Сердечно жму руку вам обоим.

Ги де Мопассан.

№ 362. ЖЕРМЕРУ Д'АРНУА ДЕ БЛАНГ *

Ла Гийетт (Этрета)

Дорогой Жермер,

Я не писал тебе раньше, потому что со дня на день и даже с минуты на минуту ждал барона де Во, который прибудет лишь позже.

Итак, я приеду к тебе на охоту в среду; жди меня с поездом 9.30.

Сердечно жму тебе руку.

Ги.

№ 363. НЕИЗВЕСТНОМУ

Дорогой собрат,

Простите, что не ответил вам раньше. Я в разгаре работы и задерживаю свои письма на один — два дня. Я не располагаю ни одной минутой или, вернее, ни одним часом, чтобы написать те тридцать строк о Мюссе, которые вы просите. Да к тому же мне потребовалось бы более тридцати строк, чтобы сказать, почему я не очень люблю этого поэта, которого не нахожу ни вдохновенным, ни оригинальным и который наводит на меня скуку.

Верьте моим самым преданным чувствам.

Ги де Мопассан.

№ 364. НЕИЗВЕСТНОЙ ПОДРУГЕ

...Не хотите ли пообедать с Катюлем Мендесом, Арманом Сильвестром и мной? Каждый из них приведет подругу, а это может быть забавно и разоблачит их вкусы. Ручаюсь, что дама Сильвестра будет весить пятьсот кило.

№ 365. Г-ЖЕ ПАСКА

Пятница

Уважаемый и дорогой друг,

У меня свободно все воскресенье до половины седьмого. Если вам удобно в четыре или в пять часов, я всецело в вашем распоряжении. Выбирайте, а завтра вечером скажите мне точно час, который вам подходит.

Целую ваши руки и шлю вам, уважаемый и дорогой друг, выражение самых преданных чувств.

Ги де Мопассан.

№ 366. ГЮСТАВУ КЛОДЕНУ

Ул. Моншанен, 10.

[После 1884 г.]

Дорогой собрат и друг,

Я был бы вам премного обязан и признателен, если бы вы могли указать прелестной и превосходной писательнице, г-же Форнель, очень талантливой, какой-нибудь иллюстрированный журнал для семейного чтения, в котором она могла бы напечатать несколько милых новелл.

Жму вам сердечно руку.

Ги де Мопассан.

№ 367. МАТЕРИ

Мамочка,

Приготовься перечитать побыстрей основные романы Тургенева и посылай мне по мере прочтения каждого резюме в 25—30 строк. В награду обещаю тебе приехать в сочельник и провести первый день рождества на вилле Равенель.

№ 368. МАТЕРИ

(Телеграмма)

Принужден встречать сочельник на островах св. Маргариты с г-жами ***, но приеду на проводы старого года и пробуду новогодний день с тобой.

№ 369. ЛЕОНУ ФОНТЭНУ

Совершаю прогулки по морю, которое часто бывает неспокойно, но местность здесь очаровательна; тут есть маленькая гавань в двух минутах от моего сада.

Если найдешь время, напиши о себе.

Сердечно жму твою руку.

Ги.

№ 370. РОБЕРУ ПЕНШОНУ

Дружище,

Не сможешь ли ты по получении этого письма направиться к прекраснейшей г-же Лапьерр и передать ей, что я появлюсь у нее сегодня же в час дня, так как выеду из Этрета в восемь утра.

Я бы написал ей непосредственно, если бы помнил ее адрес. Но он остался в Париже в моей записной книжке, а не в моей голове...

№ 371. ПРИНЦЕССЕ МАТИЛЬДЕ

Канн.

Милостивая государыня,

Благодарю вас за крайне лестное письмо, которое я только что получил от вашего императорского высочества и за которое я через несколько дней собираюсь поблагодарить вас устно, так как рассчитываю вернуться в Париж в среду или в четверг на этой неделе.

Я пробыл бы на юге возможно дольше, до такой степени солнце и свет необходимы всему моему существу, как духовному, так и телесному. Но вот уже месяц, как ветер, дующий с Альп, несет к нам со снеговых вершин порывистое ледяное дыхание, и остается только бежать отсюда; инфлюэнца одолела тут всех. Кроме того, после затянувшегося отсутствия я вновь начал ощущать тоску по людям и вещам; воспоминания, привычка к беседе, к лицам, к дружбе так и кажутся голосами, зовущими меня в Париж. Если бы мои мысли и большая часть сердца не были прикованы к нему, я, возможно, не возвратился бы туда никогда, ибо чувствую все более и более, что я деревенский житель и бродяга, созданный для жизни на побережье и в лесах, а не на улицах города.

Но, когда я нахожусь вдалеке, я думаю о людях, которые соблаговолили проявить ко мне и принять от меня чуточку симпатии, и грущу о них. Мне хочется увидеть их вновь, а когда я получаю письмо вашего

императорского высочества, во мне пробуждаются настоящие угрызения совести.

Повергаю к вашим стопам, милостивая государыня, вместе с моей благодарностью изъявления самой почтительной и глубокой преданности.

Ги де Мопассан.

№ 372. НЕИЗВЕСТНОМУ

Суббота.

Дорогой друг,

Я вернулся в Париж только вчера и нашел у себя твою статью о Франции. Горячо благодарю тебя за то, что ты говоришь о моей книге, и жму руку от всего сердца.

Твой
Ги де Мопассан.

Где тебя можно найти?

№ 373. РЕДАКТОРУ «ФИГАРО»

Этрета.

Милостивый государь,

Будьте так любезны переслать мне в Этрета гонорар за три статьи, которые я опубликовал в *Фигаро* (750 франков).

Примите, милостивый государь, уверение в моих лучших чувствах.

Ги де Мопассан.

№ 374. НЕИЗВЕСТНОМУ

Я принял в качестве непреложного закона никогда не разрешать опубликование моих портретов и препятствую этому всякий раз, когда бываю в состоянии. Исключения имели место только в результате обмана. Публике принадлежат наши произведения, а не наши лица.

Ги де Мопассан.

№ 375. ДОКТОРУ АЛЬБЕРУ БАЛЕСТРУ

Дорогой доктор и друг,

Не сможете ли вы навестить меня завтра утром? Мне становится все хуже и хуже. Вероятно, я не в состоянии переносить здешний климат.

№ 376 НЕИЗВЕСТНОЙ

Дениза! Дениза! Поймите меня правильно. Пожалейте себя, пожалейте вашу дочь. Подумайте, прежде чем совершится грубое и непоправимое зло. Мне нелегко разыгрывать смешную роль, отталкивая вашу любовь. Но могу ли я с вами, которую уважаю и люблю, с вами, моим другом, товарищем и сестрой, которую я избрал среди всех, потому что знал, что ей присущи верность и благородство мужчины,— могу ли я поступить с вами так, как поступал с другими! Мое сердце разрывается. Но вы, Дениза, дорогая, нежная душа, вы, избранное существо, поймите всю полноту моей честности, когда я говорю вам: «Не любите меня». Таков, однако, мой долг, и я его выполняю. О бедная, дорогая подруга! Вы такая хрупкая, и какова же должна быть моя любовь к вам, чтобы я решился причинить вам это горе!

№ 377. НЕИЗВЕСТНОЙ

Мадмуазель,

С позволения моей матери я только что написал нотариусу г-ну Гомме, прося его внести всяческую осторожность в разрешение занимающего нас вопроса.

Надеюсь, что это дело не повлечет за собой тягостных последствий, и прошу вас принять уверение в моем полном уважении.

Ги де Мопассан.

№ 378. НЕИЗВЕСТНОМУ

Суббота.

Милостивый государь,

Вот я и вернулся в Этрета, где нахожусь уже третьи сутки, и был бы вам очень обязан, если бы вы сообщили мне, когда должна прибыть сюда ваша матушка, потому что я намереваюсь выехать отсюда немедленно. Я жду единственно приезда г-жи Пикар для того, чтобы уехать.

Соблаговолите принять, сударь, уверение в моих лучших чувствах.

Ги де Мопассан.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ К НЕИЗВЕСТНЫМ ЛИЦАМ

№ 379

Нет, у меня не душа декадента, я не могу заниматься самосозерцанием, и усилие, которое я делаю для того, чтобы проникнуть в чужие души, непрестанно, непроизвольно, властно. Это даже не усилие: скорее я подчиняюсь какому-то проникновению в меня всего окружающего. Я захвачен им, пропитываюсь им, покоряюсь ему и тону в окружающих влияниях.

№ 380

Я постоянно думаю о моем бедном Флобере и говорю себе, что готов был бы умереть, будь я уверен, что кто-нибудь так же непрестанно думает обо мне.

№ 381

Писатель должен интересоваться всем окружающим и описывать как ступени тронов, так и менее скользкие ступени кухонь.

№ 382

О, сколько мелькает передо мной всяких голов, типов, сердец и душ! Какой клинический материал для сочинителя книг! Отвращение, внушаемое мне челове-

ческим родом, заставляет меня все более сожалеть о том, что я не могу стать тем, чем хотел бы быть прежде всего: сатириком-сокрушителем, свирепым и насмешливым комедиографом, Аристофаном или Рабле.

№ 383

Я прихожу к убеждению, что для того, чтобы писать хорошо, художественно, колоритно, эмоционально и образно, нужно описывать, а не анализировать. Все обольстительное богатство языка, вся его выразительность, неожиданность его образов ослабляются, когда он передает переходы чувств, а не внешние их выражения. В сущности, искусство писателя состоит в показе сокровенного в наших душах таким образом, чтобы сделать его видимым, волнующим и прежде всего эстетическим. Для меня психология в романе или новелле сводится к следующему: выявить тайное в человеке через показ его жизни.

№ 384

У меня нет ни одной склонности, которую я не мог бы по своей доброй воле вырвать из себя, ни одного желания, которое бы я не высмеял, ни одной надежды, которая не заставила бы меня улыбнуться или рассмеяться. Я спрашиваю себя, почему я двигаюсь, почему я иду туда или сюда, почему я соглашаюсь на отвратительную повинность по зарабатыванию денег, раз меня вовсе не забавляет их трата.

№ 385

Печаль ширится, как ночь, и давит меня с высоты неба.

№ 386

Как я был прав, что замкнулся в безразличии! Если бы можно было не чувствовать, а только понимать и не оставлять в руках других людей клочьев своей души! Странно страдать от пустоты, от нищеты этой жизни,

примирившись с этой тщетой. Но, увы, я не могу жить без воспоминаний, а они гложут меня. Я знаю, что мне не на что надеяться, и смутно и беспрестанно чувствую боль от этого сознания и сожаление об этой безнадежности. Все, что связывает меня с жизнью, ранит мою чувствительность, слишком человеческую и вовсе не литературную.

№ 387

Странно, до какой степени я становлюсь внутренне совершенно другим, чем был когда-то. Я осознаю это, наблюдая за тем, как я обдумываю, открываю, развиваю всякие вымыслы, всматриваюсь в образы, возникающие в моих видениях, и стремлюсь проникнуть в них. В иных мечтах, в ином творческом возбуждении я нахожу то же удовольствие, какое я испытывал некогда, когда греб как сумасшедший, под палящими лучами солнца.

№ 388

Лично я не способен любить по-настоящему свое искусство. Я о нем слишком много сужу, слишком его анализирую. Я чересчур хорошо понимаю, насколько относительна ценность идей, слов и даже самого разума. Я не могу помешать себе презирать мысль, настолько она слаба, и ее форму, настолько она несовершенна. Во мне с особой, неисцелимой остротой развито сознание человеческого бессилия и тщетности всех стараний, приводящих лишь к жалкому «приблизительному».

№ 389

Свет превращает в неудачников всех ученых, всех художников, все умы, которыми он завладевает. Он губит всякое искреннее чувство, распыляя вкусы, интересы, желания — ту крохотную искорку пламени, которая горит в нас.

№ 390

В настоящий момент я одержим такими же тревогами, как и она: я рассматриваю с грустью свои седые

волосы, свои морщины, увядшую кожу щек — явную и полную изношенность всего своего существа. Затем, когда я особенно мучительно страдаю от страха перед старостью, я переживаю внезапно истинное волнение, если мне удается схватить какую-нибудь характерную деталь, и трепещу от радости.

№ 391

Бывают целые дни, когда я чувствую себя погибшим, конченным, слепым, умственно изношенным и все же еще живым.

№ 392

У меня нет ни одной последовательной мысли, я забываю слова, забываю все названия, а галлюцинации и тоска раздирают меня...

Я не могу писать, я не вижу больше; это крах моей жизни.

ПОСМЕРТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

ПРОСЬБА

(Отрывок)

(У одного женатого светского человека есть любовница, а жена этого человека собирается завести любовника. И именно тайное предчувствие того, что он будет обманут, внезапно заставляет светского человека вернуться к жене

Саллюр, этот светский человек, определяет, какой бы он хотел иметь салон.—*Ред.*)

С а л л ю р. ...Несколько умных мужчин, несколько милых женщин, но не толпу.

Г-ж а С а л л ю р. Это невозможно. Нельзя закрывать двери.

Ж а к (друг г-жи Саллюр). Да, в наше время свет— это толпа. Это поток людей, текущий через тысячу гостиных, куда все входы широко открыты.

С а л л ю р. Значит, больше нет интересных людей?

Ж а к. Они есть, но они не интересны в светском обществе.

С а л л ю р. Почему?

Ж а к. Потому что их всегда перебивают и смущают глупцы.

Саллюр. Тогда надо изгнать глупцов.

Жак. Невозможно.

Саллюр. Еще раз: почему?

Жак. Потому что это избранное общество.

Саллюр. Как, избранное общество?

Жак. Да, избранное общество составляют люди чрезвычайно почтенные, уважаемые, известные и титулованные, но в высшей степени невыносимые, невежественные, тщеславные, и их нельзя не принимать.

. . . . . .

ИЗМЕНА ГРАФИНИ ДЕ РЮН

Историческая пьеса в стихах, в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф де Рюн, бретонский сеньор.
Пьер де Керсак, офицер стражи графа де Рюн
Люк де Керлеван, Ив де Буарозе — знатные бретонцы в свите графа де Рюн.
Жак де Вальдероз, Этьен де Лурни — пажи на службе у графа.
Жанна де Пентьевр, графиня Блуа и герцогиня бретонская.
Графиня Изора де Рюн
Сюзанна д'Эглю, кузина графини Изоры.
Вальтер Ромас, англичанин
Бретонские сеньоры, среди которых Бертран Дюгеклен.
Солдаты и стража.

Действие происходит в 1347 году.

АКТ ПЕРВЫЙ

Кордегардия бретонского замка XIV века. Большие деревянные скамьи, столы; на стенах — различное оружие, шкуры животных, охотничьи принадлежности.
Зал виден в перспективе, в глубине окна; на переднем плане двери направо и налево.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Люк де Керлеван, Ив де Буарозе, Жак де Вальдероз, Этьен де Лурни.

Люк де Керлеван, высокий, худой, с резкими чертами лица, играет в гости с Ивом де Буарозе. Последний очень толст, затя-

нут в тесный мундир и ежеминутно подносит ко рту кружку с вином, стоящую рядом с ним На столе стаканы. Этьен де Лурни, прислонившись к стене, следит за игрой; ему восемнадцать — девятнадцать лет. Жак де Вальдероз, того же возраста, один посреди зала упражняется с боевой шпагой.

Жак де Вальдероз

Иди же, Керлеван, сразимся наконец.
Я ставлю поцелуй любимой.

Люк де Керлеван *(смеясь)*

Тот глупец,
Кого подденешь ты. А где ее темница?
Уж не в колодце ли несчастная томится?
Иль в башне спрятана за каменной стеной?
Таких в округе всей не знаю ни одной.

Буарозе и Лурни хохочут.

Жак де Вальдероз

За исключением сеньоры нашей.

Люк де Керлеван *(строго)*

Тише!
Любовных помыслов, томящих нас, превыше
Стоит она.

Жак де Вальдероз

Еще Сюзанну ты забыл,
Кузину госпожи.

Люк де Керлеван

Смирит палач твой пыл,
Когда укоротит мальчишескую шею!
Молчи!

Жак де Вальдероз *(раздраженно)*

Что в мыслях есть, все высказать посмею.
Для сердца моего преград на свете нет,
И страху не сдержать моих желаний.

Люк де Керлеван *(нетерпеливо)*

Бред!

Жак де Вальдероз

Но дамы поцелуй поставил я сегодня!
И если победишь — порукой кровь господня! —
Плачу, покуда год не завершит свой круг.

Люк де Керлеван

Брось, не мешай играть!

Жак де Вальдероз

Ах, ты боишься, Люк!

Люк де Керлеван

Боюсь, поцеловать придется мне уродца.

Жак де Вальдероз

Клянусь, прекрасней рта на свете не найдется,
Ты будешь хвастаться до страшного суда!

Люк де Керлеван

Пусть ястребы с тобой целуются всегда!

Жак де Вальдероз

Ты трусишь?

Люк де Керлеван *(вставая)*

Хорошо, пусть будет так! Гляди же,
Придется плохо, Жак!

Буарозе и Лурни подходят.

Жак де Вальдероз

Смотрите ж! Станьте ближе!

Ив де Буарозе

(смеется так, что его живот пляшет)
Ни капли разума нет в голове его,
Зато задор велик!

Жак де Вальдероз

И ты? Ну, ничего,
Жди вызова, толстяк!

Ив де Буарозе *(смеясь)*

Ах, так? Пустое дело!
Я в стольких битвах был, а брюхо все же цело.
Ты не проткнешь его.

Жак де Вальдероз делает несколько выпадов, но не может задеть Керлевана. Тот тыльной стороной шпаги обезоруживает пажа и отбрасывает его шапочку на десять метров, затем спокойно ставит свое оружие к стене.

Ив де Буарозе

Должок плати живей!
Люк хочет девочку с мордашкой посвежей.

Этьен де Лурни

(поднимая шапочку своего товарища)

Он голову рассечь мог с этой шапкой вместе.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и Пьер де Керсак.

Пьер де Керсак *(быстро входя)*

Я, господа, принес вам горестные вести:
В плен герцог взят!

Люк де Керлеван

А Шарль Блуа?

Пьер де Керсак

Монфор
Взял Шарля. У него надежней нет опор,
Чем воцарившийся в Бретани англичанин.
Бретань в его руках. Пускай наш край изранен,
Тем Жанна де Монфор теперь восхищена:
Английских рыцарей приветствует она.

Люк де Керлеван

Готова и сюда она прислать врага нам!..

Жак де Вальдероз

Но все ж она храбра.

Люк де Керлеван

В чем храбрость? Англичанам
Швырнуть к ногам Бретань?

Жак де Вальдероз

Однако до сих пор
Неведомо, кто прав: Блуа или Монфор?

Люк де Керлеван

Блуа — француз. Монфор — боец чужого стана.

Жак де Вальдероз

Так все потеряно?

Пьер де Керсак

Терять надежду рано:
Не менее своей соперницы смела,
Всех Жанна де Пентьевр объединить могла,
Кто верен королю во Франции, в Бретани.
Судьба добра ко всем, кто храбр на поле брани.
Неведомо, кто прав? Так будем мы храбрей.
К тому ж с недавних пор обоих нет вождей:
Шарль взят, Монфор сражен Бастилией. Играют
Две женщины. Бретань — их ставка!

Этьен де Лурни

Растерзают
Они, растопчут край!

Люк де Керлеван

Пускай струится вновь,
Пускай нам до колен доходит эта кровь,—
Бесплодная земля с потоком этим рдяным
Впивает ненависть к проклятым англичанам.

Этьен де Лурни

А нам как быть?

Люк де Керлеван

Хотя б не до конца войны
Мы были издали глядеть обречены.

Пьер де Керсак

Нет, замка этого мы не покинем вскоре:
Граф оставляет нас при госпоже Изоре.
Сегодня выехав, он взял людей своих,
Всех латников, дворян и мужиков простых.
Надежен граф де Рюн и прям душой на диво.
Боюсь, его жена коварна...

Жак де Вальдероз

И красива!

Пьер де Керсак

Что у нее в душе, никто не разберет:
Нахмурен лоб ее, когда смеется рот.

Жак де Вальдероз

Нам снятся ангелы с такими же глазами.

Пьер де Керсак

Но странные огни, как дьявольское пламя,
Пылают в них!

Жак де Вальдероз

Она красавица!

Люк де Керлеван *(строго Вальдерозу)*

Для нас
Она сеньора, Жак!

Пьер де Керсак

Глядит из этих глаз
Такая ненависть...

Жак де Вальдероз

О нет, любовь такая!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же, графиня и Сюзанна д'Эглю

Графиня

Привет вам, господа. Граф, замок покидая,
Оставил преданных защитников со мной.

Под знамя короля он призван был войной.
Лишь восемьдесят вас вошло в мою охрану,
Но с вами, храбрыми, бояться я не стану.
(Садится в кресло, которое ей придвигает Керсак.)

Сюзанна д'Эглю опирается о спинку.

Но чем, скажите мне, вы заняты с утра?
Иль в кости целый день у вас идет игра?

Ив де Буарозе

Нет, госпожа! Мечом и пикою учебной
Мы часто заняты,—затем, что непотребно
Нам, воинам, жиреть, пока и нас туда
Не позовут, где кровь струится, как вода.
Когда бы голова английского солдата
Была моим клинком в честь господина снята,
Я умер бы, смеясь.

Графиня *(улыбаясь)*

Благодарю вас.
(После минутного колебания.)
Как
Хотели б умереть вы, господин Керсак?
В сражении?

Пьер де Керсак

О да, сударыня! Я воин.

Графиня

А вы, де Керлеван?

Люк де Керлеван

Когда б я был достоин
Ценой души купить победу над врагом,
Я душу отдал бы и в саване своем
Истлел. Но если б враг пришел к моей могиле,
То кости бы тогда от ярости заныли.

Графиня

Вы храбры, чуждо вам предательство. Мне граф
Об этом говорил.

Люк де Керлеван

Сударыня, он прав.

Графиня *(Вальдерозу)*

А вы бы умереть со славой не желали?

Жак де Вальдероз

Я за любимую погибну без печали!

Графиня

Вот как? Вы бороды не бреете еще,
Вам рано говорить об этом горячо.
А вы, Лурни? Пажу внимать я также рада.

Этьен де Лурни

Жизнь — книга, и в нее вписать заслуги надо.
И счастлив был бы я, когда б мой лист гласил:
«В теченье жизни всей он верен клятве был,
Что невозвратно дал своей подруге нежной;
До гроба честь его осталась белоснежной».

Графиня

Отлично! Так любовь все ваше бытие
Заполнила? Но вы не знаете ее —
И судите о ней!

Жак де Вальдероз

Я думаю, что знаю.

Этьен де Лурни

Я верю, что люблю.

Графиня *(смеясь)*

Сердца у вас до краю
Полны огня любви! Так пусть же ваша речь
Укажет смысл ее, чтобы меня развлечь.

Этьен де Лурни

Две жизни слить в одну, иметь одно желанье,
Одно стремление, одно существованье,
В одно спаять сердца, сплестись, как с нитью нить,
Двумя сознать себя и все же порознь быть
И душу чувствовать в чужой душе безмолвной.

Когда своя ушла во взор, любовью полный;
Дыханье затая, сознание свое
В бездумье утопить, впадая в забытье,
Друг подле друга быть, не говоря ни слова,
Сжав руки нежные, целуя рот вишневый,
Жить в лихорадочном и сладостном бреду...
Ах, полюбив, с ума, должно быть, я сойду!

Графиня

Прекрасно сказано! А как бы вы любили?
Скажите, Вальдероз.

Жак де Вальдероз

О, по-другому! В силе
Желанья страсть моя была б заключена,
И обладанья жар явила бы она.
Хочу я властвовать и быть рабом объятий,
Иметь соперника из богатейшей знати,
Чтоб мужу храброму я был бы предпочтен,
И стал единственным, и женщина на трон
Меня бы возвела, как венценосца — папа.
Пусть вся моя казна — рапира, плащ и шляпа,
Я б так торжествовал, что для меня мала
Была б летящая вслед королям хвала!
Всё, всё мое: глаза, и рот, и голос чистый,
И дикая душа, и сноп волос душистый!
Я поцелуями, как шелком, обовью
На ревность ангелам любимую мою;
Когда ж сладчайший мой осуществится жребий,
Мне будет сам господь завидовать на небе.

Графиня

(медленно поднявшись, направляется к двери)

Все это, дети, вздор! Страсть выглядит не так.

(Внезапно возвращается. Со смехом.)

А вы? Что скажете вы, господин Керсак?

Пьер де Керсак

Так долго эту грудь железо лат томило,
Что сердце умерло, хотя и сохранило

Пылающий рубец любви минувших лет,
Как бездыханный труп хранит сражений след.

Графиня

Но я рассказа жду.

Пьер де Керсак

Рассказ мой прост. Когда-то
Любил я. За любовь была измена платой;
И женщина, что мне клялась в любви навек,
Другому отдалась. Стал этот человек —
Наш враг — супругом ей, что хуже всех бесчестий.
Узнав об этом, я убил ее на месте.

Графиня *(с возмущением)*

Как низко!..

Пьер де Керсак *(высокомерно)*

И теперь я б так же поступил:
Презренье не грозит жильцам немых могил,
И смерть стократ ценней, чем жизнь во лжи лукавой.
Не красота, но честь должна венчаться славой!

Графиня

Быть может, вправе муж изменницу карать,
Но не любовнику такая месть под стать!
А вы, Буарозе?

Ив де Буарозе

(смущенно почесывая нос)

Любовь? Не знаю, право...
Мизинчик... душу вам... щекочущий лукаво,—
И точно зябликом становишься тогда...
Но в тело дрожь она вселяет — вот беда!
Куда уж там мечтать о дружеском обеде,
Когда и сон не в сон! Лицо желтее меди,
И все болит живот, и все темно в глазах,—
Вы точно в гамаке иль на морских волнах.
Но средство я нашел от этой лихорадки:
Пью можжевеловку — и голова в порядке.
Без водки я бы мог худым, как циркуль, стать.

Графиня

Вы, Керлеван?

Люк де Керлеван

Но я... не знаю, что сказать.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Графиня, Пьер де Керсак, Люк де Керлеван, Ив де Буарозе, Жак де Вальдероз, Этьен де Лурни, Сюзанна д'Эглю и солдат в сопровождении двух стражей.

Пьер де Керсак

Кто этот человек?

Стражник

Солдат из графской стражи.

Пьер де Керсак

Ты здесь?

Солдат

Да, я бежал.

Люк де Керлеван

Ему не стыдно даже!

Солдат

Граф умер.

Пьер де Керсак

Умер? Нет! Неправда!

Графиня

Мой супруг?

Солдат

Да, госпожа!

Пьер де Керсак

Но как?

Солдат

Враги сомкнули круг.
Граф пал в бою.

Люк де Керлеван

(схватив его за шиворот)

А ты?

Пьер де Керсак

(освобождая его)

Дай говорить трусишке.

Солдат

Мы двинулись в поход, считая понаслышке,
Что с Жанной де Пентьевр две тысячи людей;
Намеревались мы примкнуть под Нантом к ней.
Но англичане нас подстерегли в засаде.
Один солдат — мы шли в передовом отряде —
Сказал: «Смотрите, лес идет навстречу нам!
Хоть ветра нет, но дрожь проходит по ветвям,
Как будто ураган бьет по древесным купам».
Смеяться стали все, считая слишком глупым
Солдата этого. Вдруг мнимый лес исчез,
И вырос копийный колышущийся лес,
И мы увидели гребенчатые шлемы.
Из арбалетов смерть рванулась к нам. И все мы
Бежали. До конца один остался граф,
Изранен, весь в крови, все силы потеряв.
Но шпагу до конца рука его держала!
Граф крикнул: «Кто придет схватить клинок за жало?
Я шпагу отдаю, спешите, господа!»
И Англичанином он был сражен тогда.
Предательский удар! Граф смертью пал геройской.

Люк де Керлеван

А вы бежали все, как зайцы!

Солдат

Наше войско,
Увы, рассеялось по долам и лесам.

Люк де Керлеван

Ни капли жалости к трусливым подлецам!
Они плетутся в бой с повадкой черепашьей,
Оленями бегут, когда их гоняг взашей!
Таких, другим в пример, мы вешаем, как псов!
Нет, не бойцы у нас, но стадо беглецов!
А на пороге — враг. Веревку, да живее!

Солдат

(протягивая руки к графине)

Пощады, госпожа!

Графиня

Люк, надо быть добрее!
(Она берет кувшин с вином и сама наливает стакан солдату; он пьет. Потом она делает ему знак выйти.)

Солдаг уходиг вместе со стражами.

Какой бы горести мой дух не перенес?
Но все ж глаза мои сдержать не могут слез.
Нам, слабым женщинам, пристало в час печали,
Чтоб слезы горькие нам очи обжигали.
И все же гордость нам советует всегда
Их от людей скрывать!.. Ступайте, господа,
Оставьте нас одних.

Все уходят с поклонами.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Графиня, Сюзанна д'Эглю.

Графиня

О, как я торжествую!
Как обманула я наивность их смешную!
О, женщины сильны! Они сильней солдат!
А хитрость женская надежней крепких лат!
Так знай же: от меня исходят слухи эти,
Вот хитростью моей раскинутые сети.
Тебе доверюсь я, всю истину открыв...
Сюзанна, выслушай! Граф и поныне жив:

Я их заставила уверовать в нелепость!
Теперь я — госпожа и в силах выдать крепость
Тому, кого люблю, тому, кого я жду,
Чье имя я твержу в моем ночном бреду,—
Вождю островитян Ромасу!

Сюзанна д'Эглю

О Изора!
Твой грех не избежит всевидящего взора!
Клятвопреступницу не пощадит господь!

Графиня

Я долго эту страсть пыталась побороть —
Страсть одержала верх, влилась в мой ум бессонный,
Так чувствует себя боец, врагом сраженный.

Сюзанна д'Эглю

Как дурно это все!

Графиня

Что дурно? Почему?
Я до замужества еще клялась ему.
Но слово дал отец, досталась я другому,
Как вещь; а графскому я приносила дому
Подарок царственный: три замка. И к тому ж
Цвет юности моей сорвал мой старый муж!
Отца боялась я, перечить не посмела;
Но неужели граф, мое купивший тело,
И сердцем завладеть надеется моим,—
Летя на скакуне, с оружьем боевым,—
Как в плен берут врага?

Сюзанна д'Эглю

Будь осторожней! Тайна
Для стражи, может быть, откроется случайно,
Едва хлебнет вина сообщник твой, солдат.
Когда играет хмель — и ум и память спят.

Графиня

(указывая на кувшин с вином)

Когда играет хмель — спит разум. Но такую

Давая влагу пить, я вечный сон дарую.
Он мертв!

Сюзанна д'Эглю

Чужд граф тебе, но именем его
Ты дорожить должна.

Графиня

Не знаю, для чего?
Где, кроме наших мест, известно это имя?
Его прославлю я деяньями своими.

Сюзанна д'Эглю

Но путь предательства к бессмертью не ведет.

Графиня

Предательства! Но кто теперь не предает?
Сам Жан Французский, взяв изменою Монфора,
С Нормандским герцогом боялись ли позора?
А Ландерно? Генган? Предатель де Спинфор,
Открывший Эннебон Монфору? До сих пор
Все помнят, как Жюгон был продан по дешевке.
Предательствуют все — и ловкий и неловкий:
Лаваль, Малеструа, д'Аркур и де Клиссон —
Кем в жертву палачу король был принесен...
Иль не предатель был епископ из Леона?
И все же слава к ним доныне благосклонна...
Я ж предала того, кто мною был любим!
Ромас был оскорблен замужеством моим,—
Вновь я ему верна. Пусть гибнет граф! Доселе
Пред местью гордые умы благоговели.
Я выбрать не могла того, кто сердцу мил,
Другой схватил меня и душу истомил.
Сегодня к милому я возвращусь из плена!
Заслугой храбреца становится измена!

Сюзанна д'Эглю

Измены не сотрешь, хоть смелой будь вдвойне.
Но я тебя люблю, сестра, и страшно мне:
Отныне нам себя и всех бояться надо,
Любого пустяка, намека, жеста, взгляда.

Всего пугаешься, такой секрет храня.
Вдруг все откроется!..

Графиня

Кто уличит меня?

Сюзанна д'Эглю

Но в Нанте граф теперь. Когда бы здесь узнали...

Графиня

Слух этот возбудит сомнения едва ли.
Отлично сплетена Монфором эта сеть.
Ее раскинул он, чтоб замком завладеть.

Сюзанна д'Эглю

Что, коль вернется граф, встревожен слухом
странным,
Пока ты замок сдать успеешь англичанам,
Чтоб отстоять его? Ты отвратить беду
Не сможешь.

Графиня

Ничего, защиту я найду.

Сюзанна д'Эглю

В другом любовнике?

Графиня

Нам, женщинам, повинны
И телом и душой принадлежать мужчины.
Любовник иль супруг — всегда в руках у нас
Игрушка жалкая, опасная подчас;
Мужчина сотворен, чтоб стать слугою нашим.
Ему дано в удел смотреть на смерть с бесстрашьем,
И сердце мягкое и твердая рука,
Отвага, в смертный бой ведущая войска,
Ему дано мечом играть на поле брани;
А сила женщины — в ее очарованье.
Любовь! Она сильней всех доблестей мужских!
Мужчины? Как траву, мы косим волю их.
Коль взгляды, как силки, рассчитаны заране,
Мы вяжем их сердца словами обещаний,

Мы их преследуем и ловим без труда,
Как кошка с мышью, мы ведем игру тогда.
Зато в опасности, в часы тревоги крайней,
Найдется человек, нас полюбивший втайне.
И не краса его тогда нам дорога:
В то время все равно, он герцог иль слуга,
Пусть только любит он.

Сюзанна д'Эглю

Сообщник по измене?

Графиня

Нет, безответный раб, готовый на мученье,
На преступление, который был бы рад
Всю кровь свою отдать за мой единый взгляд!

Сюзанна д'Эглю

И ты нашла его?

Графиня

Сегодня отыскала.

Сюзанна д'Эглю

Где отыскала?

Графиня

Здесь. Увы, я замечала,
Что мой бессилен взор пред этой солдатней!
Сердец их не зажжешь улыбкою одной,
Тупая преданность их пламень потушила,
Ни одному из них я страсти не внушила.
И стары все они и глупы. На пажей,
Хоть мальчики они, надеюсь я скорей.

Сюзанна д'Эглю

(становясь на колени и сжимая руку графини)

Кузина, я тебя молить готова слезно:
Не делай этого, пока еще не поздно!
Тревогу страшную мне этот день принес...
Ведь я люблю тебя!

Графиня *(поднимая ее)*

Не лей напрасных слез.
И встань!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же и Жак де Вальдероз.

Жак де Вальдероз стремительно входит, но, заметив графиню и Сюзанну д'Эглю, внезапно останавливается.

Жак де Вальдероз

Прошу простить!

Графиня

(знаком приказывая ему подойти)

Входите. Было б странно,
Когда б вспушала страх прекрасная Сюзанна.
Коль одинокую печаль в груди несешь,
Нам веселей, когда болтает молодежь.
Вид огорченный мой не в радость вашим взорам,
Я буду издали следить за разговором.

Сюзанна д'Эглю *(умоляюще)*

Останься!

Графиня *(удаляясь)*

Но зачем? Пусть юность говорит.
В мои года молчат под бременем обид,
А в ваши — говорят о пустяках друг другу.
Смеясь, большую мне окажете услугу:
Пусть удрученная почувствует душа,
Как ваша молодость светла и хороша.

(Она входит в амбразуру окна, глядя то на молодых людей, то в окно.)

Жак де Вальдероз *(Сюзанне д'Эглю)*

Благослови вас бог, мадмуазель Сюзанна!
Я восхвалять его хотел бы неустанно
За то, что милосерд господь и в этот раз
И позволяет мне остаться подле вас.
А это для меня — восторг и наслажденье!

Сюзанна д'Эглю

Я, сударь, слушать вас совсем не в настроенье,
Оставьте при себе любезные слова.
Я слезы горькие могу сдержать едва!

Жак де Вальдероз

Не менее, чем вы, подвластен я печали.
Но радость небеса всегда ниспосылали
Мятущимся в тоске. И горе смягчено,
Когда мне видеть вас хоть издали дано.

Сюзанна д'Эглю

Меня теперь ничто утешить не могло бы.

Жак де Вальдероз

Скорбь тает подле вас, как снежные сугробы,
Затем, что для сердец, как солнце, женский взгляд

Сюзанна д'Эглю

Но место вам не здесь, а там, где кровь струят!..

Жак де Вальдероз

Одно лишь место есть, причастное отрадам:
То, что красавица дает с собою рядом.

Сюзанна д'Эглю

Есть много мест других, где мужество цветет.
О женской красоте не будет думать тот,
Чье сердце к Франции охвачено любовью.

Жак де Вальдероз

Железо и огонь приникли к изголовью
Несчастной родины. В такие дни трудней
Любить печальную, чем слезы лить над ней.
Нам стала женщина пристанищем последним.

Сюзанна д'Эглю

Тот трус, кто и теперь любовным предан бредням
И чьей пустой душе дороже долга страсть.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Графиня, Жак де Вальдероз.

Сцена представляет собой комнату замка де Рюн, служащую молельной графине. Налево нечто вроде часовни. По бокам сцены — двери; в глубине — окна. Жак де Вальдероз стоит на коленях перед графиней, сидящей в кресле, и, с обожанием глядя на нее, держит в своих руках ее руку.

Жак де Вальдероз

О, я хочу всю жизнь так простоять, счастливый!
Ужели я любим той строгой, горделивой,
Прекрасной госпожой, чей взор внушает страх,
Чья красота всегда была в моих глазах,
Как дальняя звезда, чиста и недоступна?
Заслыша вашу речь, не трепетать — преступно!

Графиня

Теперь вы поняли, что значит слово страсть?

Жак де Вальдероз

Я это познаю, отдавшись ей во власть.

Графиня

Как познаете вы?

Жак де Вальдероз

Вас видя хоть мгновенье.

Графиня

Так мало нужно вам?

Жак де Вальдероз

Мне, в низком положенье...

Графиня

Различий меж людьми любовь не признает.
Она равняет всех.

Жак де Вальдероз

Как я люблю вас!

Графиня

Вот
Ребячий лепет! Страсть? Она совсем иная,
Не слово... Что ж она?

Жак де Вальдероз

Она — ворота рая!
Она блаженный сон! Ее понять нельзя.

Графиня

Нет, страсть не такова.

Жак де Вальдероз

Рукой своей скользя
Вдоль вашей, счастье пить — вот высшее
желанье!
Ловить из ваших уст чистейшее дыханье
И слышать, как шуршит ваш шелковый наряд,
Когда вы движетесь; встречать ваш томный взгляд,
Взгляд, яркий, как заря, надменный и случайный!
Пусть в глубине его еще таятся тайны, —
Их разгадать хочу. И страшно мне чуть-чуть.

Графиня

Не такова любовь.

Жак де Вальдероз

Любовь — огонь, что грудь,
В горнило превратив, терзает неустанно;
Тех поцелуев жар, что лавою вулкана
Из горла рвутся к вам!

Графиня

Нет.

Жак де Вальдероз

Буря счастья!

Графиня

Нет.

Жак де Вальдероз

Безмерный горизонт, вмещающий весь свет!

Графиня

Нет. Это преданность и боль: не обольщая
Себя надеждами, ты гибнуть рад, прощая.
Ты любишь — это всё. Ты любишь — и готов
Отдать всего себя как низший из даров,
Все существо свое, и кровь свою, и тело,
Все, что жило в мечтах, и все, что в сердце тлело,
Готов повергнуть честь — возлюбленной к ногам,
И больше отдавать, чем получаешь сам,
И, прочитав намек в обожествленном взгляде,—
Понятно вам? — на смерть пойти любимой ради!

Жак де Вальдероз

Я знаю, вижу я и чувствую одно:
Сеньора, вас любить мне вечно суждено!
Я жажду слышать вас и видеть, обожая
Все ваше существо, всю вас, не признавая
И презирая все, что не причастно вам!
Пусть я умру, припав к пленительным рукам!

Графиня *(с нетерпением)*

Дитя, твоя душа не тронута страстями.
Ты смотришь влажными, влюбленными глазами,
О робкой нежности воркуешь голубком.
Что нежность пред моим бушующим огнем?
Но испытал ли ты, как бесконечной ночью
Вся плоть твоя вопит и тело рвется в клочья
От ярости слепой, когда звенит в груди
Все ненавистное, что было позади?
Томясь в желаниях истерзанной душою,
Ты думал ли, скажи, что я была женою
Другого, что ему любовь дарила я?
Что я живу, следы его любви тая,
Что старит поцелуй и душу, словно тело,
Что не чиста душа, что сердце очерствело?
Ревнуешь ты?

Жак де Вальдероз

К чему?

Графиня

К судьбе моей былой.

Жак де Вальдероз

Но я теперь любим.

Графиня

Подумай, что другой...
Что им и на губах и в сердце след оставлен.

Жак де Вальдероз

Словами вашими, как ядом, я отравлен.
Зачем мне это знать?

Графиня

Наивное дитя!
Ужель ты думаешь, что столь доступна я
И, тотчас же смирясь, мужской покорна блажи,
Подобно городу, что рог услышал вражий?
Чтоб в цитадель вступить — победу одержи;
Чтоб в сердце мне войти — страданьем заслужи
Доверье; победи, чтоб я, как крепость, пала.
Опасен будет штурм! Я требую немало:
Ты кровь прольешь свою, прольешь потоки слез!

Жак де Вальдероз

Но почему бы мне коварный рок принес
День испытания жестокого такого?

Графиня

Когда король Филипп проведает, что вдова —
Владетельница трех французских замков, он
Захочет, чтобы взял какой-нибудь барон
И замки и меня навеки под охрану.
Я — о дитя мое! — его женою стану.
Что сделаешь тогда?

Жак де Вальдероз *(с яростью)*

Убью его!

Графиня

(с радостным криком целует его в лоб)

Любимый![1]

(Быстро выбегает в левую дверь.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Жак де Вальдероз, один.

Жак де Вальдероз

Не слово — молния! О, нежности таимой
Крещенье! О, заря ликующего дня,
Когда твои, любовь, вкушу триумфы я!
Не поцелуй руки — уста горят пунцово,
Я, слыша «да», всхожу по ступеням алькова!
Кто светлый гений тот, что голову мою
Блаженством окропил, пока я тут стою?
Как часто женщина таинственная ночью,
Вся обнаженная, являлась мне воочью.
Она бежала, я настичь ее не мог.

(Содрогается от рыданий.)

О, как томит любовь! От слез я изнемог...
Да, я любим, любим! Меня поцеловали
Те губы нежные... О, правда ли? Меня ли?..
Пусть мальчик я для всех — я вырос в эти дни!
Но что сказали бы Керсак или Лурни,
Когда бы слышали признание графини?
Успех свой отрицать приходится мне ныне.
О, как бы все они завидовали мне!
Такую тайну скрыть — и не сгореть в огне!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Жак де Вальдероз, Сюзанна д'Эглю.

Сюзанна

(входя справа и замечая его)

Ах, это вы? Но что вас понуждает вежды
Слезами увлажнять?

---

[1] Здесь Мопассан нарушает правильную последовательность мужских и женских рифм. *(Примеч. переводчика.)*

Жак де Вальдероз

(очень взволнованно)

Я плачу от надежды.

Сюзанна д'Эглю

Надежды? Но на что?

Жак де Вальдероз

На счастье в этот раз.

Сюзанна д'Эглю

Надежды иногда обманывают нас.

Жак де Вальдероз

Я на пути к нему.

Сюзанна д'Эглю

Оно бежит все дале.

Жак де Вальдероз

Как! От меня? Не мне ль слова ее звучали
Признанием любви?

Сюзанна д'Эглю

(с большим достоинством)

Речь ваша не ясна.

Жак де Вальдероз *(успокаиваясь)*

Как часто я мечтал, что станет ярче сна
Осуществление моей надежды ложной.
Мне счастье грезилось, и вот оно возможно.

Сюзанна д'Эглю *(печально)*

Порою призраки, являясь нам во сне,
Обманывают нас.

Жак де Вальдероз

Чего бояться мне?
Надежду в плен я взял; пускай теперь, как птица,
Трепещет крыльями и улететь стремится,—
Она поет в душе, суля блаженство мне.

Сюзанна д'Эглю

Увы! Мы часто ей внимаем в тишине!
Но улетит она — и мы грустим, вздыхая.

Жак де Вальдероз

Зачем вы испугать меня хотите, злая?

Сюзанна д'Эглю *(воодушевляясь)*

Нет, сударь, я не зла, известно это вам!
Но как мне свет вернуть невидящим глазам?
Иль вы не знаете, не чувствуете сами,
Что так легка игра с любовными силками?
Но... если б говорить могла я, о другом...

Жак де Вальдероз

Не понимаю вас.

Сюзанна д'Эглю *(с важностью)*

Я говорю о том,
Чего в мои года не принято касаться.
Но более других я знаю, может статься.
Закрыла сердце я, не закрывая глаз.

Жак де Вальдероз

Я зряч.

Сюзанна д'Эглю

Нет.

Жак де Вальдероз

Почему?

Сюзанна д'Эглю

Страсть ослепила вас.

Жак де Вальдероз

Но кто вам рассказал?

Сюзанна д'Эглю

Не все ль равно?.. Я знаю!
Ловушку хитрую всегда я угадаю.

Быть может, вас, пока вы шепчете «люблю»,
Заставят изменить и нам и королю.
Для сердца чистого любовь, как чаша яда,
И страсти низменной покорствовать не надо.
Когда же сатана смущает ваш покой,
Не отдавайте честь взамен любви такой.

Жак де Вальдероз

Я...

Сюзанна д'Эглю

Помните всегда: вы не изменник лживый,
Сеньору своему быть преданным должны вы!
Пускай от женщин вас господь убережет
Затем, что взгляд их чист, когда их сердце лжет.
Вы имя честное обязаны до смерти
От низости беречь.

Жак де Вальдероз

Я никогда, поверьте,
Для страсти пагубной души не отворю!

Сюзанна д'Эглю

Вы обещаете?

Жак де Вальдероз

Клянусь!

Сюзанна д'Эглю

Благодарю!
Теперь взгляните, кто идет по той долине.
И пусть же ненависть — она ваш долг отныне —
Заменит страсть, что вас тиранила досель.

Жак де Вальдероз

Но что там?

Сюзанна д'Эглю

Вас там ждут.

Жак де Вальдероз *(весело выходя)*

Иду, мадмуазель.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Сюзанна д'Эглю, одна.

Сюзанна д'Эглю

(стоит посреди комнаты и плачет)

Теките, слезы. Пусть поток ваш не скудеет,
Покуда голова моя не поседеет.

(Бросается на колени перед большим распятием, рыдая и сжимая голову руками.)

Когда бы это был, о боже мой, не он!

(Снова плачет.)

Где счастье? Нет его, оно мгновенный сон;
И слишком дорого мы за надежды платим!

(Поднимая взор к распятию.)

Ужели тщетно я взываю пред распятьем
И от несчастья мне защиты не найти?
Неодинаковы, господь, твои пути,
И не права судьба, что мне грозит бедою.

(Встает с колен, шатаясь.)

Мне дурно. Ясный день тускнеет предо мною!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Сюзанна д'Эглю, Графиня и Пьер де Керсак
Графиня внезапно входит через левую дверь, Пьер де Керсак вбегает через правую.

Пьер де Керсак *(графине)*

Сударыня, враги у крепостных ворот!
На замок приступом идет английский сброд!

Графиня

Исполните свой долг.

Пьер де Керсак *(высокомерно)*

Ни на одно мгновенье
Я никогда о нем не забывал!

Графиня

Сраженье
Меня пугает. Вас так мало!

Пьер де Керсак

Нас в охране[1]
Вполне достаточно. Своих врагов заране
Считать не любо нам; мы их включаем в счет,
Когда их головы французский меч ссечет.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же и Ив де Буарозе, с бочкой на плече.

Ив де Буарозе *(тяжело дыша)*.
Ну, вот и я!

Пьер де Керсак

Ты с чем?

Ив де Буарозе

С бочонком лучшей водки.

Пьер де Керсак

Зачем она тебе?

Ив де Буарозе

Нужна моей же глотке.
Потом я угостить намерен англичан.

Пьер де Керсак

Ты спятил?

Ив де Буарозе

Вовсе нет. Напиток очень пьян,
Полезен для кишок, огнем течет мгновенным!
Пусть лестницы они приставят к нашим стенам:
Подняться доверху я им позволю всем,
Над головами их я вытащу затем

---

[1] Здесь Мопассан снова нарушает последовательные чередования мужских и женских рифм. *(Примеч. переводчика.)*

Затычку эту прочь и вылью, не жалея,
Всю можжевеловку!

(Потирая руки, с радостью.)

Прекрасная затея!
Так, водочным дождем пробрав их до костей,
Я стадо угощу непрошеных гостей.
Когда же, рты открыв и с мокрыми носами,
Все эти дураки застынут перед нами,
Надеясь, что еще в бочонке водка есть,
Я их заставлю всех в сплошной огонь полезть,
И в пламенном они потонут океане!
Я можжевеловки вопью благоуханье
И жареных врагов вдохну зловонный чад.

Пьер де Керсак *(смеясь)*

Что ж, поглядим!

Ив де Буарозе

Идем! Но люди говорят,
Что водка придает невиданную силу.
Мы выпьем за врагов.

Пьер де Керсак

О нет, за их могилу!

Уходят, смеясь.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Графиня и Сюзанна д'Эглю.

Графиня

(с безумной радостью)

Он здесь! Я из окна увидела его!
Его моей любви призвало колдовство,
Он тела моего услышал зов. Я знаю:
Он шел быстрей гонца. Я стены проклинаю,
Что разделяют нас! Пади, седой гранит,
Мой милый храбростью и мощью знаменит!

Бретонцы подлые! Бегите с поля брани!
Дрожите! Милый мой согнет вас в рог бараний!

Слышен повторяющийся три раза на разные лады рожок, затем отдаленный голос.

Голос за сценой

Вы, охранявшие сей замок до сих пор!
Эй, люди, слушайте! Так повелел Монфор.
Я сотни лучников сюда привел с собою
И храбрых всадников, всегда готовых к бою.
Здесь в день Мартина я, начальник их, Ромас,
Приказываю вам ключи мне сдать сейчас
От замка! Только в том спасенье вам и благо,
Иначе каждому грозит конец под шпагой.

Смех солдат на крепостном валу.

Графиня

А я... я чувствую: его прекрасный рот
Мне лоб хладеющий, как жаркий уголь, жжет.

Снова слышится рожок — более близкий, отвечающий три раза, и голос.

Голос за сценой

От имени Блуа, властителя Бретани,
Вам, вероломные, срамные англичане,
Я говорю, Керсак, командующий здесь!
Молите, чтоб господь, забыв про вашу спесь,
Душонки ваши взял, презренные злодеи,
С их преступленьями, которых нет гнуснее!

Слышны отдаленные яростные крики англичан. Когда голоса смолкают, наступает полная тишина.

Графиня

Сейчас начнется бой. Я ждать обречена.
Все точно умерли — такая тишина!

Сюзанна д'Эглю

Я слышу дальний гул. То стадо пробегает?

Графиня

Там бой идет.

Сюзанна д'Эглю

Теперь, мне кажется, ломает
Кусты летучий вихрь и ласточки свистят.

Графиня

То гибкая стрела звенит, касаясь лат.

Сюзанна д'Эглю

О боже! Льется кровь!..

Графиня *(иронически)*

Тебя замучит жалость!..

Трубы гремят, слышны крики, сильный шум.

Сюзанна д'Эглю

Послушай!

Графиня

(прислушиваясь к далекому голосу)

Двинулись на приступ! Сердце сжалось!
Я слышу Вальтера. Как страшно мне! В бою
Он может под удар подставить грудь свою.
А смерть, как пес цепной, бросается порою,
Минуя робкого, к бесстрашному герою.

Сюзанна д'Эглю

Мне причиняет боль ужасный шум войны.
Не клики бьющихся, а стоны мне слышны.

Графиня

(властно поднимаясь)

Нет! Я должна идти! В моей, быть может, власти
Его спасти еще, предотвратить несчастье!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Те же и солдат.

Солдат

Сударыня, в бою солдат английский взят.
Он тайну хочет вам поведать.

Графиня

Мне? Солдат?
Пусть он войдет сюда!

Пленник входит в сопровождении двух солдат.

Что знаешь ты?

Пленник

Об этом
Дерзну сказать лишь вам.

Солдаты отходят по знаку графини

Я прислан к вам с пакетом.

(Подает ей письмо.)

Графиня

Кто шлет его?

Пленник *(тихо)*
Ромас.

Графиня *(с живостью берет письмо)*
Ступай!

(К солдатам.)

Эй, стража! Он
Награду заслужил — и будет награжден!

Солдаты и пленник выходят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Графиня и Сюзанна д'Эглю.

Графиня *(страстно целуя письмо)*

Он целовал письмо — и я письмо целую.
Я — понимаешь ли? — боготворю любую
Из тех вещей, что он в руках держал хоть раз!
Бумажный этот лист, что мне прислал Ромас,
Доселе сохранил тот поцелуй далекий,
Как мысль его хранят начертанные строки.

(Вскрывает пакет и читает письмо.)

«Моя любимая. Коль этот штурм дневной
Не даст нам овладеть ни рвами, ни стеной,
Секретный ход открой. Я изнемог в разлуке.
В ночи приду к тебе и поцелую руки,
И губы, и глаза. Приду один. Потом
Всех лучников моих мы в крепость проведем.
Но я хочу сперва у ног склониться милых.
Потерпит мой король, а я терпеть не в силах».

(Еще раз целует письмо.)

Сегодня ночью, да! Сегодня, пред зарей,
Я руку Вальтеру сожму своей рукой.
Как будут трепетать душа моя и тело
От ласк, которых я так долго вожделела!

(Смотрит в окно.)

Напрасно я гляжу. Еще ночная тень
Далёко от земли. Как долог этот день!
Как сладостна любовь! Как горько ожиданье!
О боже, сумерки зовет мое желанье!
Теперь надежд моих так блещет небосвод,
Что не замечу я, как эта ночь придет!

Раздается громовой крик солдат. Слышен ужасающий шум; это бегут люди, наталкиваясь друг на друга. Звучат трубы.

Сюзанна д'Эглю

Как стены дрогнули! Ужели брешь пробита?

Графиня

(прижав руки к сердцу)

Он победил!

Крики за сценой

Монфор!
Пентьевр!
Идет защита!

Сюзанна д'Эглю

(падая на колени)

Спаси, господь!

Входит растерянный солдат.

Графиня

Ну что?

Солдат

Еще отряд идет.

Графиня

Кому на помощь? Им?

Солдат

Они уж у ворот.

Слышны приближающиеся голоса. Солдат выбегает.

Графиня

Он победитель! Он! Я счастлива, Сюзанна!

Сюзанна д'Эглю *(подавленно)*

Враги!.. В моей груди как бы зияет рана!..

Графиня

Прислушайся: к концу уже подходит бой!

Крик за сценой

Победа!

Графиня

Наконец! День, взысканный судьбой!
Ты слышишь этот шум, с морским прибоем схожий?
Он победил! Он здесь! Я задыхаюсь!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Те же, граф де Рюн, Жанна де Блуа

Графиня

Боже!
Мой муж!

(Бросаясь к нему в объятья.)

А я уже оплакивала вас!

Граф де Рюн *(целуя ее в лоб)*

Вас, милая жена, представлю я сейчас
Той, чей отряд привел я в этот замок ныне,
Графине де Блуа, бретонской герцогине...

Жанна де Блуа

Желающей у вас немного отдохнуть:
Из Нанта мы идем, а это дальний путь.

Графиня *(низко кланяясь)*

Вы — госпожа моя!

Жанна де Блуа

Графиня дорогая,
Прошу мой сан забыть, мне руку пожимая.
Пусть дружественных чувств я получу залог.

Графиня

Я, подданная, быть должна у ваших ног.

Жанна де Блуа

У сердца, милый друг!

(Обнимает ее и, опираясь на ее плечо, стоит в этой позе часть сцены. Повертывается к графу, с улыбкой.)

Мой граф, и после боя
Должны вы охранять Пентьевр с ее судьбою.
Гостеприимство здесь со свитою деля,
Спокойней буду я, чем в замке короля.
К тому ж знакомлюсь я с женою вашей милой,
Которую война от нас вдали таила.
Да будут спаяны де Рюн и де Блуа,
Как с острием своим пернатая стрела.

Граф

Как спаяны рука и шпага боевая,
Я — шпага, вы — рука!

Жанна де Блуа

(улыбаясь, кивает головой, потом к графине)

Взволнована была я.

Вас англичане здесь пытались осадить,—
И я спешила к вам.

Графиня

Как мне благодарить
Вас, госпожа моя!

Жанна де Блуа

Не правда ли, был страшен
Крик этих англичан, толпящихся у башен?
Лишь небольшой отряд был вам в охрану дан.

Графиня
(с двусмысленной улыбкой)

Нет, право, для меня соседство англичан
Не страшно.

Жанна де Блуа *(улыбаясь)*

Вы храбры.

Графиня

Я вас прошу, ответьте:
Как вы смогли пройти сквозь все преграды эти
С такою быстротой?

Жанна де Блуа

О, просто! Враг разбит.

Графиня

И вас не испугал сраженья грозный вид?

Жанна де Блуа

Нет, не страшимся мы кровопролитной брани,
Затем что есть при нас отважные дворяне.
(Указывая на них.)
Здесь маршал Франции, наш друг Монморанси;
С ним рядом Сен-Венан и храбрый де Куси,
Что двадцать англичан убил в одно сраженье;
Сир де Сюлли; его заслышав приближенье,
Враги скрываются. Среди других имен
Есть имя де Понтье, есть имя де Краон,
Которые теперь прославлены по праву.

Здесь с нами Дюгеклен, познавший также славу:
Пусть всякий, кто прожить намерен лишний день,
Умчится от него быстрее, чем олень.
Враг в собственной крови в конце сраженья
плавал;
Сегодня рыцарь наш был, как взбешенный дьявол!
На поле, где мертвец прижался к мертвецу,
Столкнулся Дюгеклен с врагом лицом к лицу:
То некий был Ромас, кому бы шелк богатый
Скорее подошел, чем кованые латы.
Его за кисть руки схватил мессир Бертран
И сдернул с лошади, к испугу англичан.
Но тут толпа солдат к Ромасу подоспела,
Иначе бы в аду его душа горела.
О вас, мой Дюгеклен, заговорит весь мир.
А ваши недруги... Мне жалко их, мессир!

Графиня *(с волнением)*

Но все-таки... Ромас... не умер?..

Жанна де Блуа

Нет покуда.
На утренней заре ему придется худо:
С Ромасом Дюгеклен начнет на шпагах бой.
Наш рыцарь обещал, с обычной добротой,
Что хлеба ни куска в желудок не отправит,
Пока своим клинком врага не продырявит.

Графиня

(с особым выражением)

Ну что ж... мы поглядим!

Жанна де Блуа

Конечно, поглядим!
Графиня, принято всем храбрецам таким
Награды раздавать. Так пусть же ваши губы
Коснутся лба его...

Графиня делает резкое движение.

Его манеры грубы?
Они пугают вас? А я бы предпочла
Его тем неженкам, что любят зеркала.

Я душу внешности всегда предпочитала,
И красотой лица я любовалась мало.
Быть может, он в любви не стоит ничего,
Но в храбрости никто не превзойдет его!
Прекрасен Дюгеклен, когда румянец гнева...
Я, впрочем, есть хочу, как хочет королева,
Которая ведет тяжелую войну
И целый день дралась за милую страну.
А вы как, господа? За мной идите следом
С веселою душой и смейтесь за обедом,
Затем что рыцарю прилично ликовать,
Коль знает он, что враг с ним встретится опять.

Все уходят, кроме Вальдероза, выходящего на авансцену, и Сюзанны д'Эглю, которая, оставшись последней и собираясь выйти, вдруг останавливается и смотрит на него. Он не замечает ее.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Вальдероз и Сюзанна д' Эглю.

Жак де Вальдероз

Так вот что от надежд бесчисленных осталось!
Страданье жгучее! Все то, что мне казалось
Уже достигнутым,— все рушится во прах.
Теперь и смертный грех ничто в моих глазах!
И ярость львиная и мужество Геракла
Кипят в моей груди. А нежность не иссякла...

(Прижимает руки к груди.)

Не пожелал бы я, чтоб мой смертельный враг
Подобно мне страдал.

Сюзанна д'Эглю

(не двигаясь с места)

Всегда бывает так:
И трудно жернову, и мелется пшеница,
И капля радости вовеки не сравнится
С озерами тоски в сердечной глубине.

Жак де Вальдероз

(подбегая к ней и сжимая ее руки, несмотря на ее сопротивление)

О, сжальтесь надо мной! О, помогите мне!
Вдохните в грудь мою частицу вашей веры!
Зову вас, женщины! О нежные химеры!
Вы держите сердца, как ангелы, в руках,
Гоня отчаянье и развевая страх.
А взоры влажные дают успокоенье
Любовной алчности, кричащей в исступленье.
Как ваша речь нежна! Она зовет возлечь
На ложе мягких слов. Я грудь свою под меч
Подставил бы теперь, убил бы я другого —
Пусть знак подаст она.

Сюзанна д'Эглю

(очень взволнованная и бледная)

Молчи!

Жак де Вальдероз

Какое слово
Страсть выразит мою?

Сюзанна д'Эглю

(закрывая ему рот рукою и стараясь вырваться и убежать)

Молчи же!

Жак де Вальдероз

Пустота
И тьма кромешная там, где цвела мечта.

Сюзанна д'Эглю

(задыхаясь от страдания)

Я слышу, слышу все! Молчите!

Жак де Вальдероз

Ради бога!
Так много сил у вас! Побудьте здесь немного!..

Сюзанна д'Эглю

(обезумев, пытается вырвать свои руки у Вальдероза, стоящего перед ней на коленях)

Не понимает он!..

Жак де Вальдероз

Я здесь умру без вас.
Я нежность вижу там, в глубинах ваших глаз.
О, помогите мне, я одинок в печали!

Сюзанна д'Эглю

(с отчаянием вырываясь)

Как больно слушать вас, когда б вы только
знали!

(Убегает, оставляя Вальдероза на коленях, рыдающего.)

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена изображает спальню графа и графини де Рюн, расположенную в одной из башен замка. В глубине, на высоком помосте, две очень большие дубовые кровати — в трех метрах одна от другой. Между ними узкое и высокое окно; другое окно, более широкое, в левом углу. Задняя стена идет полукругом, соответственно форме башни. У авансцены дверь справа и дверь слева. К концу первой трети акта восходит луна и освещает сперва обе кровати через левое окно, а потом, через среднее окно, только промежуток между ними.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Графиня и Сюзанна д'Эглю.

Графиня

Достаточно меня мой мальчик полюбил,
Я буду возбуждать его любовный пыл;
Когда же мужеству любовь пажа научит,
Заколет графа он.

Сюзанна д'Эглю

И стыд тебя не мучит?

Графиня

Пусть в сердце нет стыда — есть ненависть зато!
Не все ль равно тебе? Граф для тебя ничто.
Его женою быть мне больше не под силу.

Я призываю день, когда его могилу,—
Как бык, он рухнет в кровь,— увижу не во сне!
Противно мне его доверие ко мне,
А эта доброта рождает омерзенье,
Затем что моего не знает он презренья,
Не знает, как томлюсь, тоскуя о другом;
Мне мерзко, что вокруг безмолвствуют при нем,
Что любит он меня. Когда я графа вижу,
И самое себя я тоже ненавижу!
Отчаянье всегда — при свете белом дня
И в темноте ночной — преследует меня.
Я милому была б покорнее рабыни
И ласк его сама искала бы доныне.
Но если ненависть руководит тобой,
Когда немилый муж, навязанный судьбой,
Склоняется к тебе и терпишь ты насилье,—
Собачье бешенство клокочет в каждой жиле,
И ядовитою становится слюна,
И чувствуешь тогда, что ты убить должна!
Граф вечером меня приветствовал, целуя,
И стало ясно мне, что медлить не могу я,
А на губах моих был ненависти вкус,
И отшатнулся граф, почувствовав укус.

Сюзанна д'Эглю

Но Вальдероз, пред кем ты злобы не скрываешь,—
Ужели и его ты в жертву обрекаешь?
Безжалостная ты, нет сердца у тебя!
И он в тебя влюблен и мучится, любя,
А ты — предмет любви — убийцей станешь скоро.
Скажи: ты женщина иль статуя, Изора?
Он совершит свой грех и, ужасом гоним,
Уже затравленный безумием своим,
Бледнея, к твоему приникнет изголовью
И, руки протянув, запятнанные кровью,
Награды будет ждать — объятий ледяных.
Ты крикнешь: «Он убил!» — и стражников своих
Заставишь взять его — кому ты всех дороже,
Кем так любима ты!

Графиня

Пусть будет так. Но все же
За преступление он будет награжден:

Пусть только час один, но будет счастлив он,
Деля со мной постель по нашему условью.
Пускай он за любовь своей заплатит кровью!

Сюзанна д'Эглю

Ты любишь убивать! Мне страшно быть с тобой!
Твой взгляд губителен, как смертоносный бой.
Когда возьмут его, несчастного ребенка,
Безумного от ласк, подобных сети тонкой,
Еще с лица не смыв любви его печать,
Ты побежишь врагам ворота отворять
И замок выдашь их нетерпеливой злости;
Враги займут приют твоей высокой гостьи...
Иль не страшна тебе за кровь святая месть?
У спящих во гробах такая сила есть,
Что сила королей пред нею легче дыма.
Надежду потеряв, раскаяньем гонима,
Напрасно будешь ты в кромешной тьме ночей
Пытаться избежать стрел совести своей.
И будет за тобой, как вечная угроза,
Лететь немая ночь с глазами Вальдероза;
Как волка, будет вихрь тебя кружить, знобя.
Прощай!

Графиня

Куда же ты?

Сюзанна д'Эглю

Молиться за тебя.

Графиня

Не свяжет бог меня. Пусть буду я убийца —
Моя ли ненависть молитвы убоится?
Для сердца моего любовь — надежный щит,
И совесть жалкая меня не поразит.
Сюзанна, страсть моя — морская ширь без края;
Стыд исчезает в ней, как капля дождевая!

Сюзанна д'Эглю

Убей его, убей! Но пусть не будет он
Столь недостойною любовью осквернен,
Пусть ложа твоего он избежит, Изора.

Графиня

Ты влюблена в него?

Сюзанна д'Эглю

Нет, я страшусь позора!
Пусть за тебя он чист падет — с клинком в груди.

Графиня

Мне все равно. Смотри, вот Вальдероз. Иди!

Вальдероз входит через правую дверь. Сюзанна д'Эглю пристально смотрит на него, пока он подходит к графине. Так как он ее не замечает, она делает жест отчаяния и выходит в левую дверь.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Графиня и Жак де Вальдероз.

Вальдероз, очень бледный, останавливается на расстоянии одного шага от графини и неподвижно стоит пред нею.

Графиня

Ты с нежностью своей простился слишком скоро,
Не потому ли ты поднять не смеешь взора?

Жак де Вальдероз

Увы, сеньора! Я боюсь любви своей.

Графиня

Хозяйских, может быть, боишься ты плетей?
Страх доблесть отогнал и леденит затылок?
Как холоден твой дух, хотя язык и пылок!

Жак де Вальдероз

О нет! Я вас люблю, и мой язык не лжет.
Все, что я выстрадал в проклятый день невзгод,
О чем я плакал, выл, стенал в тисках печали,
Никто и сами вы об этом не узнали.

Графиня

Жак, скрытая любовь знакома также мне,
Она, страшась людей, рыдает в тишине.
Но в дни опасности смешна любовь такая;
Ее трусливою теперь бы назвала я.

Жак де Вальдероз

Но что же делать мне?

Графиня

Когда мужчина смел,
Он не пугается и самых трудных дел.

Жак де Вальдероз

Не понимаю вас.

Графиня *(яростно)*

Меня понять боишься?

Жак де Вальдероз

Теряю разум я.

Графиня

Ты любишь и томишься...
Пока в густом лесу оленья самка ждет,
Свои рога самцы, храпя, пускают в ход!

Жак де Вальдероз

Как догадаться мне?..

Графиня

Разгадку я открою:
Ты полюбил меня, но спит другой со мною.

Жак де Вальдероз

А, граф! Признаюсь вам, я думал сам о нем.

Графиня

Он думать бы не стал, когда бы нас вдвоем
Застал наедине,— так поступил бы каждый.
Так слушай — эта речь не повторится дважды:
Здесь, в сердце, места нет для нежности двойной;
И если хочешь ты владеть всецело мной,
То нежность прежнюю ты мне изгнать поможешь,
И путь изгнания кинжалом ты проложишь.
И я — твоя! Никто не помешает нам.

Жак де Вальдероз *(шепотом)*

Об этом думал я так часто по ночам!

Графиня

Достаточно ль ты храбр?

Жак де Вальдероз

Он господин мой. Боже!

Графиня

И мне он господин.

Жак де Вальдероз

Предатель я!

Графиня

Но кто же,
Кто я тогда? Скажи, иль не предатель тот,
Кто на любовь его супруги посягнет?
Грех совершен уже.

Жак де Вальдероз

Мы изменяем оба,
Я клялся быть слугой.

Графиня

А я женой до гроба.

Жак де Вальдероз

Так долго спал я с ним под кровлею одной...

Графиня

Да, но отныне, Жак, ты будешь спать со мной!
Я счастье дам тебе, ты кровь прольешь недаром.

Жак де Вальдероз

Сам граф мне шпагу дал. И под ее ударом
Мой господин падет!

Графиня

И мой он господин.
Живой спит с женщиной, а мертвый спит один.

Жак де Вальдероз

Я совершаю грех.

Графиня

Любое преступленье
Простительно, когда в любви его рожденье.
Души не омрачат и сто таких измен,
Все добродетели пред ними прах и тлен.
Во имя женщины не раз царей казнили,
И армии не раз вела любовь к могиле.
Нередко меч разит во имя божества,
На кровь имеет страсть не меньшие права;
Она простит убийц, и бог им даст прощенье,
Измен не знает страсть, не знает преступленья,
Ее неистовство мы верностью зовем.

Жак де Вальдероз

Не смею! Нет...

Графиня *(с сарказмом)*

И я в любовнике таком
Не разуверилась и ласк его желала!..
Но трусости твоей я не дивлюсь нимало:
Мужчины таковы! Коль мужа дома нет,
Вы рады случаю, вершители побед;
А возвратится муж, тогда вы за дверями
Готовы о любви сговариваться с нами
И счастливы, когда перепадают вам
Остатки нежности, которую мужьям
Выплачиваем мы на равнодушном ложе.
Так поступают все — без отвращенья!.. Что же,
Все поцелуи впрямь один имеют вкус
И не пятнают губ. Пусть будет счастлив трус!
Не знаю, кто подлей в двойном их злодеянье:
Мужчина ль, в низости нашедший обаянье,
Иль женщина, в постель ложащаяся с ним?
Бедняжка, мы с тобой напрасно говорим!
Иди. Владеет страх твоей душой бескрылой.
Не поровну — увы! — нас небо одарило:
Оно дало любовь и красоту лица
Той, что сумеет стать подругой храбреца;
А для тебя оно дурнушку сотворило.

Я трусости ничьей еще не излечила.
Чего ты ищешь здесь? Иди же от меня!
Нет в сердце у тебя ни силы, ни огня!
А подлинная страсть подобна урагану:
Ломает, как тростник, ничтожный дух! Не стану
Смягчать ее удар, не убоюсь греха...

Жак де Вальдероз *(очень тихо)*

Когда... убить его?

Графиня

До пенья петуха.

Жак де Вальдероз

Сегодня?

Графиня

Да, сейчас.

Жак де Вальдероз
(становясь перед ней на колени)

О, окажите милость,
Чтобы в моей душе решенье укрепилось!..
Как я убить могу, когда мой лоб в поту?
Но к преступлению я приучу мечту —
Сначала совершив убийство в сновиденье;
И страх переживу и то оледененье,
В которое меня его повергнет взгляд...
А завтра... я убью. Но руки так дрожат,
Что я осуществить не в силах дела мести.

Графиня
(с нежностью лаская кончики его пальцев)

А мы бы ночь могли пробыть сегодня вместе...
Об этом ты мечтал?

Жак де Вальдероз *(целуя ее руки)*

Сегодня он умрет!

Графиня
(нежно, словно она влюблена)

О мальчик мой, гляди бестрепетно вперед!
Я все предвидела, своей любви покорна:
Снотворные в вине я растворила зерна,

На мягкую постель его повалит лень,
Он будет смерти ждать, как связанный олень.
Ты рассчитай удар, и пусть кинжал вонзится!
Не бойся ничего: он не пошевелится,
И веки приподнять бессилен будет он.
Ты только углубишь его спокойный сон,
Отвагу почерпнешь в моем влюбленном взгляде.
Я буду рядом, здесь. Подумай о награде.

Жак де Вальдероз

Но все откроется; и с наступленьем дня
Меня казнят...

Графиня

О нет! Другого выдам я.

Жак де Вальдероз

Другого? За меня невинный пострадает?
Нет!

Графиня

Он влюблен в меня и нас подозревает.

За кулисами слышны шаги.

Тссс!.. Граф идет. Беги! Иль нет, войди сюда!

(Открывает потайную дверь в стене справа и вталкивает в нее Вальдероза.)

Не оступись: там ров, там глина и вода.
Отсюда выбраться нельзя иной дорогой.
Лишь через эту дверь. Я стану у порога.
Прислушивайся, Жак, у самой двери стой.
Когда же я скажу: «Вы спите, милый мой?»,—
Ты в комнату войдешь.

(Затворяет за ним дверь, потом, выйдя на середину сцены, говорит про себя.)

Ждать знака — и ни звука.
В твоем бесстрашии мне жизнь твоя порука.
Теперь не ускользнешь!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Граф, графиня, Сюзанна д'Эглю;
за кулисами Пьер де Керсак.

Граф
(Пьеру де Керсаку, находящемуся за кулисами)

Вы охраняйте дверь.

(Сюзанне д'Эглю)

А вы, дитя мое, оставьте нас теперь.

Сюзанна выходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Граф и графиня.

Графиня *(обвивая руками его шею)*
Мой господин, меня сомнение тревожит:
Я вам любезна ли по-прежнему?

Граф *(с важностью)*

Быть может.

Графиня *(с беспокойством)*

Что с вами?

Граф *(нежно, но торопливо)*

Ничего. Средь боевых забот
С тобой моей любви не разлучал поход,
Повсюду жаждал я твоих объятий милых;
Нас разлучить с тобой лишь смерть была бы в силах.

Графиня *(увлекая его к помосту с кроватями)*

Да будет долгой ночь!

Граф *(вяло)*

В разлуке долги дни...

Я ждал...

Графиня

А дни любви — так коротки они!

Граф *(как бы машинально)*

Да, коротки они.

Графиня

Супруг мой, вы как пьяный
Качаетесь...

Граф

В глазах густеет мрак туманный.

Графиня *(с беспокойством)*

Что вас тревожит, граф?..

Граф

Я утомился вдруг.
Оцепененье моих коснулось рук,
Глаза слипаются, и сердце больно сжалось,
И никнет голова...

Графиня

Обычная усталость.
Вам отдохнуть пора.

Граф

Я слишком утомлен,
Как иногда на смерть похож бывает сон!

Графиня

О да!

Граф

Я жить хочу.

Графиня

(подводя его к кровати, на которую он ложится одетый)

Ложитесь же, усните.

Граф *(лежа на кровати)*

Как хорошо заснуть! Что там в окне, взгляните?

Графиня

Луна взошла.

Граф

Сюда как бы глядит она.
Пораньше надо встать...

Графиня

Разбудит вас от сна
Супруга верная...

Граф *(засыпая)*

Как тяжелеет слово!
Как трудно говорить! Как давит сон свинцовый!..
Я долго буду спать. *(Засыпает.)*

Графиня *(глядя на него)*

Вкушайте забытье.
Сейчас изменит сон название свое!
(Она берет мужа за руку, но та бессильно падает, тогда она спускается с помоста, снимает с себя черный бархатный халат и остается в белой ночной рубашке. Снова поднявшись на помост, она останавливается между кроватями и смотрит на спящего графа.)

Закрыв глаза навек, он спит. Подумать можно,
Что наступила смерть. Иль вправду жизнь
ничтожна?

(Она ложится на свою кровать и, облокотившись, глядит на мужа.)

Как сердце гордое в моей груди стучит!
Как бьется, пленное, о башенный гранит!
Вы спите, милый мой?

Вальдероз выходит из своего тайника, бледный, как мертвец, и шатаясь.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же и Жак де Вальдероз.

Жак де Вальдероз
(с трудом подходя к постели графини)

Кто мне теперь поможет?
Страх, неотступный страх меня гнетет и гложет!

Графиня *(яростно)*

Иди!

Жак де Вальдероз

Я не могу в лицо ему взглянуть.

Графиня

Успеешь посмотреть. Рази кинжалом в грудь.

Жак де Вальдероз *(растерянно)*

О, только миг один!

Графиня *(более нежно)*

Ну, подожди немного.

(Маня его в свои объятия.)

Иди ко мне, иди!.. Любовная тревога
И женская постель манила ли тебя?
Мечтал ли ты в ночи, подушки теребя,
Завесу у меня поднять на белом ложе?
Поцеловать мой рот, на лепесток похожий?
Мечтал ли вздрагивать до глубины душа,
Мою постель со мной деля в ночной тиши?
Ударь — и буду я за эту кровь наградой!

(Притягивает его к себе.)

Вальдероз сопротивляется и хочет обернуться, чтобы посмотреть на графа.

(Тогда она с неистовством.)

Ужели и меня тебе бояться надо,
Как графа старого? И рабскою рукой
Не тронешь ты его супруги молодой?

Жак де Вальдероз

(припадает к ее губам; поднимаясь)

Я больше не могу.

Графиня

Ты стал теперь смелее?

Жак де Вальдероз

Я лаской опьянен смертельною твоею!
Иду...

Граф

(внезапно поднимаясь и вырывая кинжал из рук Вальдероза)

Тот поцелуй убьет тебя!

(Громко зовет.)

Керсак!

Керсак входит.

Буди моих друзей! Здесь притаился враг!
И герцогиню — всех буди, хоть и не впору!..

Керсак выходит.

(Граф некоторое время молча смотрит на жену и ее любовника, как бы принимая решение.)

Ты любишь ли ее?

Жак де Вальдероз *(очень тихо)*

Да, я люблю сеньору.

Граф

Сильна ль твоя любовь? Ревнива ли она?
И вправду ль горечи твоя душа полна?

Жак де Вальдероз *(так же тихо)*

Да.

Граф

На, возьми кинжал и подойди к любимой.
Вонзи ей в грудь клинок. Да не ударит мимо
Твоя рука!

Жак де Вальдероз

Нет! Нет!

Граф

Когда бы я любил,
Я б эту женщину давно уже убил

Но в сердце у меня нет ярости: сменило
Ее презренье. А ты сбереги для милой
Свой гнев стремительный. Твоя рука сильней
Рук мужа старого. Ступай и в сердце бей!
И эта женщина мое пятнала имя!
Она осуждена деяньями своими.
Ты в большей степени, чем я, обманут был:
Ты думал, что любим, и отдал ей свой пыл.
Не сердце у нее, а смрадная могила!
Лишь преступление она в тебе любила.
Но кто в ее душе воистину живет?
Вождь англичан, Ромас!

Жак де Вальдероз

(в замешательстве, графине)

Не правда ли, он лжет?

Граф

Я лгу?! Не хочешь ли, тебе сейчас доверю
Смысл нежности ее? Любовник ждет за дверью,
Британец... Предан ты; она к нему спешит
К его ногам сложить свой мнимый женский стыд.
А ты — ты лишь дитя! Они тобой играют;
Они тебя сотрут, как след ноги стирают;
А за дверьми — наш враг и друг ее, Ромас.
Он ждет ее теперь, но он увидит нас!
Как! Ты еще дрожишь пред девкою гулящей?
Ты, значит, незнаком с любовью настоящей,
Ты бы убил — любя, обманутый вдвойне,—
Ее послушный раб!

(Он с силой сжимает кисти рук графини.)

Графиня

(вырываясь и выпрыгивая из постели)

Вы оба мерзки мне!
Да, это правда все! Ликуйте! Я призналась,
Без краски на щеках, забыв, что значит жалость!
Но кто из вас подлей: любовник иль супруг?
Любовник плачущий, раскаявшийся вдруг,
Супруг ли, ищущий другого для отмщенья?
Кто первый женщину, не чувствуя смущенья,

Ударить поспешит! Я подставляю грудь!
Вы оба трусите! Смелее, кто-нибудь!
Кто больше виноват: любовник ли беззлобный,
Чьи руки отомстить за подлость не способны,
Иль опозоренный и жалкий человек,
Который лишь тогда спокойно кончит век,
Коль на чужих руках увидит пятна крови.
Изору вам казнить уж не придется внове,
Я крови не боюсь! Я менее низка!

(Вырывает кинжал из рук Вальдероза и, ударив себя в грудь, падает навзничь.)

Граф

(смотря на нее, распростертую на полу)

Сам дьявол прилетит за нею; но, пока
Домчит ее, свои ладони замарает!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же, герцогиня де Блуа, Сюзанна д'Эглю, Пьер де Керсак, Ив де Буарозе, Люк де Керлеван, дворяне, бретонцы и французы. Они быстро входят через дверь справа. Герцогиня прижимает к сердцу рыдающую Сюзанну д'Эглю.

Граф де Рюн *(герцогине)*

Пусть правосудье вас недолго утруждает:
Виновных двое здесь; один уже погиб.
Когда б я только мстил, виновные могли б
И без суда узнать, как я карать умею,—
Я бы швырнул их в пруд, перед Бретанью всею
Бесчестья не раскрыв, как сделал я сейчас.
Но дело здесь важней: оно коснулось вас.
Измена более коварная едва ли
Встречалась вам. Пока вы мирный сон вкушали,
Она...

Герцогиня *(прерывая его)*

Я знаю все! Я знаю также, граф,
Что, совесть, честь свою навеки потеряв,
Та злая женщина в своей держала власти
Ребенка бедного, безумного от страсти.

Пусть заслужил он смерть. Но если б рассмотреть
Он мог под красотой губительную сеть,
Мы б на него теперь с презреньем не глядели.
Помилуйте его: он жертва в этом деле.
Как часто женщина с подобной красотой
Во власти над людьми равняется с судьбой.
Мужчина — слабый раб ее великолепий:
Пленяет поцелуй, а ласка вяжет цепи.

Граф

Вы наша госпожа, вы можете прощать.
Я муж. И вправе я неверную карать —
И правом пользуюсь.

Герцогиня

Вы мальчика простите.

Граф

Но о моей любви вы вспомнить не хотите!
Не им ли честь моя была уязвлена?
Пускай в его крови омоется она!

Герцогиня

Другой любовник жив, виновник всех событий.

Граф

Пусть мне дадут его.

Герцогиня

И вы тогда простите
Ребенка этого?

Граф

Да. Но часы идут.

(Показывая бешеным жестом на окно, находящееся слева от кровати.)

Эй, Керлеван! Живей! Мальчишку бросьте в пруд.
На шею — камень. Пусть он смертью грех искупит!

Герцогиня

(вполголоса, показывая на Сюзанну д'Эглю)

Но ваша мстительность ее слезам уступит,
Над Англичанином вы совершите суд.

Жак де Вальдероз

(гордо, но голосом, в котором по временам слышатся слезы)

Мне жалость не нужна! Пускай меня убьют.

(Герцогине, показывая на графа.)

Унизил бы меня он милостью своею.
Я встретить смертный час без трепета сумею.

(Показывая на тело графини.)

Хоть и дрожал пред ней

(показывая на графа)—

свидетель сна его.
Там счастье, под водой, найду я, оттого
Что был несчастен *здесь!*

(Керлевану, который связывает ему руки.)

Тебе я должен. Что же,
Целуй теперь ее, простертую на ложе.

Граф *(Керлевану и Буарозе)*

Кончайте с ним скорей!

Сюзанна д'Эглю

(бросаясь к ногам графа)

Пощады, граф! Он мой!
Граф, я люблю его! Я страшною ценой
За жизнь его плачу: кузину я убила,
Спасая вашу честь. Ведь я ее любила!
О, сжальтесь! Я спасла графиню де Блуа,
Я дому вашему защитою была,
Я отстранила смерть... А где его защита?

(Всем окружающим.)

Что ж вы не плачете? Ужель вы из гранита?
Я отдала за вас румянец нежный свой,
Пожертвовала я сердечной чистотой,

На уважение я потеряла право,
Предав сестру, дурной себя покрыла славой...
Быть может, вы меня привяжете к нему,
Чтоб вместе я могла с ним ринуться во тьму?
Мне эта жизнь — тюрьма, и я ее разрушу!
Отдайте мне его; мою он отнял душу!

Солдат

(открывая правую дверь).

Взят Англичанин в плен.

Входят Бертран, Дюгеклен и пленник со связанными за спиною руками. Последнего сопровождают два стража.

Дюгеклен

Вот пленник ваш, Ромас.

Герцогиня *(Дюгеклену)*

Я знала, что теперь он не уйдет от вас.
Прекрасно, Дюгеклен!

Дюгеклен

Стоял он за дверями;
Мы были в двух шагах. Луна взошла над нами —
Свиданья час настал,— я вышел из дверей
И за руку его схватил рукой своей.

Герцогиня *(графу)*

Он пленник мой, и мы теперь меняться будем.

(Показывая на Вальдероза.)

Мне — этот.

(Показывая на Ромаса.)

Своего я выдам вашим людям.

Граф

(подойдя вплотную к Вальтеру Ромасу, с перекошенным лицом)

А! Совершили вы немало подлых дел!
А подлые дела — не рыцарский удел.
Вам женская любовь не тяжела, как шпага,

И чаще всех клинков служила вам во благо.
Но хитрость никогда вас не спасла бы тут.

(Указывая бешеным жестом на окно.)

О чем нам говорить? Мессир, летите в пруд!

Буарозе и Керлеван берут пленника и несут его к окну.

Герцогиня

(показывает графу на Вальдероза, стоящего перед ней на коленях и целующего ей руки)

А паж?

Граф

Я вашему покорен приговору.

Слышен всплеск от падения тела Вальтера Ромаса в воду. Граф оборачивается, потом бежит к кроватям, схватывает тело своей жены, несет его к окну, через которое выбросили Англичанина, и выбрасывает туда же.

(Высунувшись в окно, свирепо кричит.)

Она твоя, бери, я отдаю Изору!

Слышен всплеск от падения в воду тела графини.

СЕМЕЙНЫЙ МИР

Комедия в двух актах, в прозе

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г-н де Саллюс.
Г-н Жак де Рандоль.
Г-жа де Саллюс.
Париж, наши дни.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Г-жа де Саллюс читает у себя в гостиной перед камином. Жак де Рандоль бесшумно входит, осматривается, не видит ли его кто-нибудь, и быстро целует ее в голову. Она вздрагивает, слегка вскрикивает и оборачивается.

Г-жа де Саллюс. О! Как вы неосторожны!

Жак де Рандоль. Не бойтесь, меня никто не видел.

Г-жа де Саллюс. А слуги?

Жак де Рандоль. Они в передней.

Г-жа де Саллюс. Как!.. О вас не доложили?

Жак де Рандоль. Нет... мне просто открыли дверь.

Г-жа де Саллюс. Но о чем они думают?

Жак де Рандоль. Они думают, наверное, что я не в счет.

Г-жа де Саллюс. Я не позволю им этого больше. Я хочу, чтобы о вас докладывали. Это неудобно.

Жак де Рандоль *(смеясь)*. Может быть, они станут докладывать и о вашем муже...

Г-жа де Саллюс. Жак, это неуместная шутка!

Жак де Рандоль. Простите. *(Садится.)* Вы кого-нибудь ждете?

Г-жа де Саллюс. Да... по всей вероятности. Вы знаете, что, когда я дома, я всегда принимаю.

Жак де Рандоль. Мне знакомо удовольствие видеть вас в течение пяти минут, чего как раз достаточно, чтобы справиться о вашем здоровье. А потом является какой-нибудь господин, конечно, влюбленный в вас, и с нетерпением начинает ждать ухода того, кто пришел раньше.

Г-жа де Саллюс *(улыбаясь)*. Ничего не поделаешь! Раз я не ваша жена, приходится с этим мириться.

Жак де Рандоль. О! Если бы вы были моей женой!..

Г-жа де Саллюс. Ну, а если бы я была вашей женой?

Жак де Рандоль. Я увез бы вас на пять или на шесть месяцев куда-нибудь подальше от этого ужасного города, чтобы вы принадлежали мне одному.

Г-жа де Саллюс. Вам бы это скоро наскучило.

Жак де Рандоль. О нет!

Г-жа де Саллюс. О да!

Жак де Рандоль. Знаете, любить такую женщину, как вы, очень мучительно.

Г-жа де Саллюс. Почему?

Жак де Рандоль. Потому что, любя вас, становишься похож на голодного, который смотрит в окно ресторана на паштет и жареную птицу.

Г-жа де Саллюс. О Жак!..

Жак де Рандоль. Это правда. Светская женщина принадлежит свету, то есть всем решительно, за исключением того человека, которому она отдается. Любовнику же позволено видеть ее в течение четверти часа, раз в три дня, не чаще, и только при открытых дверях — из-за прислуги. С бесконечными предосторожностями, с бесчисленными уловками, вечно трепеща, она встречается с ним в виде исключения раз или два в месяц в меблированных комнатах. И даже тогда

она задерживается не больше, чем на четверть часа, ведь она здесь по пути от госпожи X к госпоже Z, куда велела кучеру заехать за ней. Если идет дождь, она вовсе не является, ибо тогда невозможно отделаться от кучера. И вот этот кучер, выездной лакей, госпожа X, госпожа Z и все прочие входят к ней в дом, как в открытый для всех музей; все эти мужчины и женщины присваивают — минута за минутой, секунда за секундой — ее жизнь; она отдает им свое время, как чиновник отдает его государству,— и только потому, что она светская женщина. Эти же люди не что иное, как прозрачное, но непроницаемое стекло, отделяющее вас от моей любви.

Г-жа де Саллюс. Вы сегодня нервничаете.

Жак де Рандоль. Нет, но я жажду быть наедине с вами. Вы моя, не так ли? Или, вернее, я ваш. Но разве это так на самом деле? Моя жизнь проходит в том, что я ищу способа встретиться с вами. Да, наша любовь состоит из встреч, поклонов, взглядов, мимолетных прикосновений — и только. Мы встречаемся поутру на бульваре — поклон; встречаемся у вас или у какой-нибудь общей знакомой — двадцать слов; встречаемся в театре — десять слов; иногда обедаем за одним столом, но сидим слишком далеко друг от друга, чтобы перемолвиться словом, и у всех на глазах я не осмеливаюсь даже на вас и посмотреть. И это называется любовью! Неужели мы только знакомы друг с другом?

Г-жа де Саллюс. Может быть, вы хотели бы похитить меня?

Жак де Рандоль. К несчастью, это невозможно.

Г-жа де Саллюс. Что же тогда делать?

Жак де Рандоль. Не знаю. Я говорю только, что такая жизнь может совсем извести.

Г-жа де Саллюс. Но ваша любовь не иссякает именно из-за такого множества препятствий.

Жак де Рандоль. О Мадлена, как вы можете так говорить?

Г-жа де Саллюс. Поверьте мне, если ваше чувство окажется продолжительным, то главным образом потому, что я не свободна.

Жак де Рандоль. Вот как! Я никогда не видел более рассудочной женщины. Значит, вы полагаете, что если бы по воле случая я стал вашим мужем, то разлюбил бы вас?

Г-жа де Саллюс. Не сразу, но вскоре.

Жак де Рандоль. Ваши слова возмутительны.

Г-жа де Саллюс. Нет, они справедливы. Знаете, когда кондитер берет себе в продавщицы лакомку, он говорит ей: «Кушайте конфеты, сколько хотите, дитя мое». Целую неделю она объедается ими, а потом у нее отвращение к сластям на всю жизнь.

Жак де Рандоль. Вот что! Скажите, почему вы... остановили свой выбор на мне?

Г-жа де Саллюс. Не знаю... чтобы доставить вам удовольствие.

Жак де Рандоль. Прошу вас, не издевайтесь надо мною.

Г-жа де Саллюс. Я сказала себе: «Бедный мальчик, по-видимому, очень влюблен в меня. Морально я свободна, так как уже больше двух лет перестала нравиться мужу. И если этот человек меня любит, почему не выбрать его?»

Жак де Рандоль. Вы жестоки!

Г-жа де Саллюс. Наоборот, я не была жестокой. На что вы можете жаловаться?

Жак де Рандоль. Знаете, вы доводите меня до отчаяния своими постоянными насмешками. Вот так вы меня мучаете с тех пор, как я вас люблю, и я даже не знаю, есть ли у вас ко мне хоть капля нежности.

Г-жа де Саллюс. Во всяком случае, я была добра к вам.

Жак де Рандоль. О! Вы вели странную игру. С первого дня я почувствовал, что вы кокетничаете со мной, кокетничаете незаметно, тайно; женщины умеют так кокетничать, не подавая виду, что хотят нравиться. Вы постепенно победили меня взглядами, улыбками, рукопожатиями, и все это, не компрометируя себя, ничего не обещая, не снимая маски. Вы оказались неотразимы и совершенно обворожили меня. Я полюбил вас всей душою, искренне и честно. Но и сегодня я не знаю, какое чувство таится у вас в глубине сердца,

какие мысли у вас в голове,— я не знаю, ничего не знаю. Я смотрю на вас и думаю: вот женщина, которая как будто избрала меня и вместе с тем как будто постоянно забывает, что я ее избранник. Любит ли она меня? Не надоел ли я ей? Не сделала ли она только опыт, заведя себе любовника, чтобы посмотреть, узнать, попробовать, что это такое, без всякого влечения ко мне? Бывают дни, когда я спрашиваю себя: среди всех тех, кто любит вас и постоянно говорит вам об этом, нет ли кого-нибудь, кто начинает нравиться вам больше меня?

Г-жа де Саллюс. Боже мой! Есть вещи, которые никогда не надо углублять.

Жак де Рандоль. О, как вы жестоки! Это доказывает, что вы меня не любите.

Г-жа де Саллюс. На что вы жалуетесь? На то, что я не веду об этом разговоров?.. Ведь... я не думаю, чтобы вы могли упрекнуть меня в чем-либо другом.

Жак де Рандоль. Простите меня. Я ревную.

Г-жа де Саллюс. К кому?

Жак де Рандоль. Не знаю. Я ревную ко всему, что мне в вас остается неизвестным.

Г-жа де Саллюс. Да. И не чувствуете ко мне благодарности за остальное.

Жак де Рандоль. Простите! Я слишком вас люблю, меня все беспокоит.

Г-жа де Саллюс. Все?

Жак де Рандоль. Да, все.

Г-жа де Саллюс. Вы и к мужу ревнуете?

Жак де Рандоль *(пораженный)*. Нет... Странный вопрос!

Г-жа де Саллюс. Напрасно.

Жак де Рандоль. Ну, вы опять смеетесь надо мной.

Г-жа де Саллюс. Нет. Я сама хотела вполне серьезно поговорить с вами об этом и попросить у вас совета.

Жак де Рандоль. Относительно вашего мужа?

Г-жа де Саллюс *(серьезно)*. Да. Я не смеюсь или, вернее, больше не смеюсь. *(Смеясь.)* Так вы не ревнуете к мужу? А ведь это единственный человек, у которого есть права на меня.

Жак де Рандоль. Именно потому, что у него есть права, я и не ревную. Сердце женщины не признает никаких прав над собою.

Г-жа де Саллюс. Милый мой, право—это нечто положительное, это документ на обладание. Обладанием можно пренебрегать, как это делает мой муж в течение последних двух лет, но им также можно и воспользоваться в любой момент, что ему с некоторого времени, по-видимому, хочется сделать.

Жак де Рандоль. Вы хотите сказать, что ваш муж...

Г-жа де Саллюс. Да.

Жак де Рандоль. Это невозможно.

Г-жа де Саллюс. Почему невозможно?

Жак де Рандоль. Потому, что ваш муж... занят в другом месте.

Г-жа де Саллюс. Как видно, он любит перемены.

Жак де Рандоль. В самом деле, Мадлена, что же происходит?

Г-жа де Саллюс. Вот как!.. Значит, вы начинаете ревновать к нему?

Жак де Рандоль. Умоляю вас, скажите, смеетесь вы надо мной или говорите серьезно?

Г-жа де Саллюс. Я говорю серьезно, очень серьезно.

Жак де Рандоль. Что же тогда происходит?

Г-жа де Саллюс. Вы знаете мое положение, но я никогда не рассказывала вам своей биографии. Она очень проста. Вот она в нескольких словах. Когда мне было девятнадцать лет, я вышла замуж за графа Жана де Саллюса, влюбившегося в меня после первой же встречи в Комической опере. Он уже знал папиного нотариуса. Первое время он был очень мил, да, очень мил! Право, я думаю, что он любил меня. Я тоже была с ним очень мила. Безусловно, ему не в чем было упрекнуть меня.

Жак де Рандоль. Вы любили его?

Г-жа де Саллюс. Боже мой! Не задавайте никогда таких вопросов!

Жак де Рандоль. Значит, вы его *любили*!

Г-жа де Саллюс. И да и нет. Если любила, то

как дурочка. Но я никогда не говорила ему об этом, так как не умею проявлять своих чувств.

Жак де Рандоль. Это правда.

Г-жа де Саллюс. Да, возможно, что некоторое время я его любила, наивно, как застенчивая, робкая, неловкая, беспокойная молодая женщина, которой всегда не по себе от гадкой вещи, какой является любовь мужчины, от этой гадкой вещи, которая иногда бывает очень приятной! Его вы знаете. Это красавец, клубный красавец, худший вид красавца. У таких людей прочное чувство может быть только к девкам — вот единственно подходящие самки для этих клубных завсегдатаев, привыкших к распущенной болтовне и к развращенным ласкам. Чтобы привлечь и удержать их, нужны нагота и непристойность — слов и тела... Если только... если только мужчины действительно не способны долго любить одну и ту же женщину. В конце концов я скоро почувствовала, что муж начинает охладевать ко мне, что он целует меня... небрежно, что смотрит на меня... невнимательно, что ни ради меня, ни в моем присутствии он больше не стесняется в своих манерах, жестах, речах. Придя домой, он стремительно усаживался в кресло, тотчас брался за газету, по всякому поводу пожимал плечами и, если бывал недоволен, кричал: «А мне наплевать!» В один прекрасный день он зевнул и потянулся. В этот день я поняла, что он меня уже не любит; это было для меня большим горем, но я страдала больше оттого, что не сумела своим кокетством снова привлечь его к себе. Скоро я узнала, что у него была любовница, и притом светская женщина. Тогда мы после бурного объяснения стали жить как чужие.

Жак де Рандоль. Как? После объяснения?

Г-жа де Саллюс. Да.

Жак де Рандоль. По поводу... его любовницы?

Г-жа де Саллюс. И да и нет... Это очень трудно сказать... Он считал себя обязанным... наверное, для того, чтобы не возбуждать моих подозрений... притворяться время от времени... изредка... что у него... имеется известная нежность, весьма, впрочем, прохладная... к своей законной жене... у которой были права на эту нежность... Ну вот!.. Я дала ему понять, что он

в будущем может воздержаться от этих дипломатических маневров.

Жак де Рандоль. Как вы ему это сказали?

Г-жа де Саллюс. Не помню.

Жак де Рандоль. Это было, наверное, очень забавно.

Г-жа де Саллюс. Нет... Сперва он был очень удивлен. Потом я произнесла заранее заученную, хорошо подготовленную фразу, приглашая его обращаться в другое место с его эпизодическими фантазиями. Он понял, вежливо поклонился мне и ушел... навсегда.

Жак де Рандоль. И больше никогда не возвращался?

Г-жа де Саллюс. Никогда.

Жак де Рандоль. И он никогда не пытался заговорить с вами о своем чувстве?

Г-жа де Саллюс. Нет... никогда.

Жак де Рандоль. Вы об этом жалеете?

Г-жа де Саллюс. Это меня мало трогало. Но меня трогало то, что у него были бесчисленные любовницы, которых он содержал и с которыми выезжал, афишируя свои связи. Сперва это меня раздражало, огорчало, унижало; потом я примирилась со своей участью, а потом, два года спустя... я сама завела себе любовника... вас, Жак...

Жак де Рандоль *(целуя ей руку)*. А я, я люблю вас всей душой, Мадлена.

Г-жа де Саллюс. Все это так грязно.

Жак де Рандоль. Что — все?

Г-жа де Саллюс. Вся жизнь... Мой муж... Его любовницы... я... и вы...

Жак де Рандоль. Это больше, чем что-либо, доказывает, что вы меня не любите.

Г-жа де Саллюс. Почему?

Жак де Рандоль. Вы осмеливаетесь говорить о любви: «Это грязно!» Если бы вы любили, это было бы божественно! Влюбленная женщина сочла бы того, кто утверждает что-либо подобное, преступником и мерзавцем. Любовь — и грязь!

Г-жа де Саллюс. Возможно. Все зависит от того, как смотреть на вещи: я вижу больше, чем надо.

Жак де Рандоль. А именно?

Г-жа де Саллюс. Я вижу слишком хорошо, слишком много, слишком ясно.

Жак де Рандоль. Вы меня не любите.

Г-жа де Саллюс. Если бы я вас не любила... немного... я ничем не могла бы оправдать того, что отдалась вам!

Жак де Рандоль. Немного... Ровно столько, сколько нужно для вашего самооправдания.

Г-жа де Саллюс. Я не оправдываю себя, я себя обвиняю.

Жак де Рандоль. Значит, вы любили меня... немного... тогда... а теперь не любите...

Г-жа де Саллюс. Не будем слишком много рассуждать.

Жак де Рандоль. Вы только это и делаете.

Г-жа де Саллюс. Нет. Я лишь оцениваю совершившиеся факты. Ведь правильно, трезво судить можно лишь о том, что прошло.

Жак де Рандоль. И сожалеете?

Г-жа де Саллюс. Может быть.

Жак де Рандоль. Ну, а что будет завтра?

Г-жа де Саллюс. Не знаю.

Жак де Рандоль. Разве это пустяки, что вы имеете друга, преданного вам телом и душой?

Г-жа де Саллюс. Преданного сегодня.

Жак де Рандоль. И завтра.

Г-жа де Саллюс. Да, и завтра, но не через год.

Жак де Рандоль. Увидите... Так, значит, ваш муж?..

Г-жа де Саллюс. Вам это не дает покоя?

Жак де Рандоль. Черт возьми!

Г-жа де Саллюс. Мой муж снова влюблен в меня.

Жак де Рандоль. Не может быть!

Г-жа де Саллюс. Опять... Какой вы дерзкий! Почему же этого не может быть, милый мой?

Жак де Рандоль. В женщину влюбляются до женитьбы, а в собственную жену не влюбляются вторично.

Г-жа де Саллюс. Может быть, он тогда не был влюблен.

Жак де Рандоль. Немыслимо, чтобы он, уз-

нав вас, не полюбил, но на свой лад... грубо и ненадолго.

Г-жа де Саллюс. Это не важно. Он начинает любить меня — впервые или снова.

Жак де Рандоль. Право, я не понимаю. Расскажите.

Г-жа де Саллюс. Но мне нечего рассказывать: он объясняется в любви, целует меня и угрожает мне своей... своей... властью. В конце концов меня это очень беспокоит, очень мучит.

Жак де Рандоль. Мадлена... Вы меня терзаете.

Г-жа де Саллюс. Вот как! А вы думаете, что я сама не страдаю от этого? Если я вам принадлежу, я уже перестала быть ему верной женой, но я не умею притворяться. Вы или он! Вы и он — никогда! Вот что в моих глазах является низостью, самой большой низостью согрешивших женщин: именно это деление себя и делает их гнусными. Можно упасть, потому что... потому что вдоль дороги бывают канавы и не всегда легко идти по прямому пути; но если упал — это еще не значит, что нужно вываляться в грязи.

Жак де Рандоль *(берет ее руки и целует их)*. Я вас обожаю.

Г-жа де Саллюс *(искренне)*. Я тоже очень люблю вас, Жак, а потому и боюсь.

Жак де Рандоль. Наконец!.. Спасибо... Теперь скажите мне, с каких пор его одолевает этот... рецидив?

Г-жа де Саллюс. Да уже... две или три недели.

Жак де Рандоль. Не больше?

Г-жа де Саллюс. Не больше.

Жак де Рандоль. Ну, тогда ваш муж попросту... овдовел.

Г-жа де Саллюс. Что вы говорите?

Жак де Рандоль. Я говорю, что ваш муж свободен и старается занять вынужденный досуг, посвятив его собственной жене.

Г-жа де Саллюс. А я говорю вам, что он влюблен в меня.

Жак де Рандоль. Да... да... И да и нет... Он влюблен в вас... а также в другую... Скажите... ведь у него дурное расположение духа?

Г-жа де Саллюс. О, отвратительное!

Жак де Рандоль. Выходит, что человек в вас влюблен, и этот возврат нежности сопровождается невыносимым настроением... Ведь он невыносим, не правда ли?

Г-жа де Саллюс. О да, невыносим!

Жак де Рандоль. Если бы он был настойчив, но деликатен, у вас не было бы такого страха. Вы сказали бы себе: «У меня есть время»,— а кроме того он внушал бы вам некоторую жалость, потому что всегда бывает жалко человека, который вас любит, даже если это ваш муж.

Г-жа де Саллюс. Это верно.

Жак де Рандоль. Что же, он раздражителен, озабочен, мрачен?

Г-жа де Саллюс. Да... да.

Жак де Рандоль. И резок с вами... чтобы не сказать груб? Он предъявляет права, а не обращается с просьбой?

Г-жа де Саллюс. Это верно...

Жак де Рандоль. Дорогая моя, в настоящий момент вы для него средство отвлечься.

Г-жа де Саллюс. Да нет же... нет!

Жак де Рандоль. Милый друг, последней любовницей вашего мужа была госпожа де Бардан, которую он бесцеремонно бросил два месяца назад, начав ухаживать за Сантелли.

Г-жа де Саллюс. За певицей?

Жак де Рандоль. Да. Это особа капризная, очень ловкая, очень хитрая, очень продажная, что за кулисами не редкость... правда, как и в свете...

Г-жа де Саллюс. Поэтому-то он и ездит постоянно в Оперу!

Жак де Рандоль *(смеясь)*. Конечно!

Г-жа де Саллюс *(задумчиво)*. Нет... нет, вы ошибаетесь.

Жак де Рандоль. Сантелли сопротивляется и дурачит его. Вот он и предлагает вам часть нерастраченной любви, которой переполнено его сердце.

Г-жа де Саллюс. Милый мой, вы бредите!.. Если бы он был влюблен в Сантелли, он не говорил бы

о своей любви ко мне... Если бы он был без ума от этой дрянной актрисы, не стал бы он за мной ухаживать. Если его так сильно влечет к ней, не мог бы он одновременно желать меня.

Жак де Рандоль. Ах, как вы плохо знаете иных мужчин! Когда человеку, вроде вашего мужа, какая-нибудь женщина отравит сердце любовным ядом — а в таких мужчинах он вызывает лишь грубое желание,— они становятся похожи на взбесившихся псов, если женщина ускользает от них или сопротивляется. Им надо любить хоть кого-нибудь. И вот они идут куда глаза глядят, словно сумасшедшие, словно одержимые, раскрыв объятия, вытянув губы — так пес разевает пасть и кусает кого попало и что попало. Сантелли спустила зверя с цепи, и вы можете попасться ему в зубы. Берегитесь! Вы думаете, это любовь? Нет! Если хотите — это бешенство.

Г-жа де Саллюс. Вы становитесь к нему несправедливым. Ревность делает вас злым.

Жак де Рандоль. Я не ошибаюсь, поверьте.

Г-жа де Саллюс. Нет, ошибаетесь. Раньше муж пренебрегал мною, он покинул меня, наверное, находя, что я слишком наивна. Теперь он находит, что я стала лучше, и возвращается ко мне. Это очень просто. Но тем хуже для него, так как в его власти было сделать меня честной женщиной на всю жизнь.

Жак де Рандоль. Мадлена!

Г-жа де Саллюс. Что?

Жак де Рандоль. Разве это значит перестать быть честной женщиной: ведь вас оттолкнул человек, взявший на себя обязанность заботиться о вашей жизни, о вашем счастье, о вашей любви и о ваших мечтах? Неужели вам, молодой, красивой и полной надежд, следовало обречь себя на вечное одиночество, на вечную безнадежность?

Г-жа де Саллюс. Я уже сказала вам, что над некоторыми вещами не надо слишком задумываться.

Слышны два звонка.

Муж. Будьте с ним полюбезнее. Он сейчас очень подозрителен.

Жак де Рандоль *(вставая)*. Предпочитаю уйти. Я не очень люблю вашего мужа, и по многим при-

чинам. Кроме того, мне было бы трудно быть любезным с ним, ведь я его слегка презираю, а он вправе глубоко презирать меня, раз я пожимаю ему руку.

Г-жа де Саллюс. Я говорила вам, что все это грязно.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и г-н де Саллюс.

Г-н де Саллюс входит с мрачным видом. Одно мгновение он смотрит на жену и Жака де Рандоля, который прощается с нею, потом приближается к ним.

Жак де Рандоль. Здравствуйте, Саллюс.

Г-н де Саллюс. Здравствуйте, Рандоль. Это я обращаю вас в бегство?

Жак де Рандоль. Нет, мне уже пора. У меня свидание в клубе, в полночь, а сейчас без десяти двенадцать. *(Обмен рукопожатиями.)* Будете на премьере *Магомета?*

Г-н де Саллюс. Да, наверное.

Жак де Рандоль. Говорят, ожидается большой успех.

Г-н де Саллюс. Да, наверное.

Жак де Рандоль *(снова пожимает ему руку)*. До скорого свидания.

Г-н де Саллюс. До скорого свидания.

Жак де Рандоль. До свидания, сударыня.

Г-жа де Саллюс. До свидания, сударь.

Жак де Рандоль уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Г-н и г-жа де Саллюс.

Г-н де Саллюс *(бросается в кресло)*. Давно здесь Жак де Рандоль?

Г-жа де Саллюс. Да нет... приблизительно с полчаса.

Г-н де Саллюс. Полчаса да час —это полтора часа. В его обществе время кажется вам коротким.

Г-жа де Саллюс. Как полтора часа?

Г-н де Саллюс. Именно. Увидя перед дверью карету, я спросил лакея: «Кто это?» Он ответил: «Го-

сподин де Рандоль». «Давно он приехал?» «В десять часов, сударь». Допуская, что этот человек ошибся на четверть часа в вашу пользу, выходит час сорок минут самое меньшее.

Г-жа де Саллюс. Вот как! Что это с вами? Я не имею больше права принимать кого мне угодно?

Г-н де Саллюс. О дорогая, я ни в чем не стесняю вас, ни в чем, ни в чем. Я только удивляюсь, что вы могли принять полтора часа за полчаса.

Г-жа де Саллюс. Вы хотите устроить мне сцену? Если вы ищете повод для ссоры, скажите прямо. Я буду знать, что отвечать вам. Если же вы просто в плохом настроении, ложитесь спать и постарайтесь заснуть.

Г-н де Саллюс. Я не ищу ссоры, и я не в плохом настроении. Я только констатирую, что время очень быстро бежит для вас, когда вы проводите его с Жаком де Рандолем.

Г-жа де Саллюс. Да, очень быстро, гораздо быстрее, чем с вами.

Г-н де Саллюс. Он очаровательный человек, и я понимаю, что он вам нравится. По-видимому, вы также ему очень нравитесь: ведь он бывает здесь почти каждый день.

Г-жа де Саллюс. Я нахожу неуместным этот враждебный тон и прошу вас выражаться яснее. Значит, вы устраиваете мне сцену ревности?

Г-н де Саллюс. Сохрани меня бог! Я слишком доверяю вам и слишком вас уважаю, чтобы сделать вам хоть малейший упрек. Я знаю также, что у вас достаточно такта, чтобы никогда не дать повода для клеветы... или сплетни.

Г-жа де Саллюс. Не будем играть словами. Вы находите, что господин де Рандоль слишком часто бывает в этом доме... в вашем доме?

Г-н де Саллюс. Я не нахожу ничего дурного в ваших поступках.

Г-жа де Саллюс. В самом деле, вы не имеете на это никаких прав. И поскольку вы говорите со мной таким тоном, давайте выясним раз навсегда этот вопрос, потому что я не люблю недомолвок. У вас, как видно, короткая память. Но я приду вам на помощь. Будьте

чистосердечны. Сегодня — не знаю, в силу каких обстоятельств,— вы держитесь иного образа мыслей, чем два года назад. Припомните хорошенько, что произошло. Когда вы стали явно пренебрегать мной, я начала беспокоиться; потом я узнала — мне сказали об этом, и я увидела сама,— что вы любите госпожу де Сервьер... Я поведала вам свое горе... свою боль... Я ревновала! Что же вы ответили? То, что отвечают все мужчины, выслушивая упреки от женщины, которую они разлюбили. Сперва вы пожимали плечами, улыбались, выражали нетерпение, бормотали, что я сошла с ума, а потом изложили мне, довольно тактично,—это я не могу не признать — великие принципы свободной любви, исповедуемые каждым мужем, который сам обманывает, но не хочет быть обманутым. Вы заставили меня выслушать, что брак — это не цепи, а объединение интересов; что он скорее общественная, чем моральная связь; что он не лишает супругов права питать чувство дружбы или расположения к кому-нибудь, лишь бы не было скандала. О, конечно, вы не признались, что у вас есть любовница, но вы приводили смягчающие вину обстоятельства. Вы иронизировали над женщинами, над бедными дурочками, не позволяющими своим мужьям быть галантными, тогда как галантность является одним из законов светского общества, к которому вы принадлежите. Вы немало смеялись над положением мужчины, который не смеет сказать комплимент женщине в присутствии своей жены; вы немало смеялись над угрюмыми женами, которые не спускают глаз со своих мужей и воображают, что те, выйдя в соседнюю комнату, падают к ногам их соперниц. Все это было сказано остроумно, весело, пересыпано любезностями, приправлено жестокостью и могло хоть кого привести в отчаяние; это было и сладко и достаточно горько для того, чтобы вытеснить из сердца всякую любовь к любезному, фальшивому и благовоспитанному человеку, способному говорить такие вещи.

Я поняла, я поплакала, я перестрадала. Я закрыла для вас свою дверь. Вы не предъявляли никаких требований, рассудив, что я умнее, чем вы ожидали, и мы стали жить порознь. Это продолжается уже два года, два долгих года, которые, конечно, показались вам

шестью месяцами. Мы вместе выезжаем, вместе возвращаемся домой, а затем отправляемся каждый к себе. Такое положение было установлено вами, по вашей вине; оно было следствием вашей первой неверности, за которой последовало много других. Я ничего не сказала, я подчинилась, я изгнала вас из своего сердца. Теперь все кончено, чего же вы требуете?

Г-н де Саллюс. Дорогая, я ничего не требую. Я не хочу отвечать на вызывающую речь, которую вы только что произнесли. Мне хочется только дать вам совет, дружеский совет, предостерегающий от возможной опасности, которой может подвергнуться ваша репутация. Вы красивы, на виду, вам завидуют. Могут приписать вам какое-нибудь увлечение...

Г-жа де Саллюс. Простите. Если мы будем говорить об увлечениях, то я просила бы не делать различия между нами.

Г-н де Саллюс. Не шутите, прошу вас. Я говорю как друг, и говорю серьезно. Что же касается ваших слов, то все это сильно преувеличено.

Г-жа де Саллюс. Вовсе нет. Вы афишировали, выставляли напоказ все ваши связи, что было равносильно разрешению для меня следовать вашему примеру. Так вот, дорогой мой, я ищу...

Г-н де Саллюс. Позвольте.

Г-жа де Саллюс. Не мешайте мне говорить. Я, по вашим словам, красива, молода и вместе с тем осуждена вами жить и стариться вдовой. Дорогой мой, взгляните на меня. *(Она встает.)* Неужели я должна примириться с ролью покинутой Ариадны, пока мой муж бегает от женщины к женщине, от девки к девке? *(Воодушевляясь.)* Честная женщина! Я вас понимаю! Но разве честная женщина должна жертвовать всей своей жизнью, всей радостью, всей нежностью, всем, для чего мы, женщины, рождены? Взгляните же на меня. Разве я создана для монастыря? Если я вышла замуж, значит, я не предназначала себя для монастыря, не правда ли? Человек, который взял меня, отталкивает меня и бежит к другим... И к кому! Я не из тех, которые делят мужа с другими женщинами. Тем хуже для вас, тем хуже! Я свободна. Вы не имеете права советовать мне что-либо. Я свободна!

Г-н де Саллюс. Дорогая моя, успокойтесь. Вы очень ошибаетесь. Я вас никогда не подозревал. Я питаю к вам глубокое уважение и глубокое чувство дружбы; это чувство растет с каждым днем. Я не могу вернуться к тому прошлому, в котором вы меня так жестоко упрекаете. Я, может быть, человек, слишком... не знаю, как сказать...

Г-жа де Саллюс. Скажите: в стиле Регентства. Знаю я эти защитительные речи в оправдание всех своих слабостей и любовных похождений. Да, конечно! Восемнадцатый век! Галантный век! Сколько изящества, сколько прелестной фантазии, сколько очаровательных капризов! Избитые фразы, дорогой мой!

Г-н де Саллюс. Нет, вы опять ошибаетесь. Я был прежде всего слишком... слишком парижанин, слишком привык, еще до брака, к вечерней светской жизни, привык к кулисам, к клубу, ко множеству разных вещей... с ними нельзя сразу порвать... нужно известное время. Брак же слишком внезапно меняет нашу жизнь. А привыкать к перемене надо постепенно. И вот, когда я чуть было не достиг этого, вы лишаете меня самого насущного.

Г-жа де Саллюс. Покорно благодарю. Вы, может быть, хотите предложить мне еще раз испытать вас?

Г-н де Саллюс. О, как только вам будет угодно! В самом деле, когда женишься, после такой жизни, какую я вел, вначале невольно смотришь на жену, как на новую любовницу, на честную любовницу... Лишь потом начинаешь понимать, видеть разницу, и раскаиваешься.

Г-жа де Саллюс. Знаете, дорогой мой, поздно! Я уже сказала вам: я тоже ищу. Мне нужно было три года, чтобы решиться на это. Согласитесь, это большой срок. Мне нужен человек с достоинствами, бо́льшими, чем у вас... Ведь я говорю вам комплимент, а вы даже этого не замечаете.

Г-н де Саллюс. Мадлена! Такая шутка неуместна.

Г-жа де Саллюс. Вовсе нет. Я предполагаю, что все ваши любовницы были лучше меня, если вы предпочли их мне.

Г-н де Саллюс. У вас какое-то странное настроение.

Г-жа де Саллюс. Нет, я такая, как всегда. Это вы изменились, дорогой мой.

Г-н де Саллюс. Верно. Я изменился.

Г-жа де Саллюс. То есть?

Г-н де Саллюс. То есть я был дураком.

Г-жа де Саллюс. И?..

Г-н де Саллюс. И я начинаю умнеть.

Г-жа де Саллюс. И?..

Г-н де Саллюс. И я влюблен в свою жену.

Г-жа де Саллюс. Значит, вы голодны?

Г-н де Саллюс. Что вы говорите?

Г-жа де Саллюс. Я говорю, что вы голодны.

Г-н де Саллюс. Как это так?

Г-жа де Саллюс. Когда человек голоден, ему хочется есть. А когда хочется есть, решаешься есть такие вещи, которые в другое время совсем не нравятся. Я такое блюдо, которым пренебрегают в дни изобилия, но к которому возвращаются в дни скудости. Благодарю вас.

Г-н де Саллюс. Я никогда не видал вас такой! Вы меня огорчаете и удивляете.

Г-жа де Саллюс. Тем хуже для нас обоих. Я вас удивляю, а вы меня возмущаете. Знайте же, что я не гожусь для временных ролей.

Г-н де Саллюс *(подходит, берет ее руку и длительно целует)*. Мадлена, клянусь вам, что я влюбился в вас очень сильно, по-настоящему, навсегда.

Г-жа де Саллюс. Может быть, вы и убедили себя в этом. Кто же та женщина, которая отталкивает вас в настоящее время?

Г-н де Саллюс. Мадлена, клянусь вам...

Г-жа де Саллюс. Не клянитесь. Я уверена, что у вас только что произошел разрыв с любовницей. Вам нужна другая, но вы не можете ее найти. И вот вы обращаетесь ко мне. За три года вы успели отвыкнуть от меня, и я произвожу на вас впечатление чего-то неизведанного. Вы возвращаетесь не к жене, а к женщине, с которой вы хотите возобновить отношения после разрыва. По существу это только развратная игра.

Г-н де Саллюс. Я не спрашивал себя, жена вы

мне или просто женщина: я вас люблю, вы покорили мое сердце. Вы та, о которой я мечтаю, ваш образ преследует меня повсюду, желание обладать вами не оставляет меня. И, оказывается, вы моя жена! Тем лучше или тем хуже! Я этого не знаю, какое мне дело!

Г-жа де Саллюс. Премилую роль вы мне предлагаете. После мадмуазель Зозо, мадмуазель Лили, мадмуазель Тата вы всерьез предлагаете госпоже де Саллюс занять очередную вакансию и стать на некоторое время любовницей своего мужа?

Г-н де Саллюс. Навсегда!

Г-жа де Саллюс. Простите. Если навсегда, то я снова сделалась бы вашей женой. А дело идет вовсе не об этом, так как я перестала быть ею. Разница тонкая, но существенная. Кроме того, мысль сделать из меня законную любовницу воспламеняет вас гораздо больше, чем мысль вернуться к законной подруге.

Г-н де Саллюс *(смеясь)*. А почему жена не может стать любовницей своего мужа? Я полностью принимаю вашу точку зрения. По моей вине вы свободны, абсолютно свободны. Я же влюблен в вас и говорю вам: «Мадлена, так как ваше сердце не занято, сжальтесь надо мною. Я люблю вас».

Г-жа де Саллюс. Вы просите предпочтения как муж?

Г-н де Саллюс. Да.

Г-жа де Саллюс. Вы признаете, что я свободна?

Г-н де Саллюс. Да.

Г-жа де Саллюс. Вы хотите, чтобы я стала вашей любовницей?

Г-н де Саллюс. Да.

Г-жа де Саллюс. Именно любовницей! Так?..

Г-н де Саллюс. Да.

Г-жа де Саллюс. Хорошо!.. Я хотела принять предложение другого лица, но, поскольку вы просите у меня предпочтения, я окажу вам его, но за ту же цену.

Г-н де Саллюс. Не понимаю.

Г-жа де Саллюс. Я вам объясню. Так же ли я хороша, как ваши кокотки? Будьте искренни.

Г-н де Саллюс. В тысячу раз лучше.

Г-жа де Саллюс. Правда?

Г-н де Саллюс. Правда.

Г-жа де Саллюс. Лучше самой лучшей?

Г-н де Саллюс. В тысячу раз.

Г-жа де Саллюс. Так вот, скажите мне, сколько вам стоила самая лучшая в течение трех месяцев?

Г-н де Саллюс. Не понимаю.

Г-жа де Саллюс. Я спрашиваю: сколько вам стоила в течение трех месяцев самая очаровательная из ваших любовниц, считая деньги, драгоценности, ужины, обеды, театры и так далее, и так далее — словом, полное содержание?

Г-н де Саллюс. Почем я знаю?

Г-жа де Саллюс. Вы должны знать. Давайте подсчитаем. Вы давали круглую сумму или же оплачивали отдельных поставщиков? О, вы не такой человек, чтобы входить в мелочи, вы давали круглую сумму.

Г-н де Саллюс. Мадлена, вы несносны.

Г-жа де Саллюс. Слушайте внимательно. Когда вы начали пренебрегать мной, вы упразднили трех лошадей из вашей конюшни: одну мою и двух своих; затем одного кучера и одного выездного лакея. Нужно ведь было наводить экономию дома, чтобы покрывать новые расходы на стороне.

Г-н де Саллюс. Это неправда.

Г-жа де Саллюс. Нет, правда. У меня есть данные, не отрицайте, я вас пристыжу. Наряду с этим вы перестали дарить мне драгоценности: вам ведь нужно было украшать другие уши, пальцы, запястья, другую грудь. Вы упразднили один из наших двух оперных дней; уже не помню множества других, менее важных мелочей. Все это, по моим расчетам, должно составить около пяти тысяч франков в месяц. Правильно?

Г-н де Саллюс. Вы сошли с ума!

Г-жа де Саллюс. Нет, нет. Признавайтесь. Стоила ли вам самая дорогая из ваших кокоток пять тысяч франков в месяц?

Г-н де Саллюс. Вы сошли с ума!

Г-жа де Саллюс. Если вы так думаете, то покойной ночи. *(Она хочет уйти, он удерживает ее.)*

Г-н де Саллюс. Послушайте, прекратите эти шутки.

Г-жа де Саллюс. Пять тысяч франков! Стоила она вам пять тысяч франков?

Г-н де Саллюс. Да, приблизительно.

Г-жа де Саллюс. Ну, так вот, друг мой, дайте мне сейчас же пять тысяч франков, и я заключу с вами договор на месяц.

Г-н де Саллюс. Да вы потеряли голову!

Г-жа де Саллюс. Прощайте! Покойной ночи.

Г-н де Саллюс. Что за сумасбродка! Послушайте, Мадлена, останьтесь, давайте поговорим серьезно.

Г-жа де Саллюс. О чем?

Г-н де Саллюс. О... о... о моей любви к вам.

Г-жа де Саллюс. Но она совсем несерьезна, ваша любовь.

Г-н де Саллюс. Клянусь вам, что серьезна.

Г-жа де Саллюс. Хвастун! Знаете, от разговоров с вами мне захотелось пить. *(Она идет к подносу, на котором стоят чайник и сиропы, и наливает себе стакан чистой воды. Когда она собирается выпить его, муж бесшумно подходит сзади и целует ее в шею. Она резко оборачивается и выплескивает воду ему в лицо.)*

Г-н де Саллюс. Как это глупо!

Г-жа де Саллюс. Может быть. Но то, что вы сделали или хотели сделать, было смешно.

Г-н де Саллюс. Послушайте, Мадлена!

Г-жа де Саллюс. Пять тысяч франков.

Г-н де Саллюс. Но это было бы идиотством.

Г-жа де Саллюс. Почему?

Г-н де Саллюс. Как почему? Мужу — платить своей жене, законной жене! Но у меня есть право...

Г-жа де Саллюс. Нет. У вас есть сила, а у меня будет... месть!..

Г-н де Саллюс. Мадлена!..

Г-жа де Саллюс. Пять тысяч франков!

Г-н де Саллюс. Я был бы достойным сожаления чудаком, если бы заплатил деньги своей жене, чудаком и болваном!

Г-жа де Саллюс. Гораздо глупей, имея жену, да еще такую жену, как я, платить деньги кокоткам.

Г-н де Саллюс. Согласен с этим. Но все-таки если я женился на вас, то не для того же, чтобы вы меня разоряли.

Г-жа де Саллюс. Позвольте. Когда вы несете деньги, которые являются вашими деньгами, а следова-

тельно, и моими, какой-нибудь распутнице, вы совершаете более чем сомнительный поступок: вы разоряете меня и самого себя, если уж вы пользуетесь этим выражением. Я была достаточно деликатна и не спросила с вас больше, чем распутница. Значит, те пять тысяч, которые вы даете мне, останутся в вашем доме, в хозяйстве. Вы сделаете этим большую экономию. А потом, я ведь знаю вас: то, что просто и законно, никогда вас как следует не привлечет. Следовательно, платя дорого,— очень дорого, потому что я, может быть, попрошу прибавки,— за то, что вы имели право просто взять, вы найдете нашу... связь гораздо более лакомой. А теперь, сударь, спокойной ночи, я иду спать.

Г-н де Саллюс *(вызывающе)*. Как вы предпочитаете: чеком или банковыми билетами?

Г-жа де Саллюс *(высокомерно)*. Я предпочитаю банковыми билетами.

Г-н де Саллюс *(раскрывая бумажник)*. У меня только три тысячи. Я дополню их чеком. *(Он подписывает чек, потом протягивает всю пачку жене.)*

Г-жа де Саллюс *(берет ее, презрительно смотрит на мужа, потом говорит резко)*. Вы действительно такой человек, каким я вас себе и представляла. После того как вы платили девкам, вы сразу, без протеста, соглашаетесь платить и мне. Вы находили, что это дорого, боялись оказаться в смешном положении. Но вы не обратили внимания на то, что я, ваша жена, продавала себя. Перемены ради вы немного увлеклись мной, но когда я унизилась, чтобы стать похожей на ваших негодяек, вы не оттолкнули меня, а стали желать, как их, даже больше, чем их, потому что я была достойна презрения. Вы ошиблись, дорогой мой. Не этим можно меня покорить. Прощайте! *(Бросает ему деньги в лицо и выходит.)*

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Г-жа де Саллюс сидит одна в своей гостиной, как и в первом акте. Она пишет, потом подымает глаза к часам.

Слуга *(докладывая)*. Господин Жак де Рандоль.

Жак де Рандоль *(поцеловав ей руку)*. Как вы себя чувствуете, сударыня?

Г-жа де Саллюс. Благодарю вас, довольно хорошо.

Слуга выходит.

Жак де Рандоль. Что случилось? Ваше письмо разволновало меня. Я подумал, что случилось несчастье, и примчался.

Г-жа де Саллюс. Случилось, мой друг, то, что надо принимать серьезное решение и что для нас наступил очень важный момент.

Жак де Рандоль. Объясните.

Г-жа де Саллюс. За последние два дня я перенесла все мучения, которые только может вытерпеть сердце женщины.

Жак де Рандоль. Что же произошло?

Г-жа де Саллюс. Сейчас расскажу и постараюсь сделать это спокойно, чтобы вы не подумали, что я сошла с ума. Я не могу больше так жить... вот я вас и позвала...

Жак де Рандоль. Вы знаете, я принадлежу вам. Скажите, что нужно делать...

Г-жа де Саллюс. Я не могу больше жить рядом с ним. Это невозможно. Он меня изводит.

Жак де Рандоль. Ваш муж?

Г-жа де Саллюс. Да, мой муж.

Жак де Рандоль. Что же он сделал?

Г-жа де Саллюс. Вернемся к вашему последнему визиту. Когда мы остались одни, он сперва устроил мне сцену ревности из-за вас.

Жак де Рандоль. Из-за меня?

Г-жа де Саллюс. Да, сцену, которая доказывает, что он шпионил за нами.

Жак де Рандоль. Как?

Г-жа де Саллюс. Он расспрашивал прислугу.

Жак де Рандоль. И больше ничего?

Г-жа де Саллюс. Ничего. Впрочем, это не важно, и, в сущности, он к вам хорошо относится. Потом он объяснился мне в любви. Я, может быть, держалась с ним слишком вызывающе... слишком презрительно, не могу точно сказать. Я была в таком тяжелом, затруднительном положении, что решилась на все, лишь бы из этого положения выйти.

Жак де Рандоль. Что же вы сделали?

Г-жа де Саллюс. Я постаралась оскорбить его, да так, чтобы он навсегда отошел от меня.

Жак де Рандоль. И вы не достигли этого, не правда ли?

Г-жа де Саллюс. Нет.

Жак де Рандоль. Такие средства никогда ни к чему не приводят; они, наоборот, ведут к сближению.

Г-жа де Саллюс. На следующий день в продолжение всего завтрака у него был злой, возбужденный и угрюмый вид. Затем, вставая из-за стола, он сказал мне: «Я не собираюсь забывать вашей вечерней выходки и вам также не дам забыть ее. Вы хотите войны — пусть будет война. Но предупреждаю, я укрощу вас, потому что я хозяин». Я ответила ему: «Пусть будет так. Но если вы доведете меня до крайности, то берегитесь... Никогда не нужно играть женщиной...».

Жак де Рандоль. В особенности не следует играть своей женой. Что же он вам ответил?

Г-жа де Саллюс. Он ничего не ответил, он грубо обошелся со мною.

Жак де Рандоль. Как? Он вас ударил?

Г-жа де Саллюс. И да и нет. Он был груб, сжал меня в объятиях, сделал мне больно. У меня руки до самых плеч в синяках. Но он не ударил меня.

Жак де Рандоль. Что же он сделал?

Г-жа де Саллюс. Он целовал меня, стараясь победить мое сопротивление.

Жак де Рандоль. И больше ничего?

Г-жа де Саллюс. Как больше ничего?.. Вы... находите, что этого мало?

Жак де Рандоль. Вы не понимаете меня, я хотел знать, ударил он вас или нет.

Г-жа де Саллюс. О нет, я опасаюсь с его стороны не этого!.. К счастью, мне удалось добраться до звонка.

Жак де Рандоль. Вы позвонили?

Г-жа де Саллюс. Да.

Жак де Рандоль. О, не может быть!.. А когда пришел слуга, вы попросили проводить вашего мужа.

Г-жа де Саллюс. Вы находите это забавным?

Жак де Рандоль. Нет, дорогая, это огорчает

меня; но я не могу не оценить оригинальности положения. Простите меня... А потом?

Г-жа де Саллюс. Я велела подать карету. Он же, как только вышел Жозеф, сказал мне тем вызывающим тоном, который вам знаком: «Сегодня или завтра, это неважно!..»

Жак де Рандоль. А дальше?

Г-жа де Саллюс. Это почти все.

Жак де Рандоль. Почти?..

Г-жа де Саллюс. Да, потому что теперь я запираюсь у себя, как только слышу, что он вернулся домой.

Жак де Рандоль. Больше вы его не видели?

Г-жа де Саллюс. Нет, видела несколько раз... но каждый раз только в течение нескольких минут.

Жак де Рандоль. Что он вам говорил?

Г-жа де Саллюс. Почти ничего. Он посмеивается или дерзко спрашивает: «Сегодня вы не так свирепо настроены?» Наконец вчера вечером, за столом, он принес с собой маленькую книжечку и начал читать ее за обедом. Не желая показать, что это меня смущает и беспокоит, я сказала: «Вы окончательно решили вести себя со мной с изысканной вежливостью». Он улыбнулся. «А именно?» «Вы выбираете для чтения то время, когда мы вместе». Он ответил: «Бог мой, это ваша вина, вы не позволяете мне ничего другого. А кроме того, эта книжечка очень интересна: она называется Кодексом! Может быть, вы позволите мне познакомить вас с некоторыми статьями, которые вам, безусловно, понравятся». И тут он прочел мне все, что закон говорит о браке, об обязанностях жены и о правах мужа; потом посмотрел мне прямо в лицо и спросил: «Вы поняли?» Я ответила тем же тоном: «Да, прекрасно поняла; я поняла наконец, за какого человека вышла замуж!» После этого я вышла и с тех пор больше его не видела.

Жак де Рандоль. А сегодня вы его не видели?

Г-жа де Саллюс. Нет, он не завтракал дома. А я, передумав обо всем, решила больше не встречаться с ним с глазу на глаз.

Жак де Рандоль. Уверены ли вы, что во всем этом есть что-нибудь, кроме сильного раздражения кроме задетого вашим поведением тщеславия, кроме

бравады и желания поступить вам наперекор? Может быть, сегодня он будет очень мил. Вчера он провел вечер в Опере. Сантелли имела большой успех в *Магомете* и, кажется, пригласила его ужинать. Если ужин пришелся ему по вкусу, он должен быть теперь в превосходном настроении.

Г-жа де Саллюс. Ах, как вы меня раздражаете!.. Поймите же, что я во власти этого человека, что я ему принадлежу больше, чем его лакей, больше, чем его собака, потому что он имеет самые гнусные права на меня. Кодекс, ваш дикарский Кодекс, отдает меня мужу, не предоставляя мне ни защиты, ни возможности протестовать. Он имеет право на все, одно только — убить меня не может. Понимаете ли вы это? Понимаете вы ужас этого закона?.. Он имеет право на все, одно только — убить меня не может. На его стороне сила, и он вправе потребовать всего. Силой и при помощи полиции!.. А у меня нет никакого способа избавиться от человека, которого я презираю и ненавижу! Да, вот каков ваш закон!.. Он взял меня, женился на мне, потом бросил. У меня есть моральное *право, бесспорное* право ненавидеть его. И однако, несмотря на законную ненависть, на отвращение, на ужас, внушаемый мне теперь этим мужем, который пренебрег мною, обманул меня, бегал на моих глазах от женщины к женщине,— он может, если ему вздумается, потребовать от меня постыдного и позорного подчинения!.. Я не имею права прятаться, потому что у меня нет права иметь ключ и запирать свою дверь! Все принадлежит ему: и ключ, и дверь, и жена!.. Ведь это чудовищно! Не быть госпожой самой себе, не иметь священной свободы, чтобы предохранить свое тело от такой грязи,— не в этом ли самый отвратительный из законов, который установили вы, мужчины?

Жак де Рандоль. О, я отлично понимаю, как вы должны страдать, но не вижу никакого средства против этого. Ни один судья не станет на вашу защиту; ни одна статья закона не предохранит вас.

Г-жа де Саллюс. Я это отлично знаю. Но когда не имеешь уже ни отца, ни матери, когда полиция против тебя и когда не хочешь соглашаться на унизительные сделки, которыми удовлетворяется большинство

женщин, то всегда найдется какой-нибудь другой выход.

Жак де Рандоль. Какой?

Г-жа де Саллюс. Покинуть дом.

Жак де Рандоль. Вы хотите?..

Г-жа де Саллюс. Бежать.

Жак де Рандоль. Одна?

Г-жа де Саллюс. Нет, с вами.

Жак де Рандоль. Со мной?.. Вы понимаете, что говорите?

Г-жа де Саллюс. Да. Так будет лучше. Скандал помешает ему взять меня обратно. Я не труслива. Он толкает меня на бесчестье, так пусть это будет настоящее, громкое бесчестье! Тем хуже для него, тем хуже для меня.

Жак де Рандоль. Прошу вас, будьте осторожны, в таком возбуждении люди совершают непоправимые безумства.

Г-жа де Саллюс. Я предпочитаю совершить безумство и погубить себя, если это так называется, чем выносить унизительную ежедневную борьбу.

Жак де Рандоль. Мадлена, послушайте меня. Вы находитесь в ужасном положении, не ставьте же себя в положение отчаянное. Успокойтесь.

Г-жа де Саллюс. А что вы мне посоветуете?

Жак де Рандоль. Не знаю... Надо подумать. Но я не могу советовать вам идти на скандал, который поставит вас вне закона.

Г-жа де Саллюс. Да. Вне того закона, который позволяет иметь любовников, но тайно, не нарушая приличий!

Жак де Рандоль. Речь идет не о том, не надо ухудшать вашего положения. Решились ли вы покинуть его?

Г-жа де Саллюс. Да.

Жак де Рандоль. Окончательно решились?

Г-жа де Саллюс. Да.

Жак де Рандоль. Навсегда?

Г-жа де Саллюс. Навсегда.

Жак де Рандоль. Тогда будьте хитрой и ловкой. Оберегайте свою репутацию, свое имя, не делайте ни шума, ни скандала, ждите удобного случая...

Г-жа де Саллюс. И будьте очаровательны с ним, когда он вернется домой, удовлетворяйте все его прихоти...

Жак де Рандоль. О Мадлена! Я говорю вам как друг...

Г-жа де Саллюс. Как осторожный друг...

Жак де Рандоль. Как друг, который слишком вас любит, чтобы посоветовать вам неверный шаг.

Г-жа де Саллюс. И как раз в меру любит, чтобы посоветовать мне подлость.

Жак де Рандоль. Я? Никогда! Мое самое пламенное желание — жить около вас. Добейтесь развода, и тогда, если вы действительно этого хотите, я женюсь на вас.

Г-жа де Саллюс. Да, через два года. Ваша любовь терпелива.

Жак де Рандоль. Но если я увезу вас, он завтра же посадит вас в тюрьму — вас! — забрав из моего дома, и сделает невозможным для вас когда-либо стать моей женой!

Г-жа де Саллюс. А разве нельзя бежать отсюда куда-нибудь в другое место, а не в ваш дом? Разве нельзя скрыться так, чтобы он не мог нас найти?

Жак де Рандоль. Да, скрыться можно, но тогда надо скрываться до самой смерти, жить под чужим именем, за границей или в какой-нибудь деревушке. Это любовная ссылка! Через три месяца вы меня возненавидите. Я не позволю вам совершить такое безумство.

Г-жа де Саллюс. Я думала, что вы достаточно любите меня, чтобы совершить его вместе со мной! Я ошиблась. Прощайте!

Жак де Рандоль. Мадлена! Послушайте...

Г-жа де Саллюс. Жак, надо меня взять... или потерять. Отвечайте.

Жак де Рандоль. Мадлена, умоляю вас!

Г-жа де Саллюс. Этого достаточно... Прощайте! *(Встает и идет к двери.)*

Жак де Рандоль. Умоляю вас, выслушайте меня!

Г-жа де Саллюс. Нет... нет... нет... Прощайте!

Он удерживает ее за плечи, она отчаянно вырывается.

Оставьте меня! Оставьте! Дайте мне уйти, или я позову прислугу.

Жак де Рандоль. Зовите, но выслушайте меня! Я не хочу, чтобы вы могли когда-нибудь упрекнуть меня за безумный поступок, который задумали. Я не хочу, чтобы вы меня ненавидели и, связав себя со мной этим бегством, затаили бы жгучее сожаление о том, что я позволил вам это сделать...

Г-жа де Саллюс. Пустите меня!.. Вы мне жалки!.. Пустите меня!

Жак де Рандоль. Так вы хотите этого? Хорошо, едем!

Г-жа де Саллюс. О, нет! Теперь нет. Теперь я знаю вас. Слишком поздно. Пустите же меня!

Жак де Рандоль. Я поступил так, как должен был поступить. Я сказал то, что должен был сказать. Теперь я чист перед вами, а у вас не будет права упрекать меня. Едем.

Г-жа де Саллюс. Нет. Слишком поздно. Я не принимаю жертв.

Жак де Рандоль. Дело идет не о жертве. Бежать с вами — мое самое пламенное желание.

Г-жа де Саллюс *(изумленно)*. Вы с ума сошли!

Жак де Рандоль. Почему сошел с ума? Разве это не естественно, если я вас люблю?

Г-жа де Саллюс. Объяснитесь.

Жак де Рандоль. Что мне объяснять вам? Я люблю вас, и больше мне нечего сказать. Едем.

Г-жа де Саллюс. Вы были только что слишком осторожны и вдруг стали таким смелым.

Жак де Рандоль. Вы не понимаете. Выслушайте же меня. Когда я почувствовал, что люблю вас, я принял на себя по отношению к вам священную обязанность. Человек, который становится любовником такой женщины, как вы, замужней, но брошенной, рабыни своего положения, но морально свободной,— такой человек создает между ней и собою связь, которую может порвать только она. Такая женщина рискует всем. И именно потому, что она об этом знает, потому, что она отдает все — сердце, тело, душу, честь и жизнь,— потому, что она предвидит все опасности, все несчастья, все невзгоды, потому, что она отваживается

на смелый поступок, на бесстрашный поступок, потому, что она приготовилась, решилась пренебречь всем — мужем, который может ее убить, и светом, который может ее отвергнуть,— именно по этой причине она прекрасна в своей супружеской неверности; и по этой причине ее любовник, беря ее, тоже должен все предвидеть и предпочесть ее всему, что бы ни случилось. Мне больше нечего сказать. Сперва я говорил, как рассудительный человек, обязанный предупредить вас; теперь во мне говорит только человек, любящий вас. Приказывайте.

Г-жа де Саллюс. Это хорошо сказано. Но правда ли это?

Жак де Рандоль. Правда!

Г-жа де Саллюс. Вы хотите уехать со мной?

Жак де Рандоль. Да.

Г-жа де Саллюс. Хотите всем сердцем?

Жак де Рандоль. Всем сердцем.

Г-жа де Саллюс. Сегодня?

Жак де Рандоль. Когда угодно.

Г-жа де Саллюс. Теперь без четверти восемь. Муж должен сейчас вернуться. В восемь мы обедаем. Я буду свободна в девять или в половине десятого.

Жак де Рандоль. Где должен я ждать вас?

Г-жа де Саллюс. В конце улицы, в карете.

Слышен звонок.

Вот и он. К счастью... это в последний раз.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и г-н де Саллюс.

Г-н де Саллюс *(Жаку де Рандолю, вставшему, чтобы откланяться)*. Как? Вы опять уходите? Значит, достаточно мне показаться, чтобы вы обратились в бегство?

Жак де Рандоль. Нет, дорогой Саллюс; вы не обращаете меня в бегство, я собирался уходить.

Г-н де Саллюс. Я это и говорю. Вы всегда уходите как раз в тот момент, когда я возвращаюсь. Я понимаю, что муж для вас менее привлекателен, чем же-

на. Но по крайней мере не заставляйте его думать, что он вам очень противен. *(Смеется.)*

Жак де Рандоль. Напротив, вы мне очень нравитесь, и если бы у вас была хорошая привычка возвращаться домой без звонка, вы никогда не застали бы меня уходящим.

Г-н де Саллюс. Однако... Все люди обычно звонят.

Жак де Рандоль. Да, но звонок всегда заставляет меня вставать, а вы, возвращаясь к себе, могли бы ограничиться тем, чтобы о вас докладывали, как о других.

Г-н де Саллюс. Я не совсем понимаю вас.

Жак де Рандоль. Это очень просто. Когда я иду к людям, которые мне нравятся, как госпожа де Саллюс и вы, я вовсе не собираюсь встречаться у них с тем Парижем, который рассыпает по салонам цветы своего остроумия. Я хорошо знаю эти цветы и семена, из которых они получаются. Стоит войти одной из этих дам или одному из этих господ — и для меня испорчено все удовольствие от беседы с женщиной, к которой я пришел. При этом, если меня застигнут врасплох,— я пропал; я уже не знаю, как уйти, помимо воли принимаю участие в разговоре, и так как наизусть знаю все вопросы и ответы, уже не могу остановиться: приходится дойти до конца всех новостей, будь то последняя пьеса, книга, развод, брак или недавняя смерть. Вы понимаете теперь, почему я немедленно встаю при первой же угрозе со стороны звонка?

Г-н де Саллюс *(смеясь)*. То, что вы говорите, очень верно. От четырех до семи невозможно бывать дома. Наши жены не имеют права жаловаться, если мы бросаем их ради клуба.

Г-жа де Саллюс. Но не могу же я принимать девиц из балета, хористок, комедианток, а также художников, поэтов, музыкантов и прочий сброд, чтобы этим удержать вас около себя.

Г-н де Саллюс. Я не прошу так много. Достаточно нескольких умных мужчин и красивых женщин, а толпа вовсе не нужна.

Г-жа де Саллюс. Это невозможно. Нельзя закрывать дверь.

Жак де Рандоль. Да, действительно нельзя воспрепятствовать потоку этих глупцов обоего пола, шатающихся из гостиной в гостиную.

Г-н де Саллюс. Почему?

Г-жа де Саллюс. Потому что так принято.

Г-н де Саллюс. Жаль. Я предпочел бы избранный, интимный круг.

Г-жа де Саллюс. Вы?

Г-н де Саллюс. Да, я.

Г-жа де Саллюс *(смеясь)*. Ха-ха-ха! Премилый круг вы бы мне создали! Прелестные женщины и порядочные мужчины! Тогда из дому пришлось бы уйти мне.

Г-н де Саллюс. Дорогая моя, я удовлетворился бы всего тремя или четырьмя женщинами, подобными вам.

Г-жа де Саллюс. Что вы говорите?

Г-н де Саллюс. Тремя или четырьмя женщинами, подобными вам.

Г-жа де Саллюс. Если вам их нужно четыре, понятно, что дом кажется вам пустым.

Г-н де Саллюс. Вы очень хорошо поняли, что я хочу сказать, и мне нечего пояснять. Мне достаточно, чтобы вы были у себя, одна, и я буду чувствовать себя лучше, чем где бы то ни было.

Г-жа де Саллюс. Я вас не узнаю. Да вы больны, совсем больны! Не собираетесь ли вы умирать?

Г-н де Саллюс. Смейтесь надо мной, сколько хотите. Я не обижусь.

Г-жа де Саллюс. И долго это будет продолжаться?

Г-н де Саллюс. Всегда.

Г-жа де Саллюс. Мужчины часто меняются.

Г-н де Саллюс. Дорогой Рандоль! Доставьте мне удовольствие, пообедайте с нами. Вы отведете от меня колкости, которые жена, кажется, заготовила для меня.

Жак де Рандоль. Благодарю, вы очень любезны, но я занят.

Г-н де Саллюс. Я вас очень прошу, освободитесь.

Жак де Рандоль. Право, не могу.

Г-н де Саллюс. Вы обедаете у кого-нибудь?

Жак де Рандоль. Да... то есть нет. У меня свидание в девять часов.

Г-н де Саллюс. Очень важное?

Жак де Рандоль. Очень важное.

Г-н де Саллюс. С женщиной?

Жак де Рандоль. Дорогой мой!!!

Г-н де Саллюс. Ну, не отвечайте... Но ведь это не мешает вам пообедать с нами.

Жак де Рандоль. Благодарю вас, не могу.

Г-н де Саллюс. Вы уйдете, когда захотите.

Жак де Рандоль. А мой фрак!

Г-н де Саллюс. Я за ним пошлю.

Жак де Рандоль. Нет... право... благодарю вас.

Г-н де Саллюс *(жене)*. Дорогая моя, удержите же Рандоля.

Г-жа де Саллюс. Дорогой мой, должна вам признаться, что я его особенно и не удерживаю.

Г-н де Саллюс. Вы сегодня любезны со всеми. В чем дело?

Г-жа де Саллюс. Боже мой! Я вовсе не собираюсь удерживать своих друзей, чтобы доставить вам удовольствие и этим удержать вас дома. Приводите своих собственных.

Г-н де Саллюс. Я во всяком случае останусь, и тогда мы будем с вами вдвоем.

Г-жа де Саллюс. Неужели?

Г-н де Саллюс. Да.

Г-жа де Саллюс. На весь вечер?

Г-н де Саллюс. На весь вечер.

Г-жа де Саллюс *(иронически)*. Боже мой, вы меня пугаете! И в честь чего вы это делаете?

Г-н де Саллюс. Чтобы иметь удовольствие быть подле вас.

Г-жа де Саллюс. Вот как? У вас сегодня великолепное расположение духа.

Г-н де Саллюс. Тогда просите Рандоля остаться.

Г-жа де Саллюс. Господин де Рандоль поступит, как сочтет нужным. Он хорошо знает, что мне всегда приятно видеть его. *(Она встает и некоторое*

время думает.) Останьтесь обедать, господин де Рандоль. Вы можете уйти позже.

Жак де Рандоль. С удовольствием, сударыня!

Г-жа де Саллюс. Я оставлю вас на несколько минут. Уже восемь часов. Обед сейчас будет подан. *(Выходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Г-н де Саллюс, Жак де Рандоль.

Г-н де Саллюс. Дорогой мой, вы оказали бы мне настоящую услугу, если бы провели здесь вечер.

Жак де Рандоль. Уверяю вас, не могу.

Г-н де Саллюс. Окончательно?

Жак де Рандоль. Окончательно.

Г-н де Саллюс. Это меня огорчает.

Жак де Рандоль. Почему?

Г-н де Саллюс. О! Причина чисто личная. Потому что... мне нужно помириться с женой.

Жак де Рандоль. Помириться? У вас, значит, нелады?

Г-н де Саллюс. Да, нелады, как вы сами могли заметить.

Жак де Рандоль. По вашей или по ее вине?

Г-н де Саллюс. По моей.

Жак де Рандоль. Черт возьми!

Г-н де Саллюс. Да, у меня были неприятности вне дома, серьезные неприятности, и это вызвало у меня такое скверное настроение, что я был раздражителен и придирался к ней.

Жак де Рандоль. Но я не вполне представляю себе, чем третье лицо может способствовать вашему примирению?

Г-н де Саллюс. Вы дадите мне возможность осторожно намекнуть жене, избегая какого-либо объяснения, стычки или колкостей, что мои намерения изменились.

Жак де Рандоль. Значит, у вас есть намерение... сблизиться?

Г-н де Саллюс. Нет... нет... наоборот.

Жак де Рандоль. Простите... я ничего не понимаю.

Г-н де Саллюс. Я хочу восстановить и удержать *статус-кво* мирного нейтралитета. Нечто вроде Платоновского мира. *(Смеясь.)* Но я касаюсь таких подробностей, которые не могут вас интересовать.

Жак де Рандоль. Простите еще раз. Поскольку я должен играть роль в этом деле, я хочу точно знать эту роль.

Г-н де Саллюс. О! Это роль примирителя.

Жак де Рандоль. Значит, вы хотите заключить мир, дающий вам некоторую свободу?

Г-н де Саллюс. Вот именно.

Жак де Рандоль. Иными словами, неприятности, о которых вы мне только что говорили, кончились, и вы хотите иметь дома спокойную обстановку, чтобы наслаждаться счастьем, завоеванным вне дома.

Г-н де Саллюс. В общем, дорогой мой, мои отношения с женой натянуты, очень натянуты, и я не хотел бы оказаться с ней с глазу на глаз прежде всего потому, что попал бы в ложное положение.

Жак де Рандоль. В таком случае, дорогой мой, я остаюсь.

Г-н де Саллюс. На весь вечер?

Жак де Рандоль. На весь вечер.

Г-н де Саллюс. Спасибо! Вы настоящий друг. Я вас отблагодарю при случае.

Жак де Рандоль. Не стоит благодарности! *(Пауза.)* Вы были вчера в Опере?

Г-н де Саллюс. Конечно.

Жак де Рандоль. Все прошло хорошо?

Г-н де Саллюс. Великолепно.

Жак де Рандоль. У Сантелли был большой успех?

Г-н де Саллюс. Не успех, а триумф! Ее вызывали шесть раз.

Жак де Рандоль. Она действительно очень хороша.

Г-н де Саллюс. Великолепна! Никто никогда не пел лучше ее. В первом акте у нее большой речитатив: «Князь правоверных, — о, внемли моей молитве!» — который заставил встать весь оркестр. А в третьем

фраза «Рай опянный» вызвала у публики такой восторг, какого я никогда не видывал.

Жак де Рандоль. Она была довольна?

Г-н де Саллюс. Довольна, в восторге.

Жак де Рандоль. Вы хорошо с ней знакомы?

Г-н де Саллюс. Да, и уже давно. Этой ночью, после представления, я даже ужинал у нее с друзьями.

Жак де Рандоль. Вас было много?

Г-н де Саллюс. Нет, человек десять. Она была прелестна.

Жак де Рандоль. Она приятна в интимной обстановке?

Г-н де Саллюс. Исключительно. И кроме того это настоящая женщина. Я не знаю, согласны ли вы со мною, но, по-моему, в свете почти нет настоящих женщин.

Жак де Рандоль *(смеясь)*. Ну, как нет? Я знаю некоторых.

Г-н де Саллюс. Да, вы знаете таких, которые похожи на женщин, но на самом деле это не женщины.

Жак де Рандоль. Объяснитесь точнее.

Г-н де Саллюс. Боже мой, светские женщины, за редким исключением, годны только для представительства. Они красивы, изысканны, но они очаровательны лишь в гостиных. Их настоящая роль в том, чтобы заставить восхищаться своей внешностью, деланной, искусственной.

Жак де Рандоль. Однако их любят.

Г-н де Саллюс. Редко.

Жак де Рандоль. Позвольте!

Г-н де Саллюс. Да, их любят мечтатели; но настоящие мужчины, страстные, положительные и нежные, не любят нынешнюю светскую женщину, так как она сама не способна на любовь. К тому же, дорогой мой, посмотрите вокруг себя. Вы знаете, у кого с кем связи, потому что все становится известным. Можете ли вы привести хоть один пример любви, внушенной женщиной нашего круга, такой безумной любви, какая бывала в старину? Нет, конечно. Иметь среди них любовницу лестно, да; это лестно, это забавляет, но потом утомляет. Посмотрите, с другой сторо-

ны, на актрис: среди них нет ни одной, в активе которой не было бы пяти — шести случаев страстной любви к ней, безумств, разорений, дуэлей, самоубийств. Их любят, потому что они умеют заставить себя любить, потому что они любовницы, потому что они женщины. Да, они сохранили науку покорять мужчин, искусство соблазнительной улыбки, способы привлекать, пленять, покорять наше сердце, очаровывать наш взгляд, даже если и не бывают красивы в собственном смысле слова. Короче говоря, они так умеют увлечь нас, как это никогда не снилось нашим женам.

Жак де Рандоль. Сантелли — тоже соблазнительница такого рода?

Г-н де Саллюс. Может быть, первая из всех! Ах, негодяйка, она умеет добиться, чтобы ее желали!

Жак де Рандоль. Только-то?

Г-н де Саллюс. Женщина не станет стараться, если ей не хочется понравиться.

Жак де Рандоль. Черт возьми! Я готов предположить, что у вас было две премьеры в один и тот же вечер.

Г-н де Саллюс. Да нет, дорогой мой, зачем предполагать такие вещи?

Жак де Рандоль. Боже, у вас такой довольный, такой торжествующий вид, вы так стремитесь иметь покой у себя дома... Если я ошибся, то жалею об этом... из-за вас.

Г-н де Саллюс. Допустим, что вы ошиблись и...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Те же и г-жа де Саллюс.

Г-н де Саллюс *(весело)*. Ну, дорогая моя, он остается... он остается... И я сам добился этого.

Г-жа де Саллюс. Поздравляю вас... А каким путем достигли вы такого чуда?

Г-н де Саллюс. Без всякого труда — просто так, болтая.

Г-жа де Саллюс. О чем же вы говорили?

Жак де Рандоль. О счастье, которое испытывают люди, сидя у себя дома в спокойной обстановке.

Г-жа де Саллюс. У меня нет склонности к такому счастью. Я обожаю путешествия.

Жак де Рандоль. Боже мой! На все найдется время. Иногда путешествия несвоевременны.

Г-жа де Саллюс. А ваше важное свидание в девять часов? Вы отказались от него, господин де Рандоль?

Жак де Рандоль. Да, сударыня.

Г-жа де Саллюс. Вы непостоянны.

Жак де Рандоль. Нет, нет, я приспосабливаюсь.

Г-н де Саллюс. Разрешите мне написать несколько слов. *(Идет на другой конец гостиной и садится за письменный стол.)*

Г-жа де Саллюс *(Жаку де Рандолю)*. Что произошло?

Жак де Рандоль. Ничего, все идет хорошо.

Г-жа де Саллюс. Когда же мы едем?

Жак де Рандоль. Мы никуда не едем.

Г-жа де Саллюс. Вы с ума сошли! Почему?

Жак де Рандоль. Не спрашивайте.

Г-жа де Саллюс. Я уверена, что он устраивает нам ловушку.

Жак де Рандоль. Да нет. Он очень спокоен, очень доволен, и у него нет никаких подозрений.

Г-жа де Саллюс. Тогда в чем же дело?

Жак де Рандоль. Будьте спокойны. Он счастлив.

Г-жа де Саллюс. Это неправда.

Жак де Рандоль. Правда. Он поделился со мной своим счастьем.

Г-жа де Саллюс. Это — притворство. Он собирается шпионить за нами.

Жак де Рандоль. Нет. Он доверчив, спокоен и боится только вас.

Г-жа де Саллюс. Меня?

Жак де Рандоль. Ну да, вас — так же, как вы только что боялись его.

Г-жа де Саллюс. Вы потеряли голову. Боже мой, как вы легковерны!

Жак де Рандоль. Послушайте, держу пари, что он сам уйдет сегодня вечером.

Г-жа де Саллюс. В таком случае мы уедем тотчас же.

Жак де Рандоль. Да нет же. Я говорю вам, что бояться больше нечего.

Г-жа де Саллюс. О, вы доведете меня до отчаяния своей слепотой!

Г-н де Саллюс *(издали)*. Дорогая моя, у меня есть для вас приятная новость. Я могу снова брать вам на каждую неделю ложу в Опере.

Г-жа де Саллюс. Вы поистине слишком любезны, предоставляя мне возможность так часто аплодировать госпоже Сантелли.

Г-н де Саллюс *(издали)*. У нее большой талант.

Жак де Рандоль. И говорят, что она прелестна.

Г-жа де Саллюс *(нервно)*. Действительно, только такие женщины и могут нравиться мужчинам.

Жак де Рандоль. Вы несправедливы.

Г-жа де Саллюс. О, милостивый государь, только из-за них совершают безумства! А это—единственное мерило любви, понимаете?

Г-н де Саллюс *(издали)*. Простите, дорогая моя; на них не женятся, а это — единственное настоящее безумство, которое можно сделать ради женщины.

Г-жа де Саллюс. Хорошее преимущество! Но все их капризы выполняют.

Жак де Рандоль. Им нечего терять, поэтому они ни в чем не знают меры.

Г-жа де Саллюс. Ах, какие скучные люди мужчины! Женятся на молодой девушке, потому что она целомудренна, а на другой день бросают ее и сходят с ума от женщины, уже не молодой,— и только потому, что она нецеломудренна и что через ее объятия прошли все известные и богатые мужчины. Чем больше их у нее было, тем выше она ценится, тем дороже она стоит и тем больше ее уважают — особенным парижским уважением, для которого степень известности измеряется исключительно шумом, откуда бы он ни исходил. Ну и хороши же вы, господа!

Г-н де Саллюс *(улыбаясь издали)*. Берегитесь! Можно подумать, что вы ревнуете.

Г-жа де Саллюс. Я? За кого вы меня принимаете?

Слуга *(докладывая)*. Кушать подано, ваше сиятельство. *(Передает Саллюсу письмо.)*

Г-жа де Саллюс *(Жаку де Рандолю)*. Вашу руку, сударь.

Жак де Рандоль *(тихо)*. Я люблю вас!

Г-жа де Саллюс. Очень мало!

Жак де Рандоль. Всей душой.

Г-н де Саллюс *(читая письмо)*. Отлично! Мне придется уйти сегодня вечером.

ИВЕТТА

Второй этаж прекрасного современного дома. Богатая лестница под мрамор, с позолотой.
Двое мужчин в черных фраках, с перекинутыми через руку пальто, поднимаются по последним ступенькам. Один из них, Жан де Сервиньи, протягивает руку к звонку, другой, Леон Саваль, удерживает его.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Леон Саваль. Куда ты ведешь меня, милый мой?

Жан де Сервиньи. Я же тебе говорил, к маркизе Обарди!

Леон Саваль. Но кто она такая, маркиза Обарди?

Жан де Сервиньи. Это всем известно.

Леон Саваль. За исключением меня.

Жан де Сервиньи. Ну так увидишь.

Леон Саваль. Я предпочитаю знать заранее.

Жан де Сервиньи. Какая осторожность!

Леон Саваль. Нет, я не осторожен. Да и чего мне бояться? Но я не хотел бы попасть в неловкое положение, а это случается на каждом шагу, когда не знаешь, к кому идешь.

Жан де Сервиньи. Иначе говоря, на кого идешь?

Леон Саваль. Хотя бы и так. По крайней мере, ты предупредил ее, что собираешься представить меня?

Жан де Сервиньи *(смеясь)*. Предупреждать маркизу Обарди? А ты предупреждаешь кучера омнибуса, что сядешь в его экипаж на углу бульвара?

Леон Саваль. Тогда кто же она?..

Жан де Сервиньи. Выскочка, дорогой мой, богатая иностранка, очаровательная распутница, неизвестно откуда взявшаяся и неизвестно как появившаяся в один прекрасный день в мире авантюристов, где она сумела произвести известный эффект. А впрочем, какое нам до этого дело? Говорят, что ее настоящее имя, девичье имя,— она осталась девицей во всех отношениях, кроме невинности,— Октавия Бардин, откуда и получается Обарди, если сохранить первую букву имени и отбросить последнюю букву фамилии.

При этом она приятная женщина. С твоей внешностью ты неизбежно станешь ее другом и клиентом. Однако я добавлю, что вход в этот дом свободен, как на ярмарку, но покупать то, чем торгует фирма, здесь не принуждают. Здесь держат все, что угодно, предлагают все, что угодно, продают все, что угодно, от улыбок до земельных концессий в новых республиках, до рудников в центре Африки и до права на посещение с любого входа той квартиры, в которую мы сейчас войдем с главного подъезда. Спроси — и тебя обслужат по твоим деньгам.

Вот уже три года, как маркиза устроилась в подозрительном квартале площади Звезды и открыла двери своих гостиных для накипи всех материков, для людей, приезжающих в Париж, чтобы здесь упражнять свои разнообразные, страшные и преступные таланты.

Я попал к ней. Каким образом? Уже не помню. Так же, как попадаем мы все, потому что там играют в карты, потому что женщины там доступны, а мужчины нечестны. Я люблю этот мир украшенных всяческими орденами флибустьеров, которые готовы отцепить крест со своей груди и продать его, стоит вам только достать бумажник. У себя на родине все они знатны, все они генералы, все они сенаторы, и все они, за исключением шпионов, неизвестны своим посольствам. Все они то и дело распространяются о чести, по любому поводу ссылаются на предков и без всякого повода рассказывают свою биографию. Все они хвастуны, лгуны, жулики, не

менее опасные, чем их карты: все они обманчивы, как их имена, храбры, как разбойники с большой дороги, но зато в них нет банальности французских чиновников. Словом, это сливки каторги!

Их женщины?.. Они всегда красивы, коварны, с легким иностранным душком, а их прошлая жизнь не без тайн и, может быть, наполовину прошла в исправительном доме. Они тоже завоевательницы, грабительницы, настоящие самки хищных птиц. Я обожаю их.

Леон Саваль. Французы в этом доме не бывают?

Жан де Сервиньи. Нет, напротив, их много, и притом самые лучшие, раз мы с тобой туда идем.

Леон Саваль. А каковы другие французы, кроме нас с тобой?

Жан де Сервиньи. Вполне приличные. Генералы, сенаторы, светские люди, художники — словом, все! В этом удивительном мире у каждой женщины имеется дочь.

Леон Саваль. Дочь? Настоящая девушка?

Жан де Сервиньи. Да, мой дорогой. А почему бы и нет? У этих женщин бывают дочери, как и у всех прочих, и, когда удается, их выдают замуж. Дочь маркизы восхитительна.

Леон Саваль. Дочь маркизы?

Жан де Сервиньи. Да, Иветта. Чудесная, высокая, великолепная, вполне созревшая блондинка в противоположность своей матери, брюнетке. Восхитительный отпрыск авантюристки, выросший на навозе этого мирка.

Леон Саваль. А ее нравственность?

Жан де Сервиньи. Не знаю, и никто не знает. Наивна она или развратна? Невозможно сказать; может быть, и то и другое. В иные дни я считаю ее святой, в другие дрянью. Я испытываю безрассудное влечение к ее возможной чистоте и очень основательное недоверие к ее не менее вероятной испорченности. Она произносит вещи, от которых шарахнется полк солдат, но ведь это делают и попугаи. Она иногда проявляет такую неосторожность, что я начинаю верить в ее незапятнанную чистоту, а иногда бывает такой дурочкой,

такой невероятной дурочкой, что меня берет сомнение, была ли она хоть когда-нибудь наивной. Она соблазняет, как куртизанка, и охраняет себя, как девственница. Не знаю. Да ты сам увидишь.

Леон Саваль. Однако мысль пойти туда начинает меня забавлять.

Жан де Сервиньи. Знаешь, я представлю тебя как графа Саваля.

Леон Саваль. О нет, зачем это?

Жан де Сервиньи. Почему нет?

Леон Саваль. Я не хочу быть смешным.

Жан де Сервиньи. Но там, дорогой мой, все титулованы, решительно все.

(Пропуск в рукописи.— *Ред.*)

Жан де Сервиньи. Кто это новое лицо? Эта хорошенькая дама?

Иветта. Баронесса Диодор.

Жан де Сервиньи. Кто она такая?

Иветта. Очень влиятельная особа.

Жан де Сервиньи. Где влиятельная?

Иветта. В министерствах.

Маркиза *(Леону Савалю)*. О, я в Париже живу не больше пяти — шести месяцев. Холода мы проводим на юге, а лето — где-нибудь в деревне. Между прочим, я только что сняла виллу в Буживале; надеюсь, вы доставите мне удовольствие и приедете туда вместе с герцогом.

Леон Саваль. Буду счастлив, сударыня.

Иветта. Конечно, Мюскад навестит нас в Шату. Мы натворим там в деревне уйму глупостей.

Жан де Сервиньи. Я последую за вами, мам'зель, всюду, куда прикажете.

Иветта. Тогда я вас, Мюскад, назначу главнокомандующим.

Леон Саваль. Почему мадмуазель Иветта называет моего друга Сервиньи Мюскадом?

Иветта. А потому, сударь, что он все время выскальзывает из рук. Думаешь, что схватила его, а удержать не можешь.

Маркиза *(томно Савалю)*. Она ведет себя с ним забавно, но так опрометчиво. Никак не могу убедить ее

стать серьезней. Кроме того, герцог подбивает ее на всякие неосторожные поступки. Он портит мне ее, и в конце концов о ней будут плохо думать.

Жан де Сервиньи *(улыбаясь)*. О маркиза, это невозможно при том воспитании и примере, какой вы ей даете!

Иветта. Оставь его в покое, мама. Он забавней всех.

Жан де Сервиньи. Благодарю вас, мам'зель, за такое предпочтение.

Иветта. Нам надо завербовать господина Саваля.

Саваль. В какой полк, мадмуазель?

Иветта. В мой, сударь!

Леон Саваль. Заранее согласен.

Маркиза. Вот еще забаву придумала! Эти господа балуют ее, и она терзает их безжалостно.

Иветта. Вы видели *Великую герцогиню?*

Саваль. Да, мадмуазель.

Иветта. Я тоже. Я видела ее по возобновлении, хотя мне запретили об этом говорить. Так вот я объявила себя великой герцогиней и сформировала полк, которому каждый четверг делаю смотр. Вот увидите. *(Кричит.)* Князь!.. Князь!..

Лысый господин с баками, украшенный орденским крестом, подходит с улыбкой. Иветта представляет.

Барон Саваль — князь Кравалов.

Князь. Мадмуазель...

Иветта *(кричит)*. Шевалье! Шевалье!

Подходит худощавый, медлительный брюнет.

(Представляя.) Шевалье Вальреали — барон Саваль.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

В настоящий, двенадцатый том Полного собрания сочинений Мопассана входят его переписка и посмертно опубликованная драматургия.

Письма Мопассана, так же как его статьи и очерки, до сих пор изданы во Франции далеко не полностью. И если возможность опубликования на родине писателя полного собрания его статей и очерков уже подготовлена библиографами, то дело с публикацией полного собрания писем встречает гораздо большие трудности.

Считая, что публике принадлежат только произведения писателя, но не его личная жизнь, сам Мопассан был против публикации своих писем и просил многих друзей уничтожить их. После смерти Мопассана мать писателя, следуя воле покойного, долгое время препятствовала изданию его писем.

Историко-литературная наука, конечно, не может согласиться с этим желанием Мопассана. Его переписка содержит выдающиеся и разнообразные образцы эпистолярного искусства, расширяющие представление читателя о литературном мастерстве автора «Жизни», и драгоценные данные для более углубленного понимания мировоззрения писателя, его эстетических позиций, литературных интересов, для уточнения данных его биографии и т. д. Дело собирания писем Мопассана затруднено во Франции отсутствием государственной заботы о наследии великого французского писателя. Эпистолярное наследие Мопассана разошлось во Франции по рукам частных лиц, коллекционеров, любителей автографов, случайных людей, а нередко и спекулянтов, живущих продажей и перепродажей его писем. Если некоторые корреспонденты Мопассана, следуя его желанию, уничтожили его письма, то другие, напротив, попридержали их и, дождавшись «подходящей цены», занялись торговлей ими. Письма Мопассана постоянно продавались и продаются на парижских аукционах, попадают неведомо в чьи руки, а порою уплывают и за океан.

Эта торговля письмами великого писателя создает серьезней-

шее препятствие к обнаружению и собиранию переписки Мопассана.

Первое собрание писем Мопассана было издано Конаром в 1908 году (до этого времени во Франции появились в печати лишь немногие отдельные письма). Приступая при содействии родственников и друзей покойного писателя к изданию переписки, Конар ограничил свою публикацию очень небольшим числом писем Мопассана, которые «хорошо обрисовывали его характер и объясняли его мысли» как художника. Письма лишь изредка приводились полностью, а чаще всего — фрагментарно, потому что Конар и его сотрудники старались изъять из писем все, что относилось к личной жизни писателя. Так, например, в издание Конара не вошли письма Мопассана к Марии Башкирцевой, хотя к тому времени они уже были известны во Франции. Но и письма, характеризующие Мопассана как художника, были изданы в крайне малом количестве; во вступительной статье Поля Невё к конаровскому изданию цитировались многие интересные высказывания из тех писем Мопассана, которые Конар не опубликовал и которые до сих пор не разысканы (эти фрагменты читатель найдет в конце второго раздела переписки, в «Отрывках из писем к неизвестным лицам»).

После издания Конара во Франции был опубликован полный текст писем Мопассана к Флоберу, а также стали известны и другие письма писателя, появлявшиеся в газетах и журналах, в книгах биографов и исследователей, в аукционных каталогах. Все эти новые публикации вошли во второе, значительно расширенное собрание писем Мопассана, изданное в 1938 году (XV том полного иллюстрированного собрания сочинений Мопассана, издание «Либрери де Франс»). Но если письма к Флоберу в этом издании появились в полном виде, то многие другие были напечатаны с купюрами и в отрывках, как и в издании Конара.

Собрание писем, изданное «Либрери де Франс», легло в основу XIII тома Полного собрания сочинений Мопассана, изданного Гослитиздатом в 1950 году. Редактируя это издание, мы имели возможность пополнить его четырьмя десятками писем, записок и отрывков, взятых из других источников,— французских, немецких и русских (в том числе из хранящихся в различных советских архивах).

В 1951 году во Франции вышло собрание «Неизданных писем» Мопассана (Guy de Maupassant. Correspondance inédite) под редакцией Артина Артиньяна и при участии Э. Мениаля, автора первой французской биографии Мопассана. В этом издании наконец появились в полном виде письма Мопассана к матери и было опубликовано много новых писем: к Золя, Э. де Гонкуру, Доде, О. Мирбо, Катюлю Мендесу, к издателю Авару, к родственникам Мопассана и к другим лицам.

Хотя публикации «Либрери де Франс» и «Неизданных писем» позволили полнее ознакомить читателя с перепиской Мопассана, они еще далеко не отвечают принципам научного издания. Письма не всегда точно датированы: часты случаи, когда письмо Мопассана помечено только каким-нибудь годом, хотя в

письме отмечено место его отправки—из Парижа, из Канна и т. п., и, следовательно, можно было бы уточнить месяц. С другой стороны, научное издание писем требует расшифровки имен «неизвестных» корреспондентов Мопассана, которые слишком многочисленны. Наконец, в издании Конара и «Либрери де Франс» письма Мопассана изданы без всякого комментаторского аппарата; в «Неизданных письмах» попытка комментария сделана, но он недостаточно полон и не во всем убедителен. В настоящем томе звездочкой отмечены письма, заново публикуемые, или те, которые даны в полной редакции вместо ранее известного незначительного отрывка. Все другие письма заново отредактированы и, где нужно, пополнены мелкими добавлениями по тексту «Неизданных писем». Некоторые письма нашего собрания остаются попрежнему неопубликованными во французских изданиях переписки Мопассана, что оговорено в примечаниях.

Около семидесяти новых писем, напечатанных в настоящем томе, расширяют представление о писательском облике Мопассана, позволяя узнать о некоторых его творческих замыслах, самооценках и взглядах на жизнь.

В раздел посмертной драматургии входят пьесы Мопассана 70-х и 80-х годов, опубликованные после его смерти.

В комментариях к I тому мы уже касались вопроса о ранней драматургии Мопассана. Влечение к театру пробудилось у писателя очень рано, еще в конце 60-х годов. Возвращаясь из руанского лицея на каникулы в Этрета, он писал самостоятельно или в сотрудничестве с Робером Пеншоном разные пьесы, которые они же и разыгрывали в качестве актеров. Один из биографов Мопассана сообщает даже, что в ту пору Мопассан написал «большую пятиактную трагедию» («Mercure de France», 1 septembre 1925), но никаких данных о ней, как и о других ранних драматургических опытах Мопассана, не сохранилось.

Драматургия продолжала привлекать Мопассана и в 70-е годы. В письме от 26 ноября 1874 года (из которого, кстати, мы узнаем, что к этому времени им уже была написана пьеса «В старые годы») он сообщает матери об одном драматургическом замысле, оставшемся, видимо, неосуществленным. В середине 70-х годов он пишет пьесу «Просьба», о содержании которой ничего определенного неизвестно и от которой сохранился только отрывок.

Над стихотворной пьесой «Измена графини де Рюн» (в первых своих вариантах называвшейся «Графиня де Бетюн») Мопассан работал в 1876—1878 годах. Это была пьеса в традициях романтического театра, и Мопассан желал подчеркнуть ею свою независимость от натуралистических теорий Золя. «Несмотря на идеи Золя о *натуралистическом театре,* я работаю в настоящее время над исторической драмой»,— сообщал он Флоберу в письме от 17 ноября 1876 года. Флобер, заинтересованный его работой, спрашивал у него в письме от 26 декабря 1876 года, как идет дело.

Работа надолго заняла Мопассана и продолжалась весь 1877 год, но драма не удовлетворяла писателя и требовала все новых переделок. Он сообщает Флоберу 10 декабря 1877 года: «...к 15 января я закончу переделку своей драмы (совершенно

переработанной)». Переделанная пьеса не особенно понравилась Флоберу, но показалась ему сценичной. Флобер даже предложил «Измену графини де Рюн» Перрену, директору Французской Комедии. Мечтая увидеть свою пьесу на сцене этого театра, Мопассан пытался заинтересовать ею артистку Сару Бернар (письмо к матери от 15 февраля 1878 года). Но Перрен не принял эту драму, и Мопассан огорченно писал в апреле 1878 года Роберу Пеншону, что пьеса, на которую он затратил столько сил, не нравится ему самому и что он больше не будет писать для театра.

Тем не менее Мопассану нелегко было отказаться от этой пьесы, он просил Тургенева и даже Золя прочесть ее. Их отзывы неизвестны, но, по-видимому, они были неблагоприятны, и Мопассан в конце концов отказался от мысли о постановке и даже об издании своей пьесы. Опубликована она была только в 1927 году.

Пьеса «Семейный мир» — переработка новеллы 1883 года «У постели» (т. VI) — была первоначально написана Мопассаном в 1886 году, о чем мы узнаем из записей Тассара. Пьеса эта не была, однако, поставлена, потому что намеченная Мопассаном артистка — исполнительница женской роли — не поладила с директором театра Ремоном Деландом. Мопассан признавался Тассару: «Меня эта неудача отдалила от театра, и я вернулся к роману, к рассказам и новеллам. В сущности, их я и предпочитаю, их мне всего занимательнее писать» (Souvenirs sur Guy de Maupassant par François. P. 1911, pp. 266—267).

В письме Мопассана к матери от 5 августа 1890 года говорится: «Я только что пересмотрел, пожалуй, даже переделал, мою одноактную пьеску — прежде она была в двух актах и называлась «Мир у домашнего очага». Я считаю ее теперь великолепной и не сомневаюсь в успехе, если удастся поставить ее на сцене. В качестве заглавия я взял реплику женщины. Вот она: *Дуэль на перочинных ножах.* Это действительно дуэль на перочинных ножах между нею и мужем».

Эти слова Мопассана, несомненно, относятся к «Семейному миру». Но пьеса эта все-таки осталась двухактной, а реплики о перочинных ножах в ней не имеется.

Пьеса «Семейный мир» была поставлена на сцене Французской Комедии 6 марта 1893 года, за четыре месяца до смерти Мопассана, находившегося в это время в больнице.

От пьесы «Иветта» сохранились только два черновых наброска, время написания которых неизвестно. В письме к матери, датированном мартом 1891 года, Мопассан сообщал: «Закончив «Анжелюс», я не спеша займусь переделкой «Иветты» в пьесу». Но замысел этот писателю реализовать уже не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА

I. ДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА

№ 1. Письмо написано Мопассаном его матери, когда он был (1863—1866) учеником духовной семинарии в Ивето. *Жермер* — двоюродный брат Мопассана Жермер д'Арнуа де Бланг. *Эрве* — родной брат писателя.

№ 2. На основании высказываний в письме о семинарии в Ивето французские биографы делают предположение о том, что в 1868 году Мопассан еще находился в этой семинарии. Однако мать Мопассана в письме от 16 марта 1866 года сообщала Флоберу, что «только что должна была взять» сына «из религиозного училища в Ивето» и собирается отдать его в лицей. *«Новая Элоиза»* — роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

№ 3. Письмо написано в конце 1870 года и связано с обстоятельствами франко-прусской войны.

№ 4. Разрыв сообщений между Парижем и Францией, о чем упоминается в данном письме как о событии ближайших дней, вероятно, имеет отношение к осаде Парижа пруссаками, начавшейся 19 сентября 1870 года. *Венсенн* — форт первой линии обороны Парижа. *Шаспо* — ружье, которым была вооружена в 1870—1871 годах французская армия. *Лефошё* — *охотничье ружье* системы французского оружейника Лефошё. *«Немая из Портичи»* — опера французского композитора Обера (1828).

№ 5. *Люси* — возможно, что речь идет о м-ль Люси Эрнуэ Жотраль, на которой женился Луи Ле Пуатвен.

№ 6. В 1873 году Мопассан и его друзья, плавая на лодке по Сене, останавливались в местечке Аржантей (под Парижем), где снимали комнату в одном из кабачков, ночуя в ней всей «бандой» вместе с подругами. Не это ли и называется в письме «колонией в Аспергополисе»? Перевод слова «Аспергополис» — город Спаржа; это название, вероятно, отвечало гастрономическим увлечениям «банды». *Шату, Безон* — селения на Сене под Парижем.

№ 7. Письмо написано на бланке морского министерства. Ко времени службы в этом министерстве (1872—1878) относится сильное увлечение Мопассана и его друзей стилем Рабле. «Мы не говорили и не писали тогда иначе, как в манере Рабле»,— свидетельствует Леон Фонтэн. В манере Рабле, со свойственным ей гиперболизмом и архаичностью языка, написано и это письмо. Оно изобилует, кроме того, игрой слов, вынудившей переводчика отступить от принципа строгой точности. *Жозеф Прюнье* — прозвище Мопассана в этой богеме гребцов (см. «Мушку»). *«Синячок» — Роктайад* — Леон Фонтэн; прозвище «Синячок», возможно, от синего бланка пневматических писем; Роктайад — персонаж старинных сказок, встречающийся и у Рабле. *Ток* — прозвище драматурга Робера Пеншона, закадычного друга юности Мопассана. *Пантагрюэльская трапеза* — пир Пантагрюэля, одного из великанов Рабле.

№ 9. *Л. Ф.*— Леон Фонтэн. *«Понедельничные рассказы»* — сборник рассказов Альфонса Доде (1873).

№ 10. *Дедушка* — речь идет о Жюле де Мопассане (умершем в 1875 году). *Шарль Дувр* — вероятно, имеется в виду руанский врач, друг Флобера.

№ 11. Легенда о старинном дворянстве Мопассана и об его маркизате признана современными биографами писателя совершенно несостоятельной. Род Мопассана вышел из Лотарингии, и отдаленнейшие из установленных предков писателя были в XVI веке простыми буржуа. Мопассаны получили дворянство лишь в середине XVIII века — в лице того Жана-Батиста де Мопассана, чины и звания которого перечисляет писатель. *«Фромон младший и Рислер старший»* — роман Альфонса Доде (1874).

№ 12. Пьеса, содержание которой излагает Мопассан, написана им, по-видимому, не была.

№ 13. Письмо связано со смертью Жюля де Мопассана, деда писателя, и с вопросом о наследстве. *Другой наследник* — г-жа Корд'ом, тетка писателя Луиза де Мопассан, вторым браком вышедшая за Шарля Корд'ома, участника революционного движения 1848 года. *Леса Нёвиля* — Жюль де Мопассан владел в Нормандии поместьем Нёвиль-Шан-д'Уазель. *Луи* — Луи Ле Пуатвен.

№ 14. Луи Ле Пуатвен просил Мопассана получить за него в Нёйи наследство от Аполлона Лельё; Мопассан передоверил эту миссию Роберу Пеншону. К этому письму относится рисунок Мопассана: карикатура на четырех мужчин и одну женщину — наследников. *Эрну* — руанский банкир, тесть Луи Ле Пуатвена.

№ 15. *Непристойнейшая пьеса* — ранняя, неизданная пьеса Мопассана «На лепестке розы; Турецкий дом», написанная им в сотрудничестве с друзьями юности. *Недавно написанное мной стихотворение* — «Непочтительное предупреждение» (т. I).

№ 16. *Торжество* — спектакль «На лепестке розы; Турецкий дом».

№ 17. Письмо посвящено оценке только что вышедшего романа Золя «Проступок аббата Муре» (1875). *Параду* — название великолепного сада, изображенного в этом романе Золя.

№ 18. Трудно сказать, имеется ли в виду посмертно принятая на выставку картина Ипполита Белланже (1800—1866), друга Гюстава Мопассана, или говорится о каком-либо другом художнике Белланже.

№ 22. *Фраскати* — город в Италии, неподалеку от Рима. *«Освобожденный Иерусалим»* — поэма Торквато Тассо.

№ 23. *Круассе* — название поместья Флобера под Руаном. *Ираклий* — речь идет о повести «Доктор Ираклий Глосс» (т. X). *«Репетиция»* — (т. I).

№ 24. *Стихотворение, которое разом стяжает мне...* — поэма «На берегу» (т. I), опубликованная 20 марта 1876 года в журнале «Литературная республика». *«Джек»* — роман Альфонса Доде (1876). *Это политическая книга, история Руэра.* — Речь идет о романе Золя «Его превосходительство Эжен Ругон», где прототипом героя послужил один из министров Второй империи, бонапартист Эжен Руэр (1814—1884). *«Бородатая женщина»* — эротическое стихотворение Мопассана. *«В лодке», «Происшествие с маленьким Пьером»* — неясно, о каких новеллах идет речь. *Опиньон оставляет меня в данный момент без всякого мнения* — в подлиннике игра слов: по-французски opinion означает «мнение». В оригинале этого письма — три рисунка пером, сделанные Мопассаном: один изображает «Одноглазого» (Жуанвиля), работающего в своей канцелярии под бдительным присмотром начальства; другой — лицо профессора Потена; третий представляет собой карикатуру на Флобера, Тургенева и А. Доде, которых рисует сидящий в углу Мопассан.

№ 26. В издании «Либрери де Франс» адресатом этого письма был ошибочно указан Анри Ружон и письмо было приведено не полностью. Оно касается статьи Мопассана о Флобере, напечатанной в «Литературной республике» 23 октября 1876 года.

№ 27. *Карвало* — знакомый Флобера из парижского театрального мира. *Моего дядю* — Альфреда Ле Пуатвена. *Ваши сборища* — Альфред Ле Пуатвен и Луи Буйле были близкими друзьями Флобера.

№ 28. Письмо связано с попытками Мопассана заняться журнальной деятельностью. *Статья о письмах Бальзака* — появилась в «Насьон» 22 ноября 1876 года. *Я работаю... над исторической драмой* — над «Изменой графини де Рюн».

№ 29. *Новую статью* — это была отклоненная Рауль-Дювалем статья «Нашествие Причудливости», о которой идет речь в письме № 32.

№ 30. *Посылаю вам очерк* — «Французские поэты XVI века».

№ 31. *Батальонные каре* — намек на знаменитое батальонное каре старой наполеоновской гвардии, храбро сражавшееся в битве при Ватерлоо под командованием генерала Камбронна. *«Покоренный Рим»* — трагедия Александра Пароди (1876).

№ 32. *«Причудливые смерти»* — сборник рассказов Жана Ришпена, вышедший в 1876 году. *«Друг Фриц»* — пьеса французских писателей Эмиля Эркмана (1822—1899) и Александра Шатриана (1826—1890), поставленная в 1876 году. *Князь Гогенлоэ* — немецкий посланник в Париже.

№ 33. Письмо адресовано кому-то из молодых членов меданской группы, возможно, Полю Алексису.

№ 34. *Кончаю свою драму* — «Измену графини де Рюн». *Флобер собирается опубликовать свои новеллы.* — Речь идет об издании трех новелл Флобера, в число которых входит «Иродиада». *«Последняя шалость»* — стихотворение Мопассана (т. I). *«Папа Симона»* — новелла Мопассана (т. I).

№ 35. Письмо остается во Франции неопубликованным. Оригинал письма находится в Институте русской литературы АН СССР (ИРЛИ) в Ленинграде (архив Трубецкой).

№ 36. Источник: A. Lumbroso. Souvenirs sur Guy de Maupassant. Rome, 1905, p. 250. Письмо связано, по-видимому, с повторной постановкой пьесы «На лепестке розы; Турецкий дом».

№ 37. Обед в ресторане Траппа в понедельник 16 апреля 1877 года был как бы крещением группы молодых писателей (будущих меданцев), объединявшихся вокруг Флобера, Эдмона де Гонкура и Золя. В группу входили Поль Алексис, Анри Сеар, Леон Энник, Ж.-К. Гюисманс и Мопассан; позднее к ним присоединился Октав Мирбо.

№ 38. В оригинале письма — несколько юмористических рисунков Мопассана в силуэтной манере.

№ 39. В оригинале письма — юмористический рисунок тушью с пояснительной надписью: «Жандармы умирают со смеху при виде изъявлений нежности, вызванных моим приездом».

№ 41. *«Девка Элиза»* — роман Эдмона де Гонкура (1877).

№ 42. *«Женщина XVIII века»* — исторический труд братьев Гонкур (1862).

№ 43. *Сыграть пьесу* — «На лепестке розы; Турецкий дом».

№ 45. *Я теперь много работаю над своим романом* — видимо, над «Жизнью». *Крамуазон* — садовник, служивший у Лоры де Мопассан.

№ 46. Сохранилась фотография, датированная 20 сентября 1877 года, изображающая сцену из одной комедии, поставленной в Этрета на вилле Верги, которая принадлежала матери Мопассана.

№ 47. *Отправить ваших добряков* — героев последнего романа Флобера, «Бувар и Пекюше». По просьбе Флобера Мопассан ознакомился с уголком нормандского побережья, где должен был развертываться один из эпизодов романа, и Флобер действительно использовал маршрутник, составленный Мопассаном.

№ 49. *Париж живет в ужасной лихорадке.* — Это было время, когда маршал Мак-Магон, президент III республики и, тем не менее, монархист, пытался оказать сопротивление окончательной победе республиканского строя, подтвержденной результатами октябрьских выборов 1877 года. Не желая согласиться на назначение кабинета из республиканцев, маршал помышлял о военном перевороте. *Этого кретина* — Мак-Магона. *Проиграл... два... сражения* — сражения с прусской армией при Решоффене 6 августа 1870 года и при Седане 2 сентября 1870 года. *Герцог Маджентский* — Мак-Магон получил этот титул за победу над австрийскими войсками 4 июня 1859 года при Маджента. *Своей драмы* — «Измены графини де Рюн». *План романа* — речь идет о «Жизни».

№ 50. *Флобер прочел мою драму* — «Измену графини де Рюн». *Пришел в восторг от сюжета романа* — от «Жизни». *Вернулся из Швейцарии* — в Швейцарии Мопассан был в конце 1877 года. *Д'Осмуа* — знакомый Флобера и его сотрудник по работе над «Замком сердец».

№ 52. *Торжествовать по поводу «Голуа».*— 19 марта 1878 года в «Голуа» была перепечатана поэма Мопассана «Последняя шалость». *Тарбе* — издатель газеты «Голуа». *Жаба* (см. IV главу «Последней шалости»). *Моя пьеса не будет принята* — «Измена графини де Рюн». *«Сельская Венера»* — поэма Мопассана (т. I).

№ 53. *Барду... смеется над Флобером.*— В декабре 1877 года Барду стал министром народного образования, и Флобер обратился к нему с просьбой взять Мопассана к себе из опостылевшего ему морского министерства; Барду очень долго не исполнял этой просьбы.

№ 54. *«Портреты»* — книга братьев Гонкур «Интимные портреты XVIII века» (1857—1858).

№ 57. *Остальные из полдюжины* — имеются в виду молодые писатели — меданцы, ученики и друзья Золя. *«Страница любви»* — роман Золя (1878).

№ 59. *Меданский домовладелец.*— Золя в 1878 году купил себе дом в Медане, в окрестностях Парижа. *«Общественное благо»* — газета. *Подобно святому Антонию* — намек на героя «Искушения святого Антония» Флобера.

№ 61. *«Западня»* — роман Золя, был инсценирован Бюснахом и Гастино. *Новости о Бувare и Пекюше.*— Последние годы своей жизни Флобер работал над романом «Бувар и Пекюше», оставшимся незаконченным.

№ 62. *Я посылаю ей много рассказов* — письма Мопассана к г-же Брэнн еще не опубликованы полностью.

№ 64. *Шарм* — Ксавье Шарм, будущий начальник Мопассана в министерстве народного образования; слово «шарм» по-французски означает «очарование».

№ 66. *«Просьба».*— По-видимому, эта пьеса была Мопассаном закончена, но сохранился только отрывок.

№ 67. Мать Мопассана страдала базедовой болезнью. *Глупый побежденный* — Мак-Магон.

№ 69. *Жилище Корнеля.*— Говорится о знаменитом французском драматурге Пьере Корнеле, уроженце и жителе Нормандии. *Сюжеты трагедий* — трагедий Корнеля.

№ 72. *«Набоб»* — роман Альфонса Доде (1877).

№ 73. *Феерия* — пьеса Гюстава Флобера «Замок сердец».

№ 75. *Адмирал Потюо* — морской министр.

№ 77. *Антонен Пруст* — республиканец-гамбеттист.

№ 79. *Эта статья за две недели до «Западни».*— Речь идет о последней из статей Золя в его книге «Романисты-натуралисты». Статья эта, «Современные романисты», появилась первоначально в петербургской прессе (1 декабря 1878 года) на русском языке. Газета «Фигаро» в статье «Золя-критик» несправедливо обвинила Золя в том, что он продал свое перо иностранному издателю и выступил в зарубежной прессе с целью повредить своим собратьям-писателям, не принадлежащим к натурали-

стической школе (критические высказывания Золя о современных писателях носили довольно резкий характер).

№ 81. *Золя не получил ордена.*— В ответ на нападки «Фигаро» Золя потребовал, чтобы эта газета опубликовала статью «Современные романисты», и эта статья появилась в «Фигаро» 22 декабря 1878 года. *Премьера «Западни»* — состоялась в Амбигю 18 января 1879 года. *Мою... пьесу репетируют* — пьесу «В старые годы» (т. I).

№ 82. *Сегодня министерство должно пасть.*— Кабинет Дюфора (куда входил Барду) поставил 20 января 1879 года вопрос о доверии и получил значительное большинство; тем не менее Дюфор настаивал на своей отставке по мотивам болезни; кабинет Дюфора был сменен кабинетом Ваддингтона 4 февраля 1879 года, и преемником Барду в министерстве народного образования стал Жюль Ферри.

№ 85. *Доде* — Альфонс Доде *Лапоммерэ* — театральный критик. *История с Гамбеттой* — вероятно, речь идет о провале кандидатуры Гамбетты на пост президента III республики и об избрании его председателем палаты депутатов (31 января 1879 года).

№ 86. *«Банда».*— Мопассан подразумевает здесь тех своих товарищей по меданской группе, которые, в отличие от него, являлись фанатическими последователями Золя.

№ 91. *Вам могли бы предложить 500 франков.*— В связи с разорением, постигшим в это время Флобера, друзья писателя ходатайствовали о получении для него должности внештатного библиотекаря в библиотеке Мазарини; по сути дела, это было назначением пенсии.

№ 92. *Прекраснейший из ваших романов* — речь идет о романе «Братья Земганно» (1879).

№ 94. *«Анриетта Марешаль»* — пьеса братьев Гонкур, поставленная во Французской Комедии 5 декабря 1865 года и изданная в 1866 году. *«Родина в опасности»* — пьеса братьев Гонкур (1873).

№ 97. Впечатления от этого путешествия отразились в очерке Мопассана «В Бретани» (т. IV). В тексте письма Мопассан начертил чернилами карту берегов Бретани и Нормандии.

№ 99. *«Леди Темпест»* — драма в стихах французского поэта Мориса Монтегю, изданная в 1879 году.

№ 100. *Моей поэмы* — «Сельской Венеры». *Моя новелла о рыцарях и войне* — «Пышка» (т. I).

№ 101. Мопассан рассказывает в этом письме о том, как составился сборник «Вечера в Медане», впервые объединивший группу молодых писателей (меданцев), в большинстве своем являвшихся учениками Золя. *Сеар послал в русский журнал* — Сеар печатался в журнале «Слово». *Академический значок* — служил для награждения разных лиц, причастных к народному просвещению, в том числе писателей, ученых и т. д.

№ 102. В ответном письме Флобер сообщал, что исполнил желание Мопассана и написал жене издателя Шарпантье. Далее Флобер говорил: «Журнал «Современное обозрение» прислал мне вашу «Стену». Почему ее там наполовину разрушили?» Ответом на этот вопрос было следующее письмо Мопассана (№ 103).

№ 103. *С вашим романом* — с «Буваром и Пекюше».

№ 104. *«Девка» — это ведь моя поэма «На берегу».* — Журнал «Современное и натуралистическое обозрение», напечатавший «Стену» Мопассана, до этого перепечатал его поэму «На берегу», произвольно озаглавив ее «Девка».

№ 105. *Жермини* — сын министра, графа Жермини, был героем скандального процесса в 1877 году, обвинялся в преступлении против нравственности. *Преследовавшегося по суду за шедевр* — намек на процесс против «Госпожи Бовари».

№ 107. *«Даниель Роша»* — комедия Сарду, поставленная во Французской Комедии 13 февраля 1880 года.

№ 109. *«Адния»* — новелла Дефентри Райта (псевдоним американского писателя Минтэрна).

№ 110. *Статью Шолля* — вероятно, ту статью, в которой Шолль высмеивал прокуратуру Этампа, преследовавшую Мопассана.

№ 112. *Требуемая справка* — для главы о ботанике и садоводстве в «Буваре и Пекюше». *Корнюде* — персонаж «Пышки». *Катюль* — Катюль Мендес.

№ 113. *Вольф.* — Критик Альбер Вольф резко отрицательно отозвался о «Вечерах в Медане» («Фигаро», 19 апреля 1880): книга «ниже всякой критики: исключая новеллу Золя, все прочее крайне посредственно».

№ 115. *Наш бедный Флобер умер.* — Флобер скоропостижно скончался в Круассе 8 мая 1880 года.

№ 117. *Лапьерр... начал подписку* — на памятник Флоберу.

№ 118. *Мы займемся романом* — вероятно, речь идет о «Буваре и Пекюше», оставшемся незаконченным, и о перспективах его издания.

№ 119. *Лаффитт* — главный редактор газеты «Вольтер», куда Золя хотел устроить Мопассана на работу.

№ 120. *Патиссо* — персонаж «Воскресных прогулок парижского буржуа» (т. I).

№ 122. *Республиканское божество* — г-жа Адам. *Ее скучный журнальчик* — «Нувель ревю».

№ 123. *Великий художник-пейзажист* — Луи Ле Пуатвен (ирония).

№ 124. *«Моя ненависть»* — сборник статей Золя (1866). *«Жермини Ласерте»* — роман братьев Гонкур (1865).

№ 126. *Новеллу о публичных женщинах* — «Заведение Телье» (т. I).

№ 127. *Спектакль «Нана»* — роман Золя был инсценирован Бюснахом — состоялся в Амбигю 29 января 1881 года и вызвал огромный интерес публики.

№ 129. *Счел мою последнюю книгу непристойной* — сборник «Заведение Телье».

№ 131. *Оба ваших тома.* — Говорится о двухтомной книге «Дом художника» (1881), в которой Эдмон де Гонкур описывал свой дом и собранные в нем художественные коллекции. *Г-жа де Ниттис* — жена художника и скульптора Ниттиса, в салоне которой собирались писатели и художники.

№ 135. *Маньяр* — Франсис Маньяр, главный редактор газеты «Фигаро»; Маньяр противился помещению хвалебной статьи

Золя о «Заведении Телье», но она все же появилась в «Фигаро» 11 июля 1881 года (см. письмо № 136).

№ 137. *Бу-Амама* — предводитель арабских повстанцев (см. о нем в «Под солнцем», т. IV).

№ 138. *«Темидор»* — роман французского писателя Годара д'Окура (1716—1795) «Темидор, или повесть обо мне и о моей любовнице» (1748); предисловие, написанное Мопассаном для этой книги, вошло в его очерк «За чтением» (т. XI). *Я написал новеллу* — «Мадмуазель Фифи» (т. II).

№ 139. *Сговорились.*— Речь идет о согласии Кистемакерса на издание сборника «Мадмуазель Фифи». К этому «библиофильскому изданию» (1882) был приложен портрет Мопассана, гравированный Жюстом,— один из тех редких портретов, которые Мопассан в ту пору разрешил опубликовать.

№ 140. Письмо остается во Франции неопубликованным. Оригинал письма хранится в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде. *«Неизвестный отец»* — первоначальное заглавие новеллы «Сын» (т. II), вошедшей в сборник «Рассказы вальдшнепа», изданный Рувейром и Блоном в 1883 году. *«Слова любви»* (т. II) — новелла, вошедшая в изданный Кистемакерсом сборник «Мадмуазель Фифи».

№ 141. *Позабыл о журналистах* — о предполагаемых рецензентах сборника «Мадмуазель Фифи». *Марпон* — издатель.

№ 142. *Не пошлете ли...*— Имеются в виду экземпляры сборника «Мадмуазель Фифи».

№ 143. Письмо остается во Франции неопубликованным. Оригинал письма хранится в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде.

№ 144. *Я предложил вам издать свою книгу* — сборник «Стихотворения» (т. I). *Роскошное издание «Стихотворений»* — появилось только в 1884 году в издании Авара.

№ 145. Письмо адресовано, возможно, издателю Эд. Моннье, издавшему в 1884 году сборник «Лунный свет» (т. III). *Я продаю роман* — роман «Жизнь». *Русский перевод, вышедший раньше французского издания.*— Мопассан в данном случае, видимо, основывался на обещаниях И. С. Тургенева (см. комментарии ко II тому).

№ 146. Этюд Мопассана о Золя был издан у Кантена в 1883 году в серии «Современные знаменитости».

№ 147. *Г. М.*— печатные инициалы Мопассана на почтовой бумаге, которой он пользовался. *«Ша-нуар»* — сатирический журнал. *Я по-прежнему был указан в качестве администратора.*— Действительно, в № 56 «Ша-нуар» (январь 1883) было напечатано: главный редактор — Эмиль Гудо, главный администратор — Ги де Мопассан; это было одной из обычных шануаровских шуток.

№ 149. Издатели Рувейр и Блон намеревались издать в июне 1883 года сборник «Рассказы вальдшнепа».

№ 152. *Том путевых записок* — «Под солнцем», вышедший у Авара в 1884 году.

№ 154. Роман Золя «Дамское счастье», изданный в 1883 году, первоначально печатался в «Жиль Блас».

№ 156. *Брат Жан* — название лодки.

№ 158. В письме рукою Мопассана сделана только подпись.

№ 159. *Гастингс* — первоначальное имя героини новеллы «Мисс Гарриет»; новелла под заглавием «Мисс Гастингс» напечатана в «Голуа» 9 июля 1883 года; сборник «Мисс Гарриет» был выпущен Аваром в 1884 году.

№ 160. Роман Золя «Радость жизни» вышел в 1884 году.

№ 161. *Небольшой неизданный роман* — повесть «Иветта» (т. IV), печатавшаяся в «Фигаро» с 29 августа по 9 сентября 1884 года.

№ 162. Это письмо Мопассана и пять следующих обращены к Марии Константиновне Башкирцевой (1860—1884), русской художнице, работавшей и умершей во Франции. Ответные письма Башкирцевой к Мопассану см. в книге «Неизданный дневник Марии Башкирцевой». Ялта, 1904.

№ 163. *Банальность образа старухи* — намек на новеллу «Старуха Соваж» (т. III).

№ 164. *Мой портрет, набросанный вами...* — К письму Башкирцевой, на которое отвечает Мопассан, был приложен сделанный ею шарж, изображавший писателя.

№ 167 *Фонтенуа* — намек на битву при Фонтенуа (1745) между французами и коалиционными англо-ганноверскими войсками; в критический для французов момент английский полководец любезно крикнул им: «Господа гвардейцы, стреляйте первыми!» — на что французский полководец отвечал не менее любезно: «Нет, сэр, окажите нам сами эту честь».

№ 168. Речь идет об издании сборника «Лунный свет» (т. III), который был, однако, выпущен издателем Моннье.

№ 169. Записка относится к публикации в России повести «Иветта». Возможно, что она адресована М. М. Стасюлевичу: «Иветта» была напечатана в 8-й книге «Вестника Европы» за 1884 год.

№ 170. *«Вокруг колокольни»* — натуралистический роман Луи Депре и Анри Февра, изданный Кистемакерсом и вызвавший судебное преследование; Луи Депре, признанный вследствие несовершеннолетия Февра единственным ответственным лицом, был 20 декабря 1884 года приговорен к месяцу тюремного заключения; это так подействовало на болезненного Луи Депре, что он умер 20 октября 1885 года в возрасте 24 лет.

№ 171. В 80-х годах Катюль Мендес был редактором журнала «Народная жизнь», в котором перепечатывалось большинство рассказов Мопассана после их первоначального появления в газете. Письмо особенно интересно самооценками Мопассана, отмечающего лучшие свои рассказы 1883—1884 годов. В список восьми рассказов, «которые... намного лучше других», Мопассан сначала внес, но затем вычеркнул «Болезнь Андре».

№ 172. Роман Эдмона де Гонкура «Шери» издан в 1884 году.

№ 173. *Небольшая повесть.* — Письмо связано с помещением «Иветты» в газете «Фигаро», где главным редактором был Шолль.

№ 175. Новелла «Сестры Рондоли» печаталась в газете «Эко де Пари» с 29 мая по 5 июня 1884 года.

№ 176. *Новая квартира.*— Мопассан готовился переехать на улицу Моншанен, 10, в первый этаж особняка, построенного Луи Ле Пуатвеном, его кузеном. *Рассчитываю на свой роман* — на «Милого друга» (т. V).

№№ 177 и 178. В обоих письмах рукой Мопассана сделана только подпись.

№ 179. *Свое иллюстрированное издание* — сборник «Сказки дня и ночи».

№ 181. В письме речь идет о «Милом друге», который Мопассан предлагает «Вестнику Европы».

№ 182. Письмо остается во Франции неопубликованным. Оригинал письма находится в Центральном государственном литературном архиве в Москве. *А. Н. Энгельгардт* — речь может идти только о русской писательнице и переводчице Анне Николаевне Энгельгардт (1818—1903); не будучи знаком с нею, Мопассан начал письмо ошибочным обращением «Милостивый государь».

№ 185. Путешествие Мопассана в Грецию не состоялось.

№ 186. *Юг Ле Ру* — французский писатель.

№ 188. *Воспитанников Римской школы...*— Мопассан имеет в виду основанную в 1661 году Французскую академию художеств в Риме, куда французское правительство направляло для усовершенствования молодых художников, получавших премии. *Термы Каракаллы* — бани, построенные римским императором Каракаллой (186—217).

№ 189. *«Жерминаль»* — роман Э. Золя, изданный в 1885 году.

№ 190. *Восхождение на Этну* — описано Мопассаном в «Бродячей жизни».

№ 192. *Смерть Виктора Гюго* — последовала 22 мая 1885 года. *Привезу Франсуа* — слугу, Франсуа Тассара.

№ 193. *Жорж* — Жорж Легран, близкий друг Потоцкой.

№ 195. Морис Вокэр прислал Мопассану несколько стихотворений, прося у него совета. *Шатобриан* — описка; изречение это принадлежит Бюффону; ту же описку Мопассан сделал в предисловии к «Пьеру и Жану», опубликованному в «Фигаро» (см. письмо № 245).

№ 196. *Подготовляю исподволь свой роман* — «Монт-Ориоль» (т. VII).

№ 197. *Не хотите ли основать агентство?*— то есть агентство по заключению браков.

№ 198. Письмо остается во Франции неопубликованным. Оригинал находится в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в Москве; альбом Голицына, Ф. 86, л. 62.

№ 199. Премьера инсценировки романа Альфонса Доде «Сафо» состоялась в Жимназ 18 декабря 1885 года. *Я прочел Тартарена*—речь идет о первых двух частях трилогии: «Тартарен из Тараскона» (1872) и «Тартарен в Альпах» (1885); во второй части Доде пытался изобразить русских «нигилистов».

№ 200. *Сочиняю историю страсти* — «Монт-Ориоль». В чет-

вертом и шестом абзацах письма французское издание делает ряд пропусков.

№ 202. *Жорж Деко* — издатель, собиравшийся выпустить в 1886 году сборник статей Мопассана о художественной выставке «Салон 1886 года»; книга должна была объединить статьи, напечатанные Мопассаном в газете «Девятнадцатый век», в номерах от 30 апреля, 2, 6, 8, 10 и 18 мая 1886 года. Вследствие плохого набора книга не вышла; Деко в 1892 году предлагал одному коллекционеру уникальный оттиск корректурных листов с авторской правкой.

№ 204. Письмо (телеграмма) от 9 июня 1886 (?) г. остается во Франции неопубликованным. Оригинал хранится в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде (собрание Любимова). *Доктор Цион* — русский публицист И. Ф. Цион (1835—1912), реакционер, корреспондент «Московских ведомостей» Каткова.

№ 205. Рукой Мопассана сделана только подпись.

№ 211. *Ваше предложение* — об издании «Избранника г-жи Гюссон». *Два острова.* — Такое произведение Мопассана неизвестно; возможно, речь идет об издании путевых заметок Мопассана (об этом позволяют думать слова, что книга «не может достигнуть тиража романа»). Острова — это, по-видимому, Сицилия и Корсика. *Скоро появится и третий* — «Монт-Ориоль».

№ 212. Роман Октава Мирбо «Голгофа» издан в 1886 году.

№ 214. Письмо остается во Франции неопубликованным. Источник: Hermann. Urtel Guy de Maupassant. München. 1926, S. 203.

№ 217. *Сумма, недостающая нам... недостающие 3000 франков.* — Это письмо и три следующих касаются работы Комитета по постановке памятника Флоберу. В Комитет входили: Эдмон де Гонкур (председатель), Шарль Лапьерр и И. С. Тургенев (вице-председатели), Мопассан (секретарь), Золя, Леон Кладель, Арсен Уссэ, А. Доде. Памятник был заказан скульптору Шапю и стоил 12 тысяч франков, но у Комитета долгое время было только немногим более 9 тысяч франков. Вопрос о пополнении недостающей суммы и вызвал предположение о благотворительном спектакле, идея которого была раскритикована некоторыми газетами. Не вчитавшись в статью Сантийанна в «Жиль Блас», Мопассан внес новое личное пожертвование — тысячу франков, но этим невольно задел Гонкура, потому что как бы солидаризировался с выпадами Сантийанна против председателя Комитета.

№ 221. *«Славный денек»* — первоначальное заглавие новеллы «Осел» (т. III).

№ 227. Речь идет о полете Мопассана на воздушном шаре «Орля» 7 июня 1887 года. Аэронавты приземлились близ Гейста, в устье Эско.

№ 231. Письмо продиктовано секретарю. *Дантю* — издатель.

№ 232. *Маленький роман* — «Пьер и Жан» (т. VIII).

№ 233. *Угрожающих нам весной событий* — намек на буланжистское движение (см. комментарии к «Сильна как смерть»,

т. VIII, стр. 498). *«Земля»* — роман Э. Золя (1887). *Л... К...* — Вероятно, имеется в виду банк «Лионский кредит».

№ 234. Первые три тома «Дневника Гонкуров» вышли в 1887 году.

№ 236. *Шерер* — французский критик, автор десятитомника «Этюды о современной литературе» (1865—1879). *Обеды Маньи* — были основаны в 1862 году художником Гаварни, и в них участвовали Теофиль Готье, Сент-Бёв, Тэн, братья Гонкур и др. Восхищение Мопассана «безмолвным сотрапезником» Шерером говорит о его недовольстве «Дневником Гонкуров», нескромные записи которых, в частности, по поводу Флобера, не могли не возмущать Мопассана. С этого момента начинается его охлаждение к Эдмону де Гонкуру, которого он задевает и в конце предисловия к «Пьеру и Жану», отрицательно высказываясь о гонкуровской «художественной манере письма».

№ 237. Письмо связано со вторым путешествием Мопассана по Алжиру и Тунису. *Король Ивето* — легендарный король Нормандии, воплощение патриархальности и добродушия, воспетый в песенке Беранже. *Маленькая Симона* — племянница Мопассана, дочь его брата Эрве. *Мари-Тереза* — жена Эрве де Мопассана.

№ 238. Дату письма позволяют уточнить записи Ф. Тассара (во французском издании «Неизданных писем» указана приблизительная дата — 1888 год).

№ 239. *Хуаны* — см. об этом «На пути в Кайруан», 15 декабря, в сборнике «Бродячая жизнь» (т. IX).

№ 242. Дату письма позволяют уточнить записи Ф. Тассара (в «Неизданных письмах» указано 2 января 1889 года).

№ 243. *Кончаю свой роман* — непонятно, о чем идет речь: роман «Пьер и Жан» был уже закончен в сентябре 1887 года, а новый роман, «Сильна как смерть» (т. VIII), начат только в апреле 1888 года (набросан вчерне план). Возможно, что датировка письма во французском издании неточна.

№ 244. *«Земля»* — роман Золя, вышедший в издании Шарпантье 15 ноября 1887 года, когда Мопассан находился в путешествии.

№ 245. *Этюд о современном романе* — предисловие к «Пьеру и Жану». *Фразу Бюффона...* — см. примечание к письму № 195. *Я возбуждаю процесс против «Фигаро»* — см. комментарии к «Пьеру и Жану»; дело кончилось примирением Мопассана с «Фигаро». *Каран д'Аш* — французский карикатурист.

№ 247. *Фредерик Массон* (1847—1923) — французский историк, редактор журнала «Литература и искусство», в котором в 1888 году была опубликована книга «На воде» (т. VII).

№ 250. *Твое мнение* — о «Пьере и Жане», печатавшемся в журнале «Нувель ревю» в декабре 1887 года и январе 1888 года.

№ 251. Эдуард Эстонье в 1888 году готовил к печати свой первый роман, «Простак», озаглавленный позднее по имени главного героя — «Стефан». Сюжет этого романа был очень схож с сюжетом «Пьера и Жана», о чем Эстонье и написал Мопассану. Имеется указание, что Мопассан соглашался на то, чтобы это его письмо было напечатано в качестве предисловия к «Просга-

ку». Эстонье, издавший свой роман лишь спустя три года, ограничился посвящением его Мопассану

№ 253. Издательство Кантена («Либрери модерн») выпустило сначала отдельно рассказ «Избранник г-жи Гюссон» (см. письмо № 231), а затем издало сборник «Избранник г-жи Гюссон» в составе 14 новелл, вышедший 10 октября 1888 года. *«Декамерон».*— Речь идет о десятитомном собрании новелл различных современных французских писателей «Новый Декамерон», в котором было напечатано не десять, а одиннадцать новелл Мопассана: «Шкаф», «Взбесилась», «Натурщица», «Окно», «Продажа», «Дочь Мартена», «Одиссея проститутки», «Реванш», «Шали», «Неудача», «Шпилька».

№ 254. *Андре Леконт дю Нуи* — производил в 70—80-х годах в Румынии работы по реставрации исторических памятников.

№ 255. *Мой процесс* — с «Фигаро». *Новый роман* — «Сильна как смерть»

№ 256. Издания, о которых идет речь,— «Лунный свет» (2-е, дополн издание) и «На воде». Обе книги появились ранее «Избранника г-жи Гюссон».

№ 257. Примечание французского издания: «Мы нашли это непечатное помарками письмо в личных бумагах Ги де Мопассана»

№ 259. *К своему новому роману* — «Сильна как смерть».

№ 262. Письмо остается во Франции неопубликованным. Оригинал хранится в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде.

№ 263. *Маккавеи.*— Графиня Потоцкая устраивала у себя так называемые «обеды маккавеев», каждый участник которых должен был быть жертвой любви; Мопассан был постоянным участником этих обедов. *Выставка.*— Упоминается Всемирная выставка 1889 года в Париже (см. первые страницы «Бродячей жизни»).

№ 265. *П. Л. М.*— железнодорожная линия Париж — Лион — Средиземное море.

№ 266. Источник: «Revue illustrée», 1898, p. 140. *Золотая книга* — книга почетных посетителей.

№ 267. Образчик позорной аукционной торговли письмами Мопассана, происходящей во Франции. Эрве де Мопассан по окончании образования служил в кавалерии, затем поселился в Антибе, где занимался садоводством до тех пор, пока болезнь не заставила его переехать в Лион, где он сошел с ума и умер (13 ноября 1889 года).

№ 268. Адресат, предполагаемый комментаторами издания «Либрери де Франс». *Мадмуазель Рейшамбер* — артистка.

№ 269. *Вилье* — французский писатель Вилье-де-Лиль-Адан (1838—1889), сильно нуждавшийся в конце жизни.

№ 270. Уточнить дату письма, относимого французскими издателями к 1884 году, позволяют записи Тассара

№ 271. *Свой роман* — «Сильна как смерть».

№ 272. *Эту книгу* — «Сильна как смерть».

№ 273. *Сен-жерменский подъем.*— Говорится, видимо, о го-

родке Сен-Жермен-ан-Ле, в 20 километрах от Парижа, расположенном на довольно отлогом косогоре.

№ 275. Письмо связано с тем фактом, что книготорговля Ашетт, располагавшая сетью книжных киосков на вокзалах, отказалась продавать в них книгу Боэра «Комедиантка, сцены из театральной жизни» (1889), сочтя эту книгу «безнравственной». Ханжеское поведение фирмы вызвало протест писательских кругов.

№ 277. Рукой Мопассана сделана только подпись. *Гранвальское собрание.*— Речь идет о празднике, который Мопассан устроил в Этрета для своих гостей и о чем Ф. Тассар рассказывает в XIII главе своих «Воспоминаний». *Гийеттовское время*— шутка; речь идет о вилле Ла Гийетт, принадлежавшей Мопассану.

№ 280. *Жакоб* — поверенный Мопассана. В парижской квартире, снятой Мопассаном на авеню Виктор Гюго, слышался ночью сильный шум из соседней булочной, расположенной в нижнем этаже, и надлежало формальным образом констатировать этот шум для того, чтобы добиться расторжения договора с домовладельцем. *Постоянное наблюдение* — учредил за домом владелец булочной, собиравшийся немедленно прекратить шум при появлении лица, похожего на обследователя. *Лаланн* — должен был быть этим обследователем. С этим инцидентом связаны и письма №№ 282—284.

№ 286. *Первой новеллы моего тома* — то есть «Оливковой рощи» (т. IX).

№ 290. *«Венецианец»* — опера Альбера Каэна (1846—1903), впервые поставленная в руанском театре в апреле 1890 года.

№ 294. *К началу продажи моей книги* — «Нашего сердца». *О моем романе* — о «Нашем сердце». *Пьесу, инсценированную Норманом,*— «Мюзотту» (т. IX), написанную в соавторстве с Жаком Норманом. *Франсуа* — Франсуа Тассар, слуга Мопассана.

№ 297. *Поль Марсан* — сотрудник журнала «Монд иллюстрэ». *Процесс с одним издателем* — с Шарпантье.

№ 298. *Полстранички из путеводителя Жоанна* — Речь идет о популярном для той поры путеводителе по Франции, составленном географом Жоанном (1813—1881) и изобиловавшем пошлостями; упоминаемые «полстранички» относятся к местечку Шарметт, которое Мопассан только что посетил и в котором в свое время развертывался роман Жан-Жака Руссо с г-жою Варанс. Настоящее письмо опубликовано в 1932 году г-жою Леон Гинзбург.

№ 299. *Дюма* — Дюма-сын.

№ 300. *Памятник Флоберу* — был открыт в Руане не 10 июля, а 23 ноября 1890 года.

№ 301. *Полицейский.*— Метенье начал свою карьеру со службы секретарем полицейского комиссара.

№ 302. *Публикация в «Ревю»* — «Наше сердце» было предварительно напечатано в журнале «Ревю де Дё Монд».

№ 303. *Роман Бурже.*— Вероятно, речь идет о романе Поля Бурже «Женское сердце» (1890).

№ 304. *Успех этой книги* — «Нашего сердца». *«Мир у домашнего очага»* — пьеса «Семейный мир».

№ 305. Письмо адресовано д-ру Обэ из Этрета, поднявшему вопрос о необходимости газового завода в этой местности.

№ 306. *Места, которые я только что посетил.*— Мопассан описывает Жерармер и долины в Вогезах.

№ 308. *Тлемсен* — городок в Алжире; когда находился там Мопассан, не установлено. Это письмо и следующие, №№ 309—313, связаны с открытием памятника Флоберу в Руане 23 ноября 1890 года.

№ 316. *Репетиция нашей пьесы* — «Мюзотты», премьера которой в «Жимназ» состоялась 4 марта 1891 года. *Для Франсуа* — Франсуа Тассара.

№ 317. *Переделка «Иветты» в пьесу.*— Замысел этот, за исключением нескольких первых страниц, остался невыполненным.

№ 320. Разрешение на перевод и постановку «Мюзотты» на русском языке было закреплено за Михайловским театром в Петербурге. *Мой сотрудник* — Жак Норман.

№ 321. *Мой роман* — «Анжелюс».

№ 330. *Избавился от очень большой докуки.*— Мопассан ездил в Женеву, где ему удалили зуб.

№ 334. Источник: A. Lumbroso, p. 39. *Ушиб.*— Незадолго до этого Мопассан упал с велосипеда и повредил себе два ребра.

№ 335. *Л. Богданова* — девушка из богатой русской семьи, проживавшей в Ницце.

№ 336. *Произведение, над которым работаю вот уже два года* — роман «Анжелюс».

№ 339. Сборник «Бесполезная красота» (т. IX) был издан Аваром в апреле 1890 года.

№ 341. *Они настаивают.*— Речь идет о нью-йоркской газете «Звезда», напечатавшей повесть, якобы принадлежавшую Мопассану и оказавшуюся подделкой.

№ 342. *Шива* — индийское божество.

№ 354. *Эти дамы приходили повидаться со мной.*— 24 декабря 1891 года Мопассана посетили две дамы: г-жа Мари Канн и г-жа Альбер Каэн.

№ 355. *Колль* — нотариус Мопассана.

II. НЕДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА

№№ 358—360. Источники: René Dumesnil. Guy de Maupassant. P. 1933, pp. 161—162. Шутки Мопассана, присылавшего Флоберу мистификаторские письма то от имени преступника Менесклу, то от имени Пинара, выступавшего в 1857 году прокурором на суде над Флобером, то от имени свиньи св. Антония, жаловавшейся Флоберу, что после издания его книги «Искушение св. Антония» ее хозяин чрезмерно возгордился и впал в соблазны.

№ 365. Письмо остается во Франции неопубликованным. Оригинал хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (собрание Вокселя, № 275).

№№ 367 и 368. Источник: A. Lumbroso, p. 118.

№ 369. Источник: P. Borel et «Petit — Bleu». Le Destin tragique de Guy de Maupassant. P. 1927, p. 81.

№ 370. Источник: A. Lumbroso, p. 359.

№ 371. Источник: L. Deffoux et E. Zavie. Le groupe de Médan. P. 1926, pp. 253—254.

№ 372. Источник: G. de Lacaze-Duthiers. Guy de Maupassant. P.1926 (факсимиле).

№ 373. Источник: A. Lumbroso, p. 430-a.

№ 374. Источник: A. Lumbroso, p. 440-a.

№ 375. Источник: P. Borel et «Petit — Bleu», op. cit. p. 94.

№ 376. Источник: P. Borel et «Petit — Bleu», op. cit., pp. 68—69. В книге «Amitié amoureuse», вышедшей в 90-х годах без имени автора и принадлежащей перу г-жи Элен Леконт дю Нуи; на стр. 372—373 приведено это письмо Мопассана, несколько перефразированное. Отсюда можно предполагать, что г-жа Леконт дю Нуи рассказала в этом романе историю своей любви к Мопассану, выводя его под именем Филиппа, а себя—под именем Денизы. Напрашивается также предположение, что и в основе других писем Филиппа (всех или нет) лежит текст писем Мопассана.

№ 377. Источник: A. Lumbroso, pp. 288—289.

№ 378. Источник: A. Lumbroso, p. 141.

№№ 380, 381, 385, 390, 391 и 392. Источник: статья Поля Невё в издании Конара (том Correspondance. P. 1908, pp. XXII, XXXI, LXX, LXXIV, LXXIX, LXXXIX и XC).

№ 390. *Я одержим такими же тревогами, как и она* — как стареющая графиня Гильруа из романа «Сильна как смерть».

ПОСМЕРТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Просьба

Этот отрывок был впервые опубликован в газете «Тан» 24 февраля 1927 года и был затем включен в XIV том издания «Либрери де Франс».

Измена графини де Рюн

Пьеса впервые опубликована во Франции в 1927 году в книге: P. Borel et «Petit — Bleu». Le Destin tragique de Guy de Maupassant.

Сюжет этой романтической драмы связан с малоизвестным эпизодом истории французского средневековья, с так называемой «войною двух Жанн», сплетающейся с событиями Столетней войны.

«Война двух Жанн», представительниц могущественных феодальных родов средневековой Франции — Жанны де Пентьевр, вышедшей замуж за Шарля де Блуа, и Жанны Фландрской, жены Жана де Монфора, велась за крупное наследство, за владение провинцией Бретань. В эту борьбу постепенно были втянуты другие французские феодалы, принял в ней участие и сам король Филипп VI. Так как в эту пору между Францией и Англией уже шла Столетняя война, начавшаяся в 1337 году, то Жан де Мон-

фор обратился за помощью к англичанам. С течением времени и Шарль де Блуа и Монфор попали в плен (первый к англичанам, второй к сыну Филиппа VI), и с этой поры войну ведут только их жены, откуда и название «война двух Жанн». Действие пьесы Мопассана приурочено к началу этого нового периода феодальной распри, к 1347 году. «Война двух Жанн» продлилась до 1365 года, пока Жанна де Пентьевр после смерти мужа, убитого в одном из сражений, не отказалась от дальнейшей борьбы.

Стр. 334. *Шарль Блуа* — Шарль де Блуа (1319—1364).

...Монфор взял Шарля.— Бежав из плена в 1345 году, Монфор снова принял участие в борьбе против Шарля де Блуа, пока последний не был взят в плен англичанами.

Стр. 335. *...Монфор сражен Бастилией* — анахронизм: Бастилия была заложена только в 1369 году.

...Играют две женщины — Жанна де Пентьевр и Жанна Фландрская.

Стр. 345. *Жан Французский* — так назывался сын Филиппа VI, герцог Беррийский (1340—1416). Если Мопассан не ошибся (возраст Жана Французского в пору действия драмы исключает возможность его участия в войне), то возможно, что интрига против Монфора велась от имени юного герцога.

Ландерно, Генган, Эннебон, Жюгон — бретонские города и крупные села.

Стр. 353. *Король Филипп* — французский король Филипп VI.

Стр. 367. *Монморанси* — французский маршал (ум. 1385), участвовавший в осаде Нанта и принудивший Монфора к сдаче.

Стр. 368. *Дюгеклен* — долгое время служил в войсках Шарля де Блуа

Семейный мир

Пьеса впервые опубликована Оллендорфом в 1893 году.

Стр. 406. *Ариадна* — героиня древнегреческой мифологии, дочь критского царя Миноса. Влюбившись в Тезея, она помогла ему выбраться из Лабиринта, но затем была брошена им на острове Наксос и покончила с собой.

Стр. 407. *...в стиле Регентства* — намек на период французской истории (1715—1723), когда в малолетство Людовика XV Францией правил в качестве регента герцог Филипп Орлеанский. Время его ознаменовалось большой распущенностью придворных и светских нравов.

Иветта

Два печатаемых фрагмента этой пьесы были опубликованы впервые в издании Конара, выходившем в 1908—1910 годах.

Стр. 434. *Мюскад.*— Слово это обозначает «волшебный» шарик фокусника, имеющий свойство внезапно появляться и исчезать, быть неуловимым и т. п.

Стр. 435. «*Великая герцогиня*».— Имеется в виду, вероятно, оперетта Жака Оффенбаха «Великая герцогиня Герольштейнская» (1867).

Ю. ДАНИЛИН

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН[1]

Абу, Эдмон (1828—1885) — французский романист.
Адам, г-жа Эдмон (1836—1936) — французская писательница.
Алексис, Поль (1847—1901) — французский писатель натуралистической школы.
Амик, Анри (1853—1929) — французский литератор из числа друзей Мопассана.
Анго (ум. 1551) — французский судовладелец и строитель кораблей.
Апулей, Луций (ок. 135 — ок. 180) — древнеримский писатель, автор романа «Золотой осел».
Аретино, Пьетро (1492—1556) — итальянский сатирик и памфлетист.
Ариосто, Лодовико (1474 — 1533) — итальянский поэт.
Аристотель (384—322 до н. э.) — великий древнегреческий философ.
Аристофан (ок. 446—385 до н. э.) — знаменитый древнегреческий комедиограф.
Арнуа де Бланг, Жермер д' — двоюродный брат Мопассана.
Арпиньи, Анри (1819—1916) — французский художник, примыкавший к барбизонской школе.
Аспазия (V в. до н. э.) — древнегреческая красавица, жена Перикла

Байярд, Пьер (ок. 1473—1524) — знаменитый французский полководец, прозванный «рыцарем без страха и упрека».
Балланд — директор парижского театра Дежазе (Третьего французского театра).
Банвиль, Теодор де (1823—1891) — французский поэт парнасской школы.
Бар, Жан (1650—1702) — известный французский корсар.
Барбе д'Оревильи, Жюль (1808—1889) — французский романист.

[1] В словарь включены имена исторических деятелей, писателей и некоторых современников Мопассана, упоминаемые в XI—XII томах.

Барбье, Огюст (1805—1882) — французский поэт-романтик, представитель гражданской поэзии.

Барду, Аженор (1829—1897) — французский историк и политический деятель, министр народного образования в 70-х годах.

Башкирцева, Мария (1860—1884) — русская художница, жившая и умершая во Франции.

Белло, Реми (1528—1577) — французский поэт, участник литературного объединения Плеяда.

Бержера, Эмиль (1845—1923) — французский поэт и критик.

Беркен, Арно (1747—1791) — французский поэт, автор слащавых идиллий.

Бернар, Сара (1844—1923) — знаменитая французская драматическая актриса.

Бернарден де Сен-Пьер, Жак-Анри (1737—1814) — французский романист и естествоиспытатель, ученик Руссо.

Берн-Джонс, Эдуард (1833—1898) — английский художник-прерафаэлит.

Беро, Жан (1849—1935) — французский художник.

Бертло, Марселен (1827—1907) — выдающийся французский ученый, химик.

Берто, Жан (1552—1611) — французский поэт Возрождения.

Бертье, Луи (1753—1815) — французский маршал.

Бисмарк, Отто (1815—1898) — прусский фельдмаршал и государственный деятель.

Бодлер, Шарль (1821—1867) — французский поэт, родоначальник декадентства.

Боккаччо, Джованни (1313—1375) — знаменитый итальянский писатель.

Бонна, Жозеф-Леон (1833—1922) — французский художник-портретист.

Боннетэн, Поль (1858—1899) —французский писатель-натуралист.

Боньер, Робер де (1850—1905) — французский романист и литературный критик.

Борнье, виконт Анри де (1825—1901) — французский драматург.

Боссюэ, Жак-Бенинь (1627—1704) — французский церковный писатель и проповедник.

Боэр, Анри (1851—1915) — французский театральный критик.

Броан, Мадлена — артистка Французской Комедии.

Брэнн, г-жа — друг Флобера и Мопассана.

Бруссе, Франсуа (1772—1838) — французский медик.

Буало, Николя (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма, автор трактата в стихах «Поэтическое искусство».

Буйле, Луи (1822—1869) — французский поэт-парнасец, первый литературный руководитель Мопассана.

Буль, Андре (1642—1732) — французский резчик по дереву, мастер художественной мебели.

Бурже, Поль (1852—1935) — французский писатель, автор психологических романов.

Буше, Франсуа (1703—1770) — французский художник.

Бэкон, Френсис (1561—1626) — английский философ, родоначальник английской материалистической философии.

Бюрти, Филипп (1830—1890) — французский художественный критик.

Бюснах, Вильям (1832—1907) — французский драматург, инсценировавший многие романы Золя.

Бюффон, Жорж-Луи (1707—1788) — французский естествоиспытатель.

Вакери, Огюст (1819—1895) — французский журналист и драматург.

Валлес, Жюль (1832—1885) — французский писатель, революционный демократ, член Парижской коммуны.

Ван Лоо — имя двух французских художников XVIII века, братьев Жана-Батиста (1684—1745) и Карла (1705—1765).

Ватто, Антуан (1684—1721) — французский художник.

Вейо, Луи (1813—1883) — французский реакционный публицист католического лагеря.

Вергилий (70—19 до н. э.) — знаменитый древнеримский поэт.

Верлен, Поль (1844—1896) — французский поэт, глава школы символистов.

Веронезе, Паоло (1528—1588) — знаменитый итальянский художник.

Виардо, Полина (1821—1910) — французская певица, подруга Тургенева.

Вийон, Франсуа (ок. 1431 — после 1463) — французский средневековый поэт.

Виньи, Альфред де (1797—1863) — французский писатель реакционно-аристократического крыла романтизма.

Витю, Огюст (1823—1891) — французский либеральный публицист.

Во, Людовик де — французский журналист, друг Мопассана.

Вобан, Себастьен (1633—1707) — французский военный инженер, маршал.

Вольф, Альбер (1835—1891) — французский литературный критик.

Галеви, Фроманталь (1799—1862) — французский композитор.

Гамбетта, Леон (1838—1882) — французский политический деятель, глава буржуазных республиканцев-оппортунистов 80-х годов.

Генрих VIII (1491—1547) — английский король.

Гийеме, Жан-Батист (1842—1918) — французский художник-пейзажист.

Гимар, Мари (1743—1816) — французская танцовщица.

Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.) — знаменитый древнегреческий врач.

Гондине, Эдмон (1828—1888) — французский драматург.

Гонкур, братья — основоположники натуралистической школы.

Гонкур, Жюль де (1830—1870) — французский романист.

Гонкур, Эдмон де (1822—1896) — французский романист, первоначально работавший в сотрудничестве со своим братом, Жюлем.

Гораций (65—8 до н. э.) — древнеримский поэт.

Готье, Теофиль (1811—1872) — французский поэт-романтик, позднее парнасец, глава реакционного направления «искусство для искусства».

Гофман, Эрнст-Теодор-Амадей (1776—1822) — немецкий писатель-романтик.
Греви, Жюль (1807—1891) — президент Третьей республики с 1879 по 1887 год.
Гревиль, Анри (1842—1902) — псевдоним французской писательницы Алисы Флери.
Гюисманс, Жорис-Карл (1848—1907) — французский романист натуралистической школы.

Далила — библейская куртизанка, предавшая влюбленного в нее Самсона его врагам, филистимлянам.
Дамирон, Филипп (1794—1862) — французский философ, ученик Кузена.
Дантон, Жак (1759—1794) — знаменитый деятель французской революции XVIII века.
Декав, Люсьен (1861—1949) — французский писатель натуралистической школы.
Декарт, Рене (1596—1650) — знаменитый французский философ-рационалист.
Делавинь, Казимир (1793—1843) — французский поэт и драматург.
Делакруа, Эжен (1798—1863) — знаменитый французский художник-романтик.
Деланд, Ремон — французский режиссер.
Делиль, Жак, аббат (1738—1813) — французский поэт.
Делорм, Марион (1611—1650) — французская куртизанка.
Депорт, Филипп (1546—1606) — французский поэт, участник Плеяды.
Дерулед, Поль (1846—1914) — французский поэт-националист и реакционный политический деятель.
Дидон, Анри (1840—1900) — монах-доминиканец, популярный проповедник в Париже.
Дидро, Дени (1713—1784) — знаменитый французский просветитель, писатель и философ-материалист.
Доде, Альфонс (1840—1897) — французский романист.
Доде, Эрнест (1837—1921) — брат А. Доде, французский писатель и историк.
Дора, Жан (1508—1588) — французский поэт, участник Плеяды.
Дориа, Андреа (1468—1560) — итальянский адмирал, правитель Генуи.
Доршен, Огюст (1857—1930) — французский поэт.
Дю Белле, Иоахим (1522—1560) — французский поэт, теоретик Плеяды.
Дюгеклен, Бертран (ок. 1320—1380) — французский полководец.
Дюге-Труен, Рене (1673—1736) — французский адмирал.
Дю Кан, Максим (1822—1894) — французский писатель, друг молодости Флобера.
Дюкен, Абрагам (1610—1688) — французский адмирал.
Дюма-отец, Александр (1803—1870) — французский романист.
Дюма-сын, Александр (1824—1895) — французский драматург.
Дюнуа, Жан (1403—1468) — французский полководец.
Дютэ, Розали (1752—1820) — французская актриса.

Жамин, Амадис (1538—1585) — французский поэт, участник Плеяды.
Жанен, Жюль (1804—1874) — французский романист и театральный критик.
Жервекс, Анри (1852—1929) — французский художник.
Жирарден, Эмиль де (1806—1881) — известный французский публицист.
Жодель, Этьен (1532—1573) — французский поэт, участник Плеяды.
Жуанвиль — друг юности Мопассана.
Жюдик, Анна (1850—1911) — французская опереточная актриса.

Каз, Жюль (р. 1856) — французский писатель.
Каз, Робер (1853—1885) — французский поэт и романист.
Казалис, Анри (1840—1909) — французский поэт, писавший под псевдонимом Жан Лаор, врач, друг Мопассана.
Калиостро (1743—1795) — знаменитый итальянский авантюрист.
Канту (1804—1895) — итальянский историк.
Карвало, Леон (1825—1897) — директор оперного Лирического театра в Париже.
Карл V (1500—1558) — король Испании и император австрийский.
Каролюс Дюран, Шарль (1837—1917) — французский художник.
Карр, Альфонс (1808—1890) — французский писатель.
Картье, Жак (1491—1557) — французский мореплаватель.
Кистемакерс — бельгийский издатель.
Кладель, Леон (1835—1892) — французский писатель, близкий к революционно-демократическим кругам.
Клареси, Жюль (1840—1913) — французский драматург, с 1885 года — директор Французской Комедии.
Клеопатра (69—30 до н. э.) — царица Египта.
Климент VII — римский папа с 1523 по 1534 год.
Клодион, Клод-Мишель (1738—1814) — французский скульптор.
Комманвиль, Каролина — племянница Флобера, художница.
Кондильяк, Этьен (1715—1780) — французский философ-сенсуалист.
Коннетабль Бурбонский, Шарль (1490—1527) — французский полководец.
Констан, Бенжамен (1767—1830) — французский писатель-романтик.
Коппе, Франсуа (1842—1908) — французский поэт-парнасец.
Корнель, Пьер (1606—1684) — знаменитый французский драматург.
Коро, Жан-Батист (1796—1875) — французский пейзажист.
Кребийон-младший, Клод (1707—1777) — французский романист и драматург.
Кузен, Виктор (1792—1867) — французский философ-эклектик.
Курбе, Гюстав (1819—1877) — французский художник-реалист.

Лабрюйер, Жан (1645—1696) — французский писатель-моралист, автор «Характеров и нравов этого века».
Лабурдоннэ, Бертран (1699—1755) — французский мореплаватель.

Лагарп, Жан-Франсуа де (1739—1803) — французский драматург и один из теоретиков школы классицизма.

Лажье, Сюзанна — французская артистка.

Ламартин, Альфонс де (1790—1869) — французский поэт-романтик.

Ламбер, Эжен-Луи (1825—1900) — французский художник-анималист.

Ламеннэ, Фелисите (1782—1854) — французский публицист, близкий к христианскому социализму.

Ламеттри, Жюльен (1709—1751) — выдающийся французский философ-материалист.

Ландель, Шарль (1821—1908) — французский художник.

Ланкло, Нинон де (1620—1705) — французская куртизанка.

Лапорт, Эдмон — близкий друг Флобера.

Лапьерр, Шарль — французский журналист из семьи руанских друзей Флобера.

Лафонтен, Жан (1621—1695) — французский поэт, автор басен и рассказов в стихах.

Леконт де Лиль, Шарль (1818—1894) — французский поэт, глава парнасской школы.

Леконт дю Нуи, Андре (1844—1914) — французский художник и архитектор.

Леконт дю Нуи, г-жа Андре (1855—1915) — друг Мопассана.

Леман, Анри (1814—1882) — французский художник.

Леметр, Жюль (1853—1914) — французский литературный критик.

Ленорман, Мари (1772—1843) — французская гадальщица.

Ле Пуатвен, Альфред (1816—1848) — французский поэт-романтик, друг молодости Флобера, дядя Мопассана.

Ле Пуатвен, Луи (1847—1909) — сын Альфреда Ле Пуатвена, кузен Мопассана, художник и архитектор.

Ле Пуатвен, Люси — жена Луи Ле Пуатвена.

Ле Пуатвен, Эжен (1806—1870) — брат Альфреда Ле Пуатвена, художник-маринист.

Лесаж, Ален-Рене (1668—1747) — французский романист.

Лессепс, Фердинанд (1805—1894) — французский инженер, строитель Суэцкого канала.

Лессинг, Готхольд-Эфраим (1729—1781) — знаменитый немецкий просветитель, публицист, драматург и теоретик искусства.

Линней, Карл (1707—1778) — известный шведский ученый-натуралист.

Литтре, Эмиль (1801—1881) — французский философ, филолог.

Лонгвиль, герцогиня де (1619—1679) — французская аристократка, участница Фронды.

Лоран-Пиша (1823—1886) — французский литератор и политический деятель-республиканец.

Лоти, Пьер (1850—1923) — французский писатель, морской офицер.

Луи-Наполеон (1808—1873) — император Наполеон III.

Лукреций (I в. до н. э.) — древнеримский поэт Лукреций Кар, сторонник философии атомистического материализма.

Мак-Магон, Патрис (1808—1893) — французский маршал, президент Третьей республики с 1873 по 1879 год.

Макиавелли, Никколо (1469—1527) — итальянский историк и публицист.

Малерб, Франсуа (1555—1628) — французский поэт, один из основоположников классицизма XVII века.

Малларме, Стефан (1842—1898) — французский поэт-символист.

Мальреди (1786—1863) — английский художник и скульптор.

Мане, Эдуард (1832—1883) — французский художник-импрессионист.

Манюэль, Эжен (1823—1901) — французский поэт.

Маньи, Оливье де (1530—1561) — французский поэт эпохи Возрождения.

Мариво, Пьер де (1688—1763) — французский драматург.

Маро, Клеман (ок. 1496—1544) — французский поэт эпохи Возрождения.

Массе, Виктор (1822—1884) — французский композитор.

Массне, Жюль (1842—1912) — французский композитор.

Матильда, принцесса (1820—1904) — кузина Наполеона III; в ее салоне собирались писатели, художники и ученые.

Маэль, Пьер — коллективный псевдоним двух французских писателей: Шарля Косса (1862—1905) и Шарля Вильсана (1851—1920).

Мезруа, Рене (1856—1918) — французский писатель, друг Мопассана.

Мейер, Артюр (1844—1924) — главный редактор «Голуа».

Мейсонье, Эрнест (1815—1891) — французский художник-баталист.

Мендес, Катюль (1841—1909) — французский поэт-парнасец и романист.

Месмер, Франц (1734—1815) — немецкий врач, создатель теории «животного магнетизма».

Местр, Жозеф де (1753—1821) — французский писатель, идеолог дворянско-клерикальной реакции в пору Реставрации.

Метенье, Оскар (1859—1913) — французский драматург.

Микеланджело (1475—1564) — знаменитый итальянский живописец, скульптор и архитектор.

Милле, Жан-Франсуа (1814—1875) — французский художник, автор полотен на темы из деревенской жизни; любимый художник Мопассана.

Мирабо, Оноре-Габриэль (1749—1791) — французский оратор и политический деятель начального периода революции XVIII века.

Мишле, Жюль (1798—1874) — французский историк либерально-демократического направления.

Моне, Клод (1840—1926) — французский художник-импрессионист.

Монтегю, Морис (1855—1911) — французский поэт.

Монтень, Мишель (1533—1592) — знаменитый французский писатель, философ и моралист.

Монтескьё, Шарль-Луи (1689—1755) — французский просветитель, социолог и публицист.

Монтион, Жан (1733—1820) — французский филантроп, учредивший ряд премий за добродетель и за литературные произведения.
Мопассан, Гюстав де (1821—1899) — отец писателя.
Мопассан, Жан-Батист де (XVIII в.) — предок писателя.
Мопассан, Жюль де (ум. 1875) — дед писателя.
Мопассан, Эрве де (1856—1889) — брат писателя.
Мопассан, г-жа де (Лора Ле Пуатвен) (1821—1903) — мать писателя.
Мопассан, г-жа де (Мари-Тереза) — жена Эрве де Мопассана.
Мопассан, Симона де — дочь Эрве де Мопассана.
Мопертюи, Пьер-Луи (1698—1759) — французский физик, астроном.
Моро, Гюстав (1826—1898) — французский художник.
Мюссе, Альфред де (1810—1857) — французский поэт-романтик.

Наке, Альфред (1834—1916) — французский политический деятель, пропагандист закона о разводе, принятого в 1884 году.
Нильсон, Кристина (1843—1921) — шведская певица.
Нозаль, Александр (1852—1929) — французский пейзажист, многие полотна которого посвящены изображению жатвы.
Нориак, Жюль (1827—1882) — французский литератор.
Норман, Жак (1848—1931) — французский драматург, соавтор Мопассана по пьесе «Мюзотта».

Обинье, Агриппа д' (1552—1630) — французский поэт.
Овидий (43 до н. э.— 17) — древнеримский поэт.
Ожье, Эмиль (1820—1889) — французский драматург.
Орлеанский (д'Орлеан), Шарль (1391—1465) — французский средневековый поэт-аристократ.
Осман, Жорж-Эжен, барон (1809—1891) — крупный чиновник Второй империи, руководивший перепланировкой Парижа.
Оффенбах, Жак (1819—1880) — французский композитор, один из создателей классической оперетты.

Паска, Мари-Анжель (1835—1914) — французская драматическая артистка.
Паскаль, Блез (1623—1662) — французский математик, физик и философ.
Пассера, Жан (1534—1602) — французский поэт.
Пасси, Фредерик (1822—1912) — французский экономист, один из основателей Международной лиги мира в 1867 году.
Пастер, Луи (1822—1895) — выдающийся французский ученый, химик, микробиолог.
Пеладан, Жозефен (1858—1918), иначе Сар Пеладан — французский писатель-декадент.
Пеншон, Робер (1846—1925) — французский драматург, друг молодости Мопассана, носивший прозвище «Ток».
Пий IX — римский папа с 1846 по 1878 год.
Пинар, Пьер (1822—1909) — французский прокурор.
Плавт (ок. 254—184 до н. э.) — древнеримский комедиограф.

Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.
По, Эдгар (1809—1849) — американский писатель, автор фантастических рассказов.
Понсар, Франсуа (1814—1867) — французский драматург.
Понтюс де Тиар (1521—1605) — французский поэт, участник Плеяды.
Поплен, Клодиус (1825—1892) — французский поэт и художник по эмали.
Потоцкая, графиня — светская приятельница Мопассана.
Прадье, Жам (1794—1852) — французский скульптор.
Прево, Антуан, аббат (1697—1763) — французский романист.
Примоли, граф — племянник принцессы Матильды, один из светских друзей Мопассана.
Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный экономист, социолог и философ.
Прюнье, Жозеф — прозвище Мопассана в компании его друзей по лодочному спорту.
Пуактвен, Франсис (1854—1904) — французский поэт.
Пуше, Жорж (1833—1904) — французский медик из семьи руанских друзей Флобера.
Пюви де Шаванн (1824—1898) — французский художник, мастер декоративной живописи.

Рабле, Франсуа (ок. 1494—1553) — великий французский сатирик.
Расин, Жан (1639—1699) — знаменитый французский поэт-драматург.
Распайль, Франсуа (1794—1878) — французский врач, революционер.
Рауль-Дюваль, Эдгар — парижский журналист из бонапартистской газеты «Насьон».
Рашель, Элиза (1821—1858) — знаменитая французская трагическая актриса.
Регент — наименование герцога Филиппа Орлеанского (1674—1723), правителя Франции с 1715 по 1723 год.
Рейер, Эрнест (1823—1909) — французский композитор и музыкальный критик.
Рекамье, г-жа (1777—1849) — французская светская дама, в салоне которой встречались писатели, художники и политические деятели эпохи Реставрации.
Реклю, Элизе (1830—1905) — знаменитый французский географ.
Ренан, Эрнест (1823—1892) — французский писатель, филолог и историк христианства.
Ренье, Матюрен (1573—1613) — французский поэт-сатирик.
Рёскин, Джон (1819—1900) — английский писатель и художественный критик.
Ришелье, герцог де (1696—1788) — французский маршал.
Ришелье, кардинал де (1585—1642) — французский министр и дипломат.
Ришпен, Жан (1849—1926) — французский поэт и романист.
Род, Эдуард (1857—1910) — швейцарский романист, писавший на французском языке.

Романо, Джулио (1492 или 1499—1546) — итальянский архитектор и живописец.

Ронсар, Пьер де (1524—1585) — крупнейший французский поэт эпохи Возрождения, глава Плеяды.

Россетти, Данте Габриель (1828—1882) — английский поэт и художник-прерафаэлит.

Рошфор, Анри де (1830—1913) — известный французский публицист.

Ружон, Анри (1853—1914) — французский литератор, сослуживец Мопассана по министерству народного образования.

Санд, Жорж (1804—1876) — французская писательница демократического крыла романтизма, автор многих социальных романов.

Сандо, Жюль (1811—1883) — французский писатель-романист.

Сафо (VII—VI вв. до н. э.) — знаменитая древнегреческая поэтесса.

Сарду, Викторьен (1831—1908) — французский драматург.

Сарсэ, Франсиск (1827—1899) — французский театральный критик.

Сеар, Анри (1851—1924) — французский романист натуралистической школы.

Севинье, г-жа де (1626—1696) — французская писательница, автор широкоизвестных писем.

Сент-Аман (1594—1661) — французский поэт.

Сент-Бев, Шарль (1804—1869) — французский поэт-романтик и литературный критик.

Сильвестр, Арман (1837—1901) — французский писатель.

Скриб, Эжен (1791—1861) — известный французский драматург.

Скюдери, м-ль де (1607—1701) — французская писательница.

Спенсер, Герберт (1820—1903) — английский буржуазный философ и социолог, позитивист.

Стро — французский адвокат.

Стро, г-жа — его жена.

Строцци, Пьетро (1508—1558) — итальянский эмигрант, поступивший на службу к Франциску I, маршал Франции.

Стюарты — династия английских королей, низложенная в 1668 году.

Суинбёрн, Олджернон-Чарлз (1837—1909) — английский поэт-символист.

Сулье, Фредерик (1800—1847) — французский писатель-романтик демократического направления.

Сю, Эжен (1804—1857) — французский писатель-романтик, автор авантюрно-социальных романов.

Сюлли-Прюдом, Арман (1839—1907) — французский поэт-парнасец.

Сюркуф, Робер (1773—1827) — французский корсар.

Сюффрен (1726—1788) — французский адмирал, храбро сражавшийся в Индии против англичан.

Талейран, Шарль де (1754—1838) — знаменитый французский дипломат.

Тальен, г-жа (1773—1835) — активная участница французского термидорианского переворота в революции XVIII века.

Тассо, Торквато (1544—1595) — знаменитый итальянский поэт.

Тёрнер, Джозеф (1775—1851) — английский художник.

Терье, Андре (1833—1907) — французский поэт и романист.

Тициан (ок. 1477—1576) — знаменитый итальянский художник.

Ток — прозвище Робера Пеншона в компании гребцов.

Траян (53—117) — римский император.

Тудуз, Гюстав (1847—1904) — французский романист.

Туре (1746—1794) — участник французской революции XVIII века, председатель Учредительного собрания.

Тьеполо, Джованни (1696—1770) — известный итальянский художник.

Тьер, Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк и реакционный политический деятель, палач Парижской коммуны.

Тэн, Ипполит (1828—1893) — французский буржуазный историк и искусствовед, философ-позитивист.

Уилкс, Джон (1727—1797) — английский публицист и общественный деятель.

Уистлер, Джеймс (1834—1903) — американский живописец и гравер.

Фабр, Фердинанд (1827—1898) — французский романист.

Фейе, Октав (1821—1890) — французский романист, автор псевдореалистических романов из великосветской жизни.

Фенелон, Франсуа (1651—1715) — французский писатель, автор дидактического романа «Приключения Телемака».

Филон, Пьер (1841—1916) — французский историк литературы, воспитатель сына Наполеона III.

Флориан, Жан (1755—1794) — французский баснописец.

Фонтэн, Леон — друг молодости Мопассана, носивший прозвище «Синячок».

Фор, Жан-Батист (1830—1914) — французский певец и композитор.

Фрагонар, Жан-Оноре (1732—1806) — французский художник.

Франциск I (1494—1547) — французский король.

Фрина (IV в. до н. э.) — знаменитая древнегреческая куртизанка.

Фромантен, Эжен (1820—1876) — французский писатель и художник-ориенталист.

Фукье, Анри (1838—1901) — французский журналист и критик.

Челлини, Бенвенуто (1500—1571) — итальянский скульптор, чеканщик и гравер, автор замечательных «Записок».

Шамсор, Фелисьен (1859—1934) — французский журналист и критик.

Шанфлери, Жюль-Юссон (1821—1889) — французский писатель, глава «демократического реализма» 50-х годов; издавал вместе с Дюранти журнал «Реализм».

Шапрон, Леон — французский журналист.
Шарко, Жан-Мартен (1825—1893) — французский ученый, автор многих работ по нервным болезням.
Шарм, Ксавье (1849—1919) — сослуживец Мопассана по министерству народного образования.
Шарпантье, Жорж — французский издатель.
Шатобриан, Рене де (1768—1848) — французский писатель, глава реакционно-аристократического романтизма.
Шельхер, Виктор (1804—1893) — французский политический деятель, буржуазный республиканец; боролся против работорговли.
Шенье, Андре (1762—1794) — французский поэт.
Шербюлье, Виктор (1829—1899) — французский писатель из школы Шанфлери.
Шлюмберже Леон (1844—1929) — французский историк и археолог.

Эльзевиры — семья книгопечатников в Голландии XVI—XVII вв., по имени которых называются выпущенные ими издания.
Энгр, Жан (1780—1867) — французский художник, неоклассик.
Эпернон, Жан-Луи, герцог д' (1554—1642) — французский адмирал.
Эрвильи, Эрнест-Мари д' (1839—1911) — французский писатель.
Эрвье, Поль (1857—1915) — французский романист и драматург.
Эрман, Абель (р. 1862) — французский романист.
Эстонье, Эдуард (1862—1942) — французский романист.

Юлий III — римский папа с 1550 по 1555 год.
Юльбах, Луи (1822—1886) — французский писатель.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ МОПАССАНА

(Указываются №№ писем)

Авар 159, 177—179, 183, 205, 222, 232, 235, 242, 260, 264, 285—289, 339, 346
Амик 197
Арнуа де Бланг 361, 362

Балестр 375
Башкирцева 162—167
Блон 149, 168
Богданова 335, 340, 344
Боэр 275
Брэнн, г-жа 87, 88, 132, 133, 230.

Виардо, Полина 158
Во, барон 157, 174, 225
Вокэр 195

Голицын 198
Гонкур, Эдмон де 41, 42, 54, 92, 94, 116, 131, 172, 217, 219, 220, 234, 236, 309, 311

Даранбер 281, 354
Деко 202
Дешом 147, 148
Доде, А. 199
Доршен 130
Дюма-сын 215

Жакоб 280, 282, 284, 295, 337, 341, 347, 348—352, 355, 356

Золя 17, 44, 57, 58, 60, 113, 115, 119—121, 124, 127—129, 135, 136, 154, 160, 189, 223, 224, 244, 308, 310, 312, 313

Издатель 145

Казалис 239, 269, 271, 274, 314, 323. 329—331, 342, 343, 357
Кантен 146
Кистемакерс 138—143, 161, 170, 180
Клоден 366
Комманвиль, г-жа 117, 125

Лапорт 16
Лапьерр 218
Леконт дю Нуи, г-жа 190, 200, 210, 213
Леметр, Жюль 277
Ле Пуатвен, Луи 2, 5, 10, 14, 38—40, 55, 89, 90, 315
Ле Пуатвен, Люси 123, 243, 279
Луаоте, г-жа де 252

Маньяр 333
Марсан 297
Массон 247
Матильда, принцесса 371
Мейер, Артюр 191, 245
Мендес 25, 26, 31, 171, 221, 276
Метенье 216
Министр иностранных дел 254
Мирбо, Октав 208, 209, 212, 250
Мопассан, г-жа (мать писателя) 1, 3, 4, 9, 11—13, 15, 18—23, 45, 50—53, 67—69, 95, 97, 126, 137, 176, 188, 192, 196, 233, 237, 255, 294, 302—304, 306, 316, 317, 319, 321, 325, 326, 328, 332, 334, 367, 368
Монтегю 99
Мэ 211, 226, 231, 253, 256, 258

Неизвестная 194, 201, 240, 272, 298, 299, 327, 364, 376, 377
Неизвестный 33, 35, 169, 248, 257, 261, 262, 265, 278, 307, 336, 345, 353, 363, 372, 374, 378
Неизвестные лица 379—392
Норман 283

Обэ 305
Оллендорф 228, 292, 293, 296, 301, 338

Паска, г-жа 98, 365
Пеладан 241
Пеншон 24, 34, 36, 46, 48, 56, 96, 134, 290, 291, 318, 370
Потоцкая 193, 263, 267, 270, 273

Рауль-Дюваль 29, 30
Редактор «Фигаро» 373
Рувейр 149—151, 168
Ружон 268

Сарду 229
Стасюлевич 181, 184, 185, 187, 206

Стро 246
Стро, г-жа 203, 238, 259

Тэн 300
Тургенев 43, 118, 152

Ушаков 320

Флобер 27, 28, 32, 47, 49, 59, 61, 62, 64, 66, 70—77, 79, 81—86, 91, 93, 100—109, 111, 112, 358—360
Фонтэн 6, 7, 8, 65, 78, 80, 153, 155, 156, 249, 322, 369

Цион 204

Шарпантье 37, 63, 110, 144
Шарпантье, г-жа 227
Шолль 114, 173, 175, 186

Энгельгардт 182
Энник 122, 324
Эстонье 251

Запись в «Золотой книге» 266
Ответ на анкету 214
Письмо в редакцию «Вестника Европы» 207

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр. 192. Ги де Мопассан. Фотография середины 80-х годов с дарственной надписью: «Графу Жозефу Примоли его друг Ги де Мопассан».

Стр. 193. Рисунки Мопассана в его письмах.

Стр. 224. Памятник Мопассану в Руане.

Стр. 225. Рисунки Мопассана в его письмах.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОПАССАНА

	Том	Стр.
Александр	X	320
Аллума	VIII	371
Англичанин в Этрета	XI	148
Анжелюс	X	437
Аретино	XI	303
Бальзак по его письмам	XI	12
Баронесса	VII	404
Белое и синее	X	274
Берта	IV	261
Бесполезная красота	IX	141
Болезнь Андре	III	357
Бомбар	V	389
Бочонок	III	335
Бродяга	VI	407
Бродячая жизнь	IX	3
Брошенный	IV	222
Буатель	VIII	409
Булавки	VIII	449
Вальдшнеп	II	361
Вальдшнепы	VI	105
В Бретани	IV	117
В вагоне	VI	114
Введение к новелле «Сабо»	II	481
В весенний вечер	X	12
В деревенском суде	VI	93
Вдова	III	62
Вендетта	IV	342
Венеция	XI	285
Веревочка	III	242
Верхом	II	78
Весною	I	380
Вечер	VII	428
Вечер	VIII	431
«Вечера в Медане»	XI	28
Взбесилась	VII	389
Взгляды полковника	IV	231
Видение	III	82
Виденное вчера на улице	XI	414
В лесу	VI	374
В лоне семьи	I	324
Возвращение	IV	215
Волк	III	22
Волосы	V	396
Вор	II	114
Воскресные прогулки парижского буржуа	I	185
Воспоминание	IV	403
Воспоминания	XI	405
Воспоминания о Луи Буйле	XI	267
Восток	X	488
Вот мое поздравление	XI	411
В полях	II	439
В порту	VIII	471
В пути	III	278
В пути	X	472
В старые годы	I	127

Встреча III 399
Гарсон, кружку пива! III 250
Города рыбаков и воителей XI 328
Господин Иокаста X 261
Господин Паран VI 5
Госпожа Батист II 19
Госпожа Парис VI 244
Госпожа Паска XI 78
Госпожа Эрме X 266
Гостиница VI 393
Государственный переворот III 11
Грезы X 49
Гюстав Флобер (I) XI 5
Гюстав Флобер (II) XI 199
Гюстав Флобер (III) XI 376

«Давно от мира отрешенный...» XI 398
Двадцать пять франков старшей сестры IX 236
Два приятеля II 106
Дверь III 90
Дед I 71
Дело госпожи Люно III 369
Дело о разводе IX 242
Дени III 218
Денщик VIII 418
Дикие гуси I 65
Доктор Ираклий Глосс X 367
Дочка Мартена VII 421
«Дочь проститутки» XI 185
Драгоценности III 74
Дуэль X 126
Дьявол VI 353
Дюшу VIII 455
Дядюшка Милон X 5

Желания I 73
Женитьба лейтенанта Ларе X 290
Женщины в политике XI 118
«Женщины, которые осмеливаются» XI 194
Жизнь II 133
Жизнь пейзажиста XI 323
«Жизнь — это пенный след за темною кормою...» XI 397
Жюли Ромэн VI 252
Заведение Телье I 251
Завещание II 433
Завоевание I 50
Задвижка III 392
Заместитель II 126
Заметки об Олджерноне-Чарлзе Суинберне XI 336
Записки путешественника XI 248
За чтением XI 128
Зачем, дитя, рыдать? XI 416
Зверь дяди Бельома VI 44
Злободневный вопрос XI 123
Знак VI 346
Зонтик III 383

Иван Тургенев XI 175
Ивелина Саморис X 86
Иветта IV 141
Иветта XII 431
Идиллия III 236
Избавилась VI 325
Избранник г-жи Гюссон VII 363
Измена графини де Рюн XII 331
Изобретатель слова «нигилизм» XI 66
Император XI 369
Иосиф VI 386
Иския XI 290
Исповедь IV 411
Исповедь V 453
Исповедь VII 435
Исповедь женщины X 53
Исповедь Теодюля Сабо V 467
Испытание IX 206
«История Манон Леско» XI 278
История одной батрачки I 281

Каверза X 168
Калека IX 230
Китай и Япония XI 72
Клошет VI 332
«Когда покроется Париж вечерней мглой...» XI 414

Койка № 29 V 371
Коко IV 347
«Коко, коко, холодный коко!» X 309
Комната № 11 V 418
Конец любви I 87
Кончено! X 193
Корбарский монастырь XI 47
Королева Гортензия III 42
Корсиканская история X 463
Корсиканские бандиты XI 54
Корсиканский бандит X 40
Костер XI 260
Крестины III 257
Крестины VI 72
Крещенский сочельник VI 361
Крик тревоги X 225
Кровать II 57
Кролик VIII 422
Кропильщик X 360
Кто знает? IX 250
«Кто созерцал уже бездушность красоты...» XI 413

Ласки X 344
Латынь X 208
Легенда о горе́ святого Михаила III 57
Легенда о девичьем гроте в Этрета XI 400
Ле-Крезо IV 134
Лунный свет III 5
Лунный свет X 59
Любовное посланье в Тюильрийском парке I 57
Любовь VI 312
Любовь в книгах и в жизни XI 316
«Любовь втроем» XI 272

Магнетизм X 35
Мадмуазель Кокотка III 68
Мадмуазель Перль VI 214
Мадмуазель Фифи II 5
Маленькая Рок VI 159
Малыш IV 372
Маркиз де Фюмроль VI 337
Маррока II 34
Марсианин X 506
Маска IX 216
Маски XI 170
Мать уродов V 461
Махмед-Продувной IV 244
Мельница XI 418
Менуэт II 387
Миллион X 330
Милый друг V 5
Мисс Гарриет III 123
Мисти X 249
Могила X 356
Моему другу Луи Ле Пуатвену по случаю его свадьбы XI 407
Мои двадцать пять дней X 200
Мой дядя Жюль III 269
Мой дядя Состен III 349
Монт-Ориоль VII 5
Мощи II 51
Моя жена X 313
Мститель X 142
Муарон III 101
Мудрец III 375
Мужчина-проститутка V 361
Мушка IX 188
Мюзотта IX 437

На берегу I 58
На берегу моря XI 399
На веере XI 417
На воде VII 265
На водах IV 107
На выставке XI 309
Награжден! III 415
Надежда и сомнение XI 410
На море II 420
На разбитом корабле VI 194
На реке I 353
Наследство III 143
Наследство X 499
Натурщица VII 397
Наше сердце IX 265
Наши англичане V 439
Наши письма III 109
Незнакомка VI 59
Неизданная страница истории X 295
Неосторожность VI 78
Непочтительное предупреждение I 83

«Ничем не выразить блаженства моего...» XI 403
Нищий IV 359
Новогодний подарок X 233
Новоселье X 132
Нормандец II 426
Нормандская шутка II 400
Ночное бдение X 44
Ночь (Кошмар) III 115
Ночь под Рождество II 120

Об искусстве порывать XI 92
Общественная опасность XI 364
Обязательное обучение XI 26
«О да, в родных местах проходят все мученья...» XI 398
Одиночество VI 135
Одиссея проститутки VII 461
Ожерелье IV 302
Ожидание X 148
Окно VII 468
О кошках VI 236
Оливковая роща IX 161
Он? III 341
Оранжерея X 120
Орля (1-й вар.) VI 420
Орля (2-й вар.) VI 285
О романе VIII 5
Осел III 226
Осечка VII 381
Ответ XI 116
Ответ Альберу Вольфу XI 144
Ответ критикам «Милого друга» XI 296
Ответ Франсиску Сарсэ XI 139
Отец III 96
Отец IV 286
Отец Амабль VI 261
Отец и сын Ото VIII 395
Открытие I 67
От церкви Мадлен до Бастилии XI 61
Отцеубийца IV 365
Отшельник VI 206

Папа Симона I 315
Папаша Монжиле V 404
Парижское приключение II 98
«Паситесь, овцы, там, в лужках между холмами...» XI 398
Первые стихи XI 397
Первый снег X 159
Переписка X 73
Песня лунного луча I 85
Петиция соблазнителя против воли X 467
Петух пропел II 446
Письма XII
Письмо из Африки XI 105
Письмо, найденное на утопленнике X 174
Письмо провинциалу XI 301
Плакальщицы I 387
Пленные V 427
Плетельщица стульев II 412
Плутня X 79
Под пастью собаки XI 416
Подруга Поля I 360
Под солнцем IV 5
Поездка за город I 302
Пожелания XI 412
Покойница VIII 480
Покровитель V 383
Полено II 45
Полет «Орля» XI 334
Помешанная II 377
Портрет IX 225
Последний вечер, проведенный с моею возлюбленной XI 403
Последняя шалость I 75
Последствия X 240
После завтрака XI 417
Поцелуй X 483
Правдивая история IV 392
Праздник святого Поликарпа XI 414
Преступление, раскрытое дядюшкой Бонифасом IV 273
Приданое V 354
Признание IV 296
Признание VI 66
Приключение Вальтера Шнаффса II 472
Приятель Жозеф X 91
Приятель Пасьянс V 347
Пробуждение II 66

Прогулка IV 237
Прогулка в шестнадцать лет I 82
Продается VI 52
Продажа VII 410
Проклятый хлеб III 363
Простая драма X 255
Просьба XII 329
Прощай! IV 398
Прощение III 50
Прыжок пастуха X 26
Птицелов I 69
Пьер и Жан VIII 20
Пьеро II 381
Пьяница IV 336
Пышка I 141

Развод VII 442
Разговор о печальном XI 254
Разносчик X 107
Рассказы вальдшнепа (назв. сборника) II 359
Ребенок III 28
Ребенок X 493
Реванш VII 451
Репетиция I 111
Ржавчина II 26
Родина Коломбы XI 42
Рождественская сказка III 35
Роза IV 279
Розали Прюдан VI 231
Рука IV 352
Рука трупа X 303

Сабо II 405
Са-Ира VI 121
Самоубийца III 409
Свидание VIII 463
«Святой Антоний» II 463
Сельская Венера I 95
Семейка VI 380
Семейный мир XII 391
Сестры Рондоли III 295
Сильна как смерть VIII 151
Силуэты писателей XI 133
Сирота X 97
Сказки дня и ночи (назв. сборника) IV 271
Скала чистиков IV 378
С левой руки (назв. сборника) VIII 369
Слепой X 17
Слова любви II 93
Служанки XI 360
Снежная ночь I 55
Советы бабушки X 154
Современная Лизистрата XI 85
Сожаление III 262
Солдатик VI 149
Солнечный удар I 48
Сонет XI 417
Сон мандарина XI 413
Сочельник II 86
Средство Роже V 448
Старик IV 319
Старик X 478
Старик Иуда X 326
Старуха Соваж III 285
Старые вещи X 31
Стена I 43
Сторож IV 253
Страсть X 64
Страх II 393
Страх X 336
«Стрелки из пистолета» XI 189
Судовая книга XI 347
Сумасшедший? II 61
Сумасшедший VI 85
Сумасшедший? X 349
Счастье IV 312
Сын II 452
Сюрприз VI 130

Тик X 187
Тимбукту IV 383
Торт X 21
Трус IV 327
Туан V 337

Убийца VII 416
Ужас I 49
Ужас X 180
Уличный разговор I 91
У постели VI 141
У смертного одра X 115
Усы V 366
Усыпительница X 280

Утопленник IX 198
Фантастическое XI 180
Фермер X 218
Французские поэты XVI века XI 18

Хитрость II 72
Хозяйка III 327

Черта с два! XI 99
Чужеземная душа X 417

Шабаш XI 418
Шали III 422
Шкаф V 411
Шпилька VI 98

Эволюция романа в XIX веке XI 353
Эмиль Золя XI 153
Эта свинья Морен II 364
Это ли товарищество?.. XI 111
Этрста XI 33

Юность XI 406

«Я вылиться даю мечте, что зародилась...» XI 414
Яма VI 318

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

Переводы О. В. Моисеенко и Н. И. Пожарского

I. Датированные письма 5
II. Недатированные письма 315
Отрывки из писем к неизвестным лицам 323

ПОСМЕРТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Просьба. *Перевод Н. В. Костовской* 329
Измена графини де Рюн. *Перевод А. Тарковского* 331
Семейный мир. *Перевод Н. В. Костовской* 391
Иветта. *Перевод ее же* 431

КОММЕНТАРИИ

Историко-литературная справка 436
Примечания 440
Словарь собственных имен 457
Корреспонденты Мопассана 469
Перечень иллюстраций 472
Алфавитный указатель произведений Мопассана 473

ПОПРАВКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
		Том 1	
410	10 сверху	1805—1877	1799—1877
		Том 2	
170	1 снизу	пенсионеркой	пансионеркой
223	15 снизу	в роженице	к роженице
		Том 3	
350	15 сверху	J.M.Y.	J.M.J.
		Том 4	
102	18 снизу	убедительный	бдительный
		Том 5	
393	13 сверху	предостережений	предосторожностей
		Том 7	
104	2 снизу	придам	предам
		Том 9	
53	17 снизу	Oliviei	Olivieri
		Том 10	
257	9 сверху	поросшем лесном	поросшем лесом
		Том 11	
65	12 снизу	Булль	Буль
245	18 снизу	единого	одного

ГИ ДЕ МОПАССАН
Полное собрание сочинений
в 12 томах. Том 12.

Редактор
О. В. Моисеенко.

Оформление художника
Ю. Красного.

Подбор иллюстраций к собранию
сочинений Л. С. Плотникова.

Технический редактор
А. Ефимова.

Подп. к печати 30/XII 1958 г. Тираж 310 000 экз. Изд. № 1435. Зак. 2550. Форм. бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 24,6+2 вкл. (0,2 п. л.). Бум. л. 7,5. Уч.-изд. л. 23,83.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, улица «Правды», 24.